

ISSN 2077-1770

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Modern Studies of Social Issues

WWW.SOC-JOURNAL.RU

Том 12, № 2
2020

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Периодическое научное издание

Основано в 2009 г.

Том 12, № 2, 2020

Главный редактор – **Т.А. Магсумов**

Зам. главного редактора – **Н.П. Копцева, И.В. Корнилова, Ф.Х. Тарасова**

Шеф-редактор – **Максимов Я.А.**

Выпускающие редакторы – **Доценко Д.В., Максимова Н.А.**

Корректор – **Зливко С.Д.**

Компьютерная верстка, дизайн – **Орлов Р.В.**

Технический редактор, администратор сайта – **Бяков Ю.В.**

MODERN STUDIES OF SOCIAL ISSUES

Printed Scientific Periodical Edition

Founded in 2009

Volume 12, Number 2, 2020

Editor-in-Chief – **T.A. Magsumov**

Deputy Editors – **N.P. Koptseva, I.V. Kornilova, F.H. Tarasova**

Chief Editor – **Ya.A. Maksimov**

Managing Editors – **D.V. Dotsenko, N.A. Maksimova**

Language Editor – **S.D. Zlivko**

Design and Layout – **R.V. Orlov**

Support Contact – **Yu.V. Byakov**

Красноярск, 2020

Научно-Инновационный Центр

Красноярск, 2020

Science and Innovation Center Publishing House

12+

Современные исследования социальных проблем, Том 12, № 2, 2020, 374 с.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2077-1770).

Журнал выходит четыре раза в год

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в Научной электронной библиотеке в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). ИФ РИНЦ 2016 = 0,601.

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Подписной индекс в каталогах «Пресса России» – 94088, «СИБ-Пресса» – 94088

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Science and Innovation Center Publishing House

Modern Studies of Social Issues, Volume 12, Number 2, 2020, 374 p.

The edition is registered (certificate of registry PE № FS 77-39176) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2077-1770).

The journal is published 4 times per year

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI). IF RSCI 2016 = 0,601.

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Subscription index in the General catalog «The Russian Press» – 94088,

«SIB-Press» – 94088

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2020

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав. кафедрой межкультурных коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратов-

ский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института масс-медиа, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение

науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИИГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мацневский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государствен-

ное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская орден Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темирболат Алуа Берикбайкызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдумановна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеелогии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavrisheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department

of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Literary Criticism, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Assistant Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg state university of communication (St. Petersburg, Russian Federation)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-2-14-25

УДК 101.3

**ТЕКСТ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ
В ФИЛОСОФСКИХ УЧЕНИЯХ XX ВЕКА***Полякова Т.А., Устюгов С.Н.*

***Цель.** В статье анализируются исторические особенности проблем текста в философии XX века как элементы структуры общества. В работе показано, что особенностью данного подхода является раскрытие сущности диалогического мышления в культуре через изучение текста как «первичной реальности» любой гуманитарной науки. Цель – рассмотрение исторических особенностей проблем текста в контексте изменения современной культурной парадигмы и ее философского осмысления.*

***Методы.** При написании работы использовались междисциплинарный, деятельностный и аксиологический подходы.*

***Результаты.** Проблемы текста рассмотрены в следующих аспектах: текст как инструмент самоидентификации и как источник аккумулятивных постижений общества. Поэтому, трактовка языка как воплощения смысложизненной интенциональности человеческой экзистенции приводит к инспирации современной парадигмы философии языка в контексте культуры постмодерна, дающей предельно широкое видение текстовой реальности. Все это и обосновывает релевантность предметной области работы, дающей также достаточно подробный анализ культурфилософских экспликаций проблемы текста в постмодернистской парадигме, а также подчеркивает актуальность избранной автором темы исследования в целом. Результаты исследования имеют как мето-*

дологическое, так и мировоззренческое значение для постижения смысловых оснований культуры и проблемы взаимодействия мышления, языка и культуры в рамках лингвофилософского дискурса, когнитивной теории культуры, а также исследований в области моделирования когнитивных процессов.

Область применения результатов. *Текст – это сложное динамическое образование, которое для своего понимания требует от читателя не только знание языковых кодов и культурных реалий, которые позволяют раскрыть невербализуемые смыслы в тексте, но и «деятельного сотрудничества». Такой подход дает возможность выявить некоторые механизмы формирования текстовых предпочтений личности, сценариев речевого поведения, социальные факторы, обуславливающие этот персональный выбор. Поэтому, результаты исследования могут быть использованы при разработке учебных курсов по соответствующим дисциплинам: культурологии, лингвокультурологии, семиотике культуры, а также при создании учебных пособий.*

Ключевые слова: *культура; текст; проблема текста; гуманитарные науки; когнитивная культурология; современная культурная парадигма; современная наука; век.*

TEXT AS A PHENOMENON OF CULTURE IN THE PHILOSOPHICAL TEACHINGS OF THE TWENTIETH CENTURY

Polyakova T.A., Ustyugov S.N.

Purpose. *The article analyzes the historical features of the problems of the text in the philosophy of the XX century as an element of the structure of society. The paper shows that the peculiarity of this approach is the disclosure of the essence of dialogical thinking in culture through the study of the text as the “primary reality” of any Humanities. The aim is to consider the historical features of the text in the context of changing the modern cultural paradigm and its philosophical understanding.*

Methods. *Interdisciplinary, activity and axiological approaches were used in writing the work.*

Results. *The problems of the text are considered in the following aspects: the text as an instrument of self-identification and as a source of accumulative comprehension of society. Therefore, the interpretation of language as the embodiment of the meaning-life intentionality of human existence leads to the inspiration of the modern paradigm of the philosophy of language in the context of postmodern culture, which sets an extremely broad vision of textual reality. All this justifies the relevance of the subject area of the work, which also gives a fairly detailed analysis of the cultural and philosophical explications of the text problem in the postmodern paradigm, and also emphasizes the relevance of the research topic chosen by the author as a whole. It follows that the results of the study have both methodological and ideological significance for understanding the semantic foundations of culture and the problem of interaction of thinking, language within the framework of linguistic and philosophical discourse, cognitive theory of culture, as well as analysis in the field of modeling cognitive processes.*

Scope of results. *Consideration of the history of the problems of the text allows us to deepen the understanding of the structure of cultural and philosophical systems, first of all, will help to deepen our understanding of the phenomenon of the text. This approach makes it possible to identify some mechanisms for the formation of textual preferences of the individual, scenarios of speech behavior, social factors that determine this personal choice. Accordingly, the results of the study can be used in the development of modern philological approaches to the formation of a linguistic personality favorable for linguistic socialization.*

Keywords: *culture; text; text problem; Humanities; cognitive Culture-ology; modern cultural paradigm; modern science; century.*

Введение

«Лингвистический поворот» в философии начала XX века, возрастание роли знаково-символических структур в обществе и культуры второй половины XX века заметно меняют облик гуманитарного знания, открывая новые перспективы исследования и расширяя

научные и мировоззренческие горизонты. [3, с. 463] . Культурофило-софское осмысление полученных результатов в области описания когнитивных процессов предлагает когнитивная теория культуры (когнитивная культурология), которая утверждает определяющую роль культуры в процессе познания и обращается к изучению механизмов становления ментальных форм культуры [10]. Проблемы смысла текста, его понимания в интеллектуальном мире, а также интерпретации его роли в социокультурном пространстве в концептуальных рамках культурфилософии в XX веке и в условиях современности, безусловно, следует отнести к числу наиболее актуальных. Это усиливается еще и тем, что экспликации проблемы текста, предпринимаемые сегодня наиболее авторитетными философами и учеными, принадлежащими к разным дискурсивным группам, часто являются достаточно неоднозначными и концептуально трудно соотносящимися друг с другом. Более того, трактовка языка как воплощения смысложизненной интенциональности человеческой экзистенции приводит к инспирации современной парадигмы философии языка в контексте культуры постмодерна, задающей предельно широкое видение текстовой реальности [4, с. 35].

Цель

Данная работа посвящена исследованию одной из ключевых для современной философии проблем – проблеме анализа текста в различных культурфилософских системах. Исследуются особенности понимания текста в контексте диалогического подхода к культуре М.М. Бахтина и рассматриваются «текстовые эпохи» Касавина И.Т. [6] и «несистемное в философских текстах» Деррида [1, с. 9].

Поэтому в качестве предмета исследования были выбраны современные «текстоцентричные» концепции осмысления культуры, в частности, концепции постмодернистской исследовательской направленности, т.к. именно в этой парадигме любая реальность осмысливается как «текстуализированная» [8].

Задача текста – это анализ и описание тех когнитивных и когнитивно-лингвистических форм культуры, в которых воплощаются

мировоззренческие смыслы, и в этом контексте особое значение приобретает культурфилософское осмысление понятия «текст», которое давно вышло за пределы чисто лингвистического понятия, с одной стороны, а с другой, – стало настолько размытым, что требует специального анализа различных подходов к его определению [11].

Материалы и методы исследования

Как уже отмечалось, в научной литературе (прежде всего, в социолингвистике и социологии) накоплен богатый эмпирический материал (функционирование языка в конкретной социально-культурной среде), который нуждается в более широком – социально-философском – обобщении. Изучение проблемы текста в культуре в философии XX века предполагает новые методы и техники исследования, интегративных и межуровневых когнитивных конструктов, результатами которых является: 1) раскрытие сущностных тенденций развития тестовой деятельности в культурологии; 2) выявление мировоззренческих, теоретико-методологических научных и прикладных оснований культурологической деятельности и культурных продуктов текста; 3) обнаружение ценностных, институциональных условий, способствующих развитию инновационных процессов в исследовании проблем текста в культуре философии XX в.

Результаты

В современной науке превалирует тенденция использования междисциплинарных подходов, позволяющих изучать «старые» проблемы под новым углом зрения и открывать новые свойства изучаемых объектов. В то же время, в современной философии происходит эпистемологический сдвиг, связанный с ориентацией на опыт познания гуманитарных наук. Актуальность выбранной темы состоит, в том что когнитивная парадигма – междисциплинарное направление в современной науке, интегрирующее достижения естественнонаучного и гуманитарного знания в сфере постижения природы человеческого познания. Культурфилософское

осмысление когнитивных процессов предлагает когнитивная теория культуры (когнитивная культурология), которая утверждает определяющую роль культуры в процессе познания и обращается к изучению механизмов становления ментальных форм культуры. Поэтому ключевым вопросом становится анализ и описание тех когнитивных и когнитивно-лингвистических форм культуры, в которых воплощаются мировоззренческие смыслы.

Одним из важнейших вопросов когнитивной теории культуры является анализ и описание тех когнитивных и когнитивно-лингвистических форм культуры, в которых воплощаются мировоззренческие смыслы, и в этом контексте особое значение приобретает культурфилософское осмысление понятия «текст», которое, с одной стороны, давно перестало осмысливаться только лингвистически, а с другой, стало настолько расплывчатым, что требует специального анализа различных подходов к своему определению. Обращение к истокам формирования текстовой культуры в рамках культурфилософского анализа позволяет проследить не только изменение роли письма и чтения в культуре, но и трансформацию мышления. В этой связи интерес представляет работа И.Т. Касавина [6], в которой автор анализирует последствия «лингвистического поворота» для философии языка и эпистемологии, исследует формы представления знания в языке в текстовом виде, рассматривает различные типы текстов в контексте идеи «языковой игры» Л. Витгенштейна, подчеркивая, что «языковые игры» предков человека позволили им обрести человеческий образ. К таким текстам И.Т. Касавин относит, например, особый «скотоводческий язык» африканского племени нуэров, который является продуктом их хозяйственной деятельности, причем язык нуэров представляет собой «не просто языковые средства» – они порождают ритуалы и наполняют язык «поэтическим началом» [4, с. 45]. «Предельная форма» образования языковых структур в первобытном обществе встречается в таком специфическом магическом акте, как наложение табу, которое одновременно сакрализует языковые элементы и десакрализирует в целом язык, побуждая творчество лексики и иносказание, т.е.

становясь важнейшим источником языкового развития. Таким образом, в языковых играх вырабатывается своеобразная онтология, которая накладывается на социальную, психологическую и природную реальность, данную человеку, т.е. явления, функционирующие определенным образом в мире человека, превращаются в языковые денотаты. И все же, язык не столько копирует реальность, сколько дополняет ее, оплетая мир «паутиной интерпретации», создавая «систему символов». При этом важнейшей предпосылкой чтения является создание достаточно длинных, требующих сложной грамматической и стилистической организации, текстов, которая начинает складываться еще в эпоху первобытного человека с его магическими заклинаниями, а миф как средство воспроизводства реальности и человека в ней и магия – в качестве способа их созидания, становятся «первоначальными источниками письменности, литературы и любой знаковой деятельности человека» [6, с. 128–132].

И.Т. Касавин вводит понятие «текстовой эпохи», которое определяет «исторически-специфический тип языковой культуры», т.е. исторический тип письма и чтения. К основным текстовым эпохам автор [6] относит:

Текст выступает неким связующим, опосредующим звеном между разными эрами, а основанием такого симбиотического объединения является человек как субъект деятельности, когнитивного познания, переживания и межличностного общения. При этом неприспособленность письменного языка, с точки зрения философов древности, для выражения заветного умения оставалась аксиомой, и работы софистов были во многом посвящены неизреченности тайны.

Этот аспект философского анализа М. Бахтина приводит к тому, что текст понимается не просто как предельная форма образования языковых конструкций, но и важнейшее условие его законного существования. Выделение «текстовых эпох» соответствует взглядам Р. Барта, отмечавшего, что в течение многих веков, вплоть до эпохи Возрождения, литературные тексты в западной культуре осмысливались с помощью фундаментальной теории языка, которая называлась «Риторикой», но начиная с XVI века, с зарождения новоевро-

пейского рационализма, а затем, позитивизма, она начала исчезать [4]. Современная текстовая эпоха характеризуется всеобъемлющей системой образования и небывалым распространением текстовой знаково-символической культуры, пронизывающей и наполняющей жизнь человека, при этом одновременно происходит кризис, отмеченный Ж. Деррида как «конец книги и начало письма» [5]. Еще одной важнейшей характеристикой современной текстовой эпохи является формирование норм литературных национальных языков, вбирающих в себя исторически сформировавшиеся способы взаимодействия с текстом, а также тексты предшествующих эпох, ставшие культурными ресурсами литературы [6]. По сути, «движение классических текстов сквозь текстовые эпохи является... культурной миграцией», в ходе которой формируются не только национальные языки, но и национальные текстовые культуры [6, с. 165].

В рамках культурфилософской традиции XX века в российском интеллектуальном поле особый интерес представляет то направление философской мысли, которое стремится обосновать специфику методологического подхода к социогуманитарному знанию, отличающегося от естественнонаучной и математической методологии. Проблема применения идеалов математической объективности и научности к гуманитарному знанию была сформулирована еще в середине XIX века, когда «возникли самостоятельные науки о языке, искусстве, религии» [7, с. 22].

Такой подход дает возможность декларировать принципиальную неопределенность смысла, которая задается игрой на взаимодействии между смыслом, задаваемым контекстом произведения, и беспредельным контекстом культуры.

Важен для философии и другой подход к проблеме текста Деррида – «несистемное в философских текстах», с одной стороны, а с другой, – «те художественные тексты, которые заостряют нашу способность видеть эту несистемность», причем его способ работы с текстами – это «деконструкция – разборка и сборка – философской традиции западной критики разума» [1, с. 9]. Как отмечает Автономова в предисловии к книге «О граматологии» (2000), в его подходе

соперничали «структуралистское внимание к языку», которое для феноменолога было чрезмерным, и «феноменологический призыв к обнаружению доязыковых интуиций как основы строгого знания», который делал его способ анализа «слишком «ненаучным» для структуралиста» [1, с. 10]. При этом его позиция, феноменологическая по происхождению, определялась радикальной критикой основ феноменологии, которая стала для него частью общей «критики метафизики» – смыслового ядра его «негативной доктрины». Сам Деррида в качестве истоков своего подхода указывал традицию, идущую от Ницше, Фрейда и Хайдеггера, критикуя, в то же время, их концепции за недостаточность окончательной деконструкции метафизики [1, с. 13].

Таким образом, культурологические концепции текста Ж. Деррида и Р. Барта можно рассматривать в контексте продолжения интерпретации текста как явления культуры, диалогичного по своей природе и лежащего в основе мышления и культуры. Отказ от репрезентативной концепции знака и деконструктивистская практика работы с текстом приводит к тому, что Текст становится «культурным раствором», кристаллизирующимся в произведении.

Исследование важнейших подходов к изучению текста показал, что такое сложное динамическое образование как текст для своего понимания требует от читателя не только знание языковых кодов и культурных реалий, которые позволяют раскрыть невербализуемые смыслы в тексте, но и «деятельного сотрудничества» [2, с. 121].

Вывод

Изучение истоков формирования текстовой культуры с опорой на понятие «текстовой эпохи» (Касавин И.Т.) позволило говорить о том, что понятие «текст» в современной культуре приобретает черты универсальной категории.

В концепции М.М. Бахтина текст осмысливается в контексте описания жизни человека, включенного в процесс научного и литературного творчества, при этом понимание личности и сущности гуманитарного мышления как мышления о человеке в контексте культуры базируется на идее диалога.

Существенной характеристикой концепции Бахтина является понимание культуры как воплощенного в произведениях диалогического самосознания каждой цивилизации, и сама культура предстает как сложная, иерархически организованная совокупность текстов.

Поэтому, по Бахтину, произведение как форма человеческого общения дает возможность понимания человека и лежит в основе понимания сущности эстетического начала. Несомненно, важнейшим итогом творчества Бахтина является новое осмысление проблемы текста и культуры.

Поэтому, на современном уровне развития культур философских исследований заслуживает особого внимания онтологические изменения в понимании диалогической природы текста, проводящего к переосмыслению основных свойств текста в культуре постмодерна. Понятие «текст» приобретает в современной культуре черты универсальной категории, а также весьма основательно аргументирует интерпретацию проблемы текста в рамках структурно-семиотического подхода.

Список литературы

1. Автономова Н.С. Деррида и грамматология // Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. С. 7–110.
2. Барт Р. Из книги «Мифологии» // Барт Р. Избранные работы. М., 1989. С. 46–130.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
4. Барт Р. Писать – непереходный глагол? // Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 463–473.
5. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. С. 511.
6. Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М.: Канон, 2008. С. 437.
7. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. 784 с.
8. Режабек Е.Я. В поисках рациональности (статьи разных лет): научное издание. М.: Академический Проект, 2007. 383 с.

9. Полякова Т.А. Проблема текста в философии культуры XX века : Автореф. дис. канд. философ. наук: 09.00.13. Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ , 2014. 24 с.
10. Ryle G. *The Concept of Mind*. Oxford. 1949. P. 27.
11. *Textual strategies: Perspectives in post-structuralist criticism*. / Ed. with an introd. by Harari J. V. London: Methuen, 1980. 475 p.

References

1. Avtonomova N.S. Derrida i grammatologiya [Derrida and grammarology]. *Derrida Zh. O grammatologii* [Derrida J. About grammarology]. M.: Ad Marginem, 2000, pp. 7–110.
2. Bart R. Iz knigi «Mifologii» [From the book “Mythology”]. *Bart R. Izbrannyye raboty* [Bart R. Selected works]. M., 1989, pp. 46–130.
3. Bart R. *Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. M.: Progress, 1989. 616 p.
4. Bart R. Pisat’ – neperekhodnyy glagol? [Is writing an intransitive verb?]. *Bart R. Sistema Mody. Stat’i po semiotike kul’ture* [Bart R. Fashion System. Articles on semiotics culture]. M., 2003, pp. 463–473.
5. Derrida J. *O grammatologii* [About grammarology]. M.: Ad Marginem, 2000. P. 511.
6. Kasavin I.T. *Tekst. Diskurs. Kontekst. Vvedenie v sotsial’nyuyu epistemologiyu yazyka* [Text. Discourse. Context. Introduction to the social epistemology of language]. M.: Canon, 2008. P. 437.
7. Cassirer E. *Izbrannoe. Opyt o cheloveke* [Favorites. Experience about a person]. M.: Gardarika, 1998. 784 p.
8. Rezhbek E.Ya. *V poiskakh ratsional’nosti (stat’i raznykh let): nauchnoe izdanie* [In search of rationality (articles of different years): a scientific publication]. M.: Academic Project, 2007. 383 p.
9. Polyakova T.A. *Problema teksta v filosofii kul’tury XX veka* [The problem of the text in the philosophy of culture of the XX century]: Abstract. dis. Cand. philosopher. Sciences: 09.00.13. Rostov n/a: IPO PI SFU, 2014. 24 p.
10. Ryle G. *The Concept of Mind*. Oxford 1949. P. 27.
11. *Textual strategies: Perspectives in post-structuralist criticism*. / Ed. with an introd. by Harari J. V. London: Methuen, 1980. 475 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Полякова Татьяна Александровна, кандидат философских наук,
преподаватель специальных дисциплин
*Волгодонский филиал Ростовского юридического института
МВД России*
ул. Степная, 40, Волгодонск, Ростовская обл., 347388, Рос-
сийская Федерация
polykovatat@yandex.ru

Устюгов Сергей Николаевич, преподаватель специальных дис-
циплин
*Волгодонский филиал Ростовского юридического института
МВД России*
ул. Степная, 40, Волгодонск, Ростовская обл., 347388, Рос-
сийская Федерация

DATA ABOUT THE AUTHORS

Polyakova Tatyana Aleksandrovna, candidate of philosophy, teacher
of special disciplines
*Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Volgodonsk branch*
40, Stepnaya Str., Volgodonsk, Rostov Region, 347388, Russian
Federation
polykovatat@yandex.ru

Ustyugov Sergey Nikolaevich, teacher of special disciplines
*Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Volgodonsk branch*
40, Stepnaya Str., Volgodonsk, Rostov Region, 347388, Russian
Federation

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-2-26-44

УДК 101.1

ПРОБЛЕМА ТЕЛЕСНОСТИ: ОТ МИФОЛОГЕМЫ К ФИЛОСОФЕМЕ

Зенец Н.Г., Лобова Т.Г., Чалдышкина М.В.

Цель. Статья посвящена актуальной проблеме осмысления модернизации (*enhancement*) телесного бытия человека. Телесность исследуется в аспекте динамики двух упорядочивающих жизнь культуры структур: мифологемы и философемы. Авторы ставят цель показать, что основой инструменталистского отношения к телу является мифологема «тело – проект». Данная мифологема утверждается тематизацией философской мыслью тела в качестве объекта обладания и манипулирования.

Методы. Основу исследования образуют компаративистский, историко-философский и феноменологический методы исследования.

Результаты. Результат данной работы – выявление изменения отношения к сложившейся в к. XVIII–XIX вв. в европейской культуре мифологеме телесности, легитимизирующей различные практики протезирования тела и его превращения в эстетический «артефакт биотехнологий». Причиной этого изменения стали критическая оценка философской мыслью процесса биотехнологического «враждебного отчуждения» тела от субъекта. В результате стала заявлять о себе новая тематизация тела, выявляющая медиальную размерность телесности, призванную «вернуть» телу его исчезающую автономию.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере разработки социально-культурных практик трансформации телесности, для формирования новых социально-этических норм понимания человеческого тела.

Ключевые слова: мифологема; философема; тело; телесный опыт; вещь; протезирование; биотехнологии.

THE PROBLEM OF EMBODIMENT: FROM MYTHOLOGEMA TO PHILOSOPHEME

Zenets N.G., Lobova T.G., Chaldyshkina M.V.

Purpose. *This paper presents the recent problem of comprehension the enhancement of human's body existence. Embodiment analyze in the aspect of dynamic the two fundamental structures: the mythologema and philosopheme. Authors pursue the objectives to show the «body-project»'s mythologema as the base of instrumentation body attitude. This mythologema comes from a thematic fronting the body as the object of possession and manipulatory by philosophic thought.*

Methodology. *The basis of the research is the comparative, historical-philosophical and phenomenological methods.*

Results. *The findings of the essay are brought to light the changes in attitude on embodiment's mythologema by European culture in the XVIII–XIX centuries. This mythologeme legitimizes the diverse practical activity of the bodyes prosthesis and it's transformation to the aesthetic artifact of biotechnologies.*

The source of this transformation was philosophical criticism the process of antagonistic estrangement the human body from person in biotechnologies. Consequently the new thematic fronting of the body represents the media existence of embodiment which should return the body to its disappearing autonomy.

Practical implications. *The results of the study can be applied in the formulation of sociocultural practices and formation new social ethical norms of human body's conception.*

Keywords: *mythologema; philosopheme; embodiment; subject; culture; transformation.*

Проблематизация феномена телесности как своеобразный «поворот» к телу, осуществляемый современной культурой отнюдь не случаен. В этом, на наш взгляд, проявилась скрытая до сих пор динамика двух определяющих и конституирующих мир человека и культуры «структур» – мифологемы и философемы.

Смотреть на тело человека *как* тело – невозможно, поскольку мы всегда наталкиваемся на вопрос о том, «Что есть человек?», на вопрос о *собственной* идентичности, об онтологическом статусе и месте человека в мире. Именно тело обнаруживает себя и как граница, и как «медиум», «место встречи» между человеком и миром, благодаря собственной открытости как одному, так и другому. Такая открытость тела обнаруживает *телесный опыт* как диалектическое единство «воспринимаемого и воспринимающего», диалог «внешнего» – мира вне меня и «внутреннего» – мира внутри меня (с последними связывают такие понятия, как «душа», «сознание», «самость»).

Мы обживаем реальность телесно и одновременно тело (как *внешняя форма*, оформленность), придает нам «статус реальности». Но кроме *формального* утверждения нашей реальности, телесный опыт актуализирует ускользающую *«тотальность человеческого существа»* (П.Д. Тищенко), где «душа (самость) и тело» обнаруживают свое непосредственное единство, не лишнее, однако, диалектического напряжения. Показательно в этом отношении замечание Архимандрита Ианнуария (Ивлева) о том, что Апостол Павел, характеризуя бытие человека, использует термин – *soma* (тело) – человек как целое, неделимое (синоним греч. *atomos*, лат. *individuum*). *Soma* есть *a-tomos* (не-делимое), отрицание всякой *tome* (деления). Но в реальности этого мира человек «делим»: он болеет, страдает, разлагается в смерти. То есть он не обладает *подлинным soma*, подлинным телом, целостностью. Однако собственно человек есть именно *тело*, в смысле, «человек в его целостности»: внутреннего и внешнего, физического и психического, публичного и частного.

Первичность телесного опыта «по отношению к любому осмыслению» как опыта «нерефлексивной жизни» становится «основанием мифологизации мира» [2, с. 206]. Одновременно тело оказывается структурным «элементом» мифа, превращаясь в мифологему, выражающую особого рода «*парадигму*» бытия – «я есть тело» [16], где именно тело становится «стержнем бытия-в-мире» еще до всякой рефлексии, до всякого категориального выражения нашего понимания и знания [13]. Тело, через тело и телом устраивает,

оформляет Мир – мир природы и мир человека (общество, культура). Сам мир становится «образом и подобием» человеческого тела, мир «изоморфен человеку». Именно в мифе мы впервые сталкиваемся с тем, что *телом* «человек пользуется как моделью, строя по его подобию весь мир. Тело служит человеку первичной сеткой координат» [5]. Мифологема закрепляет этот конституирующий телом опыт мира (включая и мир людей). В китайском мифе тело великана Пань-гу – источник таких небесных тел, как Солнце и Луна, различных деревьев, рек, морей и «священной вершины». Мифическое существо Пуруша в индуистской традиции жертвует своим телом для создания *каст* людей. Тело Пуруши – это такая структура, которая стала образцом для социальной (кастовой) иерархии, оформляющим и упорядочивающим человеческое общество.

В свою очередь и человеческое тело мифологизируется в том смысле, что оно не противопоставляется миру природному, не выделяется из него. Архаическая мифологема телесности представляет тело живущим по законам природы; как и природа, оно увядает и снова прорастает в *других* телах. Тело человека «включено» в единый непрерывный поток Жизни (о чем свидетельствует культ тотемизма). Тело человека не проблематизируется, оно не тронуту рефлексией, и, в этом смысле, оно сохраняет неприкосновенность целостности себя, единство с Космосом. Тело и телесность не мыслятся как то, что нужно превзойти, как то, что вообще подлежит всякого рода оценке, поскольку *через* тело устанавливается и поддерживается связь с самим миром, реальностью жизни.

Такое нерелексивное, а именно мифологическое, отношение к *телу* является первой метафоричной формой освоения и объяснения человеком единства Мира и себя в мире. В этом случае мы можем говорить о *мифологеме тела*, благодаря которой человек удерживал целостное восприятие мира посредством и благодаря собственному телу и телесному опыту. Иначе говоря, человек переживал органицизм телесного бытия *на всех уровнях*: как на онтологическом, так и на онтическом; как на индивидуальном – родовом, так и на вселенском. Поэтому здесь невозможно отношение к телу

как объекту. Оно (тело) – *живая, подвижная, конституирующая* мир реальность, не требующая контроля и специальных манипуляций извне. Тело мыслится как то, что может преодолевать свои физические границы, расширяясь до масштабов рода, окружающей природы и мира в целом. Поэтому человек естественно ассоциирует себя с животными, объектами природы, знает и понимает их язык, может вступать с ними в коммуникацию. Тело здесь не есть «внешнее, души»: дело одухотворено, а душа телесна.

Мифологема — это форма мышления, позволяющая человеку, *не прибегая к рефлексии*, вписать себя в определенный смысловой контекст и непосредственно проживать, практиковать его. В мифологической картине мира именно тело выступает своеобразным субъектом восприятия, практического освоения, взаимодействия и маркирования мира: оно как бы «прикладывается» к миру и в качестве образца «становится своеобразной схемой практического овладения предметами мира» [13, с. 263].

Античность дает первый в европейской культуре рефлексивный опыт человеческой телесности. А.Ф. Лосев писал, что «в основе каждой культуры лежит свой специфический пра-символ, из которого и вырастает реальная история этой культуры. Античность есть интуиция заполненного и завершенного в себе конечного тела» [7, с. 25]. В философии Платона душа человека имеет теловидную форму, и эйдосы мира идей созерцаются сверхчувственной «θεωρία», имеют «вид», есть «видимое» благодаря форме – телу. Однако именно античность начинает рассматривать дуализм человеческой природы, обнаруживая в ней и (божественную) душу, и тело, где тело рассматривается как «soma seta» – «тело – гробница». Душа как рациональное и бессмертное начало оказывается отлично от конечного тела, с которым Платон, вслед за пифагорейцами, связывает желания, страсти и страхи. Древнегреческая мысль, которая переосмыслила основание реальности мира (Космоса), признала ограниченность тела и его *неожждественность* природе: жизнь человека и его тела (тела как *формы*) и жизнь природы – разные жизни, у них разные основания, они по-разному проявляются: либо как bios, либо как zoo. Пробле-

матизация телесности оказалась возможной в связи с «открытием» души. Человек обнаруживает *свое* бытие не столько в теле, (не оно придает *статус реальности* человеку), сколько в способности *владеть* телом: так Платон сравнивает душу с ткачом, а тело с сотканной тканью. Греки открывают, что именно душа *творит* тело, проецируя «форму – эйдос» на материю. Тело не столько некая данность. Это та форма, которая *создана* по определенному образцу. Это «ограниченность тела» как такового (его целостность, внутренняя связность, упорядоченность) и одновременно его конкретность (находит отражение в понимании, что «я и есть мое тело»). Там же, где нет организующей, выстраивающей роли души – перед нами «плоть» – «саго» – *неодушевленное* тело, «живое мясо», которое уже не связано с упомянутым ранее понятием «soma».

При всем этом тело человека понимается именно в своем соотношении с душой, в их определенной гармонизации: тело манифестирует «скрытые действия души». Тело есть «*живой опыт*» души, оно есть «тело-субъект»: при общении именно тело (так называемая *невербалика*) непосредственно предъявляет нам всякого рода «идеальное» другого человека – его чувства, его желания, отношение, намерения. Так, стоики считали, что мудреца можно узнать по его телесному облику, ибо телесный эйдос репрезентирует внутренний этос человека.

Эту мысль продолжает христианская традиция (в своей особой манере): человеческая телесность не рассматривается как тождественная грубой физиологии – в христианстве *тело* мыслится как *храм* для Святого Духа, живой дом для Бога живого, чего не скажешь о *плоти*, которая символизирует слабость, материальную смертную органику, жизнь в забвении «божественного дыхания жизни», ограниченность не конкретного человека в его материальной телесности, но человечности во всей ее *слабости* земного *смертного* существования. «Человек составлен из души и тела, причем ни душа, ни тело, взятые в отдельности, не называются ипостасями, но ипостасными; то же, что образуется соединением обоих, называется их ипостасью, ибо ипостасью в собственном смысле

называется то, что существует само по себе и самостоятельно» [4]. Христианство говорит о *духовном теле*, которое укрепляется, создается именно в связи с опытом богообщения и подвигом аскезы, позволяющим смирять плоть, которой противостоит уже не душа, а Дух (как нетварный).

Парафраз нерасторжимости тела и души можно обнаружить в философии Ф. Ницше. Он совершает «обратное» движение телесного бытия: «посредством питания можно образовывать и преобразовывать душу... Чтобы изменить душу, нужно изменить тело» [14, с. 34] Делая точкой отсчета и размышлений тело, а не дух (сознание), Ф. Ницше еще раз проблематизирует уникальность телесного бытия, особого рода цельность и сложность самого устройства человеческого тела. В этом смысле оно и есть качественно иное, чем плоть. Ницше требует увидеть это, призывая преодолеть «человеческое в себе» (т.е. человеческое как плоть). «Великолепное соединение многообразнейшей жизни, расположение и упорядоченность высших и низших видов деятельности, тысячекратное повиновение – не слепое и тем более не механическое, а избирательное, умное, внимательное, даже сопротивляющееся повиновение, – вот что такое “тело”, феномен которого в сравнении с нашим сознанием, нашим “духом”, нашим сознательным мышлением, чувствованием, волей так же превосходит их интеллектуально, как алгебра таблицу умножения» [14, с. 37].

Мы не ставим своей целью дать полный обзор многочисленных подходов к пониманию души (духа) и тела, которые демонстрирует, прежде всего, европейская философская мысль. Заметим лишь, что проблема соотношения души (духа) и тела в жизни человека, начиная с Платона, становится одним из ключевых вопросов. Философская рефлексия дуализма тела и души нашла свое выражение в создании философомы телесности, которая эксплицировала рационально выстроенное представление о человеке, его познавательных возможностях, его месте в мире, определила в свое время интеллектуальную традицию европейской культуры, которая изменила (как показала история) отношение к телу и сделала возможным рационализацию телесного бытия человека.

Понятие философемы впервые было введено Аристотелем и означало «доказывающее умозаключение» [1, с. 525]. Позже оно корректировалось, в частности Гегелем, считавшим, что это «особые мысли», которые могут быть эксплицированы в различных текстах: религиозных, научных, художественных [3, с. 161]. Такая возможность экспликации делает философему структурирующим и концептуально определяющим элементом понимания и объяснения тех или иных явлений и процессов, в основе чего лежит проблематизация последних. Философема тела, в свою очередь, проблематизирует понимание человеческого тела как реальности особого рода, а не в качестве «вещи среди вещей». Мысль движется от «живого тела» к «телу человеческому как телу-субъекту», границы которого могут меняться (душа ли формирует тело, или речь идет о преображении тела, преодолении плоти в себе, «тело – субъект» всегда *динамично*). Эта динамика допускает возможность не только изменений, но и некую *автономность* человеческого тела, которая так же становится предметом философских размышлений.

Новоевропейская мысль *радикализирует* субстанциальный взгляд на телесное бытие человека. Понимание человеческого тела конституируется, исходя из господства рационального начала. Устанавливающий и удостоверяющий бытие сущего *разум*, теперь не столько одушевляет и делает возможным органическую целостность тела, сколько начинает препарировать эту целостность, создавая *анатомию его частей*, выявляя и описывая то, что было скрыто и скрывалось. «Я», сведенное к *cogito*, наблюдает, рассматривает и исследует тело. Тело становится объектом наблюдения, Я ему не тождественно. Хотя тело может иметь свою «собственную» жизнь, человек, а точнее, Я вынуждено «устанавливать» непростые отношения с телом, которое существует в «автоматическом режиме» [9]. В этом суть *неестественности* человека: позиция Я и тела по отношению друг к другу не дана изначально, она должна быть определена Я. Метафора машины, которая теперь применяется по отношению к телу, говорит о том, что тело замкнуто на самом себе в том смысле, что оно не совпадает больше с Я. Экзистенциальная

установка «я есть тело», заменяется гносеологической: «я имею тело» [16]. Тело лишается своей «внутренней жизни», оказываясь под бдительным надзором *cogito*, и редуцируется до *плоти – мертвого тела*, которым можно управлять. Вместе с этим уподобление тела машине, автомату (Р. Декарт, Ж. Ламетри), привело к исчезновению разницы между живым естественным и неживым искусственным, что окончательно закрепило функциональный подход к телу как *объекту*.

Философема тела, обнаруживающая себя в символическом образе «тело-машина», доводит до предела дихотомию тела и разума (души) и утверждает возможность и право индивида на инструментальное распоряжение телом. Это стало началом истории отчуждения тела. Поставленное под надзор и контроль Разума, тело, по мысли Ж. – П. Нанси, объявляется предметом, который на протяжении всей новоевропейской истории подвергается «осветлению, очистке, разборке и последующей сборке» [20, с. 151]. Уже в веке XVIII инструменталистский подход превращает тело в «конструкт европейского воображения»: живое тело уступает место образу или проекту тела, который можно создать, улучшить, модернизировать. Поэтому вполне закономерным становится процесс постепенной редукции человеческого тела к сумме различных функций, к возможности контроля и управления этими функциями: сексуальной, репродуктивной, генеративной, политической, трудовой (производственной). Техники контроля призваны увеличить «производительность» тела, поскольку это тело–машина мыслится именно как производительная сила, эффективность деятельности которой возможно и нужно взять под контроль. Такое регламентированное отношение к телу (в рамках государственной политики заботы о здоровье населения) становится, как утверждал М. Фуко, основой *биовласти* и связанной с ней в дальнейшем биополитики, нацеленной на масштабную экспансию в различные сферы жизни человека и последующую эксплуатацию тела, его возможностей. Тело обнаруживается как продукт определенного «властного дискурса», сконструированный социально-политическими практиками и «ре-

гулирующими способами контроля» по отношению к «телу рода» или «социальному телу» с целью обеспечения его биологических процессов и того, что им сопутствует, — размножению, рождаемости и смертности, уровню здоровья, продолжительности жизни, долголетию [21, с. 242–244].

Начавшаяся на рубеже XVIII–XIX вв. политизация естественной жизни тела приведет в XX веке к «беспрецедентной медикализации» последнего, поскольку именно медицинское знание становится основным инструментом биополитики [12]. Разговор о теле в условиях его медикализации сменяется разговором о поддержании, сохранении и заботе о здоровье. Тело начинает рассматриваться как индивидуальная ценность, а на государственном уровне за индивидом закрепляется *право* свободного распоряжения им. Такое утверждение *ценности* тела в социально-правовом контексте, «освобождает» человека от сакрального, священного «модуса» собственного телесного бытия и сводит его к набору функциональных характеристик тела как вещи. Вещь можно контролировать, «инструментализировать и коммодифицировать разными способами», придавая тем самым телу – вещи определенную товарную цену, вписывая его систему потребления [17, с. 54]. Юридическое право на тело исключает вовлеченность человека в телесное существование, как целостное существование, поскольку допускает возможность иметь тело, между тем – «Я есть тело», для человека важно «быть телом». Иначе говоря, юридическое право не может настаивать на *полном* присвоении телесного бытия, когда «Я – это мое тело», а значит им (как бытием) невозможно обладать. Сложность бытия человека заключается в том, что он одновременно «есть тело», но и еще «*имеет тело*»: «мое тело и принадлежит мне и не принадлежит» [10, с. 127].

Следствием укоренения юридического подхода к пониманию отношения Я и тела становится, во – первых, объективация тела, которая проявляется в дистанции, разрыве между обладающим и обладаемым; во-вторых, в свойстве «быть видимым для кого-то». Современные методы исследования тела, связанные с практиками

медикализации сделали «жизнь тела» максимально прозрачной и проницаемой. Это не исключает естественности телесного существования, но приводит к утрате интимной связи, целостности «Я» и тела. Однако есть область медицинского знания и связанные с ней биотехнологии, которые окончательно лишают тело *естественности* и «непрерывной изменчивости». А. Бергсон писал о том, что «в действительности тело изменяет форму каждый момент; вернее было бы сказать, что формы вообще не существует, так как форма представляет нечто неподвижное, действительность же есть движение» [15, с. 19]. Но практика «биотехнологического конструирования телесности» отрицает эту внутреннюю динамику телесного бытия, а значит и отрицает естественность телесного существования и его *жизненность*. Речь идет о генетике и возможностях манипуляции с человеческим геномом, которые приучают нас к мысли о том, что тело «растворяется» в существующей генетической структуре: живое растворяется в своих знаках. Вся сложность организации человеческого тела сводится к «мозгу и генетическому коду, которые целиком исчерпывают операциональное определение бытия» (Ж. Бодрийяр). Благодаря пристальному взгляду генетики, тело превращается в некую «зону рисков» и окончательно теряет доверие со стороны индивида, который делает все, чтобы его «обезвредить» с помощью средств биотехнологий. Своеобразную роль этого «биотехнологического дискурса» выполняет сегодня идеология трансгуманизма и связанные с ним передовые исследования и радикальные эксперименты с человеческой телесностью [17, 18].

Многообразные практики «исправления», «улучшения», а точнее, «протезирования» естественного тела, выявляют собой мифологему «девитализированного тела», лишённого своей глубины и динамизма, превращённого в «тело-проект», в технологический артефакт. Если в опыте мифологического сознания собственное тело и отношение к нему оказывались источниками модели мира: «мир создан из частей человека», то современная мифологема тела скорее есть парафраз этого. Агрессивная техноморфность современного мира «поглощает» «живое тело», внедряется в него (чи-

пирование, киборгизация, создание третьего пола) и производит радикальную трансформацию ничем не защищенной телесности. Ж. – Л. Нанси вводит понятие «экотехния» (ecotechnie), которое, с одной стороны, связано с технологическими способами «конструирования телесности», в результате чего «новые технологии становятся продолжениями нашего тела». С другой стороны, «экотехния» характеризует «состояние пантехницизма, в котором oikos является обителью технизированных тел» [20, с. 154], причем тел, которые могут быть созданы и существовать, *именно, и только* в условиях пантехницизма. Современная мифологема тела укореняет нас не в антропоморфном, но в техноморфном мире, где vit (vita – жизнь) все чаще заменяется на vitr (virtual, виртуальный, воображаемый, симулируемый) и virt (in vitro – в пробирке, в искусственной среде) [22]. Тело постепенно и «безмолвно трансформировалось» в образ тела, в проект, исчезнув в нем, а человек стал наблюдателем «исключения собственной телесности» [6]. Такое биополитическое, технологическое и виртуальное «враждебное отчуждение» тела становится предметом философской критики с конца 70-х гг. двадцатого столетия. Внимание исследователей было направлено на проблематизацию традиционной для европейской мысли дихотомии тела и сознания, утверждение которой привело к «утрате изначального опыта тела» и превращению его в вещь. Мышлению о теле, объективному рациональному анализу тела философы предпочитают «мышление тела»: Ж. – П. Нанси, Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, А. Арто, Д. Кампер, К. Вульф [11, 18, 19]. Телесное бытие тематизируется как «безмерное» и «принципиально необъективируемое» основание мысли и индивидуального бытия человеку. Это обращение к экзистенциально-феноменологическому измерению телесности на фоне постепенной утраты целостности и автономии тела привело к открытию медиальности (от *медиум* – посредник взаимодействия) телесности, которая становится предметом обсуждения современных социологических, антропологических, исторических и психологических исследований [7]. И если А. Бергсон, М. Мерло-Понти и Ф. Ницше, прежде всего, обнаруживали неочевидную сложность жизни тела,

активность восприятия телом мира, его феноменальность, то *медиальность* телесности открывает собственно телесность, которая существует «вне половых различий, ни телесна, и ни интеллигибельна, она «между», поэтому она «мышление тела» – «мышление тела И тело мышления». Поэтому в отличие от трёхмерного тела и двухмерного образа тела телесность безобразна и многомерна» [19]. Телесность, не являясь телом, обнаруживается как условие многомерности самого тела. Благодаря собственной медиальности, телесность собирает тело, преобразует его, обнаруживая все новые его возможности, новые образы, неочевидные для разума. Телесность оказывается ускользающей и бесформенной, демонстрируя «внимающее чувство» к «конкретному месту и времени», к «здесь и теперь». Медиальность телесности связана с собиранием отдельных фрагментов переживаемой реальности в единое целое и последующей их репрезентацией через такие «*режимы медиа*», как тело (жесты, пластика), образ (визуальное), письмо (текст), число (знак). Сами «медиа» – это средства производства, хранения, передачи информации [6]. Телесность как ««безмерное» живое тело» (Д. Кампер), вбирающее в себя тело индивида, оказывается бессодержательной, но необходимой в качестве «посредника» между Я и миром. Исходя из такого понимания телесности различные дисциплинарные техники тела (включая биотехнологии), обнаруживают собственную медиальность, историческую относительность и неочевидную связь с «бессодержательной» телесностью. При этом, именно «безмерное «живое тело»» есть источник создания разнообразных «смыслов, значений и самой субъективности», благодаря чему человек укореняется в мире, взаимодействуя с ним посредством *различных медиа*. Технологизация тела, абсолютизация одного из режимов медиа и замещение ускользающей медиальности телесности («безмерного «живого тела»») доминирующей сегодня в культуре масс-медиа и биотехнологических практиках актуализирует мифологему «тело – проект», что грозит утратой сложных отношений и диалога между фрагментизированным человеком и многомерным миром. В этом случае современная тематизация теле-

ности, позволяет обнаружить медиальность телесности в качестве истока бытия человека в мире.

Список литературы

1. Аристотель. Органон // Аристотель. Соч.: в 4-х т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 687 с.
2. Верещагина Н.В., Комаров С.В. Мир и тело: инверсия метафоро-мифологической схемы // Вестник пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология. Вып. 2. 2017. С. 206–215.
3. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. Книга первая. СПб.: Наука, 1993. 352 с.
4. Дамаскин И. Философские главы. М.: Наука, 2006. 358 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Damaskin/filosofskie_glavy/
5. Калюжный В.Н. От мифологического пространства Кассирера к пространствам современной культурологии // Россия – Запад – Восток: компаративные проблемы современной философии. СПб., 2004. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/kalyuzhnyy-vn/ot-mifologicheskogo-prostranstva-kassirera-k-prostranstvam-sovremennoy>
6. Кампер Д. Тело. Насилие. Боль. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2010. 174 с.
7. Кудашов В.И. Исцеление тела и целостность телесности // Сибирское медицинское обозрение. 2014. № 4. С. 99–104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istselenie-tela-i-tselostnost-telesnosti/viewer>
8. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 963 с.
9. Леденева Е.В. Человек-машина (между Ламетри и Декартом) // Credo New. 2010. №3. URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo_03_2010/7110-chelovek-mashina-mezhdu-lametri-i-dekartom.html (дата обращения 05.02.2020).
10. Марсель Г. Очерк феноменологии обладания/ Быть и иметь. Новочеркасск: Агентство САГУНА, 1994. 160 с.
11. Михель Д. В. Жан-Люк Нанси в мире corpus'a // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2006. №1. С. 77–87.

12. Мулен А.А. Тело с точки зрения медицины / История тела. В 3 томах / Ред. Алан Корбен, Жан-Жак Куртин, Жорж Вигарелло. Том 3. Перемена взгляда – XX век. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 464 с.
13. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента: Наука, 1999. 606 с.
14. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М., 2005. 880 с.
15. Петров В.В. Индивид и его телесность в истории европейской философии // Тема «живого тела» в истории философии: Материалы научной конференции (Институт философии РАН, май 2015 г.). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 11–42.
16. Попова О.В. «Быть телом» или «иметь тело», «быть проектом» или «иметь проект» // Человек и культура. 2014. № 1. С. 58–76.
17. Попова О.В. От телесного канона Нового времени к осмыслению современных практик биотехнологического конструирования // Философская антропология. 2018. Т.4. №2. С. 51–68.
18. Степанов М.А. Дискурсы мышления тела // Медиафилософия. Т.8 2012. №8. С. 99–134.
19. Степанов М.А. Опыт мышления тела // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. Т. 2, №1. С. 108–117.
20. Торопова А. Л. Субъект конструирования телесности в философской концепции Ж.-Л. Нанси // Тема «живого тела» в истории философии: Материалы научной конференции (Институт философии РАН, май 2015 г.). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 143–161.
21. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: работы различных лет. М.: Касталь, 1996. С. 242–244.
22. Эпштейн М. Постмодернизм и взрывное сознание 21 века URL: <http://snob.ru/profile/27356/print/80614?v=1441282205>

References

1. Aristotel' *Organon* [Organum]. *Sochineniya* [Works]: in four volumes. Moscow: Mysl, 1978. Vol. 2. 687 p.

2. Vereshchagina N.V., Komarov S.V. Mir i telo: inversiya metaforo-mifologicheskoy skhemy [World and body: the inversion of metaphoric and mythologic scheme]. *Vestnik permskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*. [Bulletin of the Perm University. Series Philosophy. Psychology. Sociology.], issue 2 (2017): 206–215.
3. Gegel' G.V.F. *Lektsii po filosofii istorii v trekh knigakh. Kniga pervaya* [lectures for the philosophy of history in the three books. The first book]. Saint Petersburg: Science, 1993. 352 p.
4. Damaskin I. *Filosofskie glavy* [Philosophical chapters]. Moscow: Science, 2006. 358 p. https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Damaskin/filosofskie_glavy/
5. Kalyuzhnyy V.N. Ot mifologicheskogo prostranstva Kassirera k prostranstvam sovremennoy kul'turologii [From the mythological landscape by Cassirer to the field of modern culturology]. *Rossiya – Zapad – Vostok: komparativnyye problemy sovremennoy filosofii* [Russia – West – East: comparative problems of modern philosophy]. Saint Petersburg, 2004. <http://anthropology.ru/ru/text/kalyuzhnyy-vn/ot-mifologicheskogo-prostranstva-kassirera-k-prostranstvam-sovremennoy>
6. Kamper D. *Telo. Nasiliye. Bol'* [Body. Violent. Pain]. Saint Petersburg, 2010. 174 p.
7. Kudashov V.I. Istseleniye tela i tselostnost' telesnosti [The healing of body and entirety of embodiment]. *Sibirskoye meditsinskoye obozreniye* [Siberian medical survey]. 2014. no 4. P. 99–104. <https://cyberleninka.ru/article/n/istselenie-tela-i-tselostnost-tesnosti/viewer>
8. Losev A.F. *Ocherki antichnogo simbolizma i mifologii* [The essays of ancient symbolism and mythology]. Moscow, 1993. 963 p.
9. Ledeneva E.V. Chelovek-mashina (mezhdru Lametri i Dekartom) [Human – Machine (between Lametry and Decart)]. *Credo new*, 2010. no 3. http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo_03_2010/7110-chelovek-mashina-mezhdru-lametri-i-dekartom.html
10. Marsel' G. Ocherk fenomenologii obladaniya [Study of phenomenology of possession]. *Byt' i imet'* [To be or to have]. Novocherkassk, 1994. 160 p.

11. Mikhel' D.V. Zhan-Lyuk Nansi v mire corpus'a [Zhan-Lyuk Nansi in the world of corpus]. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya* [Bulletin of the Samara humanitarian academy. Series Philosophy. Psychology. Philology]. 2006. no. 1, pp. 77–87.
12. Mullen A.A. Telo s tochki zreniya meditsiny [The body from view of medicine]. *Istoriya tela. V 3 tomakh* [The history of body. In the 3 volumes]. Vol. 3. Conversion. XX cent. Moscow: New literary review, 2016. 464 p.
13. Merlo-Ponti M. *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of perception]. Saint Petersburg: Science, 1999. 602 p.
14. Nitsche F. *Volya k vlasti* [The will to power]. Moscow, 2005. 880 p.
15. Petrov V.V. *Individ i ego telesnost' v istorii evropeyskoy filosofii* [Individuum and its embodiment in the history of European philosophy]. *Tema «zhivogo tela» v istorii filosofii: Materialy nauchnoy konferentsii* (Institut filosofii RAN, may 2015 g.) [The topic of the «living body» in the history of philosophy: materials of the scientific conference (Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2015)]. Moscow, Saint Petersburg: The center for humanitarian initiatives, 2016, pp. 11–42.
16. Popova O.V. «Byt' telom» ili «imet' telo», «byt' proyektom» ili «imet' proyekt» [«To be the body» or «to have the body», «to be the project» or «to have the project»]. *Chelovek i kul'tura* [The human and the culture], no 1 (2014): 58–76.
17. Popova O. V. Ot telesnogo kanona Novogo vremeni k osmysleniyu sovremennykh praktik biotekhnologicheskogo konstruirovaniya [From the corporal canon of New time to the comprehension of modern practices of biotechnological design]. *Filosofskaya antropologiya* [Philosophical anthropology]. 2018, vol. 4, no. 2, pp. 51–68.
18. Stepanov M.A. Diskursy myshleniya tela [The discourse of body's reflecting]. *Mediafilosofiya* [Mediaphilosophy]. vol.8, 2012, no.8, pp. 99–134.
19. Stepanov M.A. Opyt myshleniya tela [Body thinking experience]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 2010. V. 2, №1, pp. 108–117.

20. Toropova A.L. *Sub'yekt konstruirovaniya telesnosti v filosofskoy kontseptsii Zh.-L. Nansi* [The subject of embodiment's construction in philosophical construct by Zh.-L. Nancy]. Tema «zhivogo tela» v istorii filosofii: Materialy nauchnoy konferentsii (Institut filosofii RAN, may 2015 g.) [The topic of the «living body» in the history of philosophy: materials of the scientific conference (Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2015)]. Moscow, Saint Petersburg: The center for humanitarian initiatives, 2016, pp. 143–161.
21. Fuko M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti: raboty razlichnykh let* [The will to truth: beyond knowledge, power, and sexuality. The articles of different years]. Moscow, 1996. 448 p.
22. Epshteyn M. *Postmodernizm i vzryvnoye soznaniye 21 veka* [The post-modernism and explosive consciousness of 21 century]. <http://snob.ru/profile/27356/print/80614?v=1441282205>

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Зенец Нина Геннадьевна, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук, доцент, доктор философских наук
Омский государственный медицинский университет
ул. Ленина, 12, г. Омск, 644099, Российская Федерация
df_zenec@mail.ru

Лобова Татьяна Геннадьевна, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, доцент, кандидат философских наук
Омский государственный медицинский университет
ул. Ленина, 12, г. Омск, 644099, Российская Федерация
lotogen@mail.ru

Чалдышкина Марина Викторовна, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, кандидат философских наук
Омский государственный медицинский университет
ул. Ленина, 12, г. Омск, 644099, Российская Федерация
MarinaChald@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Senec Nina Gennadevna, Professor, Department of philosophy and social and humanitarian sciences, Grand Ph. D. in Philosophy
Omsk State Medical University
12, Lenin Str., Omsk, 644099, Russian Federation
df_zenec@mail.ru

Lobova Tatiana Gennadevna, Associate professor, Department of philosophy and social and humanitarian sciences, Ph. D. in Philosophy
Omsk State Medical University
12, Lenin Str., Omsk, 644099, Russian Federation
lotogen@mail.ru

Chaldyshkina Marina Viktorovna, Associate professor, Department of philosophy and social and humanitarian Sciences, Ph. D. in Philosophy
Omsk State Medical University
12, Lenin Str., Omsk, 644099, Russian Federation
MarinaChald@yandex.ru
SPIN-code: 2334-1983
ORCID: 0000-0002-6186-3227

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-2-45-55

УДК 130.2

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ: ПРОБЛЕМА САМОДОСТАТОЧНОСТИ

Свобода Н.Ф., Доронина О.А., Ионова И.В.

Цель. *Статья посвящена анализу специфики массового сознания как предмета воздействия. Актуальность исследования массового сознания ориентирована на внутреннюю логику развития самой науки, объясняющей эвристическую ценность специфики массового сознания в качестве объекта манипулирования.*

Метод и методология проведения работы. *Методологический подход в исследовании данного феномена позволяет абстрагироваться от конкретной практики манипулирования массовым сознанием, с целью выявления его сущностных характеристик. Диалектический метод делает возможным рассмотрение массового сознания не только как объекта, но и как субъекта. Данный аспект – изучение двойственной природы массового сознания, приводит к объяснению самодостаточности последнего.*

Результаты. *Онтологическое и гносеологическое исследование структуры массового сознания приводит к выводу, что массовое сознание – самодовлеющая сфера идеалов и императивов, ориентирующая людей в повседневной жизни. Его функционирование связано с особенностями структурной природы, позволяющей переопределять предлагаемое и содержание решаемых задач. Становится очевидным, что массовое сознание – самостоятельная реальность, что не исключает использование его в качестве инструмента, но до определенных пределов.*

Область применения результатов. *Массовое сознание может быть моделью понимания человека, социальных процессов, а также систем информирования и пропаганды при наличии теории массового сознания. Эвристическая ценность специфики массового созна-*

ния в качестве объекта манипулирования значима для внутренней логики развития наук, изучающих данный феномен.

Ключевые слова: субъект; объект; манипулирование; методология; массовое сознание; массовое поведение; самодостаточность.

MASS CONSCIOUSNESS: THE PROBLEM OF SELF-SUFFICIENCY

Svoboda N.F., Doronina O.A., Ionova I.V.

Purpose. *The article analyzes the specifics of mass consciousness as an object of impact. The relevance of mass consciousness research focuses on the internal logic of the science development that explains the heuristic value of the specifics of mass consciousness as an object of manipulation.*

Methodology. *A methodological approach to the study of this phenomenon makes it possible to abstract from the certain mass consciousness manipulating practice in order to identify its essential characteristics. The dialectical method allows consideration of the mass consciousness both as an object and as a subject. This aspect – the study of the duality of mass consciousness – leads to an explanation of the self-sufficiency of the latter.*

Results. *An ontological and gnoseological study of the structure of the mass consciousness concludes that the mass consciousness is a self-sufficient field of ideals and imperatives guiding people in everyday life. Its operation is due to the peculiarities of structural nature, which allows redefining proposals and tasks. It becomes obvious that mass consciousness is an independent reality but it does not exclude its using as a tool within a certain limits.*

Practical implications. *Mass consciousness can be a model for understanding of a human, social processes and information and propaganda systems in the presence of the theory of mass consciousness. The heuristic value of the specifics of mass consciousness as an object of manipulation is significant for the internal logic of the development of sciences which study this phenomenon.*

Keywords: *subject; object; manipulation; methodology; mass consciousness; mass behavior; self-sufficiency.*

Основой для изучения массового сознания, проблемой, проходящей через всю историю внимания к нему и не менее значимой в настоящее время, является объяснение его специфики. Исследование массового сознания осуществляется с разных позиций. Историко-социологический подход очерчивает свой круг и характер исследуемых вопросов: содержание массового сознания, его структура в динамике исторического изменения, социальные условия существования массового сознания и его механизм реагирования на перемены в обществе, а также основные формы существования. Философский подход решает вопросы обоснования природы массового сознания, определения онтологических и историко-социальных условий существования массового сознания и его структурных изменений; разработка понятий, позволяющих выделить данный феномен среди других форм общественного сознания и т.п. Методология включает в себя проблемы разного уровня и сложности. Оба подхода в той или иной степени рассматривают массовое сознание как объект открытого и скрытого воздействия. Последнее сегодня все чаще определяется как в научной, так и публицистической литературе понятием «манипулирование массовым сознанием».

Если отмеченные подходы изучения массового сознания являются уже традиционными, появляются и новые, вызванные к жизни обстоятельствами информационного общества. Манипулирование массовым сознанием и общественным мнением рассматривается как научная и практическая проблема в рамках теории журналистики и средств массовой коммуникации, политической пропаганды, социального управления и коммерческой рекламы [3, с. 15].

Если существование массового сознания не вызывает сомнений, сегодня уже можно говорить об истории его исследования, то вопрос, как массовое сознание влияет на человека, на его сознание, на его представления о мире и о себе самом, вызывает больше сомнений и дискуссий сегодня, чем в прошлом. В настоящей статье речь пойдет об особенностях массового сознания в качестве объекта манипулирования. С одной стороны, вопрос не новый, поскольку это качество очевидно. Кроме того, это вопрос, ответ на который кажется про-

стым и ясным, по меньшей мере – в его существовании, если и не во всех аспектах. Однако, в определенных обстоятельствах, можно обнаружить, что массовое сознание – это больше того, что мы о нем знаем в границах науки и идеологических намерений. Мы абстрагируемся в анализе массового сознания от конкретных примеров манипулирования им в разных социально-исторических условиях, чтобы обратить внимание, в первую очередь на сущностные характеристики данного феномена, делающего его как объектом воздействия, так и субъектом. В качестве последнего оно способно, мы полагаем, не только в корне переопределять предлагаемое, но и саму сущность решаемых вопросов. Именно поэтому задачи массового сознания всегда особенны, и, не учитывая ситуативной контекстуальности наличных проблем общества, адекватно определить готовность или неготовность людей к массовым действиям затруднительно.

Возникает вопрос, важный для дальнейших рассуждений: чем объясняются ориентиры в массовом сознании в роли императивных идей, предписывающих правила пользования теми или иными моральными, познавательными и т.п. нормами, принципами? Ответ на него определяет многое.

Массовое сознание – явление настолько обширное и многоликое, до того наполнено нюансами и оттенками, к тому же имеющее признаки самодостаточности, включая такие неперенные ее составляющие, как «переворот во взглядах» в форме традиции, способ организации фактов, позволяющий извлечь новое, добываемое непосредственным наблюдением знание, что трудно обозначить его четкие границы. В нем найдется на любой случай алгоритм веры в торжество справедливости и чувство, что, несмотря на временные неурядицы и серьезные катаклизмы, жизнь должна быть поддержана и нужно стараться, по выражению М. Монтеня, держаться поближе к берегу. Это определенная философия, совокупность смыслов, позволяющая отделять то, что достоверно известно, от возможного, правдоподобного, предполагаемого.

Однако эти проблемы составляют, пожалуй, не самое главное в массовом сознании. Они здесь скорее ответ иных, можно сказать

конкретных проблем: положения личности и социальных групп в обществе, свободы и закона, активного отношения к действительности и столь же активного бегства от нее или отстранения, смысла и бессмыслицы, временного и вечного, конечного и бесконечного и т.п. Рассматриваются самые серьезные коллизии настоящего: можно ли найти ключи к их разрешению, когда и каким образом?

Чтобы понять особенности наличного массового сознания, не всегда следует выходить за его границы. Надо обратиться, прежде всего, к внутренним механизмам реагирования. Проблема изменения объектов внимания под воздействием потребностей того или иного периода меняющегося настоящего, может происходить как в законченной, так и в незаконченной характеристике, что затрудняет понимание направления будущего действия. Связь «настоящее – прошлое», «сегодня – вчера» – постоянный предмет интереса людей. Как бы самодавляющий предмет. В наибольшей полноте он начинает себя заявлять в ситуации социального выбора, когда нужно решать вопросы о трансформации самой жизни, о переходе из «сегодня» в «завтра».

Главное в массовом сознании – все-таки не противостояние непонятой или не понимаемой жизни, миру предлагаемых идей. На протяжении истории массовое сознание меняет свой облик в широком разнообразии контекстов. Вариаций много, чтобы досконально рассмотреть каждую из них. А сами вариации и не похожи, и похожи друг на друга по разным критериям, главный из которых: как массовое сознание справляется с проблемой выживания и жизни, смирившись с невозможностью знать и понимать, несмотря на сомнения и страхи? И особенно в ситуации, когда социальные возможности не отвечают желаниям и ожиданиям людей в массе своей.

В ожиданиях перспективы ошибаются ученые, идеологи непосредственные участники практических действий. Несостоятельные ожидания и обещания политических деятелей самых разных направлений влекут социально значимые последствия. Массовое сознание, если и служит индикатором чего-то, то, вероятнее всего, определения отношений между выживанием и смыслом выжива-

ния, делая выбор в пользу последнего. А это, в свою очередь, свидетельствует о попытке приобщиться – символически и практически – к традиционным опорам. В данном аспекте мы рассматривали массовое сознание ранее [5, с. 69].

Массовое сознание может оказаться довольно точным в своих суждениях и оценках. Смысловые явления, по выражению М.М. Бахтина, могут существовать в скрытом виде и раскрываться в благоприятных для этого смысла культурных контекстах. В условиях, когда человеку нужно принять решение «здесь и сейчас», рекомендации массового сознания могут быть только абсолютно категоричны. Ведь оно тяготеет к абсолютизации, к возведению обобщения в ранг истины, абсолютно убедительной для его носителя. В массовом сознании общее и индивидуальное выступают в неразрывном единстве, причем в любом виде. Диалектику их связи можно обозначить потребностью познания смысла, цели и многообразия жизни, ее правды и заблуждений, причем познания исчерпывающего, абсолютно убедительного и достоверного.

Без всякого прогностического представления о месте и назначении человека, без представления о справедливости и должном, массовое сознание не может быть действенным. Но непрочность прогностических представлений влечет за собой и своеобразную неразборчивость: эмоциональный отклик, сопровождаемый действием, может вызвать и власть символа, пребывающего в «собственной реальности». Следовательно, массовое сознание отказывается исходить из идеи, а стремится к «онтологизации» символа. Не является ли в таком случае массовое сознание феноменом, не признающим никаких политических, философских и идеологических концепций, не признающим ничего другого, кроме собственного содержания?

Вопрос естественный и закономерный. Элементы отрицания можно найти, но основное содержание имеет, несомненно, положительный характер и конструктивную направленность. Отказаться от них полностью – значило бы принять противостоящую интересам людей действительность. В таких условиях элементы нигилизма,

лишь элементы, подчас обретают свойства удерживать носителя массового сознания от выбора между определенными позициями.

Амплитуда колебаний зависит от многих составляющих: от конкретной социально-политической и экономической ситуации в стране и в мире и настроения, но, в конечном счете, она определяется естественным фактором: инстинктом самосохранения, чутко улавливающим как быть и что делать.

В этих условиях не приходится удивляться, что носителя массового сознания можно скорее сбить с толку, чем привести к истине каких-либо идей. Можно согласиться с характеристикой К.С. Гаджиева: «Зачастую убегая от правды, люди могут предаваться всякого рода иллюзиям, внешней мишуре, тем самым оправдывая и облегчая свою жизнь, ища легкие пути и способы самореализации и счастья» [1, с. 3].

Потребность, вызывающая к жизни ориентиры массового сознания, столь универсальна, что с ним оказываются связанными почти все направления и формы деятельности. Именно поэтому между массовым сознанием и индивидуальным нет незыблемой границы. Ориентиры массового сознания, проникая едва ли не во все без исключения сферы жизни, сообщая им убедительность, делает их нужными утилитарно.

Окончательно сформировавшаяся «картина мира» характеризуется не просто применением норм и правил к конкретным жизненным ситуациям, но и интерпретацией их для реализации в конкретных обстоятельствах. Особое значение она в дополнении эмоциями приобретает во время смены ценностных и нормативных систем или тогда, когда общечеловеческие ценности подвергаются прямой угрозе. Когнитивно-эмоциональное отношение имеет один, внутренний источник.

Эта «картина мира» – строгий комментарий к информации и идеям, который, по образному выражению В.В. Розанова, вносит недостающее, исправляет неправильно сказанное, и все это на основании сравнения их содержания с живой текущей действительностью. Данная установка обостряет внимание к собственному пред-

ставлению истории, во-первых, и, во-вторых, к позиции критики, определяемой масштабами наличной ситуации. Однако, критика не всегда сопровождается интонацией социально оправданного обвинения ему. В ситуации невозможности широкого свободного поиска в наличной практике, носитель массового сознания отсекает те или иные идеи и ценности в силу собственного взгляда, ориентируясь на правду, не о социальных обстоятельствах, понятие о которых еще не раскрывается в полноте момента, но на правду, убедительность которой действенна для него. Все мыслится в принципе разрешимым и по существу не проблематичным.

Массовое сознание, как будто не оставляет возможности уловить, постигнуть логику предпочтений, логику поведения его носителя: все мотивы неожиданно прерываются, уступая место новым, ничем не связанным с предыдущим. Вопрос и ответ. Вопрос: столкновение взглядов, которым подчиняются. Ответ: столкновение взглядов и идей в их отношении к реальности, к окружающему миру. Субъект массового сознания воспринимает окружающий мир, конструируя необходимые ему ситуации, экспериментируя сочетаниями этих ситуаций и расстановкой действующих в этих ситуациях лиц.

В массовом сознании накладываются друг на друга не только разные черты, но черты в «едином поле»: интернационализм и национальная неприязнь; религиозность и атеизм; практицизм и беспомощность перед внешними обстоятельствами; национальное самобичевание и шовинизм; стойкость и неумение справляться с проблемами; критика и отсутствие самокритики; потребность в общественном идеале и демонстративное отрицание общественного идеала. Причем одно другому не противоречит, они соседствуют и действуют в общем направлении.

Массовое сознание – самодовлеющая сфера идеалов и императивов, сфера ответов на те жизненно значимые, общие вопросы, которые возникают в каждый данный момент. Оно позволяет определить степень устойчивости людей в разнообразии ситуаций социального порядка. «В принципе, до определенных моментов массовое сознание (и, соответственно, поведение массы) обычно

податливо по отношению к внешним воздействиям», – отмечает Д.В. Ольшанский [4, с. 5].

Массовое сознание не подчиняется меняющейся повседневности именно в силу субстанциональности. Оно не является подвижным и изменчивым, насколько подвижна и изменчива действительность. Его развитие, нам видится, связано с коренными изменениями: не событийно-содержательными, а структурными. В силу этого же обстоятельства невозможен вывод, что массовое сознание служит чьим-либо интересам, кроме его носителя, что, конечно, не исключает использование его в качестве инструмента, ибо от людей ждут определенного образа действий.

Такого внимания к массовому сознанию, как в настоящее время, ни одна из предыдущих эпох не знала. Его можно сделать моделью понимания и человека, и социальных процессов, а также систем информирования, пропаганды, при наличии разработанной теории масс, теории массового сознания. Над его природой размышляют. Становится очевидным, что массовое сознание – не только одна из форм сознания в массовом обществе, оно – самостоятельная реальность, которая создает и самого человека, и его мир.

Список литературы

1. Гаджиев К.С. Масса. Миф. Государство. // Вопросы философии. 2006, № 6. С. 3–20.
2. Журавлев А.Л., Соснин В.А., Китова Д.А. Массовое сознание и поведение. Тенденции социально-психологических исследований. М.: Когито-Центр. 2017. 424 с.
3. Ильченко С.Н., Пучков Д.Ю. Как нас обманывают СМИ. Манипуляция информацией. С.-П., Питер. 2019. 320 с.
4. Ольшанский Д.В. Психология масс. С-П: Питер, 2001. 384 с.
5. Свобода Н.Ф., Акмаева О.В. Массовое сознание в переходное время (опыт социальных перемен в истории XX века в России // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. XI Международная научно-практическая конференция / Под ред. А.В. Немчиновой. М., Изд-во «Перо»; Вольск. Ч.4. 2017. № 11. С. 68–73.

References

1. Gadzhiev K.S. *Voprosy filosofii*. 2006, N 6, pp. 3–20.
2. Zhuravlev A.L., Sosnin V.A., Kitova D.A. *Massovoe soznanie i povedenie. Tendentsii sotsial'no-psikhologicheskikh issledovaniy* [Mass consciousness and behavior. Trends in socio-psychological research]. M.: Kogito-Center. 2017. 442 p.
3. Ilchenko S.N., Puchkov D.Yu. *Kak nas obmanyyvayut SMI. Manipulyatsiya informatsiey* [How the media deceive us. Manipulation of information]. S.-P., Peter. 2019. 320 p.
4. Olshansky D.V. *Psikhologiya mass* [Psychology of the masses]. S.-P.: Peter, 2001. 384 p.
5. Svoboda N.F., Akmaeva O.V. *Massovoe soznanie v perekhodnoe vremya (opyt sotsial'nykh peremen v istorii XX veka v Rossii* [Mass consciousness in transition (the experience of social change in the history of the 20th century in Russia)]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk. XI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [Actual problems of the humanities and socio-economic sciences. XI International Scientific and Practical Conference] / ed. A.V. Nemchinov. M., Pen Publishing House; Volsk. Part 4. 2017. No. 11, pp. 68–73.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Свобода Наталья Федоровна, доцент кафедры Теологии, кандидат философских наук

*Самарский государственный университет путей сообщения
пер. 1-й Безымянный, 18, г. Самара, 443066, Российская Фе-
дерация
svoboda.delja@me.com*

Доронина Оксана Александровна, старший преподаватель кафе-
дры Теологии

*Самарский государственный университет путей сообщения
пер. 1-й Безымянный, 18, г. Самара, 443066, Российская Фе-
дерация
kseniya_gorda@mail.ru*

Ионова Ирина Валерьевна, преподаватель кафедры Теологии
*Самарский государственный университет путей сообщения
пер. 1-й Безымянный, 18, г. Самара, 443066, Российская Фе-
дерация
ira.ionova.16@inbox.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Svoboda Natal'ja Fedorovna, Associate Professor, Department of The-
ology, Ph. D. in Philosophy
*Samara State Transport University
18, 1st Bezmyanny l., Samara, Samara Region, 443066, Russian
Federation
svoboda.delja@me.com*

Doronina Oksana Aleksandrovna, Senior Lecturer, Department of
Theology
*Samara State Transport University
18, 1st Bezmyanny l., Samara, Samara Region, 443066, Russian
Federation
kseniya_gorda@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0526-7217*

Ionova Irina Valerevna, Teacher, Department of Theology
*Samara State Transport University
18, 1st Bezmyanny l., Samara, Samara Region, 443066, Russian
Federation
ira.ionova.16@inbox.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-2-56-67

УДК 316.722

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО СТАТУСА РОССИИ

Вишвецва Л.Н., Муликова Н.А.

Цель. Статья посвящена актуальной в условиях резкого обострения геополитической ситуации и всплеска этничности теме российской цивилизационной идентичности. Предметом анализа выступает цивилизационный статус России в рамках известных геополитических концепций. Авторы ставят целью определить роль российской цивилизации в контексте двух соперничающих интеграционных проектов – евразийского и евроатлантического

Метод или методология проведения работы. В работе использованы аналитический, аксиологический, культурно-исторический методы, а также общие принципы цивилизационного подхода.

Результаты. В статье в контексте классических и постмодернистских теорий геополитики определен цивилизационный статус России. Показана ее роль в современном евразийском интеграционном проекте в качестве альтернативы евроатлантической гегемонии, не только в силу своей духовности, но и инновационности как одного из основных мировых генераторов новых идей и технологий.

Область применения результатов. Основные выводы работы могут найти применение в сфере конструирования социально-политической реальности и прогнозирования.

Ключевые слова: геополитика; цивилизация; геополитическая идентичность; российская цивилизационная идентичность; интеграция; мультикультурализм; хартленд; римленд.

GEOPOLITICAL DIMENSION OF RUSSIAN CIVILIZATION

Vshivtseva L.N., Mulikova N.A.

The aim of the work. This article is devoted to the topical issue considering identity of Russian civilization in the face of geopolitical downfall and ethnical outbreak. The subject of analysis is the civilizational status of modern Russian Federation. The authors deal with the geopolitical subjectivity of Russian civilization within the context of the two competing integrative projects – Eurasian and Euro-Atlantic.

The method or the methodology of work performance. The framework of the research is based on analytical, axiological, cultural and historical methods as well as fundamentals of civilizational approach.

The results of research. The civilizational status of Russian Federation in the context of classical and postmodern geopolitical theory is defined in the given article. Its role in the modern Eurasian integrative project as being an alternative to Euro-Atlantic hegemony is verified, not only on account of its spiritually, but as well innovativeness as one of the basic global concepts and technologies generators.

The field of the results application. The results of the research could be applied in the sphere of sociopolitical reality and predictability formation.

Keywords: geopolitics; civilization; geopolitical identity; Russian civilizational identity; integration; multiculturalism; heartland; rim land.

В условиях резкого обострения геополитической ситуации тема цивилизационного статуса России выходит на первый план. Только сейчас вопрос о ее цивилизационном выборе – это не извечные споры славянофилов и западников, поиски национальной идеи или выражение мессианских мотивов, протекающие больше в идейно-духовной плоскости. В настоящее время – это ответ на геополитические вызовы современности во многом определяющий будущее российского общества. И этот вопрос необходимо рассматривать не в привычной для нас парадигме «Восток – Запад», а в категориях классической геополитики «хартленд» и «римленд», в контексте

двух соперничающих проектов глобальной интеграции – евразийского «теллурократия» и евроатлантического «талассократия».

В рамках классической геополитики – Х.Дж. Маккиндер, А.Т. Мэхэн, Ф. Ратцель, Р. Челлен, К. Хаусхофер, Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий – все этапы, которые в своем развитии проходит цивилизация, детерминированы объективными факторами: в первую очередь, географическим положением и наличием/отсутствием природных ресурсов. Российскую Федерацию отличает и особое географическое положение, и богатство ресурсов. Центральное положение на Евразийском континенте объективно закрепило за Россией роль моста, связующего звена, синтезирующего начала между Западом и Востоком. В силу своего географического положения, одновременного присутствия и в Европе и в Азии, российское государство объективно влияет на экономическое и социокультурное развитие данных частей света. Являясь самой большой страной в мире с развитой системой международного транзита, наземной, воздушной, морской и космической навигации, Россия обладает мощным международным интеграционным потенциалом и возможностью влиять на глобальную политику.

Всей своей многовековой историей российская цивилизация явила миру пример успешной, за редким исключением, ненасильственной интеграции большого количества народов, при этом многие из них не утратили своей уникальности и самобытности. Россия никогда не была «плавильным котлом» для своих народов, наоборот, она бережно сохраняла их традиции и обычаи. При этом ей удалось построить то самое «единство в многообразии», о котором мечтают многие страны Европы. И этот опыт России бесценен. По мнению Г.В. Вернадского, Евразия – это «не совокупность Европы и Азии, а именно Срединный материк как особый географический и исторический мир» [3, с. 7]. «Единство в многообразии» – это одна из центральных идей евразийского интеграционного проекта, отличающего его от пресловутого «плавильного котла» евроатлантической модели развития мира. В евроатлантическом интеграционном проекте все страны должны объединиться под началом США и быть

ее вассалами. Евразийский интеграционный проект предполагает партнерские отношения между странами и не выделяет никакую из них в качестве единственного и неоспоримого лидера.

Один из классиков геополитики Х.Дж. Маккиндер вывел известную формулу: Кто правит Восточной Европой, правит Хартлендом; Кто правит Хартлендом, правит Мировым Островом; Кто правит Мировым Островом, правит миром. Мировой Остров – это Евразия» [7]. Данная формула легла в основу внешней политики США, имеющей своей конечной целью мировую гегемонию. И на этом пути к однополярности мира встала Россия, которая объективно, вследствие своего географического положения и мощи ресурсов, занимает центральное место на евразийском пространстве. Х.Дж. Маккиндер называет Россию «держательницей хартленда». В его геополитической теории это «срединная земля» или «сердцевина земли» – массивная северо-восточная часть Евразии, конкретные контуры которой в разное время корректировались Маккиндером, но всегда включали в себя большую часть территории Российской империи, СССР, а теперь включают территорию Российской Федерации [9, с. 15–18]. «Территория СССР – эквивалент Хартленда, а Южный Урал – ось осевой земли (the very pivot of the pivot area) » [10, с. 598, 600].

Х.Дж. Маккиндер в своих работах спрогнозировал глобальный конфликт между «центральным материком» (СССР) и державами «внешнего полумесяца» (США, Англия и Япония). В своих работах геополитик на долгие годы определил стратегию США и их союзников в отношении России. Анализ происходящих процессов на постсоветском пространстве и последние события на Украине свидетельствуют о том, что и в настоящее время Россия для Запада – это Хартленд, Осевая земля мировой геополитики, ядро всей Евразии.

Геополитическую схему мира, представленную Х.Дж. Маккиндером, спустя время, в конце XX столетия, можно увидеть в концепции З. Бжезинского: «Евразия – наиболее важный регион мира, который необходимо сдерживать в целях предотвращения мировой гегемонии. Отсюда глобальное первенство Америки зависит от того, «насколько долго и эффективно будет сохраняться ее превос-

ходство на евразийском континенте» [1, с. 43]. В свете этой идеи, понятен особый интерес США к событиям майдана в Украине в 2014 г. И главная цель Америки – это не желание помочь украинцам в экономическом плане, и даже не столько военные базы на территории этой страны, а это, в первую очередь, удар по всему Русскому миру, в значении российской цивилизации. И это опять борьба двух соперничающих интеграционных проектов – евразийского и евроатлантического, а Украина – это всего лишь средство для США, и неотъемлемая, очень значимая часть, своего мира для России.

Отечественным последователем геополитической концепции Х.Дж. Маккиндера выступил П.Н. Савицкий, предложивший свою «микромодель мира», в которой Россия в силу своего географического положения играет важную роль. Главное различие этих двух концепций определил Т.А. Михайлов: «Если Х. Маккиндер считал, что из пустынь «хартленда» исходит механический толчок, заставляющий береговые зоны («внутренний полумесяц») творить культуру и историю, то Савицкий утверждает, что Россия-Евразия и есть синтез мировой культуры и мировой истории, развернутый в пространстве и времени» [6, с. 167].

Таким образом, в классических геополитических концепциях цивилизационный статус России определяются, в первую очередь, ее географическим положением. И такие важнейшие качества российской цивилизации, как полиэтничность, поликонфессиональность и поликультурность, соединенные в единое политическое и социокультурное целое, будь то русские, советский народ или российская нация, тоже обусловлены ее географическим пространством.

Мировое господство Америки во многом будет определяться цивилизационным выбором России: «Само ее присутствие, оказывает ощутимое влияние на обретшие независимость государства в пределах широкого евразийского пространства бывшего Советского союза. Россия лелеет амбициозные геополитические цели, которые более и более открыто провозглашает. Как только она восстановит свою мощь, то начнет также оказывать значительное влияние на своих соседей – восточных и западных. Кроме того, России еще пред-

стоит сделать свой основополагающий геостратегический выбор в плане взаимоотношений с Америкой: друг это или враг» [1, с. 53]. В работах классиков и современных представителей геополитики, независимо от того, признают ли они Россию центром мира или нет, она всегда обладает геополитической субъектностью, что обусловлено, в первую очередь, такими объективными факторами, как географический и природоресурсный. Однако необходимо помнить, что в современном мире это одни из немногих факторов, определяющих место страны на международной арене. Есть еще демографический, экономический, политический, оборонный, культурный, социальный и другие факторы, которые в настоящем обнаруживают ряд проблем. Современная Россия нуждается в: переходе от сырьевой экономики к инновационной с доминирующим наукоемким производством и наращиванием высокотехнологичного хозяйственного потенциала; развитии информационной среды и инфраструктуры; демократизации общества с развитыми институтами гражданского общества и высоким уровнем правовой культуры; формировании российской идентичности, способствующей консолидации общества и преодолению ряда этнических проблем; улучшении демографической ситуации; совершенствовании систем образования, здравоохранения и всей социальной сферы в целом; повышении качества жизни человека. Очевидно, что от успехов экономической и социокультурной модернизации будет зависеть место России в мире. Вся внешняя политика страны должна быть инструментом для внутреннего развития страны. В свою очередь, в современном глобальном обществе очень важно успешно интегрироваться в мировые экономическое и политическое пространства, а для этого должны быть внутренние ресурсы.

Классическому геополитическому подходу во многом противостоит миросистемный подход. Его основные представители – И. Валлерстайн, С. Амин, Б. Гиллс, Ф.Э. Кардозо, Дж. Модельски, К. Раслер, У. Томпсон, Т. Шанин, Д. Уилкинсон, А.Г. Франк, Т. Холл – в качестве основных движущих сил цивилизации обозначили экономические факторы. В современном мире только капитал может обеспечить контроль над любым пространством и гарантировать успех страны

на международной арене. Базовыми понятиями данного подхода являются «пространство», «ядро», «центр», «периферия». Все государства мира рассматриваются сторонниками данного подхода в пространственной парадигме: «ядро-полупериферия-периферия». Ключевым является утверждение о существовании некоторой зависимости полупериферии и периферии от одного постоянного центра – Запада. Взаимодействующие пространства подвергают друг друга трансформациям. В качестве важнейших факторов трансформаций выступают не внутренние (национальные), а внешние (глобальные).

Россия, в миросистемном подходе, чаще всего предстает полупериферией. Так, И. Валлерстайн, анализируя причины распада СССР, подчеркнул: «События 1989–1991 гг. не явились чем-то неожиданным для приверженцев миросистемного анализа, – т. к. они всегда относили СССР к странам полупериферии и предполагали, – «что раньше или позже стоящие у власти коммунистические режимы будут принуждены отказаться от некоторых форм своего “отклоняющегося” поведения и стать более похожими на режимы, существующие повсюду в миросистеме» [2, с. 25]. В концепции Т. Шанина Россия – это вообще страна третьего мира, не имеющая своего особого пути развития. «Вопреки отдельным успехам Россия как была, так и оставалась страной третьего мира» [8, с. 86–88].

Б.Ю. Кагарлицкий отстаивает и аргументирует «идею об истонной вовлеченности России в европейский контекст, объясняя все особенности ее цивилизационного развития воздействиями мировой экономической конъюнктуры, культурными заимствованиями с Запада» [5]. В отличие от классических геополитических концепций, в моделях миросистемного подхода Россия не признается в качестве самостоятельной мировой цивилизации, а наоборот, всячески подчеркиваются ее несамостоятельность и полная зависимость от Запада. Сторонники данного подхода оперируют не категориями геополитики, а ключевыми понятиями геоэкономики, такими, как: глобальное экономическое пространство, ТНК, инновационная экономика, высокотехнологичное производство, конкуренция на мировом рынке, финансово-экономический союз и др.

Конечно, в рамках чисто геоэкономической парадигмы Россия не выдерживает критерия мировой субъектности. Оказавшись в окружении мощных экономических сил – Европейского союза, Японии и стран Азиатско-Тихоокеанского региона – Российская Федерация не смогла весьма успешно интегрироваться в мировое экономическое пространство, утратив былое величие второй экономики мира. Сегодня уже всем понятно, что без формирования высокотехнологичного производства у страны нет будущего мировой державы. И в этом направлении Россия не стоит на месте. Интеллектуальный потенциал Российской Федерации огромен, достаточно вспомнить большое количество открытий и разработок в сфере науки и техники. Перед страной стоит непростая задача – внедрить эти технологии в производство, поставить его на новый уровень развития. Экономический ресурс, безусловно, выступает значимым фактором конкурентоспособности на мировой арене, но не стоит его абсолютизировать, доводить до уровня экономического детерминизма. Социокультурные факторы в не меньшей степени, чем экономические, определяют геополитическую субъектность страны.

Ответом на миросистемную модель мира выступили национально-цивилизационные концепции российской идентичности (Л.М. Леонов, И.Р. Шафаревич, Э.В. Володин, Д.М. Балашов, М.Ф. Антон и др.), основанные на оппозиции – Россия-Запад – в качестве цивилизаций Суши и Моря. Данное противостояние отмечено авторами этой концепции на всем протяжении истории и во все сферах социального бытия. Можно обозначить десятки таких оппозиций: коллективизм – индивидуализм; коммунитаризм – либерализм; общество – личность; сакральность государства – сакральность личности; альтруизм – эгоизм; духовность – рационализм; фатализм – прагматизм; богочеловек – человекобог и т.д. Следует отметить непростое положение России, т.к. ее цивилизационной субъектности угрожает не только «американский котел», но и «евразийский котел», о чем свидетельствует естественный прирост тюркского и северокавказского населения российского социума в сравнении с русским этносом. Российская цивилизация, авторам данной концепции, трактуется как геополитическая.

тический союз всех православных славян, скрепленных восточным христианством, противостоящий и Западу, и Востоку. По сути, это возрождение известной формулы XVI в. «Москва – Третий Рим».

Таким образом, вопрос о цивилизационном статусе России – это поиск ее геополитической идентичности. И сегодня он решается в контексте двух соперничающих интеграционных проектов – евразийского и евроатлантического. Роль России в век постиндустриального общества заключается в творческом видении мира, в духовности российского общества, в сохранении национальной культуры, в своем особом мироощущении. Сегодня Россия играет ключевую роль в обеспечении многополярного мира и в этом ее миссия. Однако не стоит забывать, что геополитика не терпит дематериализации и идеологизации. И те, кто обвиняют в этом лучших представителей славянофильства и евразийства, должны понимать, что помимо пресловутой духовности, Российская Федерация обладает всеми признаками, указывающими на ее геополитическую субъектность. К таковым следует отнести: 1) уникальное географическое положение в центре Евразии с выходом к трем мировым океанам, развитыми транспортными путями, связывающими Европу и Азиатско-Тихоокеанский регион, Европу и Северную Америку, Центральную Азию и Северную Америку; 2) богатство природных ресурсов: России принадлежит мировое лидерство по количеству запасов природного газа и древесины, второе место по добыче угля и третье по величине месторождений золота и т.д. (в целом 40% от мировых запасов природных ресурсов); 3) высокая численность населения (2% от всего населения Земли): по данным Росстата, на 1 января 2020 года, в России было 146 745 098 постоянных жителей, страна занимает девятое место в мире по численности населения [10]; 4) ядерная мощь страны: «по состоянию на 1 июля 2016 года, по оценке группы международных экспертов, в составе стратегических ядерных сил России находится 526 развернутых стратегических носителей ядерного оружия – межконтинентальных баллистических ракет, баллистических ракет подводных лодок и тяжёлых бомбардировщиков, оснащенных 1735 ядерными боезарядами. При этом общее число носителей ядерного оружия со-

ставляет 877 единиц, на которых возможно размещение до 3200 боезарядов, на основании данных, предоставленных в рамках обмена по договору СНВ-III» [4, с. 6]; 5) полиэтничность, поликультурность и поликонфессиональность российской цивилизации, скрепленные воедино: Россия всегда была и остается мостом между различными культурами и конфессиями: европейской и азиатской, христианской и исламской. Для укрепления своего положения на мировой арене в настоящем России необходимо решить ряд экономических, демографических и социальных проблем, наличие которых никак не умаляет ее геополитическую субъектность.

Список литературы

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998. 254 с.
2. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. М. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.
3. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. М.: Алгоритм, 2008. 331 с.
4. Захаров С.С. Проявления низкой культуры ядерной безопасности в обращении с ядерным оружием в США // II региональный образовательно-научный семинар с международным участием. НТИ НИЯУ МИФИ, 2015. С. 9–13.
5. Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: Россия и миросистема. М.: URSS: Либроком, 2011. 455 с.
6. Михайлов Т.А. Эволюция геополитической идеи. Рига: Изд-во Балтийского русского института, 1998. 186 с.
7. Сургуладзе В.Ш. Актуальные вопросы безопасности России в контексте геополитической концепции Х. Маккиндера URL: http://www.riss.ru/analitika/3217-aktualnye-voprosy-bezopasnosti-rossii-v-kontekste-geopoliticheskoy-kontseptsii-kh-makkindera#.U_ZyгаOQuho (дата обращения: 21.10.2019).
8. Шанин Т. История России XX в. с позиций сквозной «третьемирности» // Отечественная история. 1999. № 6. С. 86–88.

9. Cohen S.B. Geography and Strategy: Their Interrelationship // *Naval War College Review*. Vol. X. December 1957. № 4, pp. 15–18.
10. Mackinder H.J. The Round World and the Winning of the Peace // *Foreign Affairs*. Vol. 21. July 1943. № 4, pp. 595–605.
11. Демоскоп Weekly URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/app/popclock/popclock.php> (дата обращения: 01.01.2020).

References

1. Brzezinski Z. *Velikaya shakhmatnaya doska. Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy* [The grand chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives]. Moscow: International relations, 1998. 254 p.
2. Vallerstein I. *Analiz mirovykh system i situatsiya v sovremennom mire* [The world systems' analysis and present situation]. Moscow, Saint-Petersburg: Universitetskaja kniga, 2001. 416 p.
3. Vernadskij G.V. *Nachertanie russkoj istorii* [The inscription of Russian history]. M.: Algoritm, 2008. 331 p.
4. Zaharov S.S. *II regional'nyj obrazovatel'no-nauchnyj seminar s mezhdunarodnym uchastiem* [II regional educational and scientific seminar with international participation]. NTI NIJaU MIFI, 2015, pp. 9–13.
5. Kagarlickij B.Yu. *Periferijnaja imperija: Rossija i mikrosistema* [Peripheral empire: Russia and microsystem]. Moscow: URSS: Librokom, 2011. 455 p.
6. Mihajlov T.A. *Revoljucija geopoliticheskoj idei* [The revolution of geopolitical concept]. Riga: Baltic Russian Institut Publishing House, 1998. 186 p.
7. Surguladze V.Sh. *Aktualnye voprosy bezopasnosti Rossii v kontekste geopoliticheskoj koncepcii H.Makkindera* [Current issues of Russian security within H.Mackinder's geopolitical concept]. http://www.riss.ru/analitika/3217-aktualnye-voprosy-bezopasnosti-rossii-v-kontekste-geopoliticheskoj-kontseptsii-kh-makkindera#.U_ZyraOQuho (Accessed: 21.10.2019). (In Russ., Abstr. in Engl.).
8. Shanin T. *Istorija Rossii XX veka s pozicij skvoznoj 'tretimirnosti'* [Russian history of the 20th century with regard to pervasive 'tretimirnosti']. *Russian history* [Otechestvenaya istoriya], 1999, no. 6, pp. 86–88.
9. Cohen S.B. Geography and strategy: their interrelationship. *Naval War College Review*, December 1957, vol. 10, no. 4, pp. 15–18.

10. Mackinder H.J. The round world and the winning of the peace. *Foreign Affairs*, July 1943, vol. 21, no. 4, pp. 595–605.
11. Demoskop Weekly. <http://www.demoscope.ru/weekly/app/popclock/popclock.php>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Вшивцева Людмила Николаевна, доцент кафедры социальной философии и этнологии, кандидат философских наук, доцент
Гуманитарный институт Северо-Кавказского федерального университета
ул. Пушкина, 1А, г. Ставрополь, 355009, Российская Федерация
lyudmila-vshivceva@yandex.ru

Муликова Наталья Анатольевна, доцент кафедры социальной философии и этнологии, кандидат философских наук, доцент
Гуманитарный институт Северо-Кавказского федерального университета
ул. Пушкина, 1А, г. Ставрополь, 355009, Российская Федерация
n_mulikova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Vshivceva Ljudmila Nikolaevna, social philosophy and ethnology sun-
department associate professor, Ph.D. in Philosophical Science,
associate professor
Humanitarian Institute, North Caucasus Federal University
1A, Pushkina Str., Stavropol, 355009, Russian Federation
lyudmila-vshivceva@yandex.ru

Mulikova Natalya Anatolyevna, social philosophy and ethnology sun-
department associate professor, Ph.D. in Philosophical Science,
associate professor
Humanitarian Institute, North Caucasus Federal University
1A, Pushkina Str., Stavropol, 355009, Russian Federation
n_mulikova@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-2-68-83

УДК 005.334: 614.2

ОЦЕНКА ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ФАКТОРОВ РИСКА МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В УСЛОВИЯХ ЭПИДЕМИЙ И ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ

Соколов В.М., Стовба А.В.

***Актуальность.** Труд медицинских работников относится к категории наиболее ответственных и сложных видов деятельности, сопряженных с риском. В данной статье в качестве такой рискованной среды рассматриваются условия труда врачей и другого медперсонала; осуществляется анализ факторов психосоциального риска медицинских работников в сложных условиях борьбы с инфекционными и прочими заболеваниями.*

***Цель.** Авторы ставят целью раскрыть и проанализировать морально-психологическое состояние и трудовое поведение медицинских работников в экстремальных условиях, создающие угрозы и риски для их здоровья. По роду своей деятельности сотрудники медицинских учреждений должны прежде всего руководствоваться профессиональными медицинскими кодексами, но также их моральный выбор в экстремальных ситуациях будет зависеть от собственной оценки риска и системы ценностей.*

***Результаты.** В результате проведенного анализа показано, что ситуацию в Российской Федерации в целом можно оценить как неблагоприятную в плане материальной и морально-психологической поддержки медперсонала в период массовых эпидемий и экстремальных ситуаций. Государство обязано ценить их труд ещё выше в кризисной обстановке и обеспечить жизненно-необходимыми средствами эпидемиологической защиты, хотя бы для того, чтобы специалист не пополнил отрицательную часть статистики в период эпидемии, когда его труд настолько ценен.*

Область применения результатов. Авторами затрагивается проблема совершенствования системы российского здравоохранения с учетом сложившейся ситуации с распространением эпидемии коронавируса. Через призму данного подхода подчеркивается важность учета оценки поведенческих факторов профессионального риска и их восприятия в медицинской среде. Подчеркивается важность сохранения физического и психического здоровья медработников как необходимого условия успешности противоэпидемических мероприятий и принятия адекватных управленческих решений в случае экстремальных ситуаций.

Ключевые слова: трудовое поведение медработников; моральный выбор; профессиональный риск; эпидемия коронавируса; биоэтическая ответственность; информационная безопасность.

ASSESSMENT OF BEHAVIOURAL RISK FACTORS OF HEALTH WORKERS IN EPIDEMICS AND EXTREME SITUATIONS

Sokolov V.M., Stovba A.V.

Relevance. The work of medical workers is among the most responsible and complex activities involving risk. In this article conditions of work of doctors and other medical personnel are considered as such risky environment; psychosocial risk factors of medical workers in difficult conditions of struggle against infectious and other diseases are analyzed.

Purpose. The authors aim to reveal and analyze the moral and psychological state and labor behavior of medical workers in extreme conditions that create threats and risks to their health. By the nature of their activities, employees of medical institutions should primarily be guided by professional medical codes, but also their moral choice in extreme situations will depend on their own risk assessment and value system.

Results. The analysis shows that the situation in the Russian Federation as a whole can be assessed as unfavourable in terms of material and moral-psychological support for medical personnel during mass

epidemics and extreme situations. The state must value their work even higher in a crisis situation and provide vital means of epidemiological protection, at least to prevent a specialist from adding to the negative part of statistics during an epidemic when his work is so valuable.

Scope of the results. *The authors address the problem of improving the Russian health care system taking into account the current situation with the spread of coronavirus epidemic. Through the prism of this approach, the importance of taking into account the assessment of behavioral factors of occupational risk and their perception in the medical environment is emphasized. The importance of preserving the physical and mental health of medical workers as a prerequisite for the success of anti-epidemic measures and making adequate managerial decisions in case of extreme situations is emphasized.*

Keywords: *health workers' working behaviour; moral choice; occupational risk; coronavirus epidemic; bioethical responsibility; information security.*

Стихийные и экологические бедствия, широко распространенные эпидемии, пандемии происходят в современном мире с тревожной регулярностью и создают риски для специалистов в области здравоохранения. Со времен средневековья по нашей планете прошли шесть самых масштабных инфекционных пандемий, и только три из них – «Испанская», «Азиатская» и «Гонконгская» пандемии гриппа произошли в XX веке: в 1918, 1957 и 1968 годах. В XXI веке помимо известных инфекционных заболеваний, таких как лихорадки: чикунгунья, Зика, Эбола, холера, корь и другие появляются вспышки новых инфекций и заболеваний.

В 2017 году Всемирная организация здравоохранения установила, что дополнительные заболевания представляют собой значительный риск возникновения широкомасштабных стихийных бедствий в области общественного здравоохранения [4]. По данным ВОЗ, ежегодно в мире от инфекционных болезней страдают 2 млрд. человек и для 17 млн. из них это причина смерти. Ежедневно в мире 50 тыс. летальных исходов обусловлены инфекционными

болезнями, которые по-прежнему остаются в числе ведущих причин смертности и первой причиной преждевременной смерти (52%) случаев смерти [11, с. 4].

В конце 2019 года группа больных с пневмонией, спровоцированной неизвестным ранее коронавирусом в китайском городе Ухань, вызвала обеспокоенность во всем мире. Коронавирусы являются большим семейством вирусов, способных вызывать болезни от обычной простуды до тяжелого острого респираторного синдрома (ТОРС). Примечательно, что это не первый случай эпидемии среди людей, вызванных коронавирусами: SARS-CoV был причиной тяжелого острого респираторного синдрома еще в 2003 году, а MERS-CoV – ближневосточного респираторного синдрома в 2012 году. На одном из своих последних заседаний (30 января 2020 г.) Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) признала вспышку нового коронавируса COVID-19 чрезвычайной ситуацией международного масштаба.

В России угроза эпидемии так же рассматривается всерьез на разных уровнях власти. Предпринимаются все более строгие меры по борьбе с эпидемией коронавируса – карантины, запреты публичных мероприятий, ограничения активности граждан и т.п. Seriously обсуждаются идеи закрывать на карантин целые мегаполисы и требовать от людей неделями сидеть дома, в самоизоляции. В экстренном порядке создаются центры по борьбе с коронавирусом. С целью информирования граждан эта тема регулярно освещается в СМИ, в интернете создан информационный портал Стопкоронавирус.РФ.

Условия труда врачей оказывают непосредственное влияние на вероятность риска инфицирования. Медицинские работники являются группой высокого риска инфицирования вирусными заболеваниями по сравнению с населением. В структуре профессиональных заболеваний у медицинских работников первое место стабильно занимают инфекционные заболевания – от 75,0 до 83,8%, в среднем – 80,2% [6, с. 70]. Статистика заболеваемости медицинских работников показывает, что ежегодно 320 тысяч медиков не выходят на работу из-за болезней. При этом уровень смертности медицин-

ских работников в возрасте до 50 лет на 32% выше, чем в среднем по России, а у хирургов эта цифра доходит до 40% [9, с. 64].

В то же время специалисты отмечают, что «на сегодняшний день нет правил или рекомендаций по профессиональной безопасности, применимых ко всем аспектам работы в лечебно-профилактических учреждениях, а большинство существующих рекомендаций является неспецифичными» [12]. Имеющиеся немногочисленные работы в этой области показали, что заболеваемость медицинского персонала учреждений здравоохранения России на протяжении последних лет остается на высоком уровне [3; 8; 18].

Медицинская услуга в корне отличается от других профессиональных услуг, поскольку ориентирована на особое благо – здоровье. Моральным долгом медицинских работников традиционно в рамках медицинской этики является обязанность удовлетворять потребности пациентов. Однако в сложных ситуациях медики зачастую оказываются перед дилеммой, выполнять свои профессиональные обязанности в соответствии с нормами медицинской этики или отступить от них, чтобы уменьшить свои личные риски. Способны ли врачи и другие медицинские работники адекватно реагировать, когда они сталкиваются с личными рисками?

Медицинские системы развитых стран, включая Россию, не только не готовы к борьбе с эпидемией, но и находятся сейчас в этом отношении на более низком уровне, чем 30–50 лет назад. И причиной тому социально-экономическая политика, проводившаяся почти всеми правительствами мира на протяжении прошедших десятилетий. В СМИ тиражируется сообщение о том, что в Уфе врачи инфекционной больницы из чувства опасности отказались обследовать 27-летнего россиянина, который вернулся из Китая с подозрением на наличие коронавируса.

Подобные случаи отказа медработников выполнять свой профессиональный долг, сопряженные с личными рисками для медицинских работников являются далеко не единичными. Данный пример, как и другие аналогичные случаи в медицинской практике указывают на то, что на сегодняшний день в российском здравоохранении

ранении существуют определенные проблемы с оказанием должной медицинской помощи. Провал оптимизации наконец-то публично признала вице-премьер РФ Татьяна Голикова. По ее словам, медицинскую инфраструктуру «никто не трогал с конца 50-х». Число больниц и поликлиник в результате реформ сократилось в два раза. А вице-премьер Антон Силуанов вслух произнес, что множество поликлиник и районных больниц в России находятся «в плохом, если не сказать ужасном, состоянии» [19].

Неолиберальная концепция представляет медицину, как одну из отраслей сферы услуг, ориентированных на текущий спрос. Важнейшим элементом либерально-глобалистского нарратива здесь выступала неумеренная апологизация рыночных механизмов в экономике здравоохранения. Иными словами, если люди пока не болеют, нет смысла держать «про запас» лишние койкоместа, нет необходимости оплачивать «лишний» медицинский персонал и готовить специалистов. Напротив, логика оптимизации требует постоянного сокращения расходов, уменьшения числа работников, что повышает рыночную эффективность затрат. Оптимизация здравоохранения, проходившая повсеместно, привела к стремительному сжатию всей системы, при этом параллельно развивавшаяся коммерческая медицина была ориентирована на текущий платежеспособный спрос, а потому оказывалась сверх-специализированной и не имеющей потенциала быстрого развертывания в кризисной ситуации.

Совершенно изменился баланс ответственности государства и общества в ситуации эпидемий и чрезвычайных ситуаций. Так, главный редактор RT Маргарита Симоньян призналась, что в России сложилась катастрофическая ситуация в связи с эпидемией коронавируса. Она сообщила, что в российских больницах по всей стране заканчиваются годовые запасы медицинского оборудования, включая средства дезинфекции, халаты и перчатки, которые жизненно необходимы во время борьбы с эпидемией. За помощью М. Симоньян обратилась к «богатым людям» с призывом помочь обеспечить городские больницы необходимым оборудованием и средствами индивидуальной защиты [20]. Таким образом, как

следует из вышесказанного, государство в плане организации медицинской помощи оказалось не совсем готовым к преодолению кризисных ситуаций.

Правомерно задаться вопросом: как общество должно реагировать перед лицом рискованных ситуаций в условиях дефицита материально-ресурсной части государственной медицины и существующих недостатков в организации системы отечественного здравоохранения? Многочисленные примеры показывают, что в силу разных причин люди могут преувеличивать риски возникновения экстремальных ситуаций, которые неизвестны или вызывают страх и панику. Например, те, которые имеют новые, неизвестные или ненаблюдаемые риски или те, которые носят глобальный характер. Они также могут преувеличивать значение рисков, «раскрученных» средствами массовой информации в виде провокационных вбросов в виде фейковых новостей. И наоборот, люди склонны преуменьшать даже существенные риски, с которыми они знакомы, такие как сезонный грипп, курение и не пристегивание ремнями безопасности в автомобиле. Социологические службы проводят исследования на предмет отношения граждан к угрозе заражения инфекционными заболеваниями. Так, например, социологи Челябинского филиала РАНХиГС обратились к челябинцам с вопросом, опасаются ли они заболеть коронавирусом. Большинство (59,2%) горожан ответили отрицательно [17].

Медики решают, каких рисков следует опасаться или избегать, основываясь на их собственном восприятии источника и качества получаемой информации. В условиях недостатка информации врачи могут принимать решения, основанные на нагретых эмоциях и панике и наоборот их восприятие риска может быть неточным. Предоставление объективной текущей информации о рисках и возможности оказать помощь во время кризиса помогут здоровью медицинских работников и населению в целом.

Обеспечение информационной безопасности должно быть направлено прежде всего на предотвращение рисков, а не на ликвидацию их последствий. В кризисных ситуациях люди должны

получать объективную информацию от адекватного независимого источника массовой информации, от правительства и других источников, помогающих идентифицировать реальные риски для себя и своих близких. Распространение такого рода информации, в том числе точной оценки рисков и описание защитных мер, стимулирует максимальное число медиков к тому, чтобы правильно реагировать на ситуацию.

Врачи, особенно те, кто не прошел подготовку в области неотложной помощи, могут обоснованно опасаться нехватки необходимых навыков и знаний для работы в экстремальных условиях, особенно если их просят работать вне их обычной обстановки или когда ресурсов не хватает. Наконец, существует угроза (подразумеваемая или явная), что медицинские работники могут потерять работу, если они будут уклоняться от выполнения своих профессиональных обязанностей.

Хотя у врачей есть значительный, но не абсолютный моральный долг работать во время стихийного бедствия, он может быть проигнорирован противоречивыми личными обязанностями: защищать как свою семью, так и собственную безопасность. Врачи должны сбалансировать эти противоречивые личные и профессиональные обязанности, основывая свое решение на том, как они рассматривают последствия для себя и своих семей, пациентов, коллег и, возможно, других.

В связи с этим возникает вопрос: когда личный риск и ответственность перед собой, семьей и друзьями перевешивают профессиональный долг врача и медработника? Одно из соображений заключается в том, что обязанность врача следовать нормам медицинской этики и клятве Гиппократата может уменьшиться по мере повышения уровня личного риска. Каким образом можно стимулировать медперсонал на добротное ответственное выполнение своих профессиональных обязанностей в рискованных ситуациях? Поскольку не существует абсолютного обязательства для врачей как им нужно реагировать на подверженные риску ситуации, и решение остается их личным моральным выбором, то в этом случае возникает вопрос создания дополнительных стимулов и поощрения. Таким образом,

решение человека, работающего в области здравоохранения, остаться выполнять свой медицинский долг в рискованной ситуации или оставить его в конечном счете будет зависеть от собственной оценки риска и системы его моральных ценностей [13, 14, 15].

Сегодня, когда эпидемии вирусных заболеваний опустошают регионы по всему миру, каждый должен задаться вопросом, на что нам стоит надеяться и что делать, если вирусные эпидемии в больших масштабах угрожают нашему сообществу. Государственные органы, при планировании стихийных бедствий, должны учитывать, будет ли медицинский персонал способен идти на риски и готов бороться с угрозами или в целях самосохранения уклоняться от выполнения своих профессиональных обязанностей.

Врачебный долг предписывает тот или иной тип поведения, но не говорит, почему врач должен поступать именно так, не говорит о более глубоких ценностях, которые лежат в основе тех или иных норм. Медицинский персонал любого лечебного учреждения ежедневно контактирует с различными факторами инфекционной и неинфекционной природы, оказывающими влияние на его здоровье и работоспособность. Поэтому больничная среда должна расцениваться как чрезвычайно агрессивная микрoэкологическая сфера [1].

Согласно официальным данным, врачи живут меньше своих пациентов на 15 лет. С одной стороны, играет роль совокупность специфических факторов, составляющих профессиональный стресс, с другой – врачи подвержены тем же факторам риска хронических неинфекционных заболеваний, что и популяция в целом [2]. Как показывают исследования, профессиональная заболеваемость медицинских работников в России имеет тенденцию к росту. Лишь 2% российских медиков признаны абсолютно здоровыми. Как отмечает Р.В. Гарипова: «Есть веские основания полагать, что распространенность профессиональных заболеваний среди работников сферы здравоохранения на самом деле существенно выше официально регистрируемой» [5]. В данной ситуации вопросы здоровьесберегающего поведения медицинских работников приобретают особую актуальность. По оценке Ю.Ю. Горблянского: «Сами врачи и медсестры не

придают особого значения решению этой проблемы, вероятно потому, что традиционно политика безопасности и сохранения здоровья проводилась в основном для пациентов, а не для сотрудников» [7].

Действительно можно согласиться с этой точкой зрения, а именно в том, что медицинское профессиональное сообщество сегодня остро нуждается в системной, а не разовой государственной поддержке. Те, кто оказывает помощь перед лицом предполагаемого риска, а в настоящее время (к моменту написания данной статьи) ведет борьбу с эпидемией коронавируса COVID-19 демонстрируют самоотверженность и героическую храбрость. Почти каждый второй житель России (49%) считает, что врач – герой нашего времени, особенно в период пандемии коронавируса. Также 61% опрошенных убеждены, что медицинские службы способны защитить население от распространения коронавируса [10].

С другой стороны, в научных исследованиях в области междисциплинарного направления биоэтики актуализируется поиск новых нравственных императивов ответственности, одним из которых становится необходимость выработки методологии биоэтического типа ответственности, «утверждающей уникальность бытия всего живого и формирование на этой основе новой системы обеспечения социально-антропологической безопасности» [17, с. 60].

Выводы. 1. В условиях, когда отечественное здравоохранение находится в отнюдь не самом лучшем состоянии, целесообразно ли оказывать помощь другим государствам как, например, это было с оказанием Италии бескорыстной помощи? Ведь во многих городах России состояние медицинских учреждений оставляет желать лучшего. Так, например, Секретарь Совбеза Н.Патрушев заявил об аварийном состоянии 840 медучреждений на юге России, где нехватка медперсонала составляет более 46 тысяч человек, из них половина – врачи. Кроме этого, почти 40% автомобилей скорой помощи, по словам Патрушева, требуют замены – сообщает издание агентства «Интерфакс» (27.03.2020).

2. Специфика профессиональной этики медицинских работников детерминирована традиционными моделями медицинской эти-

ки (модель Гиппократ, модель Парацельса, модель деонтологии и биоэтическая модель). Но в рамках нынешней сложившейся системы здравоохранения с элементами неолиберальной экономики поведение медперсонала при оказании медпомощи в кризисных ситуациях будет зависеть от особенности морально-этического выбора и поведения медика в конкретных профессиональных ситуациях.

3. Государство должно создавать возможности по эффективной защите прав медицинских работников в части соблюдения социально-экономических гарантий и охраны труда, а также честно общаться с ними и обществом в случае возникновения эпидемий или других стихийных бедствий. Делая это до появления следующей пандемии или катастрофы, которая включает в себя личный риск. Только при этих условиях, по нашему мнению, можно призвать всех медицинских работников и вспомогательного персонала «остаться и бороться» с болезнями в экстремальных ситуациях.

Список литературы

1. Авхименко М.М. Некоторые факторы риска труда медика // Мед. помощь. 2003. № 2. С. 25–29.
2. Ахвердиева М.К. Эпидемиология факторов риска хронических неинфекционных заболеваний: фокус на здоровье врачей // Электронный научно-образовательный вестник «Здоровье и образование в XXI веке». 2010. Т. 12, № 3. С.151–152.
3. Бояркина С.И. Условия труда российских врачей: риски для здоровья и инфекционной безопасности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11. Вып. 3. С. 346–363.
4. Всемирная организация здравоохранения. Ежегодный обзор предшествующих заболеваний за 2017 год / Отчет о заседании 24–25 января 2017 г. Женева, Швейцария [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.who.int/blueprint/what/research-development/2017-Prioritization-Long-Report.pdf>
5. Гарипова Р.В. Совершенствование системы мониторинга за состоянием здоровья медицинских работников // Казанский медицинский журнал. 2011. № 1. С. 78–82.

6. Гатиятуллина Л.Л. Состояние здоровья медицинских работников // Вестник современной клинической медицины. 2016. Т.9, вып. 3. С. 69–75.
7. Горблянский Ю.Ю. Актуальные вопросы профессиональной заболеваемости медицинских работников // Медицина труда и проэкология. 2003. № 1. С. 8–12.
8. Ермолина Т.А., Мартынова Н.А., Калинин А.Г. Заболеваемость медицинских работников (профессиональные аспекты) // Здоровье и образование в XXI веке. 2017. Т. 19. № 5. С. 85–88.
9. Куракова Н. Синдром выгорания лучше всего лечится с помощью повышения зарплаты // Менеджер здравоохранения. 2011. № 7. С. 64–69.
10. Каждый второй в России считает врача героем нашего времени // ИА РЕГNUM URL: <https://regnum.ru/news/society/2892322.html> (дата обращения: 23.03.2020).
11. Полибин Р.В., Миндлина А.Я., Герасимов А.А., Брико Н.И. Сравнительный анализ смертности от инфекционных болезней в Российской Федерации и некоторых странах Европы // Эпидемиология и вакцинопрофилактика. 2017. № 3 (94). С. 4–10.
12. Смагулов Н.К., Хантурина Г.Р., Кожевникова Н.Г. Актуальность проблемы профессионального здоровья медицинских работников // Международный журнал экспериментального образования. 2013. № 11 (1). С. 52–56. URL: <http://expeducation.ru/ru/article/view?id=4415> (дата обращения: 21.03.2020).
13. Соколов В.М., Стомба А.В. Медицинское образование и проблемы социально-ответственной реализации достижений биоэтики // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-2.; URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=20069> (дата обращения: 14.03.2020).
14. Соколов В.М., Стомба А.В. Этика ответственности: происхождение и тенденции концептуальной эволюции // В мире научных открытий. 2014. № 7.1 (55). С. 636–653.
15. Соколов В.М. Биоэтическая детерминация моральных ценностей современной медицины // Фундаментальные исследования. 2014. № 9-5. С. 1151–1155; URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=35034> (дата обращения: 24.03.2020).

16. Соколов В.М. Биоэтика в контексте современных нравственных ориентиров развития научного знания // В мире научных открытий. 2013. № 1. 1(37). С. 54–67.
17. Уржанов Б. Большинство челябинцев не боятся заразиться коронавирусом // Вечерний Челябинск. 26.03.2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vecherka.su/articles/news/155036/>
18. Ходырева Л.А., Турзин П.С., Ушаков И.Б., Комаревцев В.Н. Условия и факторы, влияющие на состояние здоровья медицинских работников-женщин // Медицина экстремальных ситуаций. 2019. 21(2). С. 250–257.
19. Чернова Н. Черная дыра здравоохранения // Новая газета № 124 от 6 ноября 2019.
20. Шестак Е. Симоньян призвала «богатых людей» помочь больницам на фоне коронавируса // Деловая газета «Взгляд». 30.03.2020.

References

1. Avkhimenko M.M. Nekotorye faktory riska truda medika [Some labor risk factors of medical worker]. *Medicinskaya pomoshch'* [Medical care]. 2003. No 2, pp. 25–29.
2. Akhverdieva M.K. Epidemiologiya faktorov riska hronicheskikh neinfekcionnyh zabolevanij: fokus na zdorov'e vrachej [Epidemiology of risk factors for chronic non-communicable diseases: focus on doctors' health] *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj vestnik «Zdorov'e i obrazovanie v XXI veke»*. [Electronic scientific and educational bulletin "Health and education in XXI century"]. 2010. Vol. 12. No 3, pp. 151–152.
3. Boyarkina S.I. Usloviya truda rossijskih vrachej: riski dlya zdorov'ya i infekcionnoj bezopasnosti [Russian physician's labor conditions: Risks to health and inflectional safety]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya*. [Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology]. 2018. Vol. 11. No 3, pp. 346–363.
4. Vsemirnaya organizaciya zdavoohraneniya. Ezhegodnyj obzor predshestvuyushchih zabolevanij za 2017 god [World Health Organization. Annual Review of Previous Diseases 2017]. *Otchet o zasedanii 24–25 yanvarya 2017 g.* [Report of the meeting 24-25 January 2017]. Geneva,

- Switzerland [Electronic Resource]. <https://www.who.int/blueprint/what-research-development/2017-Prioritization-Long-Report.pdf>
5. Garipova R.V. Sovershenstvovanie sistemy monitoringa za sostoyaniem zdorov'ya medicinskih rabotnikov [Improvement of the health monitoring system for the medical workers]. *Kazanskiy medicinskiy zhurnal* [Kazanskiy medical journal]. 2011. No 1, pp. 78–82.
 6. Gatiyatullina L.L. Sostoyanie zdorov'ya medicinskih rabotnikov [State of health of medical workers]. *Vestnik sovremennoj klinicheskoy mediciny* [Messenger of modern clinical medicine]. 2016. Vol. 9. (3), pp. 69–75.
 7. Gorblyanskiy Yu.Yu. Aktual'nye voprosy professional'noj zaboлеваemosti medicinskih rabotnikov [Actual questions of the medical workers professional morbidity]. *Medicina truda i proekologiya* [Labor medicine and proecology]. 2003. No 1, pp. 8–12.
 8. Ermolina T.A., Martynova N.A., Kalinin A.G. Zaboлеваemost' medicinskih rabotnikov (professional'nye aspekty) [The professional morbidity aspects among health care employees]. *Zaboлеваemost' medicinskih rabotnikov (professional'nye aspekty)* [The Journal of scientific articles “Health and Education Millennium”]. 2017. Vol. 19. No 5, pp. 85–88.
 9. Kurakova N. Sindrom vygoraniya luchshe vsego lechitsya s pomoshch'yu povysheniya zarplaty [Burnout syndrome is best treated by means of salary increase]. *Menedzher zdravoohraneniya* [Healthcare manager]. 2011. No 7, pp. 64–69.
 10. Kazhdyj vtoroj v Rossii schitaet vracha geroem nashego vremeni [One in two in Russia considers a doctor a hero of our time]. *IA REGNUM* [IA REGNUM]. <https://regnum.ru/news/society/2892322.html> (date of address: 23.03.2020).
 11. Polibin R.V., Mindlina A.Ya., Gerasimov A.A., Briko N.I. Sravnitel'nyj analiz smertnosti ot infekcionnyh boleznej v Rossijskoj Federacii i nekotoryh stranah Evropy [Comparative analysis of mortality from the infectious diseases in Russian Federation and some European countries]. *Epidemiologiya i vakcinoprofilaktika* [Epidemiology and vaccine prophylaxis]. 2017. No 3 (94), pp. 4–10.
 12. Smagulov N.K., Hanturina G.R., Kozhevnikova N.G. Aktual'nost' problemy professional'nogo zdorov'ya medicinskih rabotnikov [Actuality of a problem of the medical workers professional health]. *Mezhdunarodnyj*

- zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya* [International journal of experimental education]. 2013. No 11 (1), pp. 52–56.
13. Sokolov V.M., Stovba A.V. Medicinskoe obrazovanie i problemy social'no-otvetstvennoj realizacii dostizhenij bioetiki [Medical education and problems of socially responsible implementation of achievements in bioethics]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. 2015. No 1-2. <http://science-education.ru/ru/article/view?id=20069> (date of address: 14.03.2020).
 14. Sokolov V.M., Stovba A.V. Etika otvetstvennosti: proiskhozhdenie i tendencii konceptual'noj evolyucii [Ethics of responsibility: the origin and trends of conceptual evolution]. *V mire nauchnykh otkrytij* [In the world of scientific discoveries]. 2014. No 7.1 (55), pp. 636–653.
 15. Sokolov V.M. Bioeticheskaya determinaciya moral'nyh cennostej sovremennoj mediciny [Bioethical determinacy of the moral values of modern medicine] *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental research]. 2014. No 9-5, pp. 1151–1155. <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=35034> (date of address: 24.03.2020).
 16. Sokolov V.M. Bioetika v kontekste sovremennykh npravstvennykh orientirov razvitiya nauchnogo znaniya [Bioethics in the context of modern moral guidelines for the development of scientific knowledge]. *V mire nauchnykh otkrytij* [In the world of scientific discovery]. 2013. No 1.1 (37). С. 54–67.
 17. Urzhanov B. Bol'shinstvo chelyabincev ne boyatsya zarazit'sya koronavirusom [Most people in Chelyabinsk are not afraid of getting the coronavirus]. *Vechnij CHelyabinsk* [Evening Chelyabinsk]. 26.03.2020. [Electronic Resource]. <https://vecherka.su/articles/news/155036/>
 18. Khodyreva L.A., Turzin P.S., Ushakov I.B., Komarevtsev V.N. Usloviya i faktory, vliyayushchie na sostoyanie zdorov'ya medicinskih rabotnikov-zhenshchin [Conditions and factors affecting the health condition of the female medical workers]. *Medicina ekstremal'nykh situacij* [Medicine of extreme situations]. 2019. 21(2), pp. 268–275.
 19. Chernova N. Chernaya dyra zdoravoohraneniya [Black Hole of Health]. *Novaya gazeta* [New newspaper]. No 124., 6.11. 2019.
 20. Shestak E. Simon'yan prizvala «bogatyh lyudej» pomoch' bol'nicom na fone koronavirusa [Simonean called on the “rich people” to help

hospitals against the backdrop of the coronavirus]. *Delovaya gazeta* «Vzglyad» [The business newspaper ‘View’]. 30.03.2020.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Соколов Владимир Максимович, доцент кафедры истории, философии и социально-гуманитарных наук, кандидат философских наук

*Бирский филиал Башкирского государственного университета
ул. Интернациональная, 10, г. Бирск, Республика Башкортостан, 452453, Российская Федерация
sokolov-vlad@mail.ru*

Стовба Андрей Владимирович, доцент кафедры истории, философии и социально-гуманитарных наук, кандидат философских наук

*Бирский филиал Башкирского государственного университета
ул. Интернациональная, 10, г. Бирск, Республика Башкортостан, 452453, Российская Федерация
stovbaav2006@rambler.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Sokolov Vladimir Maksimovich, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Social-Humanitarian Sciences, Candidate of Philosophy

*Birsk branch of Bashkir State University
10, Internatsionalnaya Str., Birsk, Republic of Bashkortostan, 452453, Russian Federation
sokolov-vlad@mail.ru*

Stovba Andrey Vladimirovich, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Social-Humanitarian Sciences, Candidate of Philosophy

*Birsk branch of Bashkir State University
10, Internatsionalnaya Str., Birsk, Republic of Bashkortostan, 452453, Russian Federation
stovbaav2006@rambler.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-2-84-111

УДК 130.11

ФЕНОМЕН ЭСКАПИЗМА В РЕКЛАМНОМ ТУРИСТИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ

Меньшикова Е.Е.

Цель. Настоящее исследование посвящено выявлению особенностей эскапизма как существенно значимого феномена человеческого бытия, актуализированного посредством рекламного туристического нарратива.

Метод или методология проведения работы. Исследование базируется на философской рефлексии, которая понимается в качестве особого метода, позволяющего анализировать социокультурные феномены. Методами исследования послужили также общенаучные методы наблюдения и описания.

Результаты. В статье рассматривается инструментальный эскапизм, служащий целям адаптации человека в современном обществе. Показано, что рекламный туристический нарратив является катализатором эскапизма. Выделены и обоснованы такие основные стратегии эскапизма как расхождение между актуальным и потенциальным бытием и рассогласование между реальным и идеальным «Я».

Область применения. Материалы могут включаться в курсы и модули преподавания философии культуры и философской антропологии. Практическая значимость настоящего исследования заключается также в возможности применения изложенных теоретических положений и практических результатов в лекционных курсах некоторых разделов по общему языкознанию, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: рекламный туристический нарратив; эскапизм; инструментальный эскапизм; туристический эскапизм; реальность; реальное и потенциальное бытие; Я-концепция; Я-реальное; Я-идеальное.

THE PHENOMENON OF ESCAPISM IN ADVERTISING TOURIST NARRATIVE

Menshikova E.E.

Purpose. *This article is devoted to the analysis of the special features of escapism as an essential phenomenon of human existence, realized through the advertising tourist narrative.*

Methodology. *The study is based on philosophical reflection, which is understood as a special method for analyzing socio-cultural phenomena. General scientific methods of observation and description were also used.*

Results. *The article deals with instrumental escapism, which serves as human adaptation in modern society. It is revealed that the advertising tourist narrative is a catalyst for escapism. Such principle strategies of escapism as the discrepancy between actual and potential being and the discrepancy between the real and ideal «I» are defined and justified.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in the field of philosophy of culture, philosophical anthropology, general linguistics, culture-oriented linguistics and cultural studies.*

Keywords: *advertising tourist narrative; escapism; instrumental escapism; tourist escapism; reality; real and potential being; self-concept; real self; ideal self.*

Введение

Актуальность темы исследования в значительной мере определяется процессами глобализации, информатизации, а также связанными с ними тенденциями интенсификации социальных изменений и трансформации существующих социокультурных моделей. На основе этих процессов и тенденций формируется ощущение неудовлетворённости миром реальным, что является питательной почвой для жизненных практик эскапизма. В современном медианасыщенном обществе эскапизм как значимая тенденция в пространстве культуры возникает при взаимодействии

антропологических и культурных предпосылок. Актуальность исследования феномена эскапизма связана и с тем, что распространение эскапизма усиливает потребительскую составляющую, которой в современном обществе свойственна знаковая функция, и на основании которой производится идентификация и номинирование. Отсюда несомненна высокая степень актуальности изучения феномена эскапизма, катализатором которого в нашем случае является рекламный туристический нарратив. Существуют также причины, связанные с недостаточной изученностью самого явления эскапизма.

Целью данной работы является выявление особенностей эскапизма как существенно значимого феномена человеческого бытия, актуализированного посредством рекламного туристического нарратива. Достижение цели сопряжено с решением ряда задач: проанализировать подходы к пониманию эскапизма, выявить его сущность; определить специфику проявления эскапизма в контексте рекламного туристического нарратива; исследовать основные стратегии актуализации эскапизма в рекламном туристическом нарративе; показать, что содержание текста рекламного туристического нарратива с точки зрения эскапизма соотносится с определенной целевой аудиторией.

Научная новизна настоящей работы заключается в том, что автором впервые проведено целенаправленное исследование механизмов актуализации эскапизма в рекламном туристическом нарративе с точки зрения бытия и «Я-концепции». Новым является также исследовательский материал.

В контексте тематики нашей работы отметим исследование О.В. Краснояровой, которая пишет, что сознание человека эпохи Интернета не просто оперирует информацией как инструментом, необходимым для познания действительности, но сама информация для него – тоже действительность, а не форма ее отражения; это возможность выбора и перспектива открытия чего-то неизвестного и нового; это возможность, не выходя из дома, путешествовать по морям и континентам, странам, временам, историческим эпохам:

это необходимое условие для, так называемого, «путешествия в Африку», т.е. выхода за рамки привычной повседневности [13].

Представление о феномене эскапизма и область определения данного понятия на протяжении всей истории его изучения продолжают изменяться и формироваться. В современных философско-психологических работах «эскапизм рассматривается в качестве нормативного явления и признается неотъемлемым свойством сознания» [26, с. 170]. Как отмечает Д.Г. Литинская, обычно понятием эскапизм «обозначают мировоззрение или стиль жизни, подменяющий реальные отношения с миром на воображаемые». «Эскапизм рассматривается главным образом как инструментальная стратегия социального поведения, служащая «бегству от...» повседневных практик контроля, отчужденности, анонимности жизни и являющаяся формой адаптации индивида к условиям жизни в современном постиндустриальном обществе» [15, с. 11]. Автор рассматривает экзистенциальный эскапизм и трактует его как «определенную стратегию самоидентификации через отторжение другого как возможного партнера с общей идентичностью» [Там же, с. 13]. Е.О. Труфанова предлагает рассматривать эскапизм как продуктивную творческую силу, как одну из важнейших составляющих индивидуального сознания. Автор отмечает, что главной причиной эскапизма является «ощущение отсутствия или недостаточности смысла существования, и таким образом эскапизм является «бегством» в поисках смысла» [28, с. 598]. В значении «бегство от реальности» эскапизм «связан с противопоставлением «реального мира» и «эскапистской реальности» мира фантазий, грёз, самообмана, виртуального мира, субъективной реальности, конструируемых сознанием индивида» [29, с. 597].

Л.В. Козырева исследует генезис эскапизма, раскрывает типичные виды эскапических практик как особого стиля жизни субъекта и отмечает, что «эскапизм является целенаправленно формируемым в обществе стилем и образом жизни субъекта, в котором происходит усиление искусственности, парадоксальности и абсурдности единичного бытия» [10, с. 8]. М.А. Греков пишет, что «сущность эскапизма может быть выражена как подмена подлинной жизнен-

ной активности ее симуляцией», «как уход индивида от подлинного бытия через его симуляцию в развлечениях» [9, с. 8].

В философии культуры делается акцент в исследовании эскапизма на преодоление границ, налагаемых культурой, возможностей перехода бытия культуры в ее инобытие, часто сопровождаемого конструированием новой социокультурной реальности [18]. Отмечается, что выход за рамки бытия здесь-и-сейчас, способность к созданию мира идей, символов и образов – есть отражение эскапистского сознания. Тема эскапизма, таким образом, выходит за рамки социально-психологической проблематики к фундаментальным вопросам философии культуры и философской антропологии [24].

Эскапизм представлен в качестве глобального явления современности и в ряде культурно-философских зарубежных исследований. Так, социолог и географ И-Фу Туан рассматривает эскапизм как компонент любой культуры, которая, в свою очередь, имеет характеристики глобального эскапизма как своеобразного ухода от естественного бытия [38]. Психолог Ф. Стенсенг представил дуальную модель эскапизма: одни индивидуумы прибегают к эскапистским практикам для того, чтобы достичь положительных эмоций, а другие пытаются таким образом избежать. Автор показал, что существуют группы «конструктивных» (довольных жизнью) и «деструктивных» (сбегающих от собственного неблагополучия) эскапистов [36; 37]. Психолог А. Эванс рассматривает феномен эскапизма как фактор мотивации участия личности в различных досуговых формах деятельности (прогулки, чтение, прослушивание музыки, походы в кино и т.д.) и связывает его со спецификой восприятия человеком медиа и виртуальной реальности. Выделяя «здоровый» и «нездоровый» эскапизм, Эндрю Эванс отмечает, что многие виды деятельности могут считаться «эскапистскими» до той поры, пока они представляют альтернативу обычной жизни [31].

Научные работы, посвященные феномену туристического эскапизма как фрагменту языковой картины мира, представляют этот материал с преимущественным вниманием к определенным аспектам. Так, например, Е.Н. Шапинская рассматривает путешествие как один

из способов бегства от повседневности, динамика которой приводит к поиску новых путей эскапизма. Автор исследует место путешествия в культуре, анализирует изменения в семантике путешествия, которое все более принимает характер рекреации, легитимного временного выхода из повседневных рутин [30]. В.Н. Волков определяет туризм как симулякр путешествия, в основе которого лежит стремление потреблять впечатления, убежать от обыденности, нередко ограничивается потреблением симулякров, знаков, имитирующих историческую и культурную реальность [6]. Е.Е. Меньшикова исследует туристический эскапизм на примере таких идеологем эскапизма, как «потребление», «свобода», «мечта», «развлечение». Автор показывает, что рекламный туристический нарратив актуализирует желание человека найти выход из ситуации повседневности, предлагает возможности реализации желания в будущем, создает мифологическое видение мира, а именно мира локального интереса – мифологической модели путешествия, к которой стоит стремиться [19].

Следует отметить диссертационную работу О.Ю. Голомидовой, которая пишет, что туризм является формой эскапизма и выделяет такой тип современных туристов, как эскаписты (искатели спокойствия, искатели душевного комфорта, искатели свободы, искатели «экзотики») [7]. А в исследовании В.И. Белова подчеркивается, что сам по себе отдых, включая путешествия, никак не относится к эскапизму. Эскапист, чтобы отдохнуть, отправляется на поиски приключений, часто сопряжённых с риском для жизни. Сюда относятся экстремальные виды спорта, а также те путешествия, которые совершаются в одиночку без всякой страховки [4].

Материалы и методы

Иллюстративным материалом являются тексты сети Интернет. Актуальность исследования текстов рекламного туристического нарратива сети Интернет обусловлена тем, что интернет-коммуникация характеризуется диалогичностью, обусловленной такой характеристикой как интерактивность, выражающейся в осуществлении обмена информацией производителей туристских услуг с

потребителями и между потребителями; оперативностью передачи и получения информации, использованием реального времени взаимодействия с потребителем, созданием ощущения реального участия в событиях; использованием кодов разных семиотических систем.

В работе использовался метод философской рефлексии, что позволило анализировать феномен эскапизма как социокультурный феномен. Понятие рефлексии в широком смысле, как известно, применяется для обозначения актов самосознания, самопознания, самоанализа, самооценки. Отбор материала осуществлялся также с использованием метода наблюдения и сплошной выборки. При обобщении, систематизации и интерпретации иллюстративного материала применялся описательный метод.

Результаты и обсуждение

В настоящем исследовании рассматривается инструментальный эскапизм, трактуемый как «стратегия социального поведения, служащая «бегству от...» [15, с. 11], во фланерство, специфические увлечения, туризм и прочие сферы [16], где «бегство» – «мысленный перенос человеком жизненных ценностей и ориентиров из мира реального в мир иллюзорный» [23, с. 99]. При этом мы обращаем внимание на то, что у индивидуума не может отсутствовать эскапистское сознание, что означало бы, что у него полностью отсутствует воображение и фантазия, которые являются формами реализации эскапизма [11]. Как пишет Е.О. Труфанова, «способность и тяга к эскапизму – это существенная черта человеческого бытия, одна из тех черт, которые проводят раздел между человеком и другими живыми существами. И в связи с этой особенностью человеческой психики имеет смысл говорить об эскапистском сознании как особой составляющей сознания человека, которое делает возможным этот выход за пределы объективной реальности» [29, с. 607]. Е.Ю. Сиверцев также утверждает, что «эскапизм – это не добровольный выбор определённой части людей. Любой человек до некоторой степени эскапист. Эскапист он потому, что существует на

границе двух способов бытия. Первый способ бытия – реальность, оценённая как неудовлетворительная. Второй способ бытия – реальность, оценённая как удовлетворительная» [23, с. 100].

На основе анализа иллюстративного материала нами выявлено, что рекламный туристический нарратив как катализатор эскапизма актуализирует данный феномен по двум основным стратегиям: 1) расхождение между актуальным и потенциальным бытием; 2) расхождение между реальным и идеальным «Я». Рассмотрим более подробно данные положения.

1. Бытие понимается в философской традиции как «всё существующее, представленное как целостность; это совокупность разных реальностей» [22, с. 8], где реальность рассматривается как «определённый тип или вид бытия, представляющий собой совокупность вещей, обладающих определённой формой существования»: вещи, относящиеся к природе (естественная реальность или мир природы) и вещи, созданные человеком (искусственная (сконструированная) реальность) [Там же, с. 12]. При этом отмечается, что вещь – «это единство актуального и потенциального» [27, с. 135], а реальность есть «форма заданности бытия, ее необходимое проявление» [21, с. 48], «реальность – это то, что может определять и возможность, и действительность» [2, с. 566].

Реальность постоянно конструируется и как считает Е.Ю. Сиверцев, само существование человека «непрерывно пребывает в состоянии конструирования того, что традиционно именуется «реальностью», конструирования того, что традиционно называется «иллюзией» и в состоянии перехода от реальности к иллюзии – т.е. в «эскапическом» бегстве от первой ко второй» [23, с. 100]. Конструирование трактуется как деятельность, приводящая «к изменению изначального состояния и достраиванию естественной реальности вещами, созданными человеком и составляющими бытие культуры» [22, с. 8].

Анализ материала показал, что рекламный туристический нарратив на основе фактов актуального (наличествующего в данном пространственно-временном интервале) бытия конструирует пред-

ставления о потенциальном бытие, которое (как пространство невоплощенных возможностей человека) репрезентирует желаемый (ощущения) образ (идея) будущего. Согласно В. И. Белова, «эскапизм во многом именно представление» [4, с. 273] – «наглядный чувственный образ предметов и ситуаций действительности, данный сознанию, и, в отличие от восприятия, сопровождающийся чувством отсутствия того, что представляется» [20, с. 333]. Отметим, что в самих представлениях есть пространство, так как в них существует пространственная протяженность. Как пишет А.А. Атанов, «в ценностном плане [1, с. 566], что активно эксплуатирует туристический нарратив.

Актуальное бытие оценивается в рекламном туристическом нарративе как неудовлетворительное и представлено *серыми, скучными, тусклыми, монотонными, унылыми буднями, обыденной, однообразной жизнью, суетой, издержками цивилизации* и т.п. Например: *Если вас бесконечно утомила жизнь, темп которой навязывают издержки цивилизации, надоел уличный шум современных городов, вечная суета и бег неизвестно куда и зачем и вы хотите хотя бы ненадолго покинуть все это, отдых на Сейшелах – именно то, что вам необходимо... вы будете слышать рокот прибоя, а не рев двигателей, будете дышать чистым воздухом, а не выхлопными газами* [33]. Актуальное бытие как наличествующая реальность описывается в рекламном туристическом нарративе в плоскости материального и чувственного.

Актуальное бытие, репрезентируемое туристическим нарративом, содержит в себе массу нереализованных возможностей и является «производящим потенциального бытия» [27, с. 136], т.е. бытия «в модусе возможного», «невоплощенного бытия», «возможного бытия» [Там же, с. 135]. Рекламный туристический нарратив конструирует потенциальное бытие (мыслимую конструкцию) как *пространство рая, эдема, сказки, волшебного мира* и т.п. Например: *Если вы хотите, хотя бы раз увидеть рай на земле, побывайте на Сейшельских островах. Эта сказочная страна... смогла сохранить девственную чистоту и первозданность красивейшей*

природы. Мягкий климат дарит бесконечное лето, ласковое солнце, бескрайнее синее небо отражается в прозрачных водах... Размеренный образ жизни с прекрасным сервисом среди роскошных пейзажей дикой природы, вдали от суетного мира, позволяют почувствовать, что наконец-то сбылась ваша мечта... Сейшелы – настоящий эдем ... Возможно ... Адам и Ева жили в таком месте, наслаждаясь благами щедрой природы... [33].

Следует заметить, что важную роль в конструировании представлений о мире потенциального бытия в рекламном туристическом нарративе играют различные средства выразительности – эпитеты, метафоры, сравнения, метонимия, олицетворение, гиперболы, языковая игра и др. Обладая ярко выраженной прагматической предназначенностью, они обращаются непосредственно к эмоциям и воображению человека, создают мир красочных образов, что способствует возникновению эскапизма. Особо отметим значение и роль метафоры (в расширительном ее понимании), которая служит эффективным средством аргументации и убеждения, где убедительность предполагает то, чтобы адресат думал и действовал определенным образом [3]. Метафора выступает тактическим инструментом для реализации коммуникативных стратегий (презентативной, персуазивной, аргументирующей и экспрессивно-оценочной) [12]. Например: *Фантьет поразит вас чистейшими пляжами с песком цвета молока, бирюзовыми волнами моря и спокойным, размеренным ритмом жизни... романтический и необыкновенно нежный пейзаж возвращает веру в чудеса. Палитра красок поражает воображение: изумрудная зелень экзотических растений, море цвета аквамарина, ослепительное желтое солнце и молочный песок – все это собирается в одну картину, волшебную и волнующую [32].*

2. Второе направление актуализации эскапизма в туристическом нарративе – рассогласование между реальным и идеальным «Я». Не ставя перед собой задачу подробного исследования феномена «Я-концепции» отметим, что теоретический анализ различных подходов к ее пониманию показал существенное многообразие этого явления. Так, философский подход отличается преимуще-

ственно изучением содержания «Я-концепции» как совокупности установок человека на самого себя (самосознание, самопознание, самоотношение, самооценка и т.д.), а в рамках психологического подхода рассматривается ее структура, форма и общие закономерности функционирования.

В нашем исследовании мы опираемся на наиболее, на наш взгляд, целостную и логичную концепцию Р. Бернса. Автор рассматривает «Я-концепцию» как динамическую систему свойственных каждой личности установок, имеющих свою иерархическую структуру: это совокупность всех представлений индивида о себе, сопряженная с их оценкой [5]. Отмечается, что «Я-концепция» определяет не просто то, что собой представляет индивид, но и то, что он о себе думает, как смотрит на свое деятельное начало и возможности развития в будущем [Там же].

Р. Бернс выделяет три основные составляющие «Я-концепции»:

1. *Когнитивная составляющая*: образ Я – представление индивида о самом себе.
2. *Эмоционально-оценочная составляющая*: самооценка – аффективная оценка этого представления, которая может обладать различной интенсивностью, поскольку конкретные черты образа Я могут вызывать более или менее сильные эмоции, связанные с их принятием или осуждением.
3. *Поведенческая составляющая*: потенциальная поведенческая реакция, то есть то конкретные действия, которые могут быть вызваны образом Я и самооценкой [Там же].

Автор акцентирует внимание на том, что «Я-концепция» выполняет тройную роль: способствует достижению внутренней согласованности личности, определяет интерпретацию опыта и является источником ожиданий [Там же].

Анализ иллюстративного материала показал, что механизм построения когнитивного компонента «Я-концепции» в рекламном туристическом нарративе основывается на личностных особенностях, ценностных предпочтениях, статусно-ролевых характеристиках. Эмоционально-оценочная составляющая «Я-концепции» актуализирует самооценку качеств, состояний и возможностей реципиента текста рекламного туристического нарратива, акцент делается на оце-

ночные представления, которые могут возникнуть в результате реакций индивида на самого себя. Поведенческий компонент «Я-концепции» представлен в виде предлагаемых рекламным туристическим нарративом конкретных действий, которые могут быть обусловлены образом Я и самооценкой, т.е. репрезентируются ожидания индивида, его представления о том, что должно произойти, а также оценки, с которыми эти ожидания связаны. Например: *Нет в мире ничего прекрасней родного дома. И в каких бы удивительных местах мы не побывали, сколько бы невероятных чудес не встретилось на нашем пути, дух родного края всегда заставит вернуться домой. Но у каждого бывает такое состояние, когда хочется собрать чемоданы и уехать как можно дальше, сбежать от обыденной жизни, сменить обстановку, и на то есть разные причины. Новые знакомства... Расширение своего кругозора... Повышение коммуникабельности... Вдохновение... Культурное развитие... Познание самого себя... Яркие воспоминания на всю жизнь... Путешествие – это большой урок. Урок для самих себя. Возможность познать мир, ответить на свои самые сокровенные вопросы. Встретить новых друзей и найти своё хобби. Расширить горизонты сознания и познать удивительные красоты нашей планеты!* [35].

Вышеизложенное свидетельствует о том, что образ и оценка своего «Я» предрасполагают индивида к определенному поведению на основе установок, направленных на самого себя. Рекламный туристический нарратив акцентирует внимание на двух основных модальностях самоустановок: 1) реальное «Я» – установки, связанные с тем, как индивид воспринимает свои актуальные способности, роли, свой актуальный статус, то есть с его представлениями о том, каков он на самом деле; 2) идеальное «Я» – установки, связанные с представлениями индивида о том, каким он хотел бы стать [5].

Акцент на несоответствие актуального образа личности ее идеальным ориентирам делается в рекламном туристическом нарративе по таким показателям субъективного качества жизни, как *уверенность в завтрашнем дне, здоровье, внутренняя гармония, уверенность в себе, свобода от внутренних противоречий, личное пространство, актив-*

ная жизнь, принятие себя и других, эмоциональный комфорт и т.д., что является важнейшим мотивирующим фактором, побуждающим человека к действиям, направленным на саморазвитие, самореализацию, самоактуализацию, поиск подлинной жизни. Субъективное качество жизни «характеризует степень удовлетворения (соотношение реальных и идеальных показателей) потребностей и ценностных структур различного уровня» [26, с. 166].

Рассогласование между актуальным «Я» и идеальным «Я» объективировано в рекламном туристическом нарративе, в частности, спектром дескрипторов состояния: движение вовне, из привычной среды: *вырваться из обыденного течения времени, обрести потерянное равновесие и умиротворение, оторваться от окружающей суеты, экстатический выход из себя, за свои пределы, забыть о проблемах и заботах, избавиться от стресса, отдохнуть от повседневности, изменить привычное течение вещей, добавить острые ощущения в однообразность повседневной жизни, испытать что-то новое и получить заряд свежих эмоций и впечатлений*; заполнение внутреннего пространства новым содержанием: *наполнить жизнь незабываемыми ощущениями, ощутить состояние настоящего умиротворения и душевного спокойствия, посмотреть на себя и свою жизнь со стороны, заглянуть вглубь и дотронуться до самой сути того – что есть человек, познать свой внутренний мир, изменить течение своей жизни, понять и осознать смысл собственного существования, открыть в сознании новые горизонты восприятия, привнести в жизнь новые формы изысканных удовольствий, не омраченных печатью потребительства, изменить отношение к миру, качественно улучшить свою жизнь, решить застарелые проблемы, увидеть реальность глазами по настоящему счастливого человека, ощущать всю полноту жизни, пребывая не где-то в своем прошлом, или будущем, но в сокровенном моменте «здесь» и «сейчас»; обретение утраченной гармонии: *стать на путь здоровья, счастья, привести в гармонию тело, эмоции и ум, обрести душевное равновесие и силы, вернуть радость жизни, справиться с накопившей тоской и унынием, вернуть утраченные силы, погрузиться в атмосферу**

романтики, зарядиться энергией, красотой, обрести потерянное равновесие и умиротворение, раскрыть потенциал индивидуальности, ощутить жизнь во всей полноте, почувствовать в себе прилив небывалой силы; стремление, желание: стремление развеять повседневную скуку, желание воспользоваться любой возможностью, чтобы испытать необычные ощущения, стремление к ощущению собственной исключительности, желание получить пользу (здоровье, новые знания и т.п.), стремление успокоиться и преодолеть смятение и хаос, стремление изолировать себя от привычных контактов, чтобы разобраться в себе, стремление постичь смысл и направленность своей собственной судьбы, желание очиститься, освободиться от омраченности, от навязанных извне стереотипов и от болезненных реакций.

«Я-идеальное» складывается, таким образом, из представлений, отражающих желания, стремления человека, а расхождение между «Я-реальным» и «Я-идеальным» реализуется в рекламном туристическом нарративе в форме погружения в субъективно альтернативную реальность. Как пишет Л. Н. Кубашичева, «идеал часто складывается как альтернатива действительности, как внутреннее созидание образа или образца, которому хотелось бы подражать или соответствовать», «именно самооценка и идеал «Я» способствуют развитию личностных качеств, активизируют личность, а также воздействуют на эффективность деятельности» [14, с. 120].

Представляется важным отметить, что актуализация эскапизма в рекламном туристическом нарративе тесно связана с тем, что доминирующие преимущества рекламируемой услуги (турпродукта) сводятся к определенной целевой аудитории. Как пишет В.С. Масуренков, потребление туристической услуги характеризуется повышенным влиянием на потребителя отдельных экзогенных (внешних) факторов: культуры, субкультура, социальное положение, референтные группы, роли и статусы и эндогенных (внутренних) факторов: возраст и род занятий, экономическое положение, самовосприятие личности, образ жизни, убеждения и отношения, восприятие, мотивация [17].

Как показал анализ материала, основными факторами сегментации целевой аудитории с точки зрения реализации стратегий эскапизма в рекламном туристическом нарративе (расхождение между актуальным и потенциальным бытием; рассогласование между реальным и идеальным «Я») являются социальное положение, референтные группы, статус, самовосприятие личности, ценности, стиль и образ жизни, убеждения.

При том выделенные экзогенные и эндогенные факторы сегментации аудитории непосредственно связаны с видами туризма, целями путешествия, туристской мотивацией, которая направлена на удовлетворение потребностей потенциального клиента услуги, в зависимости от его индивидуальных, физиологических и психологических особенностей, системы взглядов, ценностей, стиля жизни и т.д. Как замечает Н.А. Гончарова, «путешествие – это не просто поездка на море, конгресс или в гости к родственникам. Это целая совокупность различных причин – от желания убежать от повседневности до потребности в самовыражении» [8, с. 46].

Рекламный туристический нарратив репрезентирует различные виды туризма по целям поездки: культурно-познавательный туризм, рекреационный туризм, спортивный туризм (водный туризм, зимний спорт, охота и рыболовство и т.д.), лечебный (медицинский) туризм, сельский туризм, экологический туризм, гастрономический туризм, этнический туризм, религиозный туризм (включая паломничество, экскурсионные и специализированные туры), эзотерический туризм и туризм к местам Силы и т.д.

Тексты рекламного туристического нарратива, позиционируя тот или иной вид туризма или туристскую дестинацию, содержат в своей основе мотивы поведения целевого сегмента. Туристские мотивы разнообразны и зависят от вида туризма. В контексте нашего исследования выявлено, что факторы, влияющие на потребительское поведение туристов, и соответствующие им мотивы, актуализируют эскапизм посредством воздействия и соотнесения представляемого турпродукта со статусом, ролью, ценностями, стилем и образом жизни потенциального потребителя услуги. При

том «турпродукт дополняется особыми социальными смыслами, ценностями и рассматривается как нечто более значительное, чем просто отдых», «целевой аудитории представляют набор неосязаемых реалий. Данные реалии вмещают в себя значимые социальные смыслы, ориентируясь на которые, потребитель идентифицирует себя в рамках той или иной социальности» [25, с. 236].

Так, например, приключенческий туризм (активный способ передвижения и отдыха, имеющего целью получение новых ощущений и впечатлений: скалолазание, рафтинг, водные лыжи, виндсерфинг, путешествие на лошадях, мотоциклах, велосипедах по равнине и горам, спуск на парашютах в горах или в море, подводное плавание, катания на снегоходах, водных мотоциклах, сафари, охота и т.д.) позиционируется в рекламном туристическом нарративе как возможность самовыражения и самоутверждения, возможность избавиться от стресса и будничных забот и оценить внутренние резервы человека, что стимулирует у реципиента текста тягу к эскапизму. Данный вид туризма ориентирован на туристов возрастом от 18 и до 40 лет. Рассматриваемые в данной работе стратегии эскапизма в рекламном туристическом нарративе реализуются в репрезентации приключенческого туризма посредством акцентирования престижа активной деятельности, стремления к новым впечатлениям, возможности самореализации и т.п. Например: *Отдых в Новой Зеландии лучший отдых для искателей приключений – погрузиться в морские пучины, парить над облаками, проникать в земные недра в поисках сокровищ... Чистый адреналин, ни с чем не сравнимое волнение – Новая Зеландия – родина самых захватывающих экстремальных развлечений. Подняться на вершину горы, чтобы встретить золотой восход солнца. Обогнать на моторной лодке стаю усмехающихся дельфинов, выписывающих в воздухе блистательные пируэты. Прокатиться на кудрявых волнах, бьющихся о песчаный берег. Прикоснуться к богатству, оставить себе капельку волшебства – дорог каждый момент, проведенный в Новой Зеландии. Отдых в Новой Зеландии над областью Вашего прежнего опыта. От ледников до безлюдных пляжей – пейзажи Новой Зеландии –*

несомненный вызов для спортсменов. Пузырящиеся кипящие грязи извергаются из самых глубин земной коры, создавая многоцветный калейдоскоп. Куда бы ни упал взгляд, везде вулканы – спящие гиганты или зловеще шипящие драконы... [<http://www.universal-tours.ru/country/novaya-zelandiya/>].

Следует сделать акцент на том, что с точки зрения рассматриваемых нами стратегий эскапизма в рекламном туристическом нарративе не существует универсальной мотивации. Однако, репрезентация в текстах туристического нарратива предлагаемого путешествия (по целям и возрастно-социальному признаку) содержит основные мотивы, которые лежат в основе поведения потенциальных туристов. Уместно сослаться на исследование Н.А. Гончаровой [8, с. 45–46], которая, используя классификацию туристских мотивов Ф. Пирса, выделяет факторы и мотивы потребительского поведения, связанные, на наш взгляд, с тематикой настоящего исследования: Расслабление/побег от повседневности: отдых и релаксация, уход от ежедневного психологического давления и стресса, избегание повседневной рутины, уход от ежедневных требований жизни, уход от ежедневного физического стресса и давления; Новизна: привлечение, ощущение чего-то нового, ощущение особенной атмосферы; Автономность: побыть независимым, никому необязанным; Саморазвитие: развитие и поддержание собственных интересов, узнать, на что я способен, получение чувства исполнения, ощущение себя самодостаточным, развитие навыков и способностей, применение талантов и способностей; Самоактуализация: приобретение нового взгляда на жизнь, ощутить внутреннюю гармонию и умиротворение, лучше понять самого себя, быть креативным, поработать над собственными духовными ценностями.

Заключение

Результаты настоящего исследования показывают, что эскапизм имеет деятельностное измерение, так как погружение в альтернативную реальность и уход от повседневной жизни осуществляются в контексте мотивации участия личности в различных досуговых фор-

мах деятельности – деятельности ради удовольствия, развлечения, саморазвития, самореализации, самоактуализации или достижения других целей. Туризм является одним из видов досуговой деятельности. Рекламный туристический нарратив, являясь катализатором эскапизма, актуализирует данный феномен посредством репрезентации субъективно альтернативной реальности, используя при этом стратегии расхождения между актуальным и потенциальным бытием и рассогласования между реальным и идеальным «Я». Таким образом, рекламный туристический нарратив воздействует на такое свойство сознания, как разделенность субъективного мира личности на реальную и воображаемую реальность, где альтернативно возможная реальность представлена чудесными мирами, красочными, фантастическими образами, а ценностные структуры такой идеализированной реальности совпадают с ценностями личности.

Проведенное исследование показало также, что феномен эскапизма в рекламном туристическом нарративе имеет свои особенности в зависимости от видов туризма, целей путешествия и туристской мотивации, что связано с индивидуальными, физиологическими и психологическими особенностями реципиента текста туристического нарратива (потенциального потребителя предоставляемой услуги), с его социальным положением, системой взглядов, ценностями, стилем и образом жизни, убеждениями.

Список литературы

1. Атанов А.А. Проблематика своего и чужого, реальности и фантазий в трагедиях Софокла [Электронный ресурс] // Известия Байкальского государственного университета. 2018. Т. 28. № 4. С. 559–569. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problematika-svoego-i-chuzhogo-realnosti-i-fantaziy-v-tragediyah-sofokla> (дата обращения: 21.01.2020).
2. Атанов А.А. Социальная действительность в системе текстового воздействия: российский излом [Электронный ресурс] // Известия Байкальского государственного университета. 2019. Т. 29. № 4. С. 560–575. URL: <http://izvestia.bgu.ru/reader/article.aspx?id=23281> (дата обращения: 11.02.2020).

3. Барбина Н.С. Аргументация как языковая деятельность (биокогнитивный подход) [Электронный ресурс] // Вестник СВФУ. 2017. № 1(57). С. 78–85. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/argumentatsiya-kak-yazykovaya-deyatelnost-biokognitivnyu-podhod> (дата обращения: 25.01.2020).
4. Белов В.И. Эскапизм: причины, функции и границы [Электронный ресурс] // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2017. Т.3. Вып.1. С. 270–276. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eskapizm-prichiny-funktsii-i-granitsy> (дата обращения: 25.12.2019).
5. Бернс Р. Что такое Я-концепция [Электронный ресурс] // Развитие Я-концепции и воспитание. Пер. с англ. М.Б. Гнедовского, М.А. Ковальчук; общ. ред. и вступ. ст. В. Я. Пилиповского; ред. Н.И. Парамонова, Л.И. Дорогова. М.: Прогресс, 1986. Ч. 1-3. С. 30–66. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/burns1.htm> (дата обращения: 11.01.2020).
6. Волков В. Н. Туризм в эпоху постмодерна [Электронный ресурс] // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2012. № 1. С. 77–86. URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-philosophy-2012-1/5-volkov.pdf>. (дата обращения: 09.02.2020).
7. Голомидова О.Ю. Туризм как феномен городской культуры: дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2019. 210 с.
8. Гончарова Н.А., Кирьянова Л.Г. Роль исследований потребительского поведения туристов в разработке стратегии туристского региона [Электронный ресурс] // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 316. № 6. С. 41–47. URL: http://www.lib.tpu.ru/fulltext/v/Bulletin_TPU/2010/v316/i6/08.pdf. (дата обращения: 03.04.2020).
9. Греков М.А. Феномен эскапизма в медианасыщенном обществе: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2008. 18 с.
10. Козырева Л.В. Социальная детерминация эскапизма: опыт концептуализации [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=6067> (дата обращения: 21.12.2019).

11. Колесникова И.Г. Эскапизм как средство самоидентификации и идентичности личности в контексте философской антропологии [Электронный ресурс] // Наука. Искусство. Культура. 2016. №2 (10). С. 57–62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eskapizm-kak-sredstvo-samoidentifikatsii-i-identichnosti-lichnosti-v-kontekste-filosofskoy-antropologii> (дата обращения: 15.12.2019).
12. Костюшкина Г.М. Концептуальная систематика в исследованиях речи и речевой деятельности [Электронный ресурс] // Проблемы концептуальной систематики речи и речевой деятельности: материалы X Всероссийской научной конференции. Иркутск, 2018. С. 5–10. URL: <http://sgal.bgu.ru/getfiles.ashx?p=Prep\00023000\00023635%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82\005-010.pdf> (дата обращения: 02.02.2020).
13. Красноярова О.В. Путешествуя в пространстве и пребывая в среде [Электронный ресурс] // Теоретические и практические проблемы региональной журналистики. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. С. 16–24. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2656...> <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2656&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 02.03.2020).
14. Кубашичева Л.Н. «Идеальное» как философская и психолого-педагогическая проблема [Электронный ресурс] // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. № 1. С. 119–121. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idealnoe-kak-filosofskaya-i-psihologo-pedagogicheskaya-problema> (дата обращения: 10.03.2020).
15. Литинская Д.Г. Экзистенциальный эскапизм как социокультурный феномен современного общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2012. 24 с.
16. Литинская Д.Г. Экзистенциальный эскапизм: новая проблема общества открытой информации: монография. Вступ. ст. Шапинская Е. Н. М.: Левь, 2013. 212 с.
17. Масуренков В.С. Маркетинговые технологии воздействия на поведение потребителей услуг в сфере туризма: На материалах Ростовской области: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Ростов н/Д, 2004. 26 с.

18. Мельникова Л.Г. Бытие эскейпизма в культуре: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 34 с.
19. Меньшикова Е.Е. Идеологемы эскапизма в рекламном туристическом нарративе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (44). Ч. 1. С. 140–142.
20. Новая философская энциклопедия в 4-х томах. Научно-ред. совет: В.С. Стёпин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов. 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010. Т. 3. 692 с.
21. Орехов С.И. Трансформация бытия: от реальности субстанциональной к реальности репрезентативно положенной // В поисках новой онтологии. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 41–60.
22. Петренко Ю.А. Конструирование реальностей как механизм развития культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2007. 18 с.
23. Сиверцев Е.Ю. Эскапизм как одно из проявлений экзистенциальности человека [Электронный ресурс] // Манускрипт. 2018. №3 (89). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eskapizm-kak-odno-iz-proyavleniy-ekzistentsialnosti-cheloveka> (дата обращения: 23.01.2020).
24. Сметанина Т.А., Клюев А.А. Метафизика эскапизма: поиск ускользающего смысла [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 1. С. 183–185. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2017/1/47.html> (дата обращения: 18.01.2020).
25. Терских М.В., Зайцева О.А. Коммуникативные стратегии в дискурсе элитного туризма (на материале рекламных текстов) [Электронный ресурс] // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 41–47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-v-diskurse-elitnogo-turizma-na-materiale-reklamnyh-tekstov> (дата обращения: 03.04.2020).
26. Теславская О.И., Савченко Т.Н. Субъективное качество жизни и психологическая адаптация у лиц с низким, средним и высоким уровнем эскапизма [Электронный ресурс] // Экспериментальная психология. 2019. Том 12. № 2. С. 162–176. URL: https://psyjournals.ru/files/107789/exppsy_2019_n2_Teslavskaya_Savchenko.pdf. (дата обращения: 22.02.2020).

27. Трубина Н.А. Модальная сущность бытия [Электронный ресурс] // Омский научный вестник. Омск, 2012. № 5. С. 134–136. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modalnaya-suschnost-bytiya> (дата обращения: 27.12.2019).
28. Труфанова Е.О. Эскапизм и эскапистское сознание: к определению понятий // Философия и культура. 2012. № 3. С. 96–107.
29. Труфанова Е.О. Эскапизм: бегство в поисках смысла // Психология и психотехника. 2014. № 6. С. 597–608.
30. Шапинская Е.Н. Путешествие на Восток как бегство от повседневности: феномен туристического эскапизма [Электронный ресурс] // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 4(5). С. 86–94. <https://cyberleninka.ru/article/n/puteshestvie-na-vostok-kak-begstvo-ot-povsednevnosti-fenomen-turisticheskogo-eskapizma> (дата обращения: 16.01.2020).
31. Evans A. *This Virtual Life: Escapism and Simulation in Our Media World*. London: Fusion Press, 2003. 288 p.
32. http://art-travel.ru/countries/Vietnam/otdyh_na_more (дата обращения: 12.01.2020).
33. <http://www.tur116.ru/index.php/goryashchie-tury-na-sejshely> (дата обращения: 16.02.2020).
34. <http://www.universal-tours.ru/country/novaya-zelandiya/> (дата обращения: 03.04.2020).
35. <https://www.myjane.ru/articles/text/?id=17237> (дата обращения: 19.02.2020).
36. Stenseng F.A. *Dualistic Approach to Leisure Activity Engagement – On The Dynamics of Passion, Escapism, and Life Satisfaction*. Doctoral thesis. University of Oslo, 2009. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/30841158.pdf>. (дата обращения: 18.02.2020).
37. Stenseng F., Rise J., Kraft P. Activity Engagement as Escape from Self: The Role of Self-Suppression and Self-Expansion // *Leisure Sciences: An Interdisciplinary Journal*. 2012. Vol. 34. №. 1, pp. 19–38. https://www.researchgate.net/.../254317029_Activity_Engag...
38. Tuan Yi-Fu. *Escapism*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2000. 264 p.

References

1. Atanov A.A. Problematika svoego i chuzhogo, real'nosti i fantazij v tragedijah Sofokla [Problem of the «self» and the «other», reality and fantasy in Sophocles' tragedies]. *Bulletin of Baikal State University*. 2018. V. 28. № 4, pp. 559–569. <https://cyberleninka.ru/article/n/problematika-svoego-i-chuzhogo-realnosti-i-fantaziy-v-tragediyah-sofokla> (accessed January 21, 2020).
2. Atanov A.A. Social'naja dejstvitel'nost' v sisteme tekstovogo vozdejstvija: rossijskij izlom [Social reality in the system of textual influence: the breaking point in Russian history]. *Bulletin of Baikal State University*. 2019. V. 29. № 4, pp. 560–575. <http://izvestia.bgu.ru/reader/article.aspx?id=23281> (accessed February 11, 2020).
3. Barebina N.S. Argumentacija kak jazykovaja dejatel'nost' (biokognitivnyj podhod) [Argumentation as Languaging (a Biocognitive View)]. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. № 1 (57). 2017, pp. 78–85. <https://cyberleninka.ru/article/n/argumentatsiya-kak-yazykovaya-deyatelnost-biokognitivnyy-podhod> (accessed January 25, 2020).
4. Belov V.I. Jeskapizm: prichiny, funkcii i granicy [Escapism: causes, functions, and boundaries]. *Innovation science*. 2017. V.3, pp. 270–276. <https://cyberleninka.ru/article/n/eskapizm-prichiny-funktsii-i-granitsy> (accessed December 25, 2019).
5. Berns R. Chto takoe Ja-koncepcija [What is self-concept?]. *Razvitie Ja-kontseptsii i vospitanie* [Self-Concept Development and Education]. Per. s angl. M.B. Gnedovskogo, M.A. Koval'chuk; obshh. red. i vstup. st. V.Ya. Pilipovskogo; red. N.I. Paramonova, L.I. Dorogova. Moscow. Progress, 1986. Ch. 1-3, pp. 30–66. <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/berns1.htm> (accessed January 11, 2020).
6. Volkov V.N. Turizm v e'poxu postmoderna [Tourism in the postmodern era]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and reflection: philosophy of the world and human being]. 2012. № 1, pp. 77–86. URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-philosophy-2012-1/5-volkov.pdf> (accessed February 09, 2020).
7. Golomidova O.Ju. *Turizm kak fenomen gorodskoj kul'tury* [Tourism as a phenomenon of urban culture]. Cand. Diss. of Culturology. Yekaterinburg, 2019. 210 p.

8. Goncharova N.A., Kir'janova L.G. Rol' issledovaniy potrebitel'skogo povedeniya turistov v razrabotke strategii turistskogo regiona [The role of marketing research of tourist behavior in the formulation of strategies for a tourism region]. *Izvestija Tomskogo politehnicheskogo universiteta*. 2010. V. 316. № 6, pp. 41–47. http://www.lib.tpu.ru/fulltext/v/Bulletin_TPU/2010/v316/i6/08.pdf (accessed April 03, 2020).
9. Grekov M.A. *Fenomen jeskapizma v medianasysshennom obshhestve* [The phenomenon of escapism in a media-saturated society]. Abstract of Philos. Cand. Diss. Omsk, 2008. 18 p.
10. Kozyreva L.V. *Social'naja determinacija jeskapizma: opyt konceptualizacii* [Social determination of escapism: the experience of conceptualizing]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. 2012. № 2. <http://science-education.ru/ru/article/view?id=6067> (accessed December 21, 2019).
11. Kolesnikova I.G. Jeskapizm kak sredstvo samoidentifikacii i identichnosti lichnosti v kontekste filosofskoj antropologii [Escapism as a means identity of the person in the context of philosophical anthropology]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura* [Science. Arts. Culture]. 2016. №2 (10), pp. 57–62. <https://cyberleninka.ru/article/n/eskapizm-kak-sredstvo-samoidentifikatsii-i-identichnosti-lichnosti-v-kontekste-filosofskoy-antropologii> (accessed December 15, 2019).
12. Kostjushkina G.M. Konceptual'naja sistematika v issledovaniyah rechi i rechevoj dejatel'nosti [Conceptual systematics in investigations of speech and speech activity]. *Problemy kontseptual'noy sistematiki rechi i rechevoy deyatel'nosti: materialy X Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Problems of conceptual systematics of speech and speech activity: materials of the X All-Russian Scientific Conference]. Irkutsk, 2018, pp. 5–10. <http://sgal.bgu.ru/getfiles.ashx?p=Prep\00023000\00023635%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82\005-010.pdf> (accessed February 02, 2020).
13. Krasnojarova O.V. Puteshestvuja v prostranstve i prebyvaja v srede [Traveling in space and being in the environment]. *Teoreticheskie i prakticheskie problemy regional'noy zhurnalistiki* [Theoretical and practi-

- cal problems of regional journalism]. Irkutsk: Izd-vo BGUE`P, 2009, pp.16–24. <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2656&level1=main&level2=articles> (accessed March 02, 2020).
14. Kubashicheva L.N. *«Ideal'noe» kak filosofskaja i psihologo-pedagogicheskaja problema* [«Ideal» as a philosophical and psychological-pedagogical problem]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bulletin of the Adyge State University]. 2005. № 1, pp. 119–121. <https://cyberleninka.ru/article/n/idealnoe-kak-filosofskaya-i-psihologo-pedagogicheskaja-problema> (accessed March 10, 2020).
 15. Litinskaja D.G. *Jekzistencial'nyj jeskapizm kak sociokul'turnyj fenomen sovremennogo obshhestva* [Existential escapism as a sociocultural phenomenon of modern society]. Abstract of Philos. Cand. Diss. Moscow, 2012. 24 p.
 16. Litinskaja D.G. *Jekzistencial'nyj jeskapizm: novaja problema obshhestva otkrytoj informacii: monografiya* [Existential escapism: New challenge for the free information society]. Vstup. st. Shapinskaya E. N. M.: Lev, 2013. 212 p.
 17. Masurenkov V.S. *Marketingovye tehnologii vozdeystviya na povedenie potrebitelej uslug v sfere turizma: Na materialah Rostovskoj oblasti* [Marketing technologies of influence on the behavior of tourism consumers: Based on the materials of the Rostov region]. Cand. Diss. of Economic Sciences. Rostov-on-Don, 2004. 26 p.
 18. Mel'nikova L.G. *Bytie jeskejpizma v kul'ture* [The existence of escapism in culture]. Abstract of Philos. Cand. Diss. Rostov-on-Don, 2009. 34 p.
 19. Men'shikova E.E. Ideologemy jeskapizma v reklamnom turistichestkom narrative [Ideologemes of escapism in advertising tourist narrative]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. Tambov: Gramota, 2015. № 2 (44). Part 1, pp. 140–142.
 20. *Novaja filosofskaja jenciklopedija v 4-h tomah* [New philosophical Encyclopedia in 4 volumes]. Nauchno-red. sovet: V.S. Styopin, A.A. Gusejnov, G.Yu. Semigin, A.P. Ogurczov. M.: Mysl, 2010. V. 3. 692 p.

21. Orehov S.I. Transformacija bytija: ot real'nosti substancional'noj k real'nosti reprezentativno polozennoj [Transformation of being: from a substantial reality to a representatively posited reality]. *V poiskax novoj ontologii* [In Search of a New Ontology]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. unta, 2004, pp. 41–60.
22. Petrenko Ju.A. *Konstruirovanie real'nostej kak mehanizm razvitija kul'tury* [Designing realities as a mechanism for cultural development]. Abstract of Philos. Cand. Diss. Omsk, 2007. 18 p.
23. Sivercev E.Ju. Jeskapizm kak odno iz projavlenij jekzistencial'nosti cheloveka [Escapism as one of the manifestations of human existentiality]. *Manuskript*. 2018. №3 (89). <https://cyberleninka.ru/article/n/eskapizm-kak-odno-iz-projavleniy-ekzistentsialnosti-cheloveka> (accessed January 23, 2020).
24. Smetanina T.A., Kljuev A.A. Metafizika jeskapizma: poisk uskol'zajushhego smysla [Metaphysics of escapism: search for elusive meaning]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. Tambov: Gramota, 2017. № 1, pp. 183–185. <http://www.gramota.net/materials/3/2017/1/47.html> (accessed January 18, 2020).
25. Terskih M.V., Zajceva O.A. Kommunikativnye strategii v diskurse elitnogo turizma (na materiale reklamnyh tekstov) [Communicative strategies in the discourse of elite tourism (on the material of advertising texts)]. *Politicheskaja lingvistika* [Political Linguistics]. 2013. № 4 (46), pp. 41–47. <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-v-diskurse-elitnogo-turizma-na-materiale-reklamnyh-tekstov> (accessed April 03, 2020).
26. Teslavskaja O.I., Savchenko T.N. Sub'ektivnoe kachestvo zhizni i psihologicheskaja adaptacija u lic s nizkim, srednim i vysokim urovnem jeskapizma [Subjective quality of life and psychological adaptation of individuals with low, normal and high level of escapism]. *Ekspierimental'naya psikhologiya*. 2019. V. 12. № 2, pp. 162–176. https://psyjournals.ru/files/107789/exppsy_2019_n2_Teslavskaya_Savchenko.pdf (accessed February 22, 2020).
27. Trubina H.A. Modal'naja sushhnost' bytija [Modal essence of existence]. *Omskij nauchnyj vestnik*. Omsk, 2012. № 5, pp. 134–136. <https://>

- cyberleninka.ru/article/n/modalnaya-suschnost-bytiya (accessed December 27, 2019).
28. Trufanova E.O. Jeskapizm i jeskapistskoe soznanie: k opredeleniju ponjatij [Defining the concepts of escapism and escapist consciousness]. *Filosofiya i kultura*. 2012. № 3, pp. 96–107.
 29. Trufanova E.O. Jeskapizm: begstvo v poiskah smysla [Escapism: an escape in search of meaning]. *Psikhologiya i psikhotekhnika*. 2014. № 6, pp. 597–608.
 30. Shapinskaja E.N. Puteshestvie na Vostok kak begstvo ot povsednevnosti: fenomen turisticeskogo jeskapizma [The oriental journey as an escape from everyday life: the phenomenon of tourist escapism]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury*. 2011. № 4(5), pp. 86–94. <https://cyberleninka.ru/article/n/puteshestvie-na-vostok-kak-begstvo-ot-povsednevnosti-fenomen-turisticeskogo-eskapizma> (accessed January 16, 2020).
 31. Evans A. *This Virtual Life: Escapism and Simulation in Our Media World*. London: Fusion Press, 2003. 288 p.
 32. http://art-travel.ru/countries/Vietnam/otdyh_na_more (accessed January 12, 2020).
 33. <http://www.tur116.ru/index.php/goryashchie-tury-na-sejshely> (accessed February 16, 2020).
 34. <http://www.universal-tours.ru/country/novaya-zelandiya/> (accessed April 03, 2020).
 35. <https://www.myjane.ru/articles/text/?id=17237> (accessed February 19, 2020).
 36. Stenseng F.A. *Dualistic Approach to Leisure Activity Engagement – On The Dynamics of Passion, Escapism, and Life Satisfaction*. Doctoral thesis. University of Oslo, 2009. <https://core.ac.uk/download/pdf/30841158.pdf> (accessed February 18, 2020).
 37. Stenseng F., Rise J., Kraft P. Activity Engagement as Escape from Self: The Role of Self-Suppression and Self-Expansion. *Leisure Sciences: An Interdisciplinary Journal*. 2012. Vol. 34. № 1, pp. 19–38.
 38. Tuan Yi-Fu. *Escapism*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2000. 264 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Меньшикова Екатерина Евгеньевна, доцент кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук
Байкальский государственный университет
ул. Ленина, 11, г. Иркутск, 664003, Российская Федерация
canoe@list.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Menshikova Ekaterina Evgenevna, Associate Professor of the Foreign Languages Department, Ph.D. in Philology
Baikal State University
11, Lenin St., 664003, Irkutsk, Russian Federation
canoe@list.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-2-112-126

УДК 316.473

ТЕОРЕТИЗИРОВАНИЯ О ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ К СОЦИАЛЬНЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ

Ядранский Д.Н., Чумак Е.В.

Статья посвящена вопросам возникновения и прохождения социальных изменений в условиях интенсивного информационного воздействия. Основной целью статьи является разработка авторской концепции, повышающей уровень социального самочувствия членов общества, направленной на формирование оптимальной социальной среды для социальной адаптации индивидов. Основными методами исследования выступили общенаучные и специальные методы, в частности диалектический, системный, сравнительный анализ, а также метод логического моделирования при разработке авторской концепции.

В статье рассматривается проблема, связанная с разновекторностью информационного воздействия на индивида в современном обществе. Причина роста социальной неудовлетворенности индивидов в современном обществе связывается с проблемами к адаптации в условиях разновекторности социальных изменений (флуктуаций), вызывающих социальную дезориентацию. По результатам проведенного анализа делается вывод о том, что часть социальных флуктуаций является разновекторными и не формирует реальных социальных изменений, влияя, исключительно, на информационное пространство (формируя «информационные шумы»). Также критически рассматривается субъективность индивида в процессе интерпретации социальных изменений в условиях социальной дезориентации и восприимчивость к внешнему информационному воздействию в результате указанной дезориентации. Общими проблемами адаптации к социальным изменениям названы: социальная лень, дезориентация, сложность формирования

индивидуальной стратегии адаптации, а также мнимость социальных изменений (существование социальных изменений только в виртуальном пространстве).

***Сформулирована концепция**, согласно которой, необходимо повышать эффективность функционирования социальных микрогрупп (трудовых коллективов) в процессе социальной адаптации. Настаивается на важности понимания паттернов, привносимых в социальные группы в процессе многосекторного информационного воздействия. Основным направлением повышения эффективности социальной адаптации предлагается формирование адаптированной национальной модели управления персоналом, основанной на увеличении роли трудовых микрогрупп (как единственных оставшихся стойких социальных образований) в процессе адаптации к социальным изменениям. Последнее, по мнению авторов, позволит улучшить и социальное самочувствие индивидов.*

***Ключевые слова:** адаптация; социальная удовлетворенность; флуктуации; изменения; удовлетворенность.*

THEORIZING ABOUT THE PROCESS OF ADAPTATION TO SOCIAL CHANGE

Jadranskii D.N., Chumak E.V.

The article is devoted to the issues of the occurrence and passage of social changes in conditions of intense informational impact. The main goal of the article is to develop an author's concept aimed at creating an optimal social environment for the social adaptation of individuals, increasing the level of social well-being of members of society. The main research methods were general scientific and special methods, in particular dialectic, systemic, comparative analysis, as well as the method of logical modeling in developing the author's concept.

The article considers the problem associated with the multidirectional informational impact on the individual in modern society causing disorientation in the process of social change. The reason for the growth of

social dissatisfaction of individuals in modern society is associated with problems of adaptation in the face of diverse patterns of social changes (fluctuations) causing social disorientation. Based on the results of the analysis, it is concluded that part of the social fluctuations is multidimensional and does not form real social changes, affecting exclusively the information space (forming “information noises”). The sub-activity of an individual in the process of interpreting social changes in conditions of social disorientation and susceptibility to external informational effects as a result of this disorientation are also critically considered. Common problems of adaptation to social changes are: social laziness, disorientation, the difficulty of forming an individual adaptation strategy, as well as the imaginary nature of social changes (the existence of social changes only in the virtual space).

The concept is formulated, according to which, it is necessary to increase the efficiency of functioning of social microgroups (labor collectives) in the process of social adaptation. He insists on the importance of understanding the patterns introduced into social groups in the process of multi-vector informational impact. The main direction of increasing the effectiveness of social adaptation is the formation of an adapted national model of personnel management based on the increasing role of labor micro-groups in the process of adaptation to social changes. The latter, according to the authors, will also improve the social well-being of individuals.

Keywords: *adaptation; social satisfaction; fluctuations; changes; satisfaction.*

Введение

В современном социально-философском и социологическом дискурсах, постоянно возникает дискуссия, где одни авторы выдвигают концепцию «конца истории» (замедления темпов общественного развития). Иные – концепции роста темпов социального развития, и, соответствующих этому развитию, социальных трансформаций. В рамках данной статьи целесообразным видится анализ, связанный с осмыслением реальной социальной динамики и темпов социальных изменений.

Материалы и методы

Рассматривая социальные изменения в рамках структуралистской методологии, можно констатировать, что для представителей отдельных социальных групп наблюдается не рост, а снижение количества собственно социальных актов (в силу развития средств коммуникаций и пр.). С позиций структуралистского конструктивизма можно рассматривать данную проблему через призму двойного структурирования социальной реальности. По П.Бурдьё: во-первых, как «реальность первого порядка», данная через распределение материальных ресурсов и средств присвоения престижных, в социальном плане, благ и ценностей; во-вторых, как «реальность второго порядка», существующая в представлениях, в схемах мышления и поведения [1]. На уровне гипотезы мы считаем, что увеличение флуктуаций в схемах мышления является способом снижения напряженности в рамках сложившейся системы присвоения благ (добровольное ограничение потребления, потребление симулякров и пр.).

Поверхностная оценка социальной реальности формирует представления о её многовекторности, о сложности её устройства и постоянстве социальных изменений в ней. Бесспорно, современное общество сложный универсум, частота флуктуаций в котором растет в геометрической прогрессии. Однако остается открытым вопрос относительно вектора флуктуаций. Так, в случае, если флуктуации носят маятниковый характер, то фактически принципиальных социальных изменений не происходит. Социальные флуктуации, по нашему мнению, (не зависимо от их направленности) приводят к существенной социальной дезориентации большинства индивидов. Социальная дезориентация порождает легкую восприимчивость к различным социальным воздействиям (манипуляциям) и, как следствие, может формировать состояние психологического дискомфорта.

Задачами статьи является анализ инструментов социального воздействия на индивида в процессе адаптации к социальным изменениям как средства улучшения его социального самочувствия.

Результаты

Вектор флуктуаций становится понятным через проверку реальностью. Однако тут возникает интерес к определению представлений о реальности и ее понимании. По мнению А. Овшина, в ситуации лицом-к-лицу другой совершенно реален. Эта реальность является частью всей реальности повседневной жизни и в качестве таковой – массивной, тяжелой и принудительной. Конечно, другой может быть реальным для меня и без встречи с ним лицом-к-лицу, скажем, благодаря его репутации или переписке с ним. Однако в наиболее глубоком смысле слова он становится реальным для меня, только когда я встречаюсь с ним лицом-к-лицу [2]. Мы полностью соглашаемся с указанным тезисом. Развивая мысль необходимо констатировать, что современное информационное пространство делает встречу лицом-к-лицу все менее возможной, тем самым оказывая принципиальное влияние на реальность и давая широкие возможности для ее виртуального конструирования (в сознании масс).

Для пояснения еще одного процесса, связанного с оценкой социальных флуктуаций, требует внимания категория «паттерн» (концепт описан в словаре В.Л. Абушенко). Паттерн – определенное умонастроение, идея, вброшенная в массовое сознание или спонтанно в нем возникшая, обладающая огромной воздействующей силой. Развивая теоретизирования вокруг категории «паттерн», В. Капричев подчеркивает, что преодолеть какой-либо паттерн («деньги решают всё», «образование – для трубы», «Россия – для русских», «искусство – понимающим») возможно только через другой паттерн [3]. Паттерн «провоцирует» замену дискурса «истины» на дискурс «аутентичности», легитимируя себя через ритуализацию и канонизацию базовых исходных культурных ценностей. Паттерны, «гнездясь в сознании», в культуре, обеспечивают устойчивость, повторяемость, фиксируемость «естественной конфигурации» различия [4]. Таким образом, состояние социальной дезориентации обеспечивает легкую восприимчивость масс к любым паттернам, создавая психологическую основу для замены дискурса «истины».

Французский философ Ален Бадью [5], рассматривая системы политических трансформаций приходит к критическому выводу, который, по нашему мнению, достаточно четко формирует понимание проблемы социальной адаптации. А. Бадью утверждает, что гипотеза, скрытая за лозунгами о победе демократии будет звучать следующим образом: в политическом смысле, мы живем в режиме Единого, а не множества. По своей тенденции, капитало-парламентаризм – уникальная модель политики, единственная, способная сочетать экономическую эффективность (а значит, прибыли собственников) и народный консенсус. Если принять всерьез эту гипотезу, необходимо будет признать, что отныне – или, по крайней мере, на протяжении нынешнего временного отрезка – капитало-парламентаризм служит политическим определением для всего человечества [5]. Указанная трактовка достаточно тесно сочетается с исследованиями П. Бурдьё о порядках реальности, где реальность второго порядка в полной мере соответствует социоинженерным задачам, сформулированным А. Бадью.

Развивая данную мысль, мы считаем, что увеличение скорости социальных изменений является не столько социальным феноменом, сколько петтерном, который рационально вводится в современное общество. При этом количество социальных флуктуаций объективно растет, хотя их однонаправленный характер не доказан. С другой стороны, паттерн социальных изменений и количество социальных флуктуаций создают достаточно сильное дезориентирующее влияние, которое существенно влияет на индивида.

Следует сразу уточнить, что говоря о дезориентирующем влиянии мы подразумеваем реальную ситуацию дезориентации в силу значительного количества социальных флуктуаций. Следует заметить, что значительная часть флуктуаций, по нашему мнению, создается искусственно, с основной целью – формирование указанной дезориентации. Обратившись к психологам – социальная дезориентация – психологический синдром, складывающийся в дошкольном или младшем школьном возрасте и проявляющийся в асоциальном поведении, причиной которого служит невладение социальными

нормами (а не их сознательное нарушение) [6]. Однако в современном обществе эта проблема, в первую очередь, затрагивает не столько детей, сколько всех субъектов, особенно тех, чей интеллектуальный потенциал не позволяет эффективно ориентироваться в общественных изменениях. Последнее относится как к лицам, имеющим низкий уровень интеллекта, так и к лицам, утратившим социальную гибкость вследствие определенных факторов (старение, условия жизни, психологические особенности). В данном контексте ключевой проблемой является не столько психологическое состояние указанных индивидов, сколько их практики, часто неадекватные либо спонтанные (сложно прогнозируемые). Указанные психологические изменения обеспечивают успешное принятие паттерна «все плохо» («государство бездействует», «правительство некомпетентно»), обеспечивающее неудовлетворенность субъектов жизнью в конкретном современном социуме.

Государственные институты, которые должны помогать гражданам ориентироваться в системе социальных изменений, сами, реагируя на социальные флуктуации, еще сильнее усугубляют социальную дезориентацию населения. Часто их представители сами не могут полноценно (как минимум адекватно) интерпретировать содержание тех или иных социальных флуктуаций.

В этом контексте возникает вопрос о том, как сократить дезориентирующее влияние социальных флуктуаций на членов общества и тем самым позитивно повлиять на их социальное самочувствие? Мы считаем, что помощь может быть двух видов: помощь в понимании влияния отдельных флуктуаций (в случае если флуктуации не имеют четкой направленности), а также помощь в непосредственной адаптации к объективным изменениям.

С нашей точки зрения, отсутствие предлагаемого подхода в условиях современной модели российского государственного управления и порождает высокую неудовлетворенность жителей условиями их жизни. Не умаляя влияния на социальную жизнь объективных факторов, можно констатировать, что социальная дезориентация усугубляет их интерпретацию в негативном контексте. Использо-

вание прямого разъяснения сути каждой социальной флуктуации только усугубит степень дезориентации, поскольку увеличит количество информационного «шума».

Одной из наиболее используемых на современном этапе категорией, через призму которой рассматривают социальную реальность в современном мире, является категория «свобода». В современном общественном сознании, категория «свобода» является одновременно базовой социальной ценностью и критерием государственной эффективности. Для населения постсоветских государств, гарантирование гражданских прав и свобод считается базовой социальной ценностью демократического общества. Однако для понимания возможности обретения свободы в современном обществе целесообразно обратиться к характеристике свободы данной Д.А. Леонтьевым в книге «Очерк психологии личности» [7]. Являясь специфической формой активности, свобода, во-первых, является осознанной активностью, во-вторых, опосредованной ценностным «для чего», и, в-третьих, активностью, полностью управляемой самим субъектом.

Обратив внимание на последние умозаключения можно констатировать, что человек, находящийся в состоянии социальной дезориентации, не может осознанно реализовать данную активность, поскольку недостаточно осознает «для чего». Следовательно, чем сильнее нарастают «непонятные» изменения в обществе, тем сильнее будет усиливаться ощущение «несвободы», а, следовательно, нарастать социальная напряженность. Независимо от действий государства, у человека может быть неудовлетворенность отсутствием «свободы», которую такой индивид не может осознать (свободы «для себя»).

С другой стороны, динамизм современных социальных процессов (в частности глобализации, информатизации), ставит перед каждым человеком проблему быстрого приспособления к изменяющимся условиям своего повседневного существования. Основную роль в таком приспособлении играет гибкость мышления, которая проявляется в варьировании способов действия в зависимости от интересов

личности, а также в легкости адаптации имеющихся знаний к происходящим изменениям, при том, что человек в силу психологических, интеллектуальных или прочих особенностей имеет различную гибкость мышления. Причем, как правило, гибкость мышления является производной от образования и воспитания, которое, особенно в последнее время, существенно снижается. Все это обуславливает необходимость оказания помощи конкретному субъекту и обществу в целом в ситуации изменений. Однако при условии случайных флуктуаций принципиальных изменений не происходит, а соответственно, объективные основы для адаптации к изменениям отсутствуют.

Выводы

Таким образом, основной формой помощи в адаптации становится повышение образовательного уровня, развития гибкости ума данных субъектов. При этом следует учитывать, что по мере увеличения возраста снижаются познавательная активность и, определенным образом, возникает социальная лень (либо сопротивление изменениям). Важным для понимания ситуации является и тезис Абрахама Маслоу, с которым мы полностью соглашаемся. Согласно исследованиям американского автора, ситуации свободного выбора благоприятны не для всех взрослых людей, а лишь для здоровых людей. Невротик не способен к верному выбору, он чаще всего не знает, чего он хочет, а если и знает, то не обладает мужеством, достаточным для того, чтобы сделать правильный выбор [8]. Следовательно, в современном обществе далеко не все граждане будут иметь возможность самостоятельной адаптации даже при наличии для этого личного интеллектуального потенциала. К тому же невротизация постоянными социальными флуктуациями приводит к ухудшению возможностей для объективного выбора.

В данном контексте возникают вопрос коллективных моделей адаптации к изменениям. В современном обществе, вследствие усложнения социальных процессов, появляются новые средства адаптации к изменениям, в частности социальная мимикрия, которая позволяет выжить и самосохраниться тем социальным группам, силам,

слоям, для которых в обществе создаются нестабильные условия жизни и деятельности. Социальная мимикрия, как пишет автор теории социальной мимикрии А.С. Лобанова [9], является имманентно свойственной умственной способностью отыскивать разнообразные пути для приспособления к естественной и социальной средам. Однако, не смотря на имманентный характер мимикрии, следует отметить, что мимикрия свойственна не только отдельным субъектам. Соответствующий способ адаптационного поведения демонстрируют и социальные субъекты большего масштаба (группы, общества).

Приспособится к социальной среде, находящейся в состоянии постоянных флуктуаций, особенно индивидуально, достаточно сложно. По этой причине практики групповой адаптации (в том числе путем мимикрии) будут значительно легче. При этом, необходимо сказать, что группа (при условии групповой адаптации) выступает своеобразным «буфером» при воздействиях социальных флуктуаций на отдельного индивида.

Следовательно, мы считаем необходимым определить уровни взаимодействия в процессе адаптации к социальным изменениям. По нашему мнению, такими уровнями являются: субъект – субъект; субъект – микросреда – мезосреда – макросреда. При этом флуктуации, происходящие в одних группах, могут нивелироваться флуктуациями в других группах. Так же в данном контексте приобретает значение влияние социальных флуктуаций на одном уровне на другие уровни социального взаимодействия, а также на интерпретацию флуктуаций конкретным индивидом.

Рассматривая уровни социального взаимодействия субъект – субъект, можно предположить, что в этом случае реакция на изменения будет схожей, а, следовательно, каждый из участников взаимодействия будет конкурентом для другого в процессе адаптации. Уровни субъект – микросреда характеризуются адаптивным поведением субъекта (мимикрией) по отношению к микросреде (группе) в то же время группа будет выступать своеобразным защитником своего члена от изменений (социальные нормы в группе достаточно инертны). Анализируя уровень связи субъект – микросреда – ме-

зосреда можно предположить, что мезосреда будет оказывать давление на микросреду с целью ее полного подчинения, микросреда – будет стремиться к мимикрии. На индивида, в данном случае, будет оказываться опосредованное давление со стороны мезосреды, непосредственное влияние флуктуаций будет на микрогруппу, на которую довлеет мезосреда. Субъект, по отношению к мезосреде будет пытаться адаптироваться как член группы (искать баланс взаимодействия), со стороны микрогруппы – ощущать поддержку. Схожая ситуация будет и в процессе рассмотрения уровней субъект – микросреда – мезосреда – макросреда.

Следовательно, внешняя помощь в адаптации субъекту необходима, в первую очередь в связи с изменениями, затрагивающими уровень микросреды. На более высоком уровне адаптация осуществляется за счет коллективного разума группы, чем облегчается процесс адаптации индивида (мимикрирует группа). Это бесспорно накладывает отпечаток на социальное самочувствие индивида и, следовательно, вызывает необходимость адаптации последнего к изменениям.

Причины социальной дезориентации заключаются в неспособности микрогруппы влиять на соответствующие изменения у конкретного субъекта – члена группы. Такая неспособность может быть вызвана неэффективностью самой группы или нежеланием самого индивида быть частью группы (проявлять конформность, мимикрировать и т.п.).

Подводя итог проведенному теоретизированию необходимо отметить, мысль В. Карпичева, который отмечал социально-технологическую концептуальную проблему – «матрицу», которая, как и паттерн, может быть социальной, асоциальной, антисоциальной. [3]. Иными словами, социальные изменения (флуктуации) могут быть произвольными, а могут представлять единичные изменения в рамках матрицы направленного воздействия [10]. В этом случае флуктуации интерпретируются через их «социальность», которая определяется доминирующими нормами и ценностями микрогруппы.

На уровне микрогруппы (иногда мезогруппы) у большинства индивидов существует возможность понимания социальных изме-

нений путем «помощи» со стороны группы. Сложившаяся конформность индивида по отношению к группе – формирует более легкое принятие изменений, принимаемых группой. В случае недостаточной готовности к принятию социальных изменений – индивид мимикрирует, либо демонстрирует сложившиеся практики, пользуясь некоторой «защитой» малой группы. Указанная «защита» формирует представление о большей личной стабильности и свободе, что является основой для лояльности к малой группе. Развивая данную мысль, мы формулируем гипотезу о том, что ощущение свободы, может быть сформировано у индивида именно на этом уровне. Высокая социальная роль трудовых коллективов как микрогрупп, в советский период позволяла решать существенную часть проблем, связанных с социальными изменениями. На уровне трудового коллектива решались личные проблемы, обеспечивалась адаптация к изменениям, закреплялись желательные практики. При этом, не смотря на социотехнологичность воздействия, у индивида оставалось ощущение определенной свободы и, одновременно, защиты. В данном случае, трудовая группа выполняла роль коллективного субъекта адаптации к социальным изменениям (при необходимости и мимикрии).

Нарушение стабильности микрогрупп, согласованных с современными социальными процессами связывается нами с ухудшением социального самочувствия, усложнением индивидуальных стратегий адаптации и проявлением сложных и разнообразных форм адаптивных практик отдельных индивидов. В конечном счете, указанные стратегии ведут к описанным выше процессам дезадаптации. Социальной неудовлетворенности и, часто, социальной эксклюзии. Уменьшение значения микрогрупп в плане адаптации к социальным изменениям в современной модели управления может только продолжаться. Мы считаем, это еще один негативный результат внедрения западных моделей управления в отечественную практику.

Оценивая влияние процессов мезо или макросреды на адаптационные практики индивида, необходимо отметить, что на мезоуровне и макроуровне степень понимания изменений индивидом значительно ухудшается. Влияние процессов конформизма практически

отсутствует. В случае разновекторности флуктуаций теряется понимание направленности и смысла общественных трансформаций.

Основной практической задачей, позволяющей улучшить процесс адаптации к социальным изменениям, является создание (поддержка) эффективных социальных групп микро и мезоуровня, способных к гомеостазу и выступающих в качестве основного адаптивного инструмента. Для реализации последней цели необходимо пересмотреть современные подходы к управлению, в которых необходимо снова возвращаться от значения роли индивида к роли группы (коллектива). Однако такая концепция в условиях отечественной, существенно американизированной, практики управления требует фундаментальной научной проработки.

Список литературы

1. Бурдые П. Социология политики: Пер. с фр. Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. Москва: Socio-Logos, 1993., с. 14.
2. Овшинов А.Н. Общесоциологическая парадигма социальной адаптации // Вестник КалмГУ. 2014. №4 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschesotsiologicheskaya-paradigma-sotsialnoy-adaptatsii> (дата обращения: 15.08.2019).
3. Карпичев В.С. Управление социальными изменениями // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. Серия: Философские, социальные и естественные науки. 2013. № 1 (19). С. 125–133.
4. Карпичев В.С. Асоциальные паттерны и матрицы в развитии российского социума (концептуальные размышления) // Социология власти. 2012. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/asotsialnye-patterny-i-matritsy-v-razvitii-rossiyskogo-sotsiuma-kontseptualnye-razmyshleniya> (дата обращения: 16.08.2019).
5. Бадью А. Тайная катастрофа // Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. Институт экспериментальной социологии. Москва: Праксис. 2005. С. 269–299.

6. Психология развития. Словарь / Под. ред. А.Л. Венгера // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. Москва: ПЕР СЭ, с. 20.
7. Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. Москва: Смысл, 1993. 43 с.
8. Маслоу А. Мотивация и личность / Пер. А.М.Татлыбаевой. Санкт-Петербург: Евразия, 1999.
9. Лобанова А.С. Феномен соціальної мімікрії : монографія / Алла Степановна Лобанова. Київ: Ін-т соціології НАН України. 2004. 300 с.
10. Ядранский Д.Н. Академический бандитизм: авторский взгляд // Дискуссия. 2018. № 1 (86). С. 6–12.

References

1. Burd'e P. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics]: Per. s fr. Sost., obshch. red. i predisl. N.A. Shmatko. Moskava: Socio-Logos, 1993, p. 14.
2. Ovshinov A.N. *Vestnik KalmGU*. 2014. №4 (24). <https://cyberleninka.ru/article/n/obschesotsiologicheskaya-paradigma-sotsialnoy-adaptatsii>
3. Karpichev V.S. *Vestnik Moskovskoy gosudarstvennoy akademii delovogo administrirovaniya. Seriya: Filosofskie, sotsial'nye i estestvennye nauki*. 2013. № 1 (19), pp. 125–133.
4. Karpichev V.S. *Sotsiologiya vlasti*. 2012. №3. <https://cyberleninka.ru/article/n/asotsialnye-patterny-i-matrity-v-razvitii-rossiyskogo-sotsiuma-kontseptualnye-razmyshleniya>
5. Bad'yu A. *Sotsiologiya pod voprosom. Sotsial'nye nauki v poststrukturalistskoy perspektive. Al'manakh Rossiysko-frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii Instituta sotsiologii Rossiyskoy Akademii nauk. Institut eksperimental'noy sotsiologii* [Sociology in question. Social sciences from a post-structuralist perspective. Almanac of the Russian-French Center for Sociology and Philosophy of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences]. Moskva: Praxis. 2005, pp. 269–299.
6. *Psikhologicheskiy leksikon. Entsiklopedicheskiy slovar' v shesti tomakh* [Psychological Lexicon. Encyclopedic Dictionary in six volumes]. Red.-sost. L.A. Karpenko. Pod obshch. red. A. V. Petrovskogo. Moskva: PER SE, p. 20.
7. Leont'ev D.A. *Ocherk psikhologii lichnosti* [Essay on personality psychology]. Moskva: Smysl, 1993. 43 p.

8. Maslou A. *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality] / Per. A.M.Tatlybaevoy. Sankt-Peterburg: Evraziya, 1999.
9. Lobanova A.S. *Fenomen sotsial'noï mimikrii* [Phenomenon of social mimicry]. Kiiiv: In-t sotsiologii NAN Ukraïni. 2004. 300 p.
10. Yadranskiy D.N. *Diskussiya*. 2018. № 1 (86), pp. 6–12.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Ядранский Дмитрий Николаевич, доктор социологических наук, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры управления персоналом и экономики труда
Уральский государственный экономический университет
ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45, г. Екатеринбург, 620144, Российская Федерация
jadransky@yandex.ru

Чумак Елена Васильевна, кандидат наук по государственному управлению, доцент, доцент кафедры менеджмента
Уральский государственный экономический университет
ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45, г. Екатеринбург, 620144, Российская Федерация
lena22021977@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Jadranskii Dmitiry Nikolaevich, Doctor of Sciences (Doctor of Sociology, Doctor of Economics)
Ural State Economic University
8, Marta/Narodnoj Volli str., 62/45, Ekaterinburg, 620144, Russian Federation
jadransky@yandex.ru

Chumak Elena Vasilevna, PhD (public administration)
Ural State Economic University
8, Marta/Narodnoj Volli str., 62/45, Ekaterinburg, 620144, Russian Federation
lena22021977@yandex.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-2-127-142

УДК 101.1

**РЕАЛИЗАЦИЯ ЗАДАЧ
ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ
ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ (ФИЛОСОФСКОЕ
ОСМЫСЛЕНИЕ ЛИЧНОГО ОПЫТА)**

Маслодудова Н.В.

***Цель.** В статье, на основе анализа вынужденного перехода на дистанционное обучение, обозначаются основные проблемы, возникающие в рамках преподавания гуманитарных дисциплин с учетом специфики гуманитарных наук. Актуальность исследования определяется очевидной подготовкой к серьезным реформам в области современного образования.*

***Метод и методология проведения работы.** В ходе исследования использовались теоретические методы анализа обозначенной проблемы, традиционный анализ научной литературы, а также кейс-метод, как анализ конкретной ситуации, возникшей в условиях вынужденного перехода к дистанционному обучению.*

***Результаты.** Анализ проблем позволил обосновать необходимость отказа от идеи перехода на систему полного дистанционного обучения в рамках гуманитарного образования и рассмотреть возможности использования некоторых методов преподавания с использованием современных информационных технологий без ущерба для формирования эмоционально-чувственного компонента творческого мышления обучающихся.*

***Область применения результатов.** Результаты исследования будут полезны специалистам в области философии образования, а также профессионалам в сфере управления образовательными процессами, которые непосредственно участвуют в разработке стратегии реформирования современного образования.*

***Ключевые слова:** гуманитарное образование; ценностные ориентации; творческое мышление; информационная среда; новые образовательные технологии.*

REALIZING THE TASKS OF HUMANITIES EDUCATION IN THE CONTEXT OF REMOTE TEACHING (PHILOSOPHICAL CONCEPTUALIZATION OF PERSONAL EXPERIENCE)

Maslodudova N.V.

Purpose. *The following article is based on the analysis of a remote-only teaching environment. It highlights the main problems with teaching humanities under these circumstances, considering the specifics of human sciences. Right now modern education is preparing for significant changes which makes this study relevant.*

Methodology. *Author uses traditional analysis of scientific literature and case-study analysis of a specific situation, which appears in circumstances of a forced remote-only environment.*

Results. *The need to eliminate the idea of a total shift to remote-only education system within humanities. Considering a possibility of using teaching methods involving modern technology without compromising the development of students' creative thinking and its emotional and sensual components.*

Practical implication. *The study's results will be useful for educational philosophy specialists and educational processes management professionals, which are directly involved in the development of today's education reforming strategy.*

Keywords: *humanities; value orientations; creative thinking; information environment; new educational technologies.*

Введение

События начала 2020 года, связанные с пандемией новой инфекции (COVID-19), заставили весь мир приспосабливаться к совершенно новым условиям, исключая непосредственное живое общение между людьми, ограничивая его узким кругом своих близких, и переходя на взаимодействие через информационную среду, открывающую, с одной стороны, несомненно широчайшие возможности, но, с другой стороны, формирующую совершенно новую

систему взаимоотношений. Особенность этих взаимоотношений во многомстораживает своей отчужденностью субъектов общения друг от друга. Каковы последствия этой отчужденности? Чтобы понять сущность проблемы, достаточно привести жизненный пример. Сравним взаимоотношения между родителями и детьми, которые живут рядом и постоянно общаются, что соответствует патриархальной семье в условиях посфигуративного типа культуры, выделенного американским антропологом XX века, представительницей этнопсихологической школы Маргарит Мид, и отношениями между родителями и детьми, которые общаются только по телефону и видятся крайне редко. В чем принципиальная разница?

Сегодня мы можем быть в курсе проблем своих родителей или детей, возможно готовы даже им помогать материально, но эти взаимоотношения определяются чаще всего насущными материальными проблемами, а гуманистическая составляющая взаимоотношений постепенно стирается. Переводя этот пример на образовательный процесс, необходимо отметить, что, решая насущные проблемы обучения, связанные с получением необходимых знаний, умений и навыков в процессе дистанционного обучения, мы теряем возможность решать основные задачи образования, связанные с воспитанием личности обучающегося. Наиболее остро это чувствуют преподаватели гуманитарных дисциплин, так как специфика гуманитарного образования в большей степени связана с решением этих воспитательных задач. В.М. Розин, еще в начале реформирования российского образования после распада СССР, отмечал «...образованный человек – это не только специалист и не только личность, а именно человек культурный и подготовленный к жизни. Подготовленный не просто к нормальной жизни и отлаженному производству, но к испытаниям, к сменам образа жизни, к изменениям» [8, с. 40].

Основная часть

Сегодня «квалификационные требования, предъявляемые к современным специалистам, выходят далеко за рамки знаний, умений и навыков их профессиональной деятельности. Надежды возлага-

ются на формирование самого человека, его духовности, его нравственной культуры, гражданской позиции и чувства патриотизма» [5, с. 60–61].

Сформированные общекультурные компетенции, на формирование которых направлено гуманитарное образование, должны гарантировать, что специалист, получивший образование, способен выходить за пределы только своей профессиональной сферы, и, обладая основами стратегического мышления, в конечном итоге должен оказывать влияние на саму профессиональную сферу, в которой он задействован. О каких гарантия идет речь? Гарантиях, которые обеспечивают выигрышность разумной деятельности человека в сравнении с деятельностью самого совершенного искусственного интеллекта. Разумная мыслительная деятельность, являясь высшей ступенью логического понимания, ориентирована на наиболее полное и глубокое знание истины. Именно поэтому, мы можем утверждать, что разум одновременно является и двигателем нашего интеллекта, и потенциальным его ограничителем. Это та сила, которая есть у человека и которой нет даже у самого совершенного искусственного интеллекта. Разумная деятельность человека потому и рассматривается в качестве упомянутого выше гаранта, что благодаря ей мы способны осознать и предвидеть последствия своих профессиональных действий и способны давать этим действиям нравственные оценки.

Гуманитарии, активно выступающие против повсеместного внедрения дистанционного обучения, делают это как раз потому, что способны предвидеть последствия этих действий и способны давать им нравственную оценку. Педагогам трудно согласиться с мнением И. Чирикова, что качественные онлайн-курсы больше не могут считаться второсортным способом обучения, так как формируют у студентов компетенции ничуть не хуже, чем очные занятия. Эффективность способа учиться удаленно подтвердило экспериментальное исследование, проведенного сотрудниками Высшей школы экономики совместно с американскими учеными. Результаты работы опубликованы в журнале *Science Advances*. При тех же

затратах, по мнению исследователей, в онлайн-формате вузы могут обучать на 15–18% больше студентов [14].

Повторюсь, гуманитарии выступают именно против повсеместного внедрения дистанционного обучения. Речь не идет о чрезвычайной ситуации, в которой мы сегодня оказались, и были вынуждены в короткие сроки искать методы работы, позволяющие решать образовательные задачи на достойном уровне в условиях дистанционного обучения. Доцент кафедры русского языка и общего языкознания Тюменского госуниверситета Н.В. Кузнецова считает, что измерить качество образования при нынешней ситуации поддержания образовательного процесса невозможно, так как в большинстве случаев это не онлайн-обучение [3].

Речь не идет об отказе от информационных технологий, которые в современных условиях нагрузки на профессорско-преподавательский состав, позволяют решать традиционные задачи обучения в условиях экономии эмоционально-энергетических затрат. Как отмечает А.С. Роботова: «Уже невозможно теперь испытывать тревожный холодок от приближения к аудитории, внутреннее напряжение от того, как ты начнешь произносить первое слово. Не пережить... скептические улыбки, которые «сигналят» о том, что не все получается в твоём дискурсе» [7, с. 44]. К таким традиционным задачам относится, например, осуществление обязательного контроля в части усвоения обучающимися полученных знаний и умений. Допускаю, что часть моих коллег может со мной не согласиться, но считаю, что система электронного тестирования здесь – выигрышный вариант. При этом надо понимать, что в этом случае речь идет о диагностическом и формирующем оценивании, направленном на проверку таких уровней познания (по таксономии Блума) как знать и понимать. Только такие задания, направленные на формирование именно этих уровней познания, требуют обязательного оценивания. Попытка перенести обязательное оценивание на все другие виды заданий была спровоцирована подсчетом часов учебной нагрузки профессорско-преподавательского состава в условиях дистанционного обучения (0,2 часа на обучающегося за каждую выставленную

оценку). Конечно, в этой ситуации многие преподаватели стали оценивать каждую отдельно отправленную работу, что привело к резкому увеличению нагрузки. Следует учитывать, что большая часть общекультурных компетенций, формирующихся в рамках изучения гуманитарных дисциплин, связана с более высокими уровнями познания, а именно: применять, анализировать и оценивать. Само знание и понимание, в этом случае, выступает как средство для применения знания и оценки. Данные уровни познания, во многом направлены на реализацию воспитательных задач образования, о которых уже говорилось выше. Возможность применения, анализа и оценки предполагает определенный уровень личностного становления обучающегося, способного делая выбор, реализовывать свою свободу, как имманентную составляющую человека. На мой взгляд, сама возможность лишения выбора между традиционным и дистанционным обучением, лишает обучающегося той самой необходимой человеку свободы.

Традиционные формы обучения позволяют реализовать в процессе образования возможности формирования эмоционально-образного компонента мышления обучающегося, так как электронно-информационная среда не уделяет внимание эмоционально-чувственной сфере. Если вернуться к примеру взаимоотношений родителей и детей, то это можно выразить следующим образом: «да, мы в курсе проблем; готовы, в силу своих возможностей, помочь, но не требуйте от нас постоянного участия с сопереживанием и состраданием». Иначе этот процесс можно назвать выхолащиванием из взаимоотношений гуманистической составляющей, которая является неотъемлемым признаком нашей человечности. Такое нарушение традиционных социальных связей рано или поздно приведет к дезорганизации самого человека, его мыслей и культуры, проявляющихся в его деятельности.

Гуманитарное образование, направленное в первую очередь на развитие личности, выступает важнейшим фактором социокультурной детерминации. Оно призвано обеспечить условия для становления нравственного сознания обучающегося, выработки им главной

жизненной позиции, истинных ценностных ориентаций, убеждений и мотивов деятельности, которая не будет лишена духовности. Деятельность, лишенная духовности, характеризуется в большей степени агрессивностью, которая, по словам Д.С. Лихачева, «охватила не только наше общество, она характерна для нынешнего времени в целом и для всего человечества». Обращение к мнению доктора филологических наук, культуролога и искусствоведа XX века Д.С. Лихачева при рассмотрении дистанционного обучения, не случайно, так как, говоря об агрессивности, вызванной бездуховностью, он в 1991 году отмечал, что «техника заполонила собой все и не оставила у человека времени и возможности посвящать себя истинной культуре. Но природа не терпит пустоты. Техника и весь комфорт, который с нею связан, может вытеснить духовную жизнь в человеческой деятельности, но не заменить ее. Заменяла духовную жизнь внешняя цивилизация и многое с нею связанное. Это многое обладает одним свойством – страшной агрессивностью» [4, с. 248]. Именно поэтому стремление сохранить и защитить духовность, рассматривается как единственная возможность противопоставления животной агрессивности. Еще один философ XX, представитель экзистенциальной философии В. Франкл писал, что «духовность человека – это не просто его характеристика, а конституирующая особенность: духовное не просто присуще человеку наряду с телесным и психическим, которые свойственны и животным. Духовное – это то, что отличает человека, что присуще только ему и ему одному. ... Человек как духовное существо не только сталкивается с тем, что он противостоит миру (как внешнему, так и внутреннему), но и занимает позицию по отношению к нему. Человек всегда может как-то «относиться», как-то «вести себя» по отношению к миру. В каждое мгновение своей жизни человек занимает позицию по отношению как к природному и социальному окружению, к внешней среде, так и к витальному миру, к внутренней среде. И то, что может противостоять всему социальному, телесному и даже психическому в человеке, мы и называем духовным в нем. Духовное, по определению, и есть свободное в человеке, что всегда

может возразить» [12, с. 92–93]. Говоря о важности духовности и агрессивности бездуховности, уместно вспомнить цитату философа раннего средневековья Аврелия Августина: «Тот, кто добр, – свободен, даже если он раб; тот, кто зол, – раб, даже если он король» [1]. Воспитание духовного, а значит свободного человека, есть одна из главнейших задач гуманитарного образования. Ценность гуманитарного образования связана с возможностью самоопределения индивида в культурном пространстве. Когда мы говорим о свободном выборе личностных ценностей, мы, несомненно, предполагаем, что этот свободный выбор осуществлен из тех вариантов ценностей, которые были этой личности изначально предложены. И в этом смысле задача гуманитарного образования состоит в том, чтобы не только дать полное представление о возможном смысловом пространстве выбора, но и дать представление о неизбежной ответственности за сделанный им выбор.

Если первое (представление о возможном смысловом пространстве) мы еще можем обеспечить через реализацию в условиях дистанционного обучения таких уровней познания, как знать и понимать, то второе (представление о неизбежной ответственности), которое формируется через анализ, применение и оценивание, необходимо реализовывать через традиционные формы обучения. Уникальность, например, гуманитарного философского знания заключается в том, что оно влияет и на разум, и на чувства, и на волю, и на сознательное, и на бессознательное одновременно. Традиционно, считаясь более широким, чем знания специальных дисциплины, философское знание одновременно подвергалось критике за отсутствие в нем практической направленности. Сегодня необходимо признать, что практическая направленность такого гуманитарного знания более очевидна, чем любого другого специального знания в том, что это, по выражению современного канадского философа Питера Марча, «терапия для благоразумных» [9, с. 14]. Со времени своего возникновения полезность философского знания связывалась с возможностью отличить подлинные ценности от мнимых и навязанных и благодаря этому, оставаясь духовным, а значит сво-

бодным человеком, стремиться к совершенствованию своей личности. Можно ли оценить такую возможность гуманитарного философского знания только в рамках дистанционного обучения. На наш взгляд, однозначно – нет.

Результаты

Конечно, современное образование будет меняться и отказываться от использования элементов дистанционной системы обучения в современных условиях – это значит не идти в ногу со временем. В этом смысле можно согласиться с мнением министра науки и высшего образования РФ В. Фальковым, что: «Очное образование до и после коронавируса – две большие разницы. В нем будет больше разных цифровых технологий и онлайн-форматов. Изменятся и требования к преподавателям. Сегодня многие поняли: если ты не можешь организовать коллективную работу с помощью онлайн-сервисов, то это уже критично» [11].

Значит, остается только одно – сделать современное образование приемлемым для решения необходимых задач, формируя смешенную систему, которая позволит сочетать электронно-информационную среду с традиционными формами и методами обучения. Поскольку главным отличительным признаком дистанционного обучения является разделение преподавателя и студента, важно, выстраивая новую смешенную форму обучения, свести этот недостаток к нулю. Сейчас дистанционная система обучения строится в основном на самостоятельной работе обучающихся и работе с преподавателем консультантом. Опыт вынужденного дистанционного обучения показал, что в настоящее время для подавляющего количества профессорско-преподавательского состава самостоятельная работа является основным блоком учебных занятий в дистанционном обучении, в который входят, как правило: самостоятельное изучение учебного материала по электронным методическим пособиям, выполнение тестов, написание письменных работ и сдача автоматизированных зачетов. Самым слабым звеном в такой системе образования показало себя взаимодействие преподавателя и обуча-

ющего. К этому оказались не готовы ни преподаватели, ни обучающиеся, ни технические службы обеспечения образовательного процесса в вузах. Поскольку такой резкий переход к дистанционному обучению произошел от еще вчерашнего традиционного, мы не смогли ощутить последствия обезличивания образовательного процесса, которое происходит в условиях электронно-информационной среды. Зато в рамках такого образовательного процесса мы сумели оценить и явные преимущества хорошо организованной и технически оснащенной теле- и видеоконференций, в сравнении с многочасовыми научными форумами. Как отмечает Т.Н. Колокольцева, «гипертекстовое пространство Интернета, по сути, носит диалоговый характер» [2, с. 129]. Дистанционное обучение позволило подключить к диалогу большую аудиторию и организовать общение на огромном пространстве. Но во многом это стало возможно благодаря тому, что и педагоги сейчас еще помнят всех своих обучающихся, и сами обучающиеся помнят своих педагогов, а это дает им возможность расширять эту дистанцию за счет личного общения через социальные сети и телефоны. Лично у меня первую неделю дистанционного обучения общение с обучающимися осуществлялось в режиме: 24 на 7. Проверая подготовленные работы обучающихся, мы сейчас еще можем оценить степень самостоятельности выполненных заданий, так как ориентируясь в ходе традиционного обучения на их индивидуальные способности, имеем представления об этих самых индивидуальных возможностях. Но каким будет будущее образование, если из него навсегда исчезнут такие традиционные формы обучения, как лекционные и семинарские занятия? Конечно, если рассматривать лекции и семинары как простую форму получения информации, то следует согласиться, что это реально устарело. Информационное общество открывает возможность доступа к информационным ресурсам всей человеческой цивилизации. На этом фоне преподаватель, даже с самыми уникальными способностями памяти, выглядит очень бедно. Но преподаватель – это не просто носитель информации! Преподаватель – это педагог, который в процессе образовательного процесса формирует, или

лучше сказать – должен формировать, у обучающихся самостоятельные способности к анализу, оценке и применению информации. А это невозможно без непосредственного личного контакта. Ценность аудиторных занятий заключается в возможности создания в ходе их проведения педагогических ситуаций, позволяющих формировать личность обучающегося и его способности к творческому мышлению. Как отмечает О.И. Титова: «именно учебные занятия, осваиваемые дисциплины в силу их преобладания становятся основным пространством, создающим воспитательную среду для личности студента, курсанта, слушателя, определяющим воспитательный потенциал этого этапа жизни молодого человека» [10, с. 149].

Несомненно, сегодня в условиях вынужденного дистанционного обучения мы смогли оценить возможности новых образовательных технологий. В частности, за два месяца вынужденного дистанционного обучения я активно освоила форумы для общения в системе Moodle (Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment), которые позволяют решать задачи гуманитарного образования, связанные с развитием коммуникаций, ранее казавшиеся вообще невозможными. Обучающиеся могут задавать вопросы своим коллегам и преподавателю, комментировать ответы, высказывать собственное мнение. Важно, что активность стали проявлять даже те обучающиеся, которые в обычном аудиторном формате предпочли бы просто промолчать. При этом, как уже отмечалось выше, именно личное знакомство с обучающимися позволяло мне оценивать степень их самостоятельности в ходе участия в форумах. Еще большие возможности в этом предоставляют видеоконференции и вебинары. Но эффективность их проведения определяется не столько техническим оснащением, как это представлялось первоначально, сколько сложившейся ранее, в условиях аудиторных занятий, коммуникативной средой. Более чем 25-летний опыт общения со студентами, в том числе неформального, позволяет сказать, что обучающиеся тоже оценили дистанционное обучение, особенно в части открывшихся возможностей получения права самостоятельно определить место и время для занятий, а значит получить свободу выбора при

использовании своего свободного времени, а также свести к минимуму свои транспортные расходы. Мне, например, приходилось сознательно ограничивать время проведения форумов традиционными аудиторными занятиями в соответствии с расписанием, чтобы заставить обучающихся выполнять задания днем, а не ночью.

Учитывая все вышесказанное, необходимо отметить, что сейчас нам было дано время объективно оценить, как положительные элементы дистанционного обучения, так и возможные негативные последствия полного перехода на такую систему обучения, а значит и постараться их предупредить. Но это предупреждение не должно сводиться к полному отказу от дистанционного обучения, вызванному страхом, что «ЮНЕСКО, ВБ и ОЭСР, признавая технические сложности, ратуют за демонтаж традиционного образования и переход на цифровое онлайн-обучение, призывают страны активно его внедрять и поддерживать» [15].

По мнению доцента кафедры отечественной истории Тюменского госуниверситета А. Фокина вынужденный переход в онлайн выявил плюсы и минусы дистанционной системы обучения: «Главный плюс заключается в том, что для многих студентов экран гаджета снимает психологический блок. Они охотнее начинают участвовать в обсуждении. Те, кто, вчера, сидя в аудитории, предпочел бы отмолчаться, теперь проявляют активность. Минус – требование высокой самодисциплины от учащихся» [13].

Поэтому сегодняшнее предупреждение должно быть направлено на разработку смешанной системы образования, единственно возможной, на мой взгляд, в условиях получения основного, а не дополнительного, образования в современном обществе. В такой системе образования время между аудиторными занятиями и занятиями с использованием информационно-электронной среды должно составлять примерно 75% и 25% учебного времени соответственно. Такое соотношение, с одной стороны, позволит сохранить уникальную среду, которую, по мнению Председателя Правительства РФ М.В. Мишустина нельзя заменить онлайн-обучением: «Среда, которую дает университет, это совершенно уникальный, если хотите, ресурс. Сре-

да, которая есть в университете, – дружба и обмен мнениями со своими однокурсниками, общение с преподавателями, а также получение колоссального опыта и взаимный обмен – это гораздо больше, чем просто получение информации» [6]. С другой стороны, такое соотношение позволит современному образованию соответствовать требованиям времени. Для успешности реализации смешанной системы образования профессорско-преподавательскому составу необходимо будет перестроить часть своей привычной работы и освоить много нового в электронно-информационной среде, чтобы не превратить последнюю в простую базу данных и набор заданий для самостоятельной работы обучающихся. Некоторые мои коллеги считают, что большую часть технической работы в информационно-электронной среде необходимо передать в ведение вспомогательных отделов (учебный отдел, отдел технического обеспечения образовательного процесса), но здесь есть реальная опасность. Это может повлечь за собой разрастание вспомогательного персонала и сокращение профессорско-преподавательского. Поэтому, если мы хотим остаться востребованными, лучше сегодня начать осваивать информационно-электронную среду самим.

Список литературы

1. Аврелий Августин // Цитаты известных личностей. URL: <https://ru.citaty.net/tsitaty/624072-avrelii-avgustin-tot-kto-dobr-svobodendazhe-esli-on-rab-tot/> (дата обращения 05.05.2020).
2. Колокольцева Т.Н. Диалог и диалогичность в интернет-коммуникации // Известия ВГПУ. 2011. №8. С. 129.
3. Кузнецова Н.В. Как дистанционное обучение изменило жизнь тюменских студентов. URL: <https://vsluh.ru/news/education/354730> (дата обращения 18.05.2020).
4. Лихачев Д.С. Я вспоминаю. М.: Прогресс, 1991. С. 248.
5. Маслодудова Н.В. Воспитание патриотизма в рамках постижения философии // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXIII международной научно-практической конференции. 2020. № 2. С. 60–61.

6. Мишустин М.В. Михаил Мишустин: онлайн-обучение не сравнить с университетской средой. URL: <https://digital.ac.gov.ru/news/4439/> (дата обращения 18.05.2020).
7. Роботова А.С. Преподаватель-гуманитарий в режиме e-Learning: «волнение души» // Высшее образование в России. 2017. № 3(210). С.44. URL: <http://www.vovr.ru/nom32017.html> (дата обращения 18.05.2020).
8. Розин В.М. Философия образования для XXI века. М.: Московский психолого-социальный институт, 1992. С. 40.
9. Соммэр Д.С. В чем ценность человека? М.: Кодекс, 2014. С. 14.
10. Титова О.И. Личностно-профессиональные качества и возможности их развития в период обучения в вузе // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2019. № 4 (50). С. 149.
11. Фальков В.Н. Спецвыпуск с министром науки и высшего образования РФ В. Фальковым. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VQauzw4zHbE&feature=youtu.be> (дата обращения 18.05.2020).
12. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С.92-93.
13. Фокин А. Трудности на дистанции. Была ли российская система образования готова к переходу в онлайн из-за коронавируса. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4307297> (дата обращения 18.05.2020).
14. Чириков И. Исследование ВШЭ: онлайн-обучение оказалось не хуже традиционного. URL: <https://www.poisksnews.ru/edu/onlajn-obuchenie-studentov-vygodno-vuzam-pokazal-eksperiment/> (дата обращения 18.05.2020).
15. Чернышов Е. ЮНЕСКО и Всемирный банк призывают цифровизировать образование в глобальном масштабе. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2020/04/08/22570381/> (дата обращения 18.05.2020).

References

1. Avreliy Avgustin [Aurelius Augustine]. *Tsitaty izvestnykh lichnostey* [Quotes of famous personalities]. URL: <https://ru.citaty.net/tsitaty/624072-avrelii-avgustin-tot-kto-dobr-svoboden-dazhe-esli-on-rab-tot/>

2. Kolokoltseva T.N. Dialog i dialogichnost' v internet-kommunikatsiyakh [Dialogue and dialogism in Internet communications]. *Izvestiya VGPU*. №8 (2011): 129.
3. Kuznetsova N.V. *Kak distantsionnoye obucheniye izmenilo zhizn' tyu-menskikh studentov* [How distance learning changed the lives of Tyumen students]. URL: <https://vsluh.ru/news/education/354730>
4. Likhachev D.S. *Ya vspominayu* [I remember]. Moscow: Progress, 1991. P. 248.
5. Maslodudova N.V. Vospitaniye patriotizma v ramkakh postizheniya filosofii [The education of patriotism in the framework of comprehension of philosophy]. *Aktual'nyye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki: materialy XXIII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Actual problems of combating crime: theory and practice: materials of the XXIII international scientific and practical conference], № 2 (2020): 60–61.
6. Mishustin M.V. *Mikhail Mishustin: onlayn-obucheniye ne sravnit's universitetskoy sredoy* [Mikhail Mishustin: online learning cannot be compared with the university environment]. URL: <https://digital.ac.gov.ru/news/4439/>
7. Robotova A.S. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. № 3(210) (2017): 44. URL: <http://www.vovr.ru/nom32017.html>
8. Rozin V.M. *Filosofiya obrazovaniya dlya XXI veka* [Philosophy of Education for the 21st Century]. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute, 1992. P. 40.
9. Sommer D.S. *V chem tsennost' cheloveka?* [What is the value of man?]. Moscow: Codex, 2014. P. 14.
10. Titova O.I. Lichnostno-professional'nyye kachestva i vozmozhnosti ikh razvitiya v period obucheniya v vuze [Personal and professional qualities and the possibilities of their development during the period of study at the university]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'yeva*. № 4 (50) (2019): 149.
11. Falkov V.N. *Spetsvypusk s ministrom nauki i vysshego obrazovaniya RF V. Falkov* [Special issue with the Minister of Science and Higher Education of the Russian Federation V. Falkov]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VQauzw4zHbE&feature=youtu.be>

12. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [Man in search of meaning]. Moscow: Progress, 1990, pp. 92–93.
13. Fokin A. *Trudnosti na distantsii. Byla li rossiyskaya sistema obrazovaniya gotova k perekhodu v onlayn iz-za koronavirusa* [Difficulties at a distance. Was the Russian education system ready to go online due to the coronavirus?]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4307297>
14. Chirikov I. *Issledovaniye VSHE: onlayn-obucheniye okazalos' ne khuzhe traditsionnogo* [HSE research: online learning turned out to be no worse than traditional]. URL: <https://www.poisknews.ru/edu/onlajn-obucheniye-studentov-vygodno-vuzam-pokazal-eksperiment/>
15. Chernyshov Ye. *YUNESKO i Vsemirnyy bank prizyvayut tsifrovizirovat' obrazovaniye v global'nom masshtabe* [UNESCO and the World Bank call for digitalizing education on a global scale]. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2020/04/08/22570381/>

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Маслодудова Наталья Владимировна, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, кандидат философских наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД РФ
ул. Рокоссовского, 20, г. Красноярск, 660131, Российская Федерация
nata.maslodudova@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Maslodudova Natalia Vladimirovna, Associate Professor, Department of humanities and socio-economics, Ph.D. in Philosophy
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
20, Rokossovskogo st., Krasnoyarsk, Krasnoyarskiy kray, 660131, Russia Federation
nata.maslodudova@yandex.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-2-143-158

УДК 316.422;316.32;140.8

ОБЩЕСТВО РИСКА В ЭПОХУ НАРАСТАЮЩЕЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Гриценко Г.Д.

В статье представлен анализ современного общества риска в постмодернистскую эпоху с точки зрения антропологического измерения. Опираясь на теоретическое наследие Н. Лумана, У. Бека, Э. Гидденса, О.Н. Яницкого, были обоснованы положения о максимальном сосредоточении рисков в политико-управленческой сфере и снижении социальной ответственности человека. В статье показано, что в современном постмодернистском обществе усиливаются «риски глобализации» (У. Бек), что обусловлено в определенной степени возрастанием роли масс-медиа в социокультурном пространстве, значимыми элементами которого выступают экспертное знание и общественное мнение. Разрастание рискогенности и неопределенности в политико-управленческой сфере проявляется в актуализации «дерева решений» и оценки «порога бедствия» (Н. Луман), что обостряет антропологическую проблему, для решения которой был использован концепт амбивалентного человека. Увеличивающаяся неопределенность ведет к активизации двух основных образов человека: «человека ценностного» и «человека институционального». В социокультурном пространстве общества постмодерна начинают преобладать образ свободного виртуального человека как представителя «новых интеллектуалов», формирующих общественное мнение, с одной стороны, и образ «институционального человека» «согласованных стратегий» как политически ангажированных экспертов, тиражирующих экспертное знание, с другой стороны. Это ведет к дальнейшему нарастанию неопределенности в обществе риска и снижению уровня социальной ответ-

ственности человека, особенно в политико-управленческой сфере. Делается вывод, что одним из возможных механизмов уменьшения степени неопределенности и рискогенности в обществе постмодерна становится системное мировоззрение, обеспечивающее человеку способность предвидеть возможное развитие событий и предотвратить вероятностные нежелательные последствия, что важно при принятии политико-управленческих решений.

Ключевые слова: неопределенность рискогенности; общество постмодерна; масс-медиа; субъект принятия решения; «ценностный человек»; «институциональный человек»; системное мировоззрение.

RISK SOCIETY IN AN ERA OF INCREASING UNCERTAINTY: AN ANTHROPOLOGICAL DIMENSION

Gritsenko G.D.

The article presents the analysis of the risk society in postmodern era, in terms of anthropological measurements. Drawing on the theoretical heritage of N. Luhmann, U. Beck, E. Giddens, O. N. Janicki, would, if substantiated provisions on the maximum concentration of risks in the political-administrative sphere and the decline of social responsibility of man. The article shows that in today's postmodern society increase "the risks of globalization" (U. Beck), which is caused to some extent by the increasing role of mass media in the socio-cultural environment, significant elements of which are expert knowledge and public opinion. The growth of riskovannoe and uncertainty in the political-administrative sphere is manifested in the actualization of "decision tree" and evaluation of "threshold of disaster" (N. Luhmann), which sharpens the anthropological problem, for which was used the concept of ambivalent person. Increasing uncertainty leads to the activation of two major images of man: "human values" and "institutional man". In socio-cultural space of the society of postmodernism begin to dominate the image of free virtual human as a representative of the "new intellec-

tuals,” opinion-makers, on the one hand, and the “institutional man” “agreed strategies” as politically engaged experts, tyre-fattening expert knowledge, on the other hand. This leads to a further increase in uncertainty in the risk society and reduce the level of social responsibility, particularly in the political-administrative sphere. It is concluded that one of the possible mechanisms of reducing uncertainty and riskovanoe in postmodern society is a system worldview that provides a person the ability to anticipate possible developments and to prevent the probability of undesirable consequences, which is important when making political and administrative decisions.

Keywords: *uncertainty of riskogenicity; postmodern society; mass media; decision-making subject; “value person”; “institutional person”; systemic worldview.*

Введение

Современный мир характеризуется небывалой динамичностью и изменчивостью, что становится не только серьезной исследовательской проблемой, но и трудной задачей для человека в его повседневной жизни. Человек неизбежно оказывается в ситуации нового, неизвестного, следовательно, неопределенного. Неопределенность становится важнейшим признаком современности [14].

Неопределенность вызывается растущей «негерметичностью» современного общества. У. Бек писал: «Система координат, в которой протекали жизнь и мышление в эпоху индустриальной модернизации – оси пола, семьи и профессии, вера в науку и прогресс – начинает расшатываться» [16, с. 15]. Нарастающая неопределенность зафиксирована Ч. Перроу понятием «нормальный несчастный случай», что указывает на сбои даже самых совершенных социотехнических систем и требует расчета вероятности наступления критических ситуаций [23]. Глобализация социотехнических систем повышает вероятность их отказов во много раз [12]. Мировые финансовые рынки также являются источниками глобальных рисков высшей опасности [3]. Нарастающая рискогенность нашла отражение в понятии У. Бека «риски глобализации» как неотъемлемой

характеристики эпохи постмодернизма [17, с. 135]. По мнению У. Бека, «конструкция безопасности и контроля, доминировавшая... на начальном этапе модернизации, становится фиктивной в эпоху глобального общества риска. Сформировался новый тип отношений, именуемый “сконструированными неопределенностями”» [17, с. 146].

В условиях перехода от простой к высокой (поздней) модернизации [13, с. 22], когда обществу имманентно присуще производство рисков, когда риски модернизации приносят «сконструированные неопределенности» в каждую клетку общества, в каждую социальную ситуацию или социальное событие, человек как бы «освобождается» от определенностей индустриального общества и оказывается в условиях смены осей социальной системы координат. Человек живет, по словам Ю. Роза, в ситуациях, «в которых нечто ценное для него, включая его собственную жизнь, поставлено на карту, и последствия этой... ситуации являются неопределенными» [24, с. 17]. Именно поэтому целесообразно исходить не просто из утверждения «общество и риск», «человек и риск», а из формулы «человек в обществе риска» [2, с. 81], где на первое место ставится понятие «человек», что актуализирует избранную исследовательскую проблему и определяет цель исследования – установить не столько ситуации, которые становятся рискогенными для человека, сколько выявить наиболее распространенный в обществе риска образ человека.

Результаты и обсуждение

Для понимания, когда современному человеку грозят ситуации, в которых концентрируются рискогенные неопределенности, целесообразно обратиться к востребованным положениям современных концепций риска.

Плодотворным в этом отношении может быть модель «дерево решений» Н. Лумана: в современных условиях любое принимаемое решение неизбежно связано с рискованными «неожиданными последствиями» [21, с. 22–23], в отношении которых принимаются новые решения, также порождающие риски. Так, в цепи любых реше-

ний сосредоточиваются потенциальные угрозы, образуется некий феномен, содержащий риски даже без привязки к конкретным решениям [5]. Более того, в результате целостности глобализирующегося социокультурного пространства рискогены могут проявиться в любой его части. Риск, таким образом, таится в политико-управленческой сфере и образуется в результате трансформации цепи безличных решений в некоторый безличный, безответственный и вероятно опасный продукт.

В данном контексте важно учитывать, что сегодня в научной литературе сам факт управления все реже трактуется как конечный акт «принятия решения». Реальное управление социальными процессами, как полагают современные исследователи, например А. Арсено и М. Кастельс, все более осуществляется посредством управления общественным мнением, усиливая тем самым безличность и безответственность решений. Социальная практика показывает, что управление общественным мнением часто стало осуществляться с помощью двух основных инструментов: «переключением общественного внимания, в частности, сокрытием одних фактов, и массовым тиражированием других, «перепрограммированием» контента [15, с. 491]. Так, в постмодернистском социокультурном пространстве появляются медийные факты, которыми и являются «сконструированные неопределенности» (У. Бек) и «неожиданные последствия» (Н. Луман), что нашло отражение в определении риска, предложенное У. Бекем: «риски суть тип *виртуальной реальности*, реальной виртуальности», с которым и имеет дело человек в обществе риска [17, с. 138].

Поскольку факты реальности конструируются в качестве медийных фактов, то реальное управление обществом переходит в руки масс-медиа и их руководителей. Однако собранная масс-медиа информация может быть вырвана из реального контекста или превратно (конъектурно) ею интерпретирована. Известно, что в информационную эру, нередко именуемую цифровой, общественное мнение как срез массового сознания серьезно подвержено психологическому воздействию масс-медиа и активно воспринимает преподноси-

мую информационную оценку, как будто она сформирована самими людьми. Масс-медиа в условиях массивованных информационных потоков может убедить или переубедить человека в чем угодно, это только вопрос времени [6]. Более того, социально сконструированные факты, воспринятые массовым сознанием в виде общественного мнения, детерминируют поведение человека как «социального игрока» [12, с. 30]. В результате «принятие решений» становится более непредсказуемым, а «поле» рискованных решений в социокультурном пространстве, значимым элементом которого является общественное мнение, раздвигается.

Современный человек, постоянно находясь в рискогенном социокультурном пространстве, сталкивается с разным «качеством» риска. И здесь конструктивным с точки зрения антропологического измерения общества риска становится введенное Н. Луманом в научный оборот понятие «порог бедствия», которое и определяет качество риска, а именно ту границу, за которой риск может восприниматься как серьезная неудача или бедствие. По Н. Луману, «порог бедствия» зависит только от того, кто выносит решения [21, р. 3–4]. Ведь именно от субъекта принятия решения зависит, будет ли он учитывать риск; если «да», то в каком объеме будет брать его в расчет и, наконец, как будет оценивать «порог бедствия» [21, р. 3]. Это означает, что в современном рискогенном обществе на первый план выдвигается вопрос о том, **кто** принимает решения и должен ли **он** принимать в расчет риск или нет [21, р. 4]. Следовательно, актуализируется проблема субъекта выбора и оценки рисков, а именно его системы знаний и ценностей.

Но прежде чем осмыслить, **что** есть данные системы, уместным будет обращение к еще одному определению риска, которое принадлежит У. Беку: риск есть нечто среднее между фактами модернизации и ценностными суждениями; «конкурентное» отношение между результатами научно-технического прогресса и существующим в обществе социокультурным восприятием действительности [17, с. 135, 136]. При этом, предупреждают рискологи, речь идет не об «обычных» рисках, сопровождающих предпринимательскую,

инновационную или иную деятельность, поскольку они есть норма всякой социокультурной динамики и их можно в той или иной степени просчитать. Здесь говорится о «невидимых», труднопредсказуемых, неконтролируемых фактах [13, с. 22–23], в частности о неопределенности масштабов глобального потепления, или процессов становления нового миропорядка, или последствий современной пандемии, т.е. актуализируется вопрос о роли научного знания в постмодернистском обществе риска.

Известно, что рискогенные факторы, порождаемые успехами научно-технической модернизации, существуют только в форме знаний о них. Следовательно, специалисты, несущие ответственность за определение степени рискогенности новейших технологий, с одной стороны, и масс-медиа, ответственные за распространение знаний о них, с другой стороны, по словам У. Бека, «приобретают ключевые социальные и политические позиции» и, следовательно, «политический потенциал общества риска должен быть проанализирован в терминах производства и распространения знаний о рисках» [18, р. 12]. Научное сообщество, без которого современное научное знание не может быть непосредственно применено в политико-управленческой сфере, преобразовывается, как метко определил У. Бек, в институт экспертов, приобретающий самоудовлетворяющее политическое значение: именно эксперты определяют, **что и насколько** опасно [16, р. 59]. В результате, предостерегает ученый, корпус экспертов закрепляет за собой привилегированное положение и превращается в элиту, «третирующую остальное население как алармистов, подрывающих общественный порядок» [18, р. 15]. Нельзя не согласиться с оценкой, данной исследователями обществу постмодерна, как обществу, разделенному на политически ангажированных экспертов, систематически скрывающих или искажающих истинную информацию о рисках, и остальное население, у которого постепенно формируется стойкое недоверие к науке, тем более что экспертное сообщество не может ответить на вопросы, задаваемые инициативными группами населения, дать оценку реальному состоянию социальной среды и предложить

адекватные решения рискогенных ситуаций [18, р. 15; 14, с. 29]. Об ограниченности экспертного знания как инструмента элиминирования рисков в социетальных системах говорил и Э. Гидденс [20, р. 162]. Кроме того, в условиях нового витка научно-технической революции не может быть единственного эксперта по конкретному рискогену: мнение одних специалистов часто перекрывается мнением других. Более того, как замечает П. Словик, суждения экспертов также подвержены предубеждениям, как и общественное мнение, особенно в ситуации, когда ученые вынуждены выходить за рамки доступных знаний и полагаться на интуицию [25, р. 281]. Таким образом, субъекты выбора и оценки риска при принятии решения и определении «порога бедствия» оказываются в условиях всеохватывающей неопределенности из-за отсутствия объективной научно обоснованной информации со стороны экспертного сообщества и масс-медиа и вынуждены полагаться на собственную систему знаний и ценностей.

Данный контекст вновь возвращает нас к антропологическому измерению общества риска. Необходимым компонентом изучения человека в постмодернистском обществе риска, с точки зрения ряда исследователей, является концепт амбивалентности человека. По мнению В.Б. Устьянцева, для современного рискогенного социума характерны два основных образа человека: «человек ценностный» и «человек институциональный» [9].

Понятие «ценностный человек» стало разрабатываться еще в последней четверти XIX в рамках философии жизни. Впервые основные свойства данного образа человека применительно к до ярко выраженным рискогенным условиям описал Ф. Ницше [7]. В дальнейшем представители философии жизни, например Г. Риккерт, уточнили образ «ценностного человека», живущего в ситуации риска [8]. Однако в современную эпоху – эпоху виртуальной реальности – общество риска обусловило появление нового «ценностного человека».

Современная философская трактовка понятия «ценностный человек» акцентирует внимание на ценности свободы [9], которая в

условиях неопределенности реализуется как минимум в двух самостоятельных формах. Во-первых, это образ свободного творческого человека, свобода у которого ассоциируется со стремлением к креативному началу и обретению творческой индивидуальности. А рискогенная ситуация актуализирует у свободного творческого человека стремление разрушить старый мир, преобразовать традиционное бытие, а также обостряет желание не избегать риски, а научиться эффективно ими управлять. Во-вторых, это образ свободного виртуального человека. В современном цифровом обществе постепенно формируются «новые интеллектуалы», ценности которых перестают соответствовать устойчивым смыслам общечеловеческих ценностей, обретая форму символов, являющих собой метафоры. Так, свобода человека ассоциируется со свободой волеизлияния в виртуальной реальности как средством самовыражения своей «интеллектуальности». Это означает, что в современном обществе «риска глобализации» «ценностный человек» есть и человек творчески свободный, и человек виртуально свободный. Однако когда в современном постмодернистском обществе риск есть некий «тип *виртуальной реальности*, реальной виртуальности» (У. Бек) и распространены медийные факты как «сконструированные неопределенности» (У. Бек), наиболее распространенным образом «ценностного человека» становятся «новые интеллектуалы», или человек виртуально свободный. Именно в виртуальной реальности, с характерной для нее трансформацией безличных решений в некоторый безответственный продукт, у «новых интеллектуалов» появляется возможность формировать с помощью медийных фактов общественное мнение, не неся социальной ответственности за ценностное содержание массового сознания.

В условиях непредсказуемой реальности формируются особые механизмы институализации, обуславливающие перемещение человека из плоскости собственного самосознания в плоскость надындивидуальной реальности. Так, появляется «институциональный человек» [9]. Его истоки могут быть связаны, с одной стороны, с желанием человека как индивида пребывать в состоянии покоя

благодаря стереотипам мышления, избегать или до предела минимизировать риски, разрушающие установившийся порядок вещей и устойчивость личностного бытия; и, с другой стороны, со стремлением человека как субъекта власти установить жесткий социальный контроль за отклонениями от привычных стандартов взаимосвязи индивида и социальных институтов, задать регуляторы, уменьшающие неопределенность потенциальных последствий рисковенных действий. В исследовательском поле модели «институционального человека» также нет единой трактовки, хотя сохраняется приоритетность ценности порядка. С субъективистской позиции, у «институционального человека» есть возможность активной адаптации к социальной среде [22, с. 349]. Согласно субъектно-объектного подхода, «институциональному человеку» предоставлен выбор нормативной регуляции, хотя он и социально детерминирован [11, с. 82]. Однако в условиях научно-технической модернизации для приобретения и сохранения политически ангажированными экспертами и масс-медиа своих «ключевых социальных и политических позиций» (У. Бек) в обществе риска, им более выгодно солидарное поведение. В ситуации неопределенности начинает доминировать именно этот вид социального поведения и преобладать «институциональный человек», этические нормы которого обеспечивают выполнение согласованных стратегий, социально детерминирующих солидарное поведение [1; 4], характеризующееся отсутствием персональной социальной ответственности.

Заключение

Итак, можно сказать, что все многообразие рисков эпохи общества постмодерна и глобализации в значительной степени порождается «виртуально свободным человеком» как представителем «новых интеллектуалов» и «институциональным человеком», «согласованных стратегий». В условиях виртуальной реальности и тот и другой образ человека занимают ключевые социально-политические позиции, обуславливая дальнейшее нарастание неопределенности в обществе риска, особенно в его политико-управленческой сфере.

Где же выход из создавшейся ситуации? Своеобразным подходом можно считать путь, предложенный М. Дугласом и А. Вильдавски: «Можем ли мы знать риски, с которыми мы сталкиваемся сейчас или столкнемся в будущем? ... Нет, мы не можем; однако должны действовать так, как будто мы знаем», а именно: установить для рисков некоторую шкалу приоритетов. «Ранжирование и оценка рисков ... требует предварительного соглашения по поводу критерия подобной оценки» [19, с. 1, 3–4]. Так, рискогенная ситуация неопределенности перемещается в «пространство для ценностного соглашения» [20, с. 30–31]. И выбор приемлемости риска для общества в этой ситуации зависит от ценностей, которые доминируют в общественном сознании. Так, наряду с антропологическим измерением современного общества риска вновь актуализируется аксиологический аспект. Именно здесь, по мнению ряда ученых, возникает необходимость рассматривать риск как совместный продукт антропологического и аксиологического согласия («соглашения») о наиболее желаемых перспективах развития социума, а, следовательно, о грамотном выстраивании процессов управления рисками, об интегрированности этих процессов в общеорганизационное управление современным социумом в целом [10]. Сегодня господствующими ценностями выступают ценность свободы виртуального человека и ценность порядка как согласованных стратегий, реализуемые безотносительно к ценности социальной ответственности. «Соглашение» о снижении степени неопределенности в обществе риска возможно на основе системного мировоззрения, позволяющего человеку интегрировать ценностные суждения о том, как должно жить в условиях нарастающей неопределенности, с эмпирическими данными о том, каков мир в реальности, каковы объективные угрозы и реальные последствия самих угроз и методов их решения. Именно системное мировоззрение позволяет эффективно решить проблему выбора решения в условиях нарастания рискогенности и неопределенности, и в этом его практическая значимость. Одновременно системное мировоззрение создает теоретико-методологическую основу для исследования общества риска и человека в нем в их целостности и системном единстве. Предлага-

емый путь снижения неопределенности в обществе риска предполагает изменение системы воспитания и образования. Ведь только здесь мировоззрение человека может приобрести упорядоченность, осмысленность и системную организованность, обеспечивающих понимание закономерностей функционирования и развития окружающего мира и человека в нем.

Информация о спонсорстве

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. 0256-2019-0035 проекта № гр. АААА-А19-119011190170-5.

Список литературы

1. Аузан А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 160 с.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Фёдоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
3. Клири Ш., Мальере Т. Глобальные риски. Деловой успех в неспокойные времена / Пер. с англ. Л. Ивановой и др. М.: Вопросы экономики, 2012. 224 с.
4. Корнейчук Б. В. Институциональная экономика. М.: Юрайт, 2016. 251 с.
5. Луман Н. Общество, интеракция, социальная солидарность / Пер. Т. Козловой и Е. Мещеркиной // Человек. 1996. № 3. С. 100-107.
6. Мартынова Н. Влияние масс-медиа на массовое сознание // Лингвистика, лингводидактика и межкультурная коммуникация: теория и практика: сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции (г. Таганрог, 22–23 апреля 2015 г.). Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2015. С. 156–162.
7. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / Перевод В.В. Рынкевича / Под ред. И.В. Розовой. М.: Интербук, 1990. 301 с.
8. Риккерт Г. Философия жизни. Киев: Ника-Центр, 1998. 512 с.
9. Устьянцев В.Б. Антропология риска: концептуальные основания // Общество риска и человек: онтологический и ценностный аспек-

- ты / Под ред. В.Б. Устьянцева. Саратов: Наука, 2006. 289 с. <https://textarchive.ru/c-2567431-pall.html>
10. Шагиахметов М.Р. Основы системного мировоззрения. Системно-онтологическое обоснование. М.: Изд-во КМК. 2009. 263 с.
 11. Элиас Н. Общество индивидов / Перевод с немец. А. Иванченко, А. Антоновского, А. Круглова / Общая редакция М. Хорькова. Сер. Образ общества. М.: Праксис, 2001. 336 с.
 12. Яницкий О.Н. Вызовы и риски глобализации. Семь тезисов // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 29–39.
 13. Яницкий О.Н. Россия как «общество риска»: контуры теории // Россия реформирующаяся. 2001. № 1. С. 21–44.
 14. Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. № 1. С. 3–35.
 15. Arsenault A., Castells M. Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics. *International Sociology*. 2008. № 23(4), pp. 488–513.
 16. Beck U. *Risk Society. Toward a New Modernity*. L.: SAGE, 1992. 260 p.
 17. Beck U. *World Risk Society*. Cambridge. UK/Malden, MA: Polity Press. 1999. 184 p.
 18. Beck U. *Ecological Enlightenment. Essays on the Politics on the Risk Society*. New Jersey. Humanities Press, 1995. 159 p.
 19. Douglas M., Wildavsky A. *Risk and Culture. An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1982. 221 p.
 20. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press, 1990. 188p.
 21. Luhmann N. *Risk: A Sociological Theory*. N.Y.: Walter de Gruyter, Inc., 1993. 148 p.
 22. North D.C. Epilogue: economic performance through time // Alston J., Eggertsson T., North D.C. (eds): *Empirical studies in institutional change*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996, pp. 342–355.
 23. Perrow Ch. *Normal accidents: Living with high-risk technologies*. – N.Y.: Basic books, 1984. 386 p.

24. Rosa Eu. Metatheoretical Foundations for Post-Normal Risk // Journal of Risk Research. 1998. № 1 (1), pp. 15–44.
25. Slovic P. Perception of Risk // Science. 1987. Vol. 236, pp. 280–285.

References

1. Auzan A. *Ekonomika vsego. Kak instituty opredelyayut nashu zhizn'* [Economics of everything. How institutions determine our lives]. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2014. 160 p.
2. Bek U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society. On the way to another Art Nouveau] / Transl. with him. B. Sedelnik and N. Fedorova. Moscow: Progress-Tradition, 2000. 384 p.
3. Kliri SH., Mal'yere T. *Global'nyye riski. Delovoy uspek v nespokoynyye vremena* [Global Risks. Business success in turbulent times] / Per. from English L. Ivanova et al. Moscow: Issues of Economics, 2012. 224 p.
4. Korneychuk B. V. *Institutsional'naya ekonomika* [Institutional Economics] Moscow: Yurayt, 2016. 251 p.
5. Luman N. Obshchestvo, interaktsiya, sotsial'naya solidarnost' [Society, interaction, social solidarity] / Per. T. Kozlovoy i Ye. Meshcherkinoy. *Chelovek*, no 3 (1996): 100–107.
6. Martynova N. Vliyaniye mass-media na massovoye soznaniye [Influence of the mass media on mass consciousness]. *Lingvistika, lingvodidaktika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: teoriya i praktika: sbornik nauchnykh trudov III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Taganrog, 22–23 aprelya 2015 g.)* [Linguistics, linguodidactics and intercultural communication: theory and practice: collection of scientific papers of the III International scientific-practical conference (Taganrog, April 22–23, 2015)]. Rostov-on-Don: Publishing house SFe-dU, 2015, pp. 156–162.
7. Nitsche F. *Tak govoril Zarathustra. Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo* [So said Zarathustra. A book for all and for no one]. Translation by V.V. Rynkevich / Ed. I.V. Pink. Moscow: Interbook, 1990. 301 p.
8. Rikkert G. *Filosofiya zhizni* [Philosophy of Life]. Kiev: Nika-Center, 1998. 512 p.
9. Ust'yantsev V.B. *Antropologiya riska: kontseptual'nyye osnovaniya. Obshchestvo riska i chelovek: ontologicheskii i tsennostnyy aspekty*

- [*Risk society and man: ontological and value aspects*]. Saratov, Nauka, 2006. 288 p. URL: <https://textarchive.ru/c-2567431-pall.html> (accessed date: 05.21.2020).]
10. Shagiakhmetov M.R. *Osnovy sistemnogo mirovozzreniya. Sistemno-ontologicheskoye obosnovaniye* [Fundamentals of a systems worldview. System-ontological substantiation]. Moscow, publishing house KMK. 2009.263 p.
 11. Elias N. *Obshchestvo individov* [Society of individuals]. Translation from German. A. Ivanchenko, A. Antonovsky, A. Kruglov, total. Ed. M. Khorkova. Ser. The image of society. Moscow, Praxis, 2001.336 p.
 12. Yanitskiy O.N. Vyzovy i riski globalizatsii. Sem' tezisev. [Challenges and risks of globalization. Seven points]. *Sociological Studies*, no 1 (2019): 29–39.
 13. Yanitskiy O.N. Rossiya kak «obshchestvo riska»: kontury teorii [Russia as a “risk society”: the contours of theory]. *Reforming Russia*, no 1 (2001): 21–44.
 14. Yanitskiy O.N. Sotsiologiya riska: klyuchevyye idei [Sociology of risk: key ideas]. *Mir Rossii*, no 1 (2003): 3–35.
 15. Arsenault A., Castells M. Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics. *International Sociology*, no 23(4) (2008): 488–513.
 16. Beck U. *Risk Society. Toward a New Modernity*. L.: SAGE, 1992. 260 p.
 17. Beck U. *World Risk Society*. Cambridge. UK/Malden, MA: Polity Press. 1999. 184 p.
 18. Beck U. *Ecological Enlightenment. Essays on the Politics on the Risk Society*. New Jersey. Humanities Press, 1995. 159 p.
 19. Douglas M., Wildavsky A. *Risk and Culture. An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers*. Berkele, Los Angeles: University of California Press, 1982. 221 p.
 20. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press, 1990. 188p.
 21. Luhmann N. *Risk: A Sociological Theory*. N.Y.: Walter de Gruyter, Inc., 1993. 148 p.
 22. North D.C. Epilogue: economic performance through time. Alston J., Eggertsson T., North D.C. (eds): *Empirical studies in institutional change*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996, pp. 342–355.

23. Perrow Ch. Normal accidents: Living with high-risk technologies. N. Y.: Basic books, 1984. 386 p.
24. Rosa Eu. Metatheoretical Foundations for Post-Normal Risk. *Journal of Risk Research*, no 1 (1) (1998): 15–44.
25. Slovic P. Perception of Risk. *Science*, vol. 236 (1987): 280–285.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Гриценко Галина Дмитриевна, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник
ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук» (ЮНЦ РАН)
пр-т Чехова, 41, Ростов-на-Дону, 344006, Российская Федерация
dissovet@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Grtsenko Galina Dmitrievna, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher
Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of The Russian Academy of Sciences
41, Chekhov Ave., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation
dissovet@rambler.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-2-159-167

УДК 101.1

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ ФЕНОМЕНА ТЕХНОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Пелевин С.И.

***Цель.** Актуальность социально-философского анализа и рефлексии технологии как феномена социальной реальности приобретает особую значимость в современном мире в условиях глобальной пандемии, которая вывела информатизацию постиндустриального общества на качественно новый уровень. В статье постиндустриальное общество рассматривается также как общество постмодерна, в котором на смену центрации и тотальности классического индустриального Модерна приходят децентрация и фрагментация. Кроме того, в работе указано, что, в постиндустриальном обществе под каталитическим воздействием процессов информатизации особую значимость приобретают постматериальные ценности, то есть экологические императивы, ценности социального государства, и гражданских свобод.*

***Задачи.** Рассмотреть развитие постиндустриального общества в контексте техногенного прорыва и обобщить уже имеющийся научный опыт по данной проблематике.*

***Методы.** В результате применения вышеуказанных теорий и концептуальных схем в фокус исследовательского интереса вместе с процессами информатизации попадают сопутствующие процессы цифровизации и медиатизации общества и социальных структур.*

***Результаты.** Сделан вывод о том, что в постиндустриальном обществе технологический прорыв, связанный с процессами информатизации и цифровизации, приводит к появлению новых рисков для социальных субъектов.*

Область применения результатов. *Результаты исследования негативных и позитивных тенденций и сопутствующих рисков процессов информатизации в современных условиях глобализации и цифровизации жизнедеятельности индивидов с учетом контроля за их деятельностью со стороны социальных структур могут быть применены различными социальными структурами с целью обобщения и уточнения информации, особенно в условиях посткарантинного мира.*

Ключевые слова: *технология; классический Модерн; индустриализм; постиндустриализм; ситуация постмодерна; общество знаний; информационное общество.*

PECULIARITIES OF SOCIAL-PHILOSOPHICAL REFLECTION OF THE PHENOMENON OF TECHNOLOGY IN THE CONDITIONS OF INFORMATIZATION OF A POST-INDUSTRIAL SOCIETY

Pelevin S.I.

Purpose. *The relevance of considering and socio-philosophical analysis and reflection of technology as a phenomenon of social reality is of particular importance in the modern world in the context of a global pandemic, which brought the informatization of post-industrial society to a whole new level. In the article, a post-industrial society is also considered as a postmodern society, in which deceleration and fragmentation come to replace the center and totality of the classical industrial Modern. In addition, the work indicates that, in a post-industrial society, under the catalytic influence of informatization processes, post-material values, that is, environmental imperatives and the values of the social state and civil liberties, are of particular importance.*

Tasks. *To consider the development of post-industrial society in the context of technological breakthrough and to summarize the existing scientific experience on this issue.*

Methodology. *As a result of applying the above theories and conceptual schemes, the accompanying processes of digitalization and mediatisation of society and social structures fall into the focus of research interest along with the processes of informatization.*

Results. *It is concluded that in a post-industrial society a technological breakthrough associated with the processes of informatization and digitalization leads to new risks for social actors.*

Practical implications. *The results of the study of negative and positive trends and associated risks of informatization processes in modern conditions of globalization and digitalization of the life of individuals, taking into account the control of their activities by social structures, can be applied by various social structures in order to generalize and refine information, especially in the post-quarantine world.*

Keywords: *technology; classic modern; industrialism; post-industrialism; postmodern situation; knowledge society; information society.*

Особую роль в постмодернистском обществе играет процесс медиатизации, являющийся, по сути дела, процессом генетически связанным с информатизацией [3]. Медиатизация должна рассматриваться как двусторонний процесс. С одной стороны, средства массовой информации, становятся независимым институтом с собственной логикой, которой должны соответствовать другие социальные институты. С другой стороны, одновременно СМИ становятся неотъемлемой частью других институтов, таких как политика, работа, семья и религия, поскольку все больше институциональных мероприятий осуществляется как через интерактивные, так и через средства массовой информации [4]. Логика средств массовой информации относится к институциональным и технологическим способам работы средств массовой информации, включая способы, которыми средства массовой информации распространяют материальные и символические ресурсы и используют формальные и неформальные правила, все больше применяя информационные технологии [7].

Важным является то, что в обществе постиндустриальном, постмодернистском, согласно концепции постматериализма Рональ-

да Инглхарта, разработанная в труде «Молчаливая революция: изменение системы ценностей и политического стиля в западном обществе» [9], превалируют не материальные, а разнообразные постматериальные ценности, что существенно усложняет ориентиры жизнедеятельности социальных субъектов, институциональную структуру общества и расширяет поля социальных практик, диверсифицирую их.

Информационные процессы являются своеобразными катализаторами усиления значимости постматериальных ценностей в глобальном мире и локальных сообществах. При этом под постматериальными ценностями понимаются ценности социального государства и гражданских свобод, а также экологические императивы как антитезы ценностям материального потребления классического капитализма [5].

В противовес экономике классического Модерна, информационная экономика как экономика эпохи постиндустриализма более разнообразна и ориентирована не только на производство материальных вещей, но и на производство в социокультурной среде продуктов и смыслов. Именно Интернет как информационная среда постиндустриального общества способствует интенсивному и ускоренному переносу культурных продуктов из социокультурной сферы к индивидам как социальным субъектам [11]. И именно Интернет расширяет возможности удовлетворения разнообразных потребностей индивидов благодаря расширению системы торговли товарами через сети и системы транспортировки продуктов индивидуальным потребителям.

В итоге, в современном обществе на одном полюсе информационной экономики находятся транснациональные корпорации, нацеленные в своей работе на унифицированные потребности индивидов. Но другом полюсе информационной экономики существуют и функционируют небольшие предприятия и фирмы, ориентированные на создание индивидуализированных продуктов.

В постиндустриальном обществе поддержание устойчивости и целостности институционально-социальной системы, ее развитие на фоне растущей индивидуализации социальных субъектов и со-

циокультурной фрагментации и децентрации фактически были бы невозможны без устойчивости расширяющихся информационных потоков и активного использования современных средств коммуникации. В свою очередь, в экономической сфере создание индивидуализированных продуктов было бы невозможно без сбора, обработки и распределения информации среди этих производителей.

Заметим, что если в обществе классического индустриального Модерна реклама была ориентирована на усредненного, «модально-го» потребителя, то в современном информационном обществе, постиндустриальном по своему характеру, реклама ориентирована на индивидуального потребителя. Происходит это благодаря информационным технологиям (например, технологиям сбора cookie-файлов и web-маяков для поддержания работы web-сайтов сбора статистики).

Использование термина «информационное общество» для описания современного постиндустриализма отражает ряд технологических реалий современности.

Во-первых, в обществе осуществляется полноценный переход от использования дискретных механических устройств, электрических приборов и электромеханических агрегатов к целостным информатизированным электронным системам. Так, например, в нефтегазовой промышленности управление добычей лет пятьдесят назад осуществлялось на основе использования аналоговых электрических схем, тогда как в наши дни в высокотехнологических компаниях оно максимальным образом информатизировано и компьютеризировано.

Во-вторых, развитие технологий привело к микроминимизации элементной базы электронной техники, а, вслед за этим и устройств, сконструированных и созданных на их основе.

Третьим трендом развития информационного общества является цифровизация (дигитализация) коммуникации и информации. Цифровизация стала краеугольным камнем конкурентоспособности на промышленной арене, особенно в случаях небольших партий с большим количеством вариантов выпускаемой продукции. Менеджеры промышленных предприятий должны справляться со сложностью, которая характерна для Industry 4.0 в различных измерениях, чтобы

использовать возможности цифровых технологий для своих сайтов. При этом развитие управляемых служб промышленной безопасности может способствовать стабилизации промышленной системы.

Кроме того, цифровизация существенно расширила возможности обработки и анализа массива информации и знаний об окружающем мире («Больших данных» – «Big Data»).

Наконец, обработка и анализ Big Data были бы невозможны без экспоненциального роста в области программного обеспечения, в том числе и собственно в технологических процессах.

Как уже указывалось, прорыв в информационных технологиях стал возможен благодаря развитию полупроводниковой техники, начиная со второй половины XX века. Дальнейшая минимизация больших интегральных схем и минимизация элементной базы электронной техники привели к тому, что компьютеры стали не просто достоянием государственных структур и крупных корпораций, а со временем появились в каждом домохозяйстве. То есть со временем пользователями различных видов персональной электронно-вычислительной техники стал практически каждый житель нашей планеты.

Свыше 60 лет назад канадский философ Маршал Маклюэн ввел в социально-философский тезаурус понятие «глобальная деревня», под которым подразумевал систему мгновенной взаимосвязи индивидов на всём земном шаре в результате наступления эффекта имплозии – «сжатия» глобального мира [7]. Предвидения осуществились благодаря изобретению сотовой связи и её коммерческой и технологической доступности.

Более того, развитие средств коммуникации и сотовой связи создало предпосылки для того чтобы из простых средств коммуникации устройство взаимосвязи превратилось в полноценные карманные компьютеры, начиненные сложным программным обеспечением. Это обеспечение позволяет переводить, коммуницировать, общаться по видеосвязи, проводить сложные вычисления, имея под рукой лишь смартфон, который, таким образом, является больше, чем просто телефоном.

Вместе с тем, еще Г.М. Маклюэн также обратил внимание на то, что усложнение современных технологий, в том числе и в области коммуникации сопрягает существование человека с различными

новыми рисками, опасностями и угрозами. Так, генезис и активное использование новых технологий существенным образом трансформирует сенсорное восприятие индивидом среды, окружающей его, в результате чего происходит подрыв его самоидентификации [1]. Уже в наши дни мы видим, что, к сожалению, процессы цифровизации лишь усугубили данную тенденцию нарастания рисков [6]. Эти риски и угрозы является продуктом не только новых промышленных и социальных технологий [8]. Иначе говоря, в постиндустриальном обществе технологический прорыв, связанный с процессами информатизации и цифровизации, приводит к появлению новых рисков для всех субъектов общества.

В современном постсовременном, постиндустриальном обществе технологии играют ведущую роль в создании социокультурного ландшафта. При этом процессы информатизации, цифровизации и медиатизации не только переформируют элементы, институты и подсистемы современной социальной структуры, но и фактически приводят к появлению и использованию новых алгоритмов их функционирования. Кроме того, возрастающая координация элементов современной социальной системы привела к оформлению четких контуров такого неоднозначного по своим эффектам явления как «глобализация». Поэтому необходимым является проведение исследования негативных и позитивных тенденций и сопутствующих рисков процессов информатизации в современных условиях глобализации и цифровизации жизнедеятельности индивидов с учетом контроля за их деятельностью со стороны социальных структур.

Список литературы

1. Давыдов Д.А. Концепция постматериализма Роналда Инглхарта в критической перспективе // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2018. Т. 18. Вып. 3. С. 86–102.
2. Пелевин С.И. Современное общество в контексте технологических процессов: социально-философский анализ // *Kant*. 2019. № 1 (30). С. 213–217.

3. Carlos M. Roos Mediatization Theory: What is in It for the Philosophy of Communication? On Stig Hjarvards The Mediatization of Culture and Society // *Empedocles: European Journal for the Philosophy of Communication*. 2015. V. 6 No 1, pp. 91–103.
4. Hansson S. O. Ethical Criteria of Risk Acceptance // *Erkenntnis*. 2003. V. 59. No 3, pp. 291–309. doi:10.1023/A:1026005915919
5. Inglehart R.F. *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*. Princeton : Princeton Univ. Press, 1977. 496 p.
6. Jacobson J., Gruzd A. Cybervetting Job Applicants on Social Media: The New Normal? // *Ethics and Information Technology*. 2020. V. 22. No 2, pp. 175–195.
7. Jansen Ch., Jeschke S. Mitigating Risks of Digitalization Through Managed Industrial Security Services // *AI and Society*. 2018. V. 33 No 2, pp. 163–173.
8. McLuhan M., Fiore Q. *War and Peace in the Global Village*. N.Y.: Bantam, 1968. 192 p. – русский перевод: Маклюэн М., Фиоре К. *Война и мир в глобальной деревне*. М.: АСТ, Астрель, 2012. 226 с.
9. McLuhan M., *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Toronto: University of Toronto Press, 1962. 293 p. – русский перевод: Маклюэн М. *Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего*. 2-е изд. М.: Академический Проект, Гаудеамус, 2013. 496 с.
10. Vodenko K.V., Cherksova E.Y., Shvachkina L.A., Fateeva S.V., Erosheva I.Y. The Specifics of the Socio-Cultural Determination of the Current Economic Activity // *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2016. V. 6. No S1, pp. 206–210.

References

1. Davydov D.A. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*. 2018. V. 18. Issue 3, pp. 86–102.
2. Pelevin S.I. *Kant*. 2019. № 1 (30), pp. 213–217.
3. Carlos M. Roos Mediatization Theory: What is in It for the Philosophy of Communication? On Stig Hjarvards the Mediatization of Culture and Society. *Empedocles: European Journal for the Philosophy of Communication*. 2015. V. 6, No 1, pp. 91–103.

4. Hansson S. O. Ethical Criteria of Risk Acceptance. *Erkenntnis*. 2003. V. 59. No 3, pp. 291–309. doi:10.1023/A:1026005915919
5. Inglehart R.F. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics. Princeton: Princeton Univ. Press, 1977. 496 p.
6. Jacobson J., Gruzd A. Cybervetting Job Applicants on Social Media: The New Normal? *Ethics and Information Technology*. 2020. V. 22. No 2, pp. 175–195.
7. Jansen Ch., Jeschke S. Mitigating Risks of Digitalization Through Managed Industrial Security Services. *AI and Society*. 2018. V. 33 No 2, pp. 163–173.
8. McLuhan M., Fiore Q. War and Peace in the Global Village. N.Y.: Bantam, 1968. 192 p.
9. McLuhan M. The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. Toronto: University of Toronto Press, 1962. 293 p.
10. Vodenko K.V., Cherkesova E.Y., Shvachkina L.A., Fateeva S.V., Erosheva I.Y. The Specifics of the Socio-Cultural Determination of The Current Economic Activity. *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2016. V. 6. No S1, pp. 206–210.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Пелевин Сергей Игоревич, кандидат политических наук, доцент кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук *ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»*
ул. Обороны, 30, Новокубанск, Краснодарский край, 352240, Российская Федерация
pelevin17@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Pelevin Sergei Igorevich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Law and Social Sciences and Humanities
Armavir State Pedagogical University
30, Oborony Str., Novokubansk, Krasnodar Territory, 352240, Russian Federation
pelevin17@gmail.com

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-2-168-181

УДК 316.42

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ УСТАНОВКИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Прокофьева Г.П., Прокофьев А.А.

Цель. Статья посвящена такому естественному процессу, как потребление. Актуальность обращения к потреблению обуславливают меняющиеся социально-экономические отношения, формирующие новые потребительские установки общества, живущего в эпоху изобилия товаров. На текущем этапе потребление превратилось в сложно структурированную, неоднородную неотъемлемую функцию самого общества. Делается предположение о реализации крупными экономическими агентами (в том числе транснациональными корпорациями) стратегий формирования потребительских аллокаций, направленных на управление потребностями конечных пользователей продукции посредством формирования у них потребительских установок. Авторы ставят целью выделить риски дальнейшей ориентации общества на увеличении потребления.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования составляют общенаучные методы познания (анализ, синтез, логические методы), а также историко-философский метод.

Результаты. Результаты исследования заключаются в уточнении роли потребления в развитии социально-экономических отношений. Кроме того, выделено формирование потребительских аллокаций, в качестве основной современной стратегии, используемой транснациональными корпорациями. Предложены направления деятельности государства в сфере экономико-социальной политики по регулированию потребления.

Область применения результатов. Результаты могут быть применены при использовании риск-ориентированного подхода в управлении экономическими субъектами различного масштаба.

Ключевые слова: общество; потребление; потребительские установки; потребительские аллокации.

CONSUMER ATTITUDES OF MODERN SOCIETY

Prokofeva G.P., Prokofev A.A.

Purpose. *The article is devoted to consumption as a natural process of economic agents. The relevance of the appeal to consumption is determined by changes in socio-economic relations that form new consumer attitudes in an era of abundance of goods. By now, consumption has become a complexly structured, heterogeneous integral function of society itself. It is assumed that transnational corporations implement consumer allocation strategies aimed to manage the needs of consumers and consumer attitudes. The authors try to identify risks for society derived from further increase of consumption.*

Methodology. *The research is based on general scientific methods (analysis, synthesis, logical methods), as well as the historical and philosophical method.*

Results. *The results are the following. It was clarified the role of consumption in the development of socio-economic relations. In addition, the formation of consumer allocations was highlighted as the main modern strategy used by multinational corporations. The question of state regulation of consumption is raised.*

Practical implications. *The results can be applied in risk-based approach in managing various scales economic agents.*

Keywords: *society; consumption; consumer attitudes; consumer allocations.*

Ускорившаяся после окончания Второй мировой войны глобализация мирохозяйственных связей постепенно привела современную экономику к определяющему ее состоянию явлению – потреблению. Текущая диспозиция социально-экономических отношений такова, что именно потребление может быть распознано как главный измеритель богатства наций, благосостояния общества и прочих

критериев для описания состояния практически любой системы или единицы. При этом по большей части не важно идет речь о международном, национальном, товарно-отраслевом или субъектном уровне рассмотрения взаимодействий.

Важность изучения потребления такова, что некоторые исследователи ставят данные отношения на центральное место. Например, нобелевский лауреат по экономике, профессор П. Самуэльсон наделяет экономику пятью признаками, среди которых – использование людьми производственных ресурсов для производства товаров и распределения их между членами общества в целях потребления; налаживание и осуществление потребления и производства [7]. То есть можно заключить, что отношения экономики складываются вокруг потребления – конечной экономической задачи. Тема потребления устойчива, так В.А. Сидоров еще в предисловии к своей работе указывает на то, что проблемы обеспечения предметами потребления находились в центре внимания с момента зарождения человечества [8, с. 7]. Таким образом, из постулатов экономической теории следует, что потребление – один из неотъемлемых процессов, присущих взаимоотношениям в обществе.

Рассмотрим действие фактора потребительских установок на облик современной экономики и в случае наличия влияния определить необходимость учета соответствующих рисков.

Следует сделать некоторые комментарии относительно выбора предметной области исследования. Для начала обратимся к положениям экономической теории и проследим какая роль отводится потреблению в экономических отношениях.

В первую очередь отметим, что потребление является завершающим этапом общественного хозяйства, последовательно включающего следующие четыре: производство, распределение, обмен, потребление. Собственно, предмет экономической теории как раз и заключается в исследовании отношений между экономическими агентами в ходе реализации указанных этапов общественных отношений. На это указывает практически любой учебный материал по экономической теории отечественных и зарубежных авторов.

Завершающее место в общественном хозяйстве может быть обманчивым в понимании процесса потребления. Однако это не линейный процесс, он проявляется во взаимовлиянии всех четырех этапов.

Последнее утверждение не столь явно выражено в классической экономической теории. Оно и понятно, ведь в ее основе долгое время была сильна традиция построения идеальных конструкций, которые в реальности без уточнений и модификаций могут встречаться в исключительных случаях, в частности, при резко ограниченном количестве участников рынка. Более того, изучение потребления является вторичным к спросу. Например, А. Смит в главном труде – «Исследование о природе и причинах богатства народов» – рассматривал потребление в контексте возможности реализации непотребленной продукции (излишка), а спрос как желание обладать, соединенное с покупательной силой.

В этой связи позиция классической (а позже и неоклассической) экономической теории следует из рассмотрения взаимодействия спроса и предложения. Начиная с принципа «невидимой руки» по А. Смиту основное понимание исходит из стремления достижения рыночного равновесия между спросом и предложением. Подобная конструкция рынка сильно упрощает действительность, отсюда существует не мало критики теории спроса и предложения в части, например, следующего: ее искусственности [5], терминологической неопределенности спроса [9], неприменимости для реальной экономики [10].

Потребление в этой связи опосредовано объемом произведенной продукции (точнее объемом продукции, который производители намерены продать) и предполагаемым к приобретению (то есть субъективное мнение об объеме продукции, который может будет продан). Вызывает вопрос лицо, оценивающее соотношение спроса и предложения. По нашему представлению это производитель, продавец или, более конкретно, конкретные лица, в обязанности которых входит оценка потенциального спроса (маркетологи, сбытовики, финансисты). Действительно, ведь сложно представить, что носитель спроса (конечный потребитель) оценивает совокупный спрос и сопоставляет его с предложением. Более того, таких потре-

бителей должно быть большинство. Получается, что предложение, а особенно спрос – это оценочные показатели, некое представление о будущем поведении субъекта спроса, при этом поведение которого отвечает признакам рациональности и достоверно известен объем покупки при конкретной цене продукции.

Осознание нереалистичности теории спроса и предложения привело к формированию несколько иной исследовательской традиции, которая, однако, также развивалась в рамках экономического мейнстрима – это теория потребительского выбора (иногда называемая теорией потребления). Данное направление микроэкономики рассматривает потребности с точки зрения потребительских предпочтений и их отражение посредством кривых спроса; при этом анализируется процесс максимизации полезности потребления экономического субъекта на основе оптимальной для него комбинации товаров при условии ограниченного бюджета. Представляется, что данная теория терминологически выражена логикой, отражающей действительную ситуацию, но лишь в частности.

Находясь в рамках традиции классической (неоклассической) экономической теории, исследователи вынуждены оперировать соответствующими терминами. В результате получается, что одним из ключевых исследовательских посылов является представление о принципе убывания предельной полезности, действие которого возможно распространить лишь на ограниченную группу товаров.

Пределы такого исследовательского подхода очевидны при изучении эволюционного понимания потребления. Выделяют четыре типа потребления в зависимости от стадии развития общества: доиндустриальное общество, индустриальное общество, общество массового потребления, постиндустриальное общество. Стадии и черты описаны в работах: Р. Арона «18 лекций об индустриальном обществе» и «Три очерка об индустриальной эпохе»; У. Ростоу «Стадии экономического роста»; у американского социолога Д. Белла в работах «Грядущее постиндустриальное общество» и «Приход постиндустриального общества»; А. Тоффлера «Третья волна».

Сопоставление характеристик потребления на указанных стадиях развития общества не приводит к отрицанию самого процесса, а

лишь подводит к выводу о значительных различиях возможностей потребителей и объемах потребления. Собственно, удовлетворение потребностей имеет две стороны: одна на уровне физиологического минимума потребления, за которым начинается деградация, другая – престижное (демонстративное) потребление, превышающее рациональные нормы и стандарты.

В этой связи примечательны результаты работы Н.В. Ковалевой, сделанные ещё на этапе перехода российской экономики на рыночные отношения. В ее работе приведено как рост цен повлиял на структуру потребления, в частности, указывалось сокращение частоты обращения к сфере услуг. Очевиден и вывод автора о том, что «более высокие оценки потребления дают представители наиболее обеспеченных семей» [4, с. 49]. Статистическое исследование демонстрирует действие эффекта дохода, который наряду с эффектом замещения, относится к одному из ключевых положений теории потребительского выбора. В целом действие эффектов особенно четко прослеживается в периоды кардинальных (шоковых) изменений в экономике, при этом не имеет значение чем были вызваны изменения. Более того, исторически, категория товара также не имела значения. Например, Берендеева Е.В. в своей работе [1, с. 621] продемонстрировала как после 2014 года с введением Российской Федерации эмбарго (частичного) на продукты питания и последовавшим резким ростом цен произошло снижение фактического потребления домохозяйствами многих категорий продуктов питания, делая при этом вывод о фактическом падении спроса, уровня потребления и в целом о снижении благосостояния.

Действие классических эффектов замещения и дохода отнесено к поведению рационального потребителя, ориентированного на аристотелевский принцип «золотой середины». В основе действий рационального потребителя лежит принцип благоразумия, которое всегда есть середина между двумя крайностями, а мерилom выступает разум, позволяющий осуществлять выбор. Критика критерия рациональности, изложенная, например, К. Менгером, Л. Вальрасом, а в 1990-е годы А. Маршаллом и Дж. Кларком, приводит к заключению об ограниченности применения. Главным образом,

рациональность проявляется при наличии строго ограниченных ресурсов, которых недостаточно для максимизации полезности, но при этом сохраняется устойчивое желание к потреблению. Очевидно, что таким лимитирующим фактором является доход экономического субъекта, несколько расширенным в конкретный момент времени возможностями кредитования.

Изучение эволюционного понимания потребления, обращение к теоретическим изысканиям (например, принятие во внимание кривых безразличия) формирует понимание неоднородности потребления даже в отдельно взятой группе лиц. Все это в значительной мере отражается в структуре конечного потребления. Необходимость понимания различий потребления между экономическими агентами приводит к необходимости изучения движущих факторов.

Для этого обратимся к потребительским установкам. Одной из первых теорий изучающей потребительские установки был меркантилизм, провозглашавший идею достижения богатства. Так А. Тюрго выделил субъективную и объективную ценность богатства. А в работе «Размышления о создании и распределении богатств» сформулировал основы теории полезности. Далее к теории богатства обращается Д. Мальтус, который утверждает, что не богатство создает потребности, а, наоборот, потребности создают богатства.

Возросший интерес к потребительским установкам был проявлен неоклассиками У. Джевонсом, К. Менгером, Л. Вальрасом. Введенный ими принцип предельной полезности, нашедший отражение в теории маржиналистов А. Маршалла, Дж. Кларка, отразился как потребительская установка, ориентированная на гедонизм и вытекающей из него этики и линии поведения.

Другая, потребительская установка, была разработана институционализмом, в частности Т. Вебленом в работе «Теории праздного класса». Эта установка – явление показательного потребления, зависит от цены товара, т.е. возросший спрос приводит к повышению цены, спад к ее понижению.

Одна из потребительских установок постиндустриального общества раскрыта Р. Инглегартном. В основу установки положен об-

раз homo economicus, рациональный эгоист, преследующий свою выгоду.

Таким образом, потребительские установки отражают результаты социально-экономических отношений. Изменения касаются состава потребляемых благ, хотя их набор неизменен. В данном случае важная исследовательская область лежит в понимании управляемости потреблением. Фактор управления, принимающий во внимание невозможность тотального единообразия, обращен к формированию референтных групп.

Опосредованно данные положения раскрыты в теории благосостояния. Особенно интересна в рассматриваемом контексте принятая с 1978 года рекомендация ООН об оценивании жизненного уровня населения количеством и качеством потребляемых в стране жизненных благ [3], то есть качество жизни напрямую ставится в зависимость от потребления. Очевидно, что потребление становится непосредственным объектом управления. Формируется и необходимая для этих целей оценочная инфраструктура: уровень потребления/жизни/благосостояния (как составляющая индекса человеческого развития (ранее – развития человеческого потенциала), негласный жизненный стандарт и его атрибуты и прочее.

Изложенное состояние отношений особенно явно проявляется на глобальных (макро-) и финансовых рынках, а также в деятельности крупных международных участников бизнеса (транснациональные корпорации – ТНК). Со времени, когда появилась возможность предлагать свой товар на глобальных рынках, кардинально изменилась стратегия таких участников рынка. Роль фирм, как считают приверженцы теории фирмы, является центральной в создании и оперировании рынком [11, с. 6]. В последние два-три десятилетия концепция деятельности ТНК эволюционировала к необходимости формирования устойчивой группы потребителей лояльных к определенной марке/бренду или продукции, что укладывается в модель развития потребительских аллокаций. ТНК расширили разнообразие и доступность массового товара. Маркетинговые атрибуты товара стали универсальными для более широкой группы потреби-

лей. Представление рынка изменилось с четкой сегментации рынка на праздный класс и всех остальных (при их очевидном наличии) на расширение группы потребителей, которые могли бы себя ассоциировать с неким «избранным» сообществом. Это позволило крупным продавцам выработать как единые стратегии продвижения товаров, так и, если отбросить действия государства, ценовые стратегии. При этом общий (глобальный) рынок – это лишь эффективный инструмент управления для крупных участников, формирующих рынок.

Наиболее успешные ТНК используют эту возможность и реализуют свои цели. Особенно явно это отражают фондовые рынки – через индексы, если говорить в целом про рынок и стоимость акций компаний, если рассматривать частные случаи. Например, за последние 10 лет индекс S&P500, включающий капитализацию 505 крупнейших компаний, акции которых обращаются на американских фондовых рынках, неуклонно рос: с 747 пунктов 01.01.2009 до 2545 пунктов в 2019 году. То есть индекс увеличился более чем в 3,4 раза. Улучшались в этот период и финансовые показатели отдельных ТНК. Однако, состав крупнейших компаний за этот период достаточно заметно изменился.

На первые места вышли компании, ориентированные в продажах на массового клиента. При этом категория продаваемого товара не имела значения: информационные и цифровые технологии, финансы, товары широкого потребления и прочие. В то же время вес промышленных и добывающих гигантов значительно снизился. Данные изменения по большей части демонстрируют успешность компаний в реализации современных стратегий по формированию потребительских аллокаций. Выбранный подход деятельности ориентирует потребителя на проявление лояльности, что как раз достигается за счет формирования потребительских установок потенциальных клиентов. Это обеспечивает «привязку» клиента к брэнду и, соответственно, новым и обновленным продуктам компании.

Рассматривая взаимоотношения крупнейших корпораций с потребителями примечательны и процессы, которые можно наблю-

дать в 2020 году. На фоне масштабов пандемии COVID-19 в силу возросшей неопределенности (в вопросах занятости, стабильности уровня доходов) логично было бы предположить массовую рационализацию потребителей, что отразилось бы на резком сокращении расходов. Однако, результаты общедоступных статистических наблюдений показывают обратное. Например, по информации исследовательского холдинга «Ромир» в первые 5 месяцев 2020 года россияне наращивали свои повседневные расходы, например, в мае 2020 года рост по сравнению с апрелем составил 6,4% (реальные на 5,9%), а в сравнении с маем 2019 года рост составил 10,3% [6]. Примечательно отличие текущего состояния мировой экономики от ранее имевших место кризисов (либо радикальных реформ), заключающееся в относительной стабильности цен (сырьевые рынки не принимаем во внимание) и низкой инфляции. В кризисе 2020 года не наблюдается и массовых банкротств, а также разорений частных лиц, что стало возможным в результате беспрецедентной по объемам поддержки частного сектора со стороны государств. Произведенные многомиллиардные выделения средств (например, группа стран G20 запланировала на поддержку экономик 5 трлн. долл. США [2]), главным образом, посредством механизма количественного смягчения (с англ. quantitative easing), заключающегося в изменении состава активов, позволили избежать (или отсрочить) банкротства ТНК, а также стремительно восстановить курсы акций компаний на фондовых биржах.

В заключении отметим, что несмотря на огромные масштабы поддержки экономик и адресной помощи ТНК предполагаем, что стремительно развивающиеся кризисные события первого полугодия 2020 года, окажут определенное негативное изменение на результатах деятельности ТНК. Тем не менее, те из них, кто к настоящему времени смог «закрепить» потребительскими установками за своим брендом потребителей только выиграет в ближайшей перспективе.

Для конечного потребителя изменения в складывающейся ситуации заключаются лишь в способе взаимодействия с продавцом (с неминуемым преобладанием электронной торговли) и структуре по-

требления (в силу физических ограничений на перемещение людей).

Ключевые риски, которые характерны для потребителей в сложившейся ситуации следующие.

Во-первых, при внешнем управлении потребностями происходит замещение выбора. Это является следствием унификации продукции, снижением конкуренции – в силу огромной рыночной власти ТНК.

Во-вторых, навязанные потребительские установки способны становиться приоритетными. При этом потребитель способен отказываться от части естественных (например, качественного питания) потребностей в пользу удовлетворения «навязанных» продуктов. Нередко это приводит к ухудшению материального положения (например, вследствие необходимости обслуживания кредитов), психологического состояния.

В-третьих, существует риск развития ценностных деформаций.

По нашему мнению, вопросу формированию потребительских установок необходимо уделяться должное внимание как со стороны государства, так и общества. Главная цель – добиться от компаний, следующих стратегии управления потребительскими аллокациями, социальноориентированного подхода в своей деятельности. Кроме того, рассмотрение на государственном уровне вопроса формирования потребительских установок является критически важным для обеспечения благосостояния граждан. Требуя регулирования вопросы максимально допустимой кредитной нагрузки на бюджеты домохозяйств, а также аспекты просвещения в области безопасного и рационального потребления.

Список литературы

1. Берендеева Е.В. Трансформация российского продовольственного рынка: эффекты дохода и замещения // Экономический журнал ВШЭ. 2019. № 23(4). С. 605–623.
2. Двадцатка впервые провела саммит в видеоформате. С пандемией обещали бороться обменом информацией о заболевших и выделением \$5 трлн [Электронный ресурс]: официальный сайт «РБК». Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/26/03/2020/5e7c9dcf9a7947831823bac6>. Дата обращения: 20.06.2020.

3. Камалтдинова Р.М. Теория общего благосостояния: концептуальные подходы // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2012. № 2. С. 61–63.
4. Ковалева Н.В. Потребительские установки и оценки населения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1994. № 5. С. 46–49.
5. Мыльников Б.В. Законы спроса и предложения: иллюзия или реальность? Постановка проблемы и объект исследования // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2014. № 4. С. 10.
6. Расходы россиян показали рекордное для мая значение [Электронный ресурс]: официальный сайт исследовательского холдинга «Ромир». Режим доступа: <https://romir.ru/studies/rashody-grossiyan-pokazali-rekordnoe-dlya-maya-znachenie>. Дата обращения: 22.06.2020.
7. Самуэльсон П., Нордхаус В. Экономика: пер. с англ. М.: БИНОМ, Лаборатория базовых знаний, 1997. 800 с.
8. Сидоров В.А., Кузнецова Е.Л., Болик А.В. Общая экономическая теория: учебник для студентов высших учебных заведений [Электронный ресурс]: электронное учебное издание. Майкоп: ООО «ЭлИТ», 2017. 602 с.
9. Сорокин А.В. Общая экономика: новый подход к анализу спроса и предложения // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2018. № 5. С. 3–20.
10. Ryan M. The Truth about Economics: A critical thinking guide for Students, Parents, Teachers and Citizens. Columbus: Gatekeeper Press, 2017. 238 p.
11. Spulber D.F. The Theory of the Firm: Microeconomics with Endogenous Entrepreneurs, Firms, Markets, and Organizations. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 529 p.

References

1. Berendeeva E.V. Transformaciya rossijskogo prodovol'stvennogo rynka: efekty dohoda i zameshcheniya [Russian Food Market Transformation: Income and Substitution Effects]. *Ekonomicheskij zhurnal VSHE*. no 23 (2019): 605–623.

2. Dvadcatka vpervye provela sammit v videoformate. S pandemiej obeshchali borot'sya obmenom informaciej o zaboлевshih i vydeleniem \$5 trln [The G20 hosted the first video summit. They promised to fight the pandemic by sharing information about the sick and allocating \$ 5 trillion]. *RBC*. <https://www.rbc.ru/politics/26/03/2020/5e7c9dcf9a7947831823bac6>.
3. Kamaltdinova R.M. Teorija obshhego blagosostojaniya: konceptual'nye podhody [Welfare theory: conceptual approaches]. *Vestnik Ul'janovskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta*, no 2 (2012): 61–63.
4. Kovaleva N.V. Potrebitel'skie ustanovki i ocenki naselenija [Consumer Attitudes and Assessments of the Population]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomičeskie i social'nye peremeny*, no 5 (1994): 46–49.
5. Mylnikov B.V. Zakony sprosja i predloženija: illjuzija ili real'nost'? Postanovka problemy i ob'ekt issledovanija [Laws of Demand And Supply: Illusion Or Reality? Statement of a Problem And Object of Research]. *Jekonomika i menedzhment innovacionnyh tehnologij*, no 4 (2014): 10.
6. Raskhody rossiyan pokazali rekordnoe dlya maya znachenie [The expenses of Russians showed a record value for May]. *Romir*. <https://romir.ru/studies/rashody-rossiyan-pokazali-rekordnoe-dlya-maya-znachenie>.
7. Samuelson P., Nordhaus V. *Jekonomika* [Economics]. BINOM, Laboratorija bazovyh znaniy, Moscow, 1997. 800 p.
8. Sidorov V.A., Kuznecova E.L., Bolik A.V. *Obshhaja jekonomičeskaja teorija* [General economic theory: a textbook for students of higher educational institutions]. ООО «JeIT». Majkop, 2017. 602 p.
9. Sorokin A.V. Obshhaja jekonomika: novyj podhod k analizu sprosja i predloženija [General economy: new approach to demand and supply analysis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 6: Jekonomika*, no 5 (2018): 3-20.
10. Ryan M. *The Truth about Economics: A critical thinking guide for Students, Parents, Teachers and Citizens*. Gatekeeper Press. Columbus, 2017. 238 p.
11. Spulber D.F. *The Theory of the Firm: Microeconomics with Endogenous Entrepreneurs, Firms, Markets, and Organizations*. Cambridge University Press. Cambridge, 2009. 529 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Прокофьева Галина Петровна, доцент кафедры философии, социологии и права Дальневосточного государственного университе-

та путей сообщения, кандидат философских наук, доцент ВАК
*Дальневосточный государственный университет путей со-
общения*
ул. Серышева, 47, г. Хабаровск, Хабаровский край, 680021,
Российская Федерация
galaprokofyeva@mail.ru

Прокофьев Александр Алексеевич, доцент кафедры финансов
и бухгалтерского учета Дальневосточного государственного
университета путей сообщения, кандидат экономических наук
*Дальневосточный государственный университет путей со-
общения*
ул. Серышева, 47, г. Хабаровск, Хабаровский край, 680021,
Российская Федерация
rmmobil84@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Prokofeva Galina Petrovna, docent (associate professor) of the De-
partment of philosophy, sociology and law of The Far Eastern
State Transport University, Ph. D. in Philosophy, docent (associ-
ate professor) of VAK
Far Eastern State Transport University
*47, Seryshev Str., Khabarovsk, Khabarovsky Krai, 680021, Rus-
sian Federation*
galaprokofyeva@mail.ru
SPIN-code: 7617-5830

Prokofev Aleksandr Alekseevich, docent (associate professor) of the
Department of finance and accounting of The Far Eastern State
Transport University, candidate of economic sciences
Far Eastern State Transport University
*47, Seryshev Str., Khabarovsk, Khabarovsky Krai, 680021, Rus-
sian Federation*
rmmobil84@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-2-182-203

УДК 316

ДИНАМИКА МАССОВОГО СОЗНАНИЯ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Козлова Ю.В., Савченко И.А., Горохова А.М.

Социальные процессы в новых условиях во многом определяются той картиной реальности, которая формируется в массовом сознании, теми смыслами, ожиданиями, ориентирами, которые в нем актуализируются. Пандемия вируса COVID-19 в 2020 году спровоцировала активные трансформации массового сознания, которые содержат в себе как угрозы конструктивному развитию общества, так и новые возможности социальной динамики.

Целью исследования является понимание специфики сознания нового типа, которое условно можно назвать пандемическим или, в перспективе, – постпандемическим.

Основные задачи:

- анализ общетеоретических и публицистических источников по вопросам развития и трансформации массового и глобального сознания;
- систематизация данных о социальных, психологических, социокультурных процессах, сопровождающих пандемию;
- выявление возможных негативных тенденций в динамике массового и глобального сознания, вызванных пандемией COVID-19;
- оценка конструктивного потенциала общественного развития после пандемии.

Методы и методология исследования. Исследование проводилось с использованием общенаучных методов анализа, обобщения, аналогии и сравнения в рамках диалектического, культурно-исторического и междисциплинарного подходов.

Результаты. Проведён анализ отечественных и зарубежных исследований в области эпидемиологии, социологии, политологии, ком-

муникативистики, психологии и маркетинга, что позволило сформировать концептуальное видение массового (глобального) сознания как феномена. Дана содержательная характеристика динамики массового сознания в условиях пандемии, установлены адаптационные, социальные и коммуникативные аспекты общественных изменений, сопутствующих распространению COVID-19. Выявлен био-социальный характер происходящих в обществе трансформаций.

Результаты исследования могут быть применены при создании рекомендаций по изучению состояния общественного мнения по актуальным темам, в организации социально-значимых мероприятий, в создании баз знаний, вебинаров и учебных пособий социально-коммуникативного блока.

Ключевые слова: пандемия; глобальное сознание; социальный прогресс; сетевое общество; атомизация общества; самоизоляция; цифровые технологии; искусственный интеллект.

DYNAMICS OF MASS CONSCIOUSNESS DURING THE PANDEMIC

Kozlova Yu.V., Savchenko I.A., Gorokhova A.M.

Social processes in the new conditions are largely predetermined by the picture of reality that is shaped in mass consciousness by meanings, expectations, guidelines that are actualized in it. Research, practice and social development potential is gaining peculiar dynamics in the context of the pandemic.

The purpose of the article is to characterize the object of global social and humanitarian processes – a new type of consciousness, its phenomenology and advancement during the pandemic.

Among the principal goals there are:

- *in-depth analysis of general theoretical and publicistic sources on the issue of mass and global consciousness;*
- *systematization of open source information on pandemic-affected social, psychological, cultural background;*

– *identification of possible negative social trends and growth points.*

The methods and methodology of the research include general scientific methods of analysis as well as dialectical, cultural-historical, interdisciplinary approaches.

Results. The analysis of domestic and foreign studies in epidemiology, sociology, political science, communicativistics, psychology and marketing has been conducted. Substantive characteristics of the dynamics of mass consciousness in the conditions of the pandemic, adaptation, social and communicative aspects of social changes are listed. The bio-social character of transformations taking place in society is revealed.

The results of the current research can be inculcated in the design of special recommendations for studying the state of public opinion on topical issues, in the organization of mass events and social activities, in the creation of knowledge bases, webinars and training manuals related to society and communication within it.

Keywords: pandemic; global consciousness; social progress; network society; atomization of society; self-isolation; digital technologies; artificial intelligence.

Введение

По определению ВОЗ от 24.02.2020, пандемия – распространение нового заболевания в мировых масштабах. Начало 2020 года стало периодом стремительного распространения новой коронавирусной инфекции. От первых упоминаний о случаях нового заболевания в Китае (октябрь-декабрь 2019) до заявления генерального директора ВОЗ Т.А. Гебреисуса (20.03.2020) о том, что ситуация с распространением новой болезни может быть расценена как пандемия, прошло чуть более двух месяцев.

Кризисный импульс получили все сферы жизнедеятельности, в массовом сознании произошли быстрые и необратимые изменения. На поверхности – паническое поведение, неотменяемый стрессовый фактор, формирование групп (просоциальных, индифферентных, «ковид-диссидентов»). Глубинные детерминанты массового поведения – поиск способов преодоления неопределённости, по-

пытки оценить угрозу и создать или принять адекватные мотивы к совершению конкретных поступков.

Динамика массового сознания изучалась в XIX–XX в разных аспектах: «общественное сознание» («Абсолютный дух» у Г.В.Ф. Гегеля), «коллективное сознание» (Э. Дюркгейм [10]), «массовое сознание» (Э. Фромм [25], Г. Блумер [3]). В эпоху массовой коммуникации особое содержание приобрели понятия «ноосферное сознание» (В.И. Вернадский [5], Н.Н. Моисеев [14], Ю.М. Лотман [12]) и «глобальное сознание» (П. Тейяр де Шарден [22], Д. Редьяр [17]), находящиеся и в настоящее время в стадии формирования.

Актуальные социокультурные практики все более принимают разнонаправленный дихотомный характер [20]. В качестве субъекта и, одновременно, объекта глобальных процессов целесообразно рассматривать «массовое сознание как совпадение в какой-то момент (совмещение или пересечение) основных и наиболее значимых компонентов сознания большого числа весьма разнообразных «классических» групп общества» [15]. Массовое сознание катализируется масштабной проблемой, яркой эмоцией и реализуется в виде общественного мнения по определенной теме и готовности к его массовому проявлению, которые отменяют прежние, привычные регуляторы в пользу новых. Именно эту стремительную смену поведенческого репертуара в условиях фрустрации базовых потребностей (в безопасности, биологическом благополучии, общении) мы и наблюдаем сегодня. Расхожее выражение весны – лета 2020 года «мир никогда не будет прежним», как и популярный мем “Take me back to 2019” постепенно наполняется конкретным смыслом, завораживающим и тревожащим. В классическом психоанализе массовые переживания сравниваются со сном и гипнозом. Уже начиная с 1990-х массовой аудитории во множестве предлагались книги, комиксы, фильмы, видеоигры на темы глобальной эпидемии и жизни в «реальности постапокалипсиса», откуда нет обратного пути [19: 253]. Начало 2020 года стало для миллионов новой частью фильма-катастрофы с AR-реальностью.

Насколько же уникальна и внезапна нынешняя ситуация? Какие опасности и точки роста в себе содержит?

Начнем с того, что многие ученые и публицисты XX столетия отчасти предвидели актуальную ситуацию. Так, в начале XXI века человечество очень активно применяет глобальные сети связи от телефонных до спутниковых, которые способствуют переходу любой общественной системы, независимо от ее готовности, к макроуровню, о чем говорил в свое время Никлас Луман [13]. Ф. Фукуяма утверждал, что в XX веке был достигнут предел социального прогресса [26], а Б. Андерсон дал характеристику единой структурной основы националистических режимов [1].

Р. Хойслинг сформулировал «сетевую теорию» общества, в котором социальные конфигурации формируют сеть смыслов [23]. «Сетевая метафора» привлекала и И. Гофмана, предложившего «анализ фреймов», то есть социальных шаблонов восприятия для изучения социальных процессов в глобальном мире [9].

Ж. Бодрийяр [4] и У. Эко [28] уже в начале нынешнего века рассматривали глобальные противоречия как «неовойны», имеющие особую динамику и логику, ещё неизвестные человечеству. У. Эко называет три формы «войны»:

- *paleoguerre*, двусторонняя нестабильность, которая поддерживается для получения выгоды и победы над противником;
- «холодная война», вынужденная стабильность, «напряженный мир», основанный на страхе;
- нео-война – постоянная нестабильность, тотальный кризис надгосударственного характера, который не имеет конечной локализации и ограниченного числа участников. При этом в глобальную эпоху глобальная война теоретически оканчивается поражением всех [28: 17-28].

В 2014 году Э. Гидденс [7] дал развёрнутый анализ глобальных процессов в Европейском Союзе, акцентируя роль цифровизации, кризис европейской модели социального государства и формирование «интеркультуры».

Таким образом, общество глобального потребления и глобальных информационных систем в последние десятилетия быстро менялось и двигалось к трансформационной точке. На этом фоне

появлялись концептуальные и феноменологические исследования, адекватные прогнозы.

Так и биосоциальный кризис, связанный с пандемией, в последние десятилетия настойчиво прогнозировался. Еще в 2006 г. Л. Бриллиант представил информационным агентствам экспертные данные эпидемиологов о высокой вероятности пандемии, которая даст десятки миллионов потери населения и приведет к глобальному экономическому кризису [27:13].

История знает эпидемии и даже пандемии. В XIV–XV веках более 20 млн. жизней унесла чума. В XIX веке мир пережил три холерные пандемии и первую пандемию гриппа (около 1 млн. погибших). А первая же пандемия «испанского гриппа» (H1N1) унесла в 1918–1920 годах 50 млн. жизней. 1950 – 1980 годы были периодом «триумфального шествия» по планете «азиатского гриппа» (H2N2, H3N2).

Наиболее масштабные взрывные вспышки инфекций ретроспективно связаны с последующей социально-экономической трансформацией. В какой-то степени пандемии связаны с геополитическими ситуациями, специфика массовых заболеваний также отражает уровень развития науки и социальной инфраструктуры, провоцирует определение и решение биосоциальных проблем в сжатые сроки и с высокой ответственностью. Происходит ускоренное, взрывное развитие межгосударственных отношений, законодательства, науки, культуры и самой общественной структуры, которое в стабильных условиях заняло бы долгие десятки лет.

Уже в XIX-м веке о массовых заболеваниях писали в газетах, позже о них стали говорить по радио и на телевидении. Вместе с тем, в медийном плане эпидемия коронавируса впервые позволяет мировым СМИ освещать распространение вируса почти в режиме «нон-стоп». Это явление публицисты сравнивают с бесконечным телевизионным сериалом. В 2003 г. возник «эффект CNN» относительно второй войны в Ираке. А в 2020 масс-медиа, при поддержке пользователей глобальной сети, получили возможность сделать подобный сериал о пандемии интерактивным [18: 7-8]. Таким образом, можно с уверенностью говорить о распространении «информа-

ционного вируса» параллельно с биологическим. Распространение массовой паники, «заражение» от одного ко многим происходит в соцсетях, мессенджерах и реальных контактах за считанные часы. Слухи эпохи масс-медиа конструировались для аудитории, слухи эпохи потокового видео и онлайн-СМИ аудитория создаёт самостоятельно и при участии бот-форм, они отражают динамику события, быстро обновляются и остаются в доступе.

Перечислим «фейки-2020»:

- продуктовый и лекарственный дефицит;
- массовая смертность вследствие заражения/неверного лечения/ токсичности дезинфекторов;
- распространение наночипов;
- разрушительное действие вышек 5G;
- ужесточение мер после очередных выборов;
- повторное введение видеомониторинга в городских локациях и QR-пропусков по усмотрению властей;
- вакцинация как условие перемещений, покупок, трудоустройства.

Циркуляции псевдо-прогнозов способствует беспрецедентная возможность обмениваться информацией о развитии ситуации в разных регионах и странах, мультипликации «сарафанного радио», своего рода социального маркетинга, в котором участник коммуникации добровольно потребляет и передаёт сообщение в своей личной сети связей. Личные каналы связи поглощаются массовыми по тому же принципу, как это происходит в рыночной среде. Вирусные сообщения при этом распространяются мгновенно, не теряя приватной коннотации.

Метафорой пандемии-2020 можно было бы назвать размывание границ частного и общественного, единичного и общего, естественного и технологического, формирование континуума, в котором эти сферы объединены уже на конкретном, рутинном поведенческом уровне.

В долгосрочной перспективе наиболее опасно ослабление системы социальных связей, снижение доверия к государственным и общественным структурам, их деятельностью в связи с локдауном

и пост-карантинными событиями, будь вопросы геополитики, выборы, экономические меры или противодействие пандемии. Делегирование полномочий принятия решений власти или экспертам перестает быть для массового сознания удовлетворительным, растет социальное напряжение, что выражается в протестных настроениях вплоть до беспорядков, по всему миру [29].

Тенденцию к снижению уровня взаимодействия, к сакрализации социально-политических и общественных процессов можно считать суммарной реакцией массового сознания на тот поток стрессогенных шоковых условий, которые возникли в условиях пандемии-2020.

Цивилизация находится в состоянии постоянного изменения. И особенно разительно мир, отдельная страна и человек меняются после чрезвычайных ситуаций, к числу которых относятся пандемии. В условиях распространения новой коронавирусной инфекции был запущен очередной кризис идентичности человека как биосоциального существа. Поэтому возникающие противоречия и формирующиеся перспективы требуют концептуального осмысления, теоретико-прикладных решений, характеристики феноменов, пришедших в нашу жизнь.

В сентябре 2020 ресурс ELIBRARY.RU (научная база, включающая 35 млн. научных работ, изданных в разных странах и на разных языках) по запросу “*covid-19*” выдаёт около 10000 публикаций за 2020 год, из них – порядка 400 книг и монографий. Естественным является преобладание исследований медицинского и экономического характера, они отражают решение актуальных задач поддержания жизнеобеспечения. Социокультурное осмысление феномена новой пандемии (около 40 работ) находится в самом начале своего пути.

Для понимания природы пандемии важна гипотеза о взаимопревращении вирусов в транспозантные элементы. То есть эволюция вирусов связана с эволюцией их носителей на генетическом уровне, отражает ее динамику и особенности. Коронавирус впервые был обнаружен у больного ОРВИ в 1965 году, но серьезные опасения иммунологов вызвало лишь появление в 2002 году высокозарази-

тельного коронавируса SARS-CoV (атипичная пневмония), быстро распространившегося по миру (8273 заболевших и 775 умерших). В течение этого периода семейство коронавирусов как новый «биоинформационный код» развивалось вместе с человечеством.

А в декабре 2019 года началось распространение SARS-CoV-2 (Covid-19), в РНК которого – фрагмент коронавируса летучих мышей, фрагмент коронавируса змей и 4 вставки от ВИЧ. В период с января по октябрь 2020г. в мире выявлено более 37 млн. заражений и более 1 млн. смертей от новой коронавирусной инфекции.

Вопрос о естественном или искусственном происхождении такого вируса пока не получил однозначного ответа ученых. Человечество столкнулось с глобальной проблемой нового типа, объединяющей в себе экологические, экономические и социокультурные процессы, меняющей массовое сознание, затрагивающей частную жизнь и внутренний мир каждого.

Специалисты ВОЗ заявляют, что возбудители ОРВИ, гриппа, COVID-19 в основном переносятся воздушно-капельным путем. В аэрозольной форме коронавирус сохраняется 8–10 часов, а в водном растворе – до 9 суток. Аэрозольные капли (диаметром 100–200 микрон; 1 микрон = 0,001 мм), оседают в радиусе 1–2 метра вокруг заражённого человека и заражают улицы, общественный транспорт, тротуары, дороги, подъезды домов, полы в магазинах, общественных и живых помещениях [11: 30]. В результате восприятие привычных пространств меняется, фокус смещается на выявление и нейтрализацию опасности.

Социальная реклама мер профилактики заражения, введение в течение нескольких месяцев по всему миру карантинных мер и самоизоляции, контроль за их исполнением как со стороны ВОЗ, так и в региональных масштабах необратимо изменили восприятие социального пространства в массовом сознании. В ряде стран осенью 2020 года стали реальностью и повторные карантинные мероприятия, что сохраняет актуальность профилактических мер. В ожидании формирования популяционного иммунитета (при помощи вакцинации или естественным путём), продолжает действовать

система требований и запретов, крайне неоднозначно воспринимаемая населением.

Поверхностный слой, символика «новой жизни», идентификационный критерий и ориентир для массового сознания – конечно же, масочный режим, дистанцирование и ограничение массовых мероприятий. Стоит вспомнить, что дистанция в 1,2 м и более без тактильного контакта – естественна и комфортна для формальной коммуникации между незнакомыми людьми (в европейской культуре), она устанавливается спонтанно, может меняться, так как является способом взаимодействия. Это – аналог «личной носимой территории» в животном мире. Поток невербальной информации при этом регулируется на уровне ролевого, стандартизированного поведения, ориентированного на ситуацию «угроза/защита». Присутствие в социальных пространствах современного города указателей дистанции, соответствующих объявлений и социальной рекламы становится привычным фактором стресса, формирует семиотическую нагрузку, актуализирует смыслы, связанные с внешней (закрытые пространства, ситуации взаимодействия) и внутренней (собственный организм) угрозой. События политической сферы, а так же все те, что могут быть ассоциированы с пандемийно-карантинной темой, объединяются в массовом сознании в некий новейший миф, который снимает неопределенность, дает пусть не всегда верный, но доступный для понимания смысл, создает «врагов» и «героев».

Естественно, антитезой массовизированным реакциям является личностная позиция, ответственность перед семьей, социальной, профессиональной группой.

Обоснованием формирования осознанной позиции, выработки новых стратегий может стать альтруистическая мотивация, регуляция поведения, проживаемая как действие, связанное с социальной ответственностью [24]. Значимы также базисные убеждения личности о себе, своей ценности как адаптационный ресурс и ориентир для преодоления страха [8]. Установлено также, что уровень тревоги и способы ее контроля связаны с уровнем дохода, социокультурными и полоролевыми характеристиками [16].

Масочный режим как рекомендуемый способ контроля, также требует от личности серьезной мотивации, подкрепления со стороны «лидеров мнений» и СМИ, поскольку семиотическая природа маски и ее роль в культуре не являются эмоционально нейтральными. Применение маски символически указывает на ситуацию обезличивания, частичного перехода в особое пространство «пересечения жизни и смерти», что свойственно обрядам инициации, свадьбы в примитивных культурах. Маска символизирует отказ от спонтанности, личной ответственности, указывает на ситуации и профессиональные дискурсы повышенной опасности в традиционных общественных системах [30]. Маска является мистериальной формой, применяемой в искусстве театра с древнейших времен до современности [31].

Произошедший в 2020-м году приход маски одновременно как средства защиты, способа социальной идентификации, аксессуара и комплексного культурного маркера исследователям только ещё предстоит осмыслить и оценить. На наших глазах разворачивается уникальная ситуация: сфера «приватности», анонимности в связи с применением цифровых технологий стремительно сокращается, невербальные средства коммуникации также «переходят *online*» предлагая вслед за смайлами и эмодзи, фильтры соцсетей. Формируется реалити нового типа, в котором наблюдатель и наблюдаемый взаимодействуют в игровой дополненной реальности, решают свои задачи, преодолевают неопределенность и тревожность реальной жизни.

Суть и последствия самоизоляции, которая стала в 2020 году беспрецедентным опытом в жизни миллионов людей, требуют всестороннего изучения. Можно лишь акцентировать самоизоляцию как фактор социальной атомизации в обществе. В современной России высокий уровень обособления в пределах собственной профессионально-семейной сферы определяется невысоким уровнем социальных ожиданий, чередой реформационных процессов, сменой традиционного уклада жизни. В то же время у «поколения нулевых» проблемы социализации ещё масштабнее. В Японии и азиатских странах проблема синдрома NEET среди молодёжи (хикикомори или

«социальные затворники») и «клубничного поколения» стала обсуждаться ещё в 2010, когда средний возраст добровольных изолянтов составлял 31 год. Впоследствии возникла проблема «50/80» – ситуация, когда дети, прожившие десятилетия с нулевой социальной активностью на обеспечении родителей, остаются без их поддержки. NEET (“NiNi”, “*basement dwellers*”, взрослые дети, продолжающие жить с родителями) распространяются по всему миру, они есть в Азии, Европе, России, латиноамериканских странах. В настоящее время в возрастной группе 18–29 лет до 15% социально пассивны и дезадаптированы. Воздействие карантинных мероприятий на эту категорию населения также ещё предстоит изучить.

Антиутопические цивилизационные последствия пандемии могут быть представлены следующими вероятностными моделями [2: 65-73]:

- Глобальный экономический крах, феодализация и локализация общественной и частной жизни, новые формы общинности и религиозности, снижение качества жизни и уровня культуры.
- Технологический оптимизм – замена группового либерализма индивидуальным, а том числе трансгуманизмом, основанным на генной инженерии. Цифровизация всех сторон жизни, в том числе медицины, образования, промышленности, сельского хозяйства, потребления товаров и услуг, упразднение понятий «рабочее место», «рабочее время».
- Модель национального спасения – возврат к системе национальных государств, их обособление, отмена международного разделения труда и спецификаций.
- Планетарный тоталитаризм «умных систем», меняющий нормы прав и свобод, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека.

Отчасти такие прогнозы существовали независимо от пандемии и являются реакцией на перемены, которые уже происходят в социально-экономической и общественной сфере. Неизбежная цифровая трансформация, активизированная фактором пандемии, требует решения социальных и культурных проблем.

Среди такого рода проблем на первый план выходит усиление социального расслоения. Владение цифровыми технологиями как осознанная пользовательская позиция доступнее лицам с более высоким социальным статусом, расширяет дальнейшие возможности его сохранения и повышения. Такая ситуация служит основой для усиления расслоения в обществе.

В данных обстоятельствах становится сверхактуальной проблема защиты прав человека, прежде всего, права на частную жизнь, интеллектуальную и частную собственность, безопасность, в том числе, информационную. В новом масштабе возникают проблемы киберпреступности и взаимодействия государства и бизнеса.

Трудовые процессы с началом пандемии стали трансформироваться по всему миру. Прежде всего, это вынужденное, авральное внедрение цифровых технологий и онлайн-коммуникаций во все профессиональные схемы. Наличие соответствующих навыков стало ключевым критерием ценности сотрудника. Произошёл принудительный пересмотр организационных форм труда, норм рабочего времени. Продолжается сокращение количества участников, перепрофилирование рынков и даже частичное сворачивание целых отраслей (развлечения, туризм), перенос их в онлайн, сокращение рабочих мест. Работоспособное население формирует трудовое поведение по новым моделям: 1) высокая лояльность организациям, дающим защищенность и регламентирующим рабочие процессы или же 2) свободные, проектные формы присутствия на рынке, в том числе самозанятость [18: 184-194].

В связи с этим предполагается повышение рыночной востребованности креативных и экспертных специалистов, выполняющих функции, которые в принципе (или на данном этапе) невозможно роботизировать и цифровизировать. Это касается как участия в деятельности корпораций (в том числе, в договорных и проектных форматах), так и самозанятости, монетизации продуктов хозяйственной и творческой деятельности. В ближайшие годы профессионалу придётся либо конкурировать с возможностями глобальной сети, либо снижать уровень расходов и ориентироваться на социальные программы государства.

Таким образом, реализовать право на труд в условиях выхода из пандемии становится сложнее. Формирование критической массы работоспособных граждан с низкой производственной эффективностью приведёт к трансформации индустрии развлечений и рекреационных услуг. Это направление станет ещё масштабнее, чем в эпоху глобального потребления. Социальная ответственность корпораций потребует реализовать социальную адаптацию всех категорий граждан, независимо от их роли в коммуникативной структуре общества и ценности на рынке, в том числе трудовом.

Так, «Перспективы–2025» очерчены в докладе компании *Huawei* о путях развития отраслей и технологий [18: 71-74]):

- Роботизация домашних работ на 1,4%.
- Использование в работе компаний виртуальной/дополненной реальности.
- Интеллектуальный поиск на устройствах.
- Интеллектуальные транспортные системы «автомобиль/дорога».
- Промышленная роботизация (1% сотрудников).
- Применение искусственного интеллекта во всех крупных компаниях.
- Анализ эффективности общения и создание протоколов.
- Симбиотическая экономика (на основе облачных вычислений).
- Доступ к 5G сетям более чем у 50% населения.
- Управление цифровыми технологиями на глобальном уровне (180 ЗБ в год).

Вот как выглядят «Перспективы-2050» по версии К. Келли – футуролога, эксперта киберкультуры и автора бестселлера «12 технологических трендов, которые определяют наше будущее»:

- технологическая трансформация;
- создание глобального искусственного самообучающегося интеллекта;
- потоковая глобальная сеть (эквивалент надсубъектному сознанию);

- коллективные базы знаний, развивающиеся в режиме сканирования;
- агрегация потребителей по принципу доступа к товарам/услугам, вместо владения ими;
- совместное создание и использование идей, технологий, продуктов;
- интеллектуальная фильтрация контента сети по запросу пользователя;
- рост количества ремиксов интеллектуальной деятельности;
- полное технологическое обеспечение интерактивности объектов;
- мониторинг жизнепотока;
- генерация вопросов, ведущих к новациям;
- создание Мегасистемы на общей адаптивной платформе международного масштаба с бесплатным доступом для всех.

В России с декабря 2019 года реализуется Национальная стратегия развития искусственного интеллекта. Приоритетными на период до 2030 года, в ней заявлены Стратегия развития информационного общества, программы «Цифровая экономика», «Дорожные карты» и другие.

Согласно Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года должна быть создана цифровая самообучающаяся система, на высоком уровне воспроизводящая когнитивные процессы человека, в том числе сенсорные, логические, моделирование и принятие решений.

Приоритетными сферами для применения данной стратегии являются фундаментальная наука, здравоохранение и образование, а также – производство и потребление товаров и услуг.

Заключение

Проведенный обзор позволяет сделать следующие **выводы**.

Пандемия акселерирует глобальные процессы в развитии мирового сообщества, побуждает к быстрому решению первоочередных задач: цифровизацию коммуникаций и интерактивных сервисов,

масштабный переход к дистанционным формам образования и телемедицине, адаптацию сотрудников крупных компаний к удаленной работе, введение «умных систем» в городскую инфраструктуру и создание экосистем на базе корпораций-лидеров, которые не ограничивались бы одной отраслью в развитии своих технологий.

В более отдаленной перспективе преодоление кризисных последствий пандемии ускорит технологический и биосоциальный переход к единому *Smart*-обществу, в котором цифровые платформы, экосистемы и общественные институты развиваются как единое целое.

Массовое сознание лишь начинает отражать отдельные аспекты этого перехода, фейковые содержания, слухи и конспирологические мифы можно рассматривать как промежуточные адаптационные формы.

*Данная статья не содержит конфликта интересов.
Исследование не имело спонсорской поддержки.*

Список литературы

1. Андерсон Б. Воображаемые общества. М.: Кучково поле. 2016. 416 с.
2. Абрамов А.В., Багдасарян В.Э., Бышок С.О., Володенков С.В., Евстафьев Д.Г., Егоров В.Г., Комлева Н.А., Крамаренко Н.С., Манойло А.В., Михайленок О.М., Петренко А.И., Прокофьев В.Ф. Пандемия COVID-19: конец привычного мира? // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 2. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/1001>
3. Блумер Г. Символический интеракционизм. М.: Элементарные формы, 2017. 343 с.
4. Бодрийяр Ж. Под маской войны // Отечественные записки. N 6 (15). 2003.
5. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-Пресс, 2012. 576 с.
6. Гафиатулина Н.Х. Российское общество в условиях самоизоляции. Социальные эффекты и последствия пандемии COVID-19. М.: РУСАЙНС, 2020. 178 с

7. Гидденс Э. Неспokoйный и могущественный континент: что ждёт Европу в будущем? Дело 2015г. 240с.
8. Гриценко В.В., Резник А.Д., Константинов В.В. и др. Страх перед заболеванием (COVID-19) и базисные убеждения личности [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2020. Том 9. № 2. С. 99–118. DOI: 10.17759/cpse.2020090205
9. Гофман И. Анализ фреймов. М.: Институт социологии РАН, 2004. 752 с.
10. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 430 с.
11. Кудрявцева Г. В., Шишкин В. И., Шишкин В. В. Коронавирус апокалипсиса. СПб.: Изд-во ВВМ, 2020. 60 с.
12. Лотман Ю. Семiosфера. СПб. : Искусство, СПб, 2010. 704 с.
13. Луман Н. Общество как социальная система. М: Издательство «Логос». 2004. 232 с.
14. Моисеев Н.Н. Избранные труды. В 2х томах. М.: Тайдекс Ко, 2003. 264 с.
15. Ольшанский Д.В. Психология масс. Питер, 2001. 368 с.
16. Первичко Е.И., Митина О.В., Степанова О.Б. и др. Восприятие COVID-19 населением России в условиях пандемии 2020 года [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2020. Том 9. № 2. С. 119–146. DOI: 10.17759/cpse.2020090206
17. Редьярд Д. Планетаризация сознания. М.: Ваклер, 1995. 304 с.
18. Россия и мир во время и после пандемии COVID-19: вызовы и возможности. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2020. 274 с.
19. Ротанова М.Б., Федорова М.В. Интернет-мем и киберсмеховая культура в современном обществе //Социальные коммуникации: наука, образование, профессия. 2019. No 1. С. 248-253.
20. Савченко И.А. Дихотомия социокультурных практики полипарадигмальность социальной науки // Власть. 2018. Т.26. No 1. С. 146-149.
21. Сорокоумова Е.А., Чердымова Е.И., Пучкова Е.Б., Темнова Л.В. Студенты в период пандемии COVID 19: понимание ситуации само-

- изоляции // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2020. No 3. С. 196-205.
22. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М. : Аст, 2012. 384 с.
23. Хойслинг Р. Социальные процессы как сетевые игры. М.: Логос-Альтера. 2003. 192 с.
24. Феденок Ю.Н., Буркова В.Н. Социальное дистанцирование как альтруизм в условиях пандемии коронавируса: кросс-культурное исследование // Сибирские исторические исследования. 2020. No 2. С 6-40.
25. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2018. 736 с.
26. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: ООО Издательство АСТ. 2004. 588 с.
27. Шах С. Пандемия: Всемирная история смертельных вирусов. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 358 с.
28. Эко У. Полный назад! Горячие войны и популизм в СМИ. М.: ЭКСМО, 2007. 592 с.
29. Кортунов А. Международные риски коронавируса [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам: [сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/koronavirus-http://kudes.ru/?q=node/5220novyy-bug-ili-ficha-mirovoy-politiki> (дата обращения: 22.09.2020).
30. Медникова М.Б. Куда ведет «Путь масок». URL: <http://www.bezgranic.ru/index.php/2013-08-04-13-26-15/yazyk-simvolov/1562-kuda-vedet-put-masok.html> (дата обращения: 10.10.2020)
31. Иванов В.В. Маска как элемент культуры. URL: https://www.studmed.ru/ivanov-vyach-vs-mask-a-kak-element-kultury_a88c0d9b010.html (дата обращения 22.09.20)

References

1. Anderson B. *Voobrazhaemye obshchestva* [Imaginary Societies]. М.: Kuchkovo pole. 2016. 416 p.
2. Abramov A.V., Bagdasaryan V.E., Byshok S.O., Volodenkov S.V., Evstaf'ev D.G., Egorov V.G., Komleva N.A., Kramarenko N.S., Ma-

- noylo A.V., Mikhaylenok O.M., Petrenko A.I., Prokof'ev V.F. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. 2020. No 2. URL: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/View/1001>
3. Blumer G. *Simvolicheskiy interaktsionizm* [Symbolic interactionism]. M.: Elementarnye formy, 2017. 343 s.
 4. Bodriyyar Zh. *Otechestvennye zapiski*. No 6 (15), 2003.
 5. Vernadskiy V.I. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and noosphere]. M.: Ayris-Press, 2012. 576 p.
 6. Gafiatulina N.Kh. *Rossiyskoe obshchestvo v usloviyakh samoizolyatsii. Sotsial'nye effekty i posledstviya pandemii COVID-19* [Russian society in conditions of self-isolation. Social effects and consequences of the COVID-19 pandemic]. M.: RUSAYNS, 2020. 178 p.
 7. Giddens E. *Nespokoynyy i mogushchestvennyy kontinent: chto zhdet Evropu v budushchem? Delo 2015g.* [Restless and Powerful Continent: What Awaits Europe in the Future? Case 2015]. 240 p.
 8. Gritsenko V.V., Reznik A.D., Konstantinov V.V. et al. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya*. 2020. V. 9. No 2. P. 99–118. DOI: 10.17759/cpse.2020090205
 9. Gofman I. *Analiz freymov* [Analysis of frames]. M.: Institut sotsiologii RAN, 2004. 752 p.
 10. Dyurkgeym E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [On the division of social labor]. M.: Kanon, 1996. 430 p.
 11. Kudryavtseva G.V., Shishkin V.I., Shishkin V.V. *Koronavirus apokalipsisa* [Coronavirus of the apocalypse]. SPb.: Izd-vo VVM, 2020. 60 p.
 12. Lotman Yu. *Semiosfera* [Semiosphere]. SPb.: Iskusstvo, SPb, 2010. 704 p.
 13. Luman N. *Obshchestvo kak sotsial'naya system* [Society as a social system]. M: Izdatel'stvo "Logos". 2004. 232 p.
 14. Moiseev N.N. *Izbrannye trudy* [Selected Works. In 2 volumes]. M.: Taydeks Ko, 2003. 264 p.
 15. Ol'shanskiy D.V. *Psikhologiya mass* [Psychology of the masses]. Piter, 2001. 368 p.
 16. Pervichko E.I., Mitina O.V., Stepanova O.B. et al. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya*. 2020. V. 9. No 2. P. 119–146. DOI: 10.17759/cpse.2020090206

17. Red'yard D. *Planetarizatsiya soznaniya* [Planetarization of consciousness]. M.: Vakler, 1995. 304 p.
18. *Rossiya i mir vo vremya i posle pandemii COVID-19: vyzovy i vozmozhnosti* [Russia and the world during and after the COVID-19 pandemic: challenges and opportunities]. SPb.: Izdatel'sko-poligraficheskaya assotsiatsiya vysshikh uchebnykh zavedeniy, 2020. 274 p.
19. Rotanova M.B., Fedorova M.V. *Sotsial'nye kommunikatsii: nauka, obrazovanie, professiya*. 2019. No 1. P. 248-253.
20. Savchenko I.A. *Vlast'*. 2018. V.26. No 1. P.146-149.
21. Sorokoumova E.A., Cherdymova E.I., Puchkova E.B., Temnova L.V. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. Ekonomika i pravo*. 2020. No 3. P. 196-205.
22. Teyyar de Sharden P. *Fenomen cheloveka* [Phenomenon of man]. M.: Ast, 2012. 384 p.
23. Khoysling R. *Sotsial'nye protsessy kak setevye igry* [Social processes as network games]. M.: Logos-Al'tera. 2003. 192 p.
24. Fedenok Yu.N., Burkova V.N. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 2020. No 2. P. 6-40.
25. Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti* [Anatomy of human destructiveness]. M.: AST, 2018. 736 p.
26. Fukuyama F. *Konets istorii i posledniy chelovek* [End of history and the last person]. M.: OOO Izdatel'stvo AST. 2004. 588 p.
27. Shakh S. *Pandemiya: Vsemirnaya istoriya smertel'nykh virusov* [Pandemic: A Worldwide History of Deadly Viruses]. M.: Al'pina non-fikshn, 2017. 358 p.
28. Eko U. *Polnyy nazad! Goryachie voyny i populizm v SMI* [Full Back! Hot wars and populism in the media]. M.: EKSMO, 2007. 592 p.
29. Kortunov A. *Mezhdunarodnye riski koronavirusa* [International risks of coronavirus]. Russian Council on International Affairs: [site]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/koronavirus-http://kudes.ru/?q=node/5220novyy-bug-ili-ficha-mirovoy-politiki>
30. Mednikova M.B. *Kuda vedet «Put' masok»* [Where the "Path of the Masks" leads]. URL: <http://www.bez-granic.ru/index.php/2013-08-04-13-26-15/yazyk-simvolov/1562-kuda-vedet-put-masok.html>

31. Ivanov V.V. *Maska kak element kul'tury* [The mask as an element of culture]. URL: https://www.studmed.ru/ivanov-vyach-vs-maska-kak-element-kul'tury_a88c0d9b010.html

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Козлова Юлия Владиславовна, старший научный сотрудник научной лаборатории «Технологии социально-гуманитарных исследований», кандидат психологических наук, доцент
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
ул. Минина, 34а, г. Нижний Новгород, 603000 Российская Федерация
kozlova-ta@inbox.ru

Савченко Ирина Александровна, начальник научной лаборатории «Технологии социально-гуманитарных исследований»; профессор кафедры психологии и педагогики, доктор социологических наук
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова; Нижегородская Академия МВД РФ
ул. Минина, 34а, г. Нижний Новгород, 603000 Российская Федерация; Анкудиновское шоссе, 3, г. Нижний Новгород, 603144, Российская Федерация
teosmaco@rambler.ru

Горохова Анна Михайловна, доцент кафедры английской филологии Высшей школы лингвистики, педагогики и психологии, начальник Управления по научно-исследовательской деятельности, кандидат филологических наук
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
ул. Минина, 34а, г. Нижний Новгород, 603000 Российская Федерация

DATA ABOUT THE AUTORS

Kozlova Yulia Vladislavovna, PhD (Pedagogy), Senior Research Associate of the International Cross-Disciplinary Laboratory “Research Methods in Social Science”

Linguistics University of Nizhny Novgorod

34a, Minin Str., Nizhny Novgorod, 603000 Russian Federation

kozlova-ta@inbox.ru

Savchenko Irina Aleksandrovna, Dr. Sci. (Sociology), Head of the International Cross-Disciplinary Laboratory “Research Methods in Social Science”, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and the Theory of Social Communication; Professor of the Department of Philosophy

Linguistics University of Nizhny Novgorod; Nizhniy Novgorod

Academy of the Ministry of the Interior Affairs of Russia

34a, Minin Str., Nizhny Novgorod, 603000 Russian Federation;

3, Ankudinovskoe highway, Nizhny Novgorod, 603144, Russian Federation

Gorokhova Anna Mikhaylovna, PhD (Philology), Head of the Department for Science and Research, Associate Professor of the Department of English Philology

Linguistics University of Nizhny Novgorod

34a, Minin Str., Nizhny Novgorod, 603000 Russian Federation

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-2-204-216

УДК 165.19

**КОНЦЕПТ МИФОЛОГЕМЫ ИСТОРИИ В РАКУРСЕ
ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ГНОСЕОЛОГИИ Н. ГАРТМАНА***Степанов А.Г., Ефремов О.Е., Степанова С.Е.*

Цель. Предметное пространство статьи очерчивает проблематику вопросов, связанных с определением статуса исторического знания в парадигмальном ракурсе рациональной культуры. В статье реализована концепция мифологемы социально-исторического знания в формате теории многоуровневой реальности Н. Гартмана.

Методы. Основу исследования составляет концепт мифологемы как атрибутивной формы воспроизведения истории. Методологический базис исследования составили принципы неоклассического, феноменологического, логико-теоретического, системно-синтетического подходов.

Результаты. История, вовлечённая человеком в процесс организации социального знания, наделяется познающим субъектом иными качествами, чем располагает объективно. Данное обстоятельство обусловлено принадлежностью истории и субъекта к противоположным форматам реальности. Установление параметров корреляционного взаимодействия между историей и субъектом исторической рефлексии предоставляет возможности раскрыть экзистенциальные смыслы освоения исторического. Мифологема, возникающая вследствие синтеза известного и предполагаемого, становится одним из атрибутов исторического знания, функция которого заключается в объединении образов прошлого с культурной парадигмой настоящего. Мифологема определяется не как произвольная реакция субъекта, вызванная избытком его воображения, а как следствие процессов адаптации исторической информации соответствующему типу культуры.

Область применения результатов. Результаты могут быть задействованы для формирования концептов организации картины социально-исторической реальности.

Ключевые слова: *познание; историческое знание; уровни бытия; Н. Гартман; мифологема.*

THE CONCEPT OF THE MYTHOLOGEME OF HISTORY IN THE PERSPECTIVE OF N. HARTMAN'S ONTOLOGICAL GNOSEOLOGY

Stepanov A.G., Efremov O.E., Stepanova S.E.

Goal. *The subject space of the article outlines the issues related to determining the status of historical knowledge in the paradigm perspective of rational culture. The article implements the concept of the mythologeme of socio-historical knowledge in the format of N. Hartmann's theory of multilevel reality.*

Methods. *The research is based on the concept of mythologem as an attributive form of history reproduction. The methodological basis of the research is based on the principles of neoclassical, phenomenological, logical-theoretical, and the system-synthetic approaches.*

Results. *The history involved by a person in the process of organizing social knowledge is endowed by the cognizing subject with other qualities than it has objectively. This circumstance is due to the fact that history and the subject belong to opposite formats of reality. Establishing the parameters of correlation interaction between history and the subject of historical reflection provides opportunities to reveal the existential meanings of historical development. The mythologeme that arises as a result of the synthesis of the known and the supposed becomes one of the attributes of historical knowledge, the function of which is to combine images of the past with the cultural paradigm of the present. The mythologeme is defined not as an arbitrary reaction of the subject caused by an excess of his imagination, but as a consequence of the processes of adaptation of historical information to the corresponding type of culture.*

The scope of the results. *The results can be used to form concepts for organizing a picture of socio-historical reality.*

Keywords: *cognition; historical knowledge; levels of being; N. Hartman; mythologeme.*

Введение

Рубеж XX–XXI веков в общественных дисциплинах стал периодом очередной ревизии методологических ресурсов концептуально-методологического потенциала освоения социально-исторической реальности, что не могло не отразиться на комплексе вопросов связанных как с определением статуса исторического знания, так и с возможностями его освоения. Современное состояние общества принято характеризовать как информационное, экзистенциальные ресурсы которого непосредственно связаны с производством, распространением и распределением знаний. Парадигмы приращения и эксплуатации знания, во все большей степени определяют социальную структуру общественного организма, инициализируют роль социальных групп в системе общественного воспроизводства, идентифицируют место социума в мировой цивилизации. Указанные факторы неизбежно актуализируют проблематику определения места рациональной культуры вообще и методологических концептов организации знания в частности, в континууме фундаментальных оснований экзистенции человека и общества. При этом, очевидно, что ни одна из предлагаемых моделей освоения реальности не может рассматриваться в качестве достаточной без отражения её исторического аспекта, в связи с чем освоение действительных параметров формирования исторического знания, как формы сохранения маркеров социальных изменений, становится необходимым компонентом общественной экзистенции.

Цель

В заявленном ракурсе существенный интерес вызывает статус исторического знания в парадигмальном ракурсе рациональной культуры в целом, и в частности в рамках теории многоуровневой реальности Н. Гартмана, как возможного концепта преодоления противоречия между спецификой бытия истории (прошлое) и знанием о нем (настоящее).

Материалы и методы исследования

Методологический базис исследования составили принципы неоклассического, феноменологического, логико-теоретического,

системно-синтетического подходов. Когнитивный потенциал заявленных подходов предоставил возможность выявить специфику становления картины истории в контексте взаимовлияния механизмов объективации образов прошлого в социокультурной парадигме настоящего.

Результаты и обсуждение

В предельно общем смысле, человек соотносится с историей в содержании когнитивно-эвристических концептов, в структурах памяти, в сфере образов, культурных стереотипов, стилей мышления и других подразделениях рефлексизирующего сознания. Познание, являясь атрибутом эвристической активности инициирует теоретическую организацию параметров картины истории, реализующих себя объективно до и вне познания. В социально-онтологическом смысле история и познание представляют собой коррелирующие друг с другом феномены, реализующие себя в качестве институций обеспечения потенциала человеческого способа существования. Функциональное значение познания состоит в переводе содержания вещи в наличное знание, оно не изменяет предмета, но открывает его аксиологическое ядро. Познание реализуется как форма когнитивной активности субъекта, стремящегося к освоению – «схватыванию» конкретной ипостаси бытия, при том, что «схватить» можно лишь то, что существует вне «хватящего». «Никто не мыслит только ради мысли..., мысль сама существует ради иного» [2, с. 471]. В таком контексте история по отношению к субъекту представляет внешний уровень реальности, сущностные параметры которого нуждаются освоения. При том, что история представляет собой не априорную характеристику реальности, «а один из способов видения и создания того, что мы по традиции именуем миром... Вполне возможно и допустимо видеть вещи в ином, вне-историческом свете» [14, с. 7]. Подобное положение дел позволяет констатировать принадлежность познания и истории к различным слоям/уровням бытия. «Думать, что все есть предмет и что только предмет, обладает характером бытия, ошибочно. Мир,

понимаемый как воплощение сущего... лишь отчасти выступает предметом познания» [1, с. 107]. История не всегда и во всем доступна познающему, познание же, в свою очередь, не ограничено только освоением горизонтов исторического.

Социально-гуманитарное понимание исторического связано с организацией общественным сознанием процессов отражения наполнения социальной жизни определенным рядом событий, выражающих существенные аспекты воздействия человека на условия своего существования. В таком ракурсе история безусловно социальна, асоциальная реальность, очевидно, исторична. История в качестве культурной институции, ориентирована, прежде всего, на производство знаний о социальных изменениях, причинах их вызвавших, движущих силах, формах реализации с целью формирования на их основе паттернов общественного сознания, как инструментов аккумуляции актуальных технологий освоения реальности. Следовательно, смысл исторического, в предельно общих значениях, заключается в постижении сущности человека, и проявляет себя в результатах отражения технологий человеческой деятельности. История «без исследования практической деятельности людей, без анализа общественных отношений, без выяснения целей человеческого общества» [8, с. 50] не может претендовать на статус социокультурного явления. Данное обстоятельство вызывает к жизни абсолютный в гносеологическом смысле вопрос, возможно ли обрести истинное знание о социальном прошлом? При том, что только установление действительных параметров социально-исторической реальности позволит эффективно концентрировать практическую деятельность по освоению социального настоящего и прогнозированию его будущего.

В концептуально-методологическом смысле вопрос корреляционного взаимодействия познания и истории может быть решен в рамках концепции многослойного бытия Н. Гартмана. Когнитивно-эвристическая формула онтологии Н. Гартмана постулат – «мир один, но не един», предполагает идентификацию всеобщего как целостного образования, различные уровни которого соотносятся

посредством универсального атрибута, в роли которого выступает познание, постулирующее связь между ними. Цель организации исторического знания очевидно связана с освоением технологий воздействия социума на континуум внешних внутренних ресурсов своего бытия, что в свою очередь, постулирует необходимость постижения исторического в его определенной целостности. При том, что анализ способов освоения истории позволяет выделить её перманентные противоположности выраженные во-первых, в противоречиях бытия и небытия, сущность технологий социального прошлого представлена в параметрах культуры социального настоящего), во-вторых, в диалектических корреляциях дихотомий исторических «уникальности» и «повторяемости», «теоретичности» и «практичности», «конкретности» и «абстрактности».

В теоретико-познавательном плане значение исторической рефлексии состоит в стремлении к установлению сущности социально-исторического процесса, а в познавательном-практическом отношении познание исторического является по сути инструментарием «присвоения» настоящим (наличным) прошлого (определенного) [3]. Формы корреляции прошлого и настоящего несовершенны, элемент несовпадения между ними неизбежен, так как субъект – это всегда здесь и сейчас, а история всегда то, что уже было. Принципиальная несводимость прошлого и настоящего выступает в качестве основания для интеллектуальных спекуляций с формами презентации исторического знания. Примером чему является диаметрально противоположное прочтение истории в формационной и цивилизационной концепциях, теориях экономической истории У. Ростоу, постиндустриального общества Д. Белла, «мира-экономики» И. Валлерстайна и др. которые обоснованы аргументами, сила убедительности которых вполне приемлема с позиций рационального доказательства, но вместе с тем не достаточна для формирования исчерпывающих представлений о действительном значении исторических событий их причин, смыслов и движущих силах. Становление знания о социальном прошлом неизбежно связано с моментами включения в его содержание материалов располагаю-

щих потенциалом внесения в прочтение исторического артефакта элементов, не имеющих к его свойствам непосредственного отношения. Специфика социальной организации субъекта заключается в том, что он в условиях социокультурной обусловленности навязывает смыслы современной ему культуры историческому событию, реализованному в иных социально- аксиологических параметрах.

В качестве формы организации знания, о содержании изменения формата социальных технологий, история представляет собой диалектический комплекс известного, связанного с отражением свойств факта (бытия) и предполагаемого, по сути неизвестного (скрытой изнанки бытия), вследствие чего горизонты исторического не могут отождествляться только с достоверными параметрами познанного. «Специфика истории, как вида знания, заключается в том, что в ней получают отражение явления уже не существующие здесь и сейчас в настоящей реальности, и находящиеся в определенном смысле в небытии. Небытие представляет собой «изнанку» бытия, аккумулирующую в своей потенции «невидимые силы, творящие бытийные формы» [12, с. 82]. Прошлое не является тем, что мы называем ничто, через институты памяти оно необходимо для настоящего аспектами находится/присутствует в его слоях. «Прошлое существует через настоящее, благодаря настоящему и в прозрениях настоящего» [Гречко 4, с. 306]. Познание истории, реализующее себя как определенный акт действующего сознания, является фактором выражения прошлого в культуре настоящего.

Субъект исторической рефлексии не столько констатирует содержание исторических событий и форму их реализации, сколько предлагает трактовки их сущности, которые могут и не иметь отношения к их действительным параметрам, но в любом случае, так или иначе соответствуют его социокультурным ориентациям (консерватизм, номинализм, монархизм, глобализм и.д.). «Человеческие существа живут в мире значимых объектов, эти значения возникают в процессе социального взаимодействия, различные группы вырабатывают различные миры...» [10, с. 34]. Результат неосознанного привнесения в прочтение исторического качеств настоящей культу-

ры и является тем, что мы маркируем как мифологему социально-исторической реальности. «Поскольку человек осваивает историю в конкретных условиях, то культивируемые им ценности выступают в качестве фактора детерминирующего отношения между субъектом и с объектом познания» [13, с. 156]. Производство исторического знания и система социокультурных императивов диалектически взаимосвязаны, любые попытки вынести деятельность по организации картины истории за рамки социальных парадигм несостоятельны. Теории построения целостной системы истории непосредственно обусловлены контекстом их организации, инициирующим реализацию того эвристического содержания их потенциала который оказался способен обеспечить эффективное решение конкретных исследовательских задачи. «Если история излагает содержание событий, то это происходит посредством отбора того, что есть в источниках...» [5, с. 45].

Извлечение релевантной информации обусловлено содержанием системы ценностей, культивируемых в данной социальной общности, благодаря чему информационная селекция приобретает характер саморегулирующегося процесса. В связи с чем мы полагаем, что объект исторического исследования является именно таким, каким он представлен в наших умозрительных построениях. Это значит, что осваивая историю мы имеем дело не с явлением принадлежащим к настоящему или в интерпретации Н. Гартмана наличному бытию, а с его информационной проекцией, ставшей посредником между действительностью и перцепиентом, непосредственно влияющей на содержательную сторону социально-исторического знания. Образ исторического события создается на границе соединения сообщений, поступающих из внешней среды и внутреннего информационного архива личности, на этом уровне ему придается определённый смысл и значение. Следовательно, мы имеем дело не с самой реальностью, а с её мифологемой.

В научный оборот понятие «мифологема» вводят К. Юнг и К. Керенги, рассматривая заявленную категорию как форму выражение ассоциативных стереотипов сюжетов эпических произведений уко-

ренившихся в общественном сознании. «Мифологема – вот лучшее слово для их обозначения» [15, с. 13]. О.М. Фрейденберг делает акцент на характеристике мифологема в качестве особенной художественной (поэтично-романтической) формы пересказа. «В слове «пересказ» ключевое значение принадлежит приставке «пере». В данном случае при сохранении общей нарративности (сказ) указывается на её иное изложение» [6, с. 79]. Следовательно, смысловое значение категории «мифологема» заключается в модальности «прочтения» определенного феномена. Интерсубъективность информации предполагает возможность вариативности формата понимания и интерпретации параметров исследуемого феномена. Мифологема представляет собой форму конституализации значений освоенной субъектом информации.

Наша позиция заключается в определении мифологема в качестве результата становления образов реальных событий социальной эволюции, содержание которых обусловлено воздействием совокупности социокультурных условий исторической рефлексии (мировоззрение, стиль мышления, уровни рефлексии и т.д.). Мифологема – это информационная система, возникающая вследствие реализации условий рациональной рефлексии, которые не осознаются и не учитываются субъектом в качестве фактора трансформации образа реальности в силу их включенности в природу отражения, но которые оказывают непосредственное воздействие на организацию картины реальности.

Заключение

Появление мифологема картины социальной истории является результатом практики освоения исторического процесса в целях приведения сведения об истории в определенную систему, претендующую на отражение сущности и движущих сил эволюции общества. Мифологема, возникающая вследствие синтеза известного и предполагаемого, становится одним из атрибутов исторического знания, функция которого заключается в объединение образов прошлого с культурной парадигмой настоящего. Мифологема, в самом

общем виде, представляет собой форму организации картины социально-исторической реальности, обеспечивающую органическую адаптацию исторической информации к потребностям общественного субъекта, в контексте императивов культуры рационального познания. Мифологема социально-исторической реальности – это результат отражения конкретного выражения исторического в сознании субъекта, носителя определённого способа освоения настоящего.

Список литературы

1. Восприятие. Механизмы и модели / под ред. Н. Ю. Алексеенко. М.: МИР, 1974. 367 с.
2. Гартман Н. Познание в свете онтологии // Западная философия. Итоги тысячелетия. Екатеринбург: Центр гуманитарных технологий, 1997. 654 с.
3. Гартман Н.К основоположению онтологии. СПб.: Наука, 2003. 640 с.
4. Гречко П.К. Концептуальные модели истории. М.: Мысль, 2015. 379 с.
5. Дильтей В. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Три квадрата. Т. 3. 2004. 331 с.
6. Едошина И. А. Миф, мифологема, мифема в контексте деятельностного подхода к феноменам культуры. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. Т. 1. № 3. С. 79.
7. Маркс К. Сочинения. М.: Гос. изд-во полит.лит., Т. 20. 1961. 854 с.
8. Мегилл А. Историческая эпистемология: научная монография М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.
9. Кузнецов В.Ю. Мифологема социального времени. Йошкар-Ола, Мар. гос. ун-т; 2006. 232с.
10. Николаева Е. М. Социализация личности: синергетический дискурс (опыт социально-философского исследования). Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2005. 176 с.
11. Перов Ю. В. Историчность и историческая реальность. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. 144 с.
12. Солодухо Н.М. Философия небытия. Казань: Изд-во Казан.гос. техн. ун-та, 2002. 146 с.

13. Степанов А.Г. Факторы социальной детерминации системы социально-исторического познания // Вестник Чувашского университета. 2011. № 1. С. 154-160.
14. Сыров В. Н. Введение в философию истории: Своеобразие исторической мысли. М.: Водолей Publishers, 2006. 246 с.
15. Юнг К., Кереньи К. Душа и миф. Шесть архетипов. Киев; М.: Порт-Рояль-Совершенство, 1997. 383 с.

References

1. *Vospriyatie. Mekhanizmy i modeli* [Perception. Mechanisms and models] / ed. N. Yu. Alekseenko. Moscow: MIR, 1974. 367 p.
2. Hartman N. Poznanie v svete ontologii [Knowledge in the light of ontology]. *Zapadnaya filosofiya. Itogi tisyacheletiya* [Western philosophy. Results of the Millennium]. Yekaterinburg: Center for Humanitarian Technologists, 1997. 654 p.
3. Hartman N. *K osnovopolozheniyu ontologii* [Towards the foundation of ontology]. Saint Petersburg: Nauka, 2003. 640 p.
4. Grechko P.K. *Kontseptual'nye modeli istorii* [Conceptual models of history]. Moscow: Mysl', 2015. 379 p.
5. Dilthey V. *Sobranie sochineniy* [Collected works]: in 6 volumes. Moscow: Three squares. V. 3. 2004. 331 p.
6. Yedoshina I.A. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 2009. V. 1.No. 3. P. 79.
7. Marks K. *Sochineniya* [Works]. M.: Publishing House of Political Literature, V. 20. 1961. 854 p.
8. Megill A. *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical epistemology]: scientific monograph M.: "Canon +", ROOI "Rehabilitation", 2007. 480 p.
9. Kuznetsov V.Yu. *Mifologema sotsial'nogo vremeni* [Mythologeme of social time]. Yoshkar-Ola, Mar. state un-t; 2006. 232 p.
10. Nikolaeva E.M. *Sotsializatsiya lichnosti: sinergeticheskiy diskurs (opyt sotsial'no-filosofskogo issledovaniya)* [Socialization of personality: synergetic discourse (experience of socio-philosophical research)]. Kazan: Publishing house Kazansk. University, 2005. 176 p.
11. Perov Yu.V. *Istorichnost' i istoricheskaya real'nost'* [Historicality and historical reality]. SPb.: Saint-Petersburg Philosophical Society, 2000. 144 p.

12. Solodukho N. M. *Filosofiya nebytiya* [Philosophy of non-being]. Kazan: Kazan State Publishing House. tech. University, 2002. 146 p.
13. Stepanov A.G. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2011. N 1. P. 154-160.
14. Syrov V.N. *Vvedenie v filosofiyu istorii: Svoeobrazie istoricheskoy mysli* [Introduction to the philosophy of history: The originality of historical thought]. M.: Aquarius Publishers, 2006. 246 p.
15. Jung K., Kerényi K. *Dusha i mif. Shest' arkhetipov* [Soul and myth. Six archetypes]. Kiev; Moscow: Port-Royal-Perfection, 1997. 383 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Степанов Алексей Георгиевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и педагогики
Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова
Московский проспект, 15, г. Чебоксары, Чувашская республика, 428020,
Российская Федерация
stalex73@bk.ru

Ефремов Олег Юрьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и педагогики
Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова
Московский проспект, 15, г. Чебоксары, Чувашская республика, 428020,
Российская Федерация
stalex73@bk.ru

Степанова Светлана Евгеньевна, кандидат философских наук, доцент кафедры экономики, управления и права,
Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева
ул. К. Маркса, 38, Чебоксары, Чувашская Республика, 428000,
Российская Федерация
clers@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Stepanov Alexey Georgievich, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogy
Chuvash State University named I.N. Ulyanov
15, Moskovsky prospekt, Cheboksary, Chuvash Republic, 428020, Russian Federation
stalex73@bk.ru

Efremov Oleg Urievich, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogy
Chuvash State University named I.N. Ulyanov
15, Moskovsky prospekt, Cheboksary, Chuvash Republic, 428020, Russian Federation
stalex73@bk.ru

Stepanova Svetlana Evgenevna, Associate Professor of the Department of Economics, Management and Law
Chuvash State pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev
38, K. Marx Str., Cheboksary, Chuvash Republic, 428000, Russian Federation
clers@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-2-217-231

УДК 316.33

УНИВЕРСИТЕТ ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В ГЕРМАНИИ

*Высоцкая И.В., Йованович Т.Г., Алексеенко Н.В.,
Лазарева О.В.*

Данная статья рассматривает основные положения теории и практики образования пожилых людей в университетах Германии. В статье авторами проведен анализ организации дополнительного образования для пожилых людей. Авторы указывают, что пожилые люди сами устанавливают для себя личные цели, выбирая наиболее важные мероприятия из регулярных образовательных услуг, составляя собственную программу обучения. Новизна заключается в том, что в статье рассмотрена и охарактеризована одна из форм университета третьего возраста, успешно работающая на протяжении многих десятилетий на основе традиционного образования при высших учебных заведениях Германии. Полученные результаты показали, что обучение в пожилом возрасте, которое выделяется из так называемого обычного обучения взрослых, позволяет обеспечить гибкое состояние образования, сориентированное на индивидуальные потребности и интересы потребителей.

Ключевые слова: учебный план; система дополнительного образования; университет третьего возраста; слушатели; обучение в старости; интеграция в университет; жизненный и профессиональный опыт.

THIRD AGE UNIVERSITY IN THE SYSTEM OF ELDER PEOPLE'S EDUCATION IN GERMANY

*Ysotskaya I.V., Yovanovich T.G., Alekseenko N.V.,
Lazareva O.V.*

This article examines the main provisions of the theory and practice of elder people's education at German Universities. In the article, the

authors analyze the organization of additional education for the elderly. The authors point out that elder people set their own personal goals, selecting the most important activities from regular educational services, and creating their own training program. The originality is in the fact that the article considers and characterizes one of the forms of a third-age University that has been successfully operating for many decades on the basis of traditional education at Universities Germany. The results showed that education for elder people, which is separated from the so-called conventional adult education. It allows ones to provide a flexible state of education that is oriented to individual needs and interests of consumers.

Keywords: *curriculum; additional education system; third-age University; students; old-age education; University integration; life and professional experience.*

Введение

Дополнительное образование взрослых в развитых странах, Европе и Америке является активно развивающимся образовательным направлением, что обусловлено взаимодействием демографических, экономических, социальных и технологических факторов, главными из которых являются: изменения в профессиональном мире, быстрое развитие науки и техники, увеличение свободного времени, рост числа людей пенсионного возраста. Появление университетов третьего возраста в западных странах служит своеобразной реакцией систем образования на всевозможные изменения в обществе, отражая необходимость использования профессионального, культурного и социального потенциала пожилых людей. Изучение и сравнение опыта прогрессивных стран с более развитой системой образования помогло бы перенести полученные из исследования знания на платформу отечественного образования с учетом специфики национальных особенностей и потребностей пожилых людей РФ.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что концепция обучения в течение всей жизни, стремительные разносторонние

изменения в обществе вызвали интенсивное развитие рынка дополнительных образовательных услуг для людей третьего возраста с целью поддержки личностного и профессионального развития, сохранения активной жизненной позиции пожилых людей. В данной статье мы хотели бы заострить наше внимание на формах образовательной работы с пожилыми людьми, которые актуальны как для европейских государств, в частности Германии, так и России. Уделяя особое внимание Германии, мы хотим подчеркнуть, что это одно из лидирующих государств мира по экономическому уровню и развитию образования, где данное направление получило особенно прогрессивное развитие в отношении многообразия предлагаемых форм и содержания. Результаты изученной научно-педагогической литературы показывают, что в отечественной науке накоплен большой исследовательский опыт по проблеме обучения пожилых людей [1; 6; 2]. Однако, практика современного дополнительного образования для пожилых людей нуждается в расширении научно-практических основ педагогической поддержки людей данного возраста. Успешное функционирование системы дополнительного образования для пожилых людей в Германии показывает важность освоения зарубежного опыта для раскрытия, сравнения и внедрения в российское образование наиболее успешных подходов, технологий обучения, видов и форм образования взрослых, с учетом собственного потенциала и традиций.

Цель исследования определила круг задач:

1. Проследить реализацию основных форм образования пожилых людей, а также получение квалификации в постпрофессиональный период при высших учебных заведениях.
2. Проанализировать тенденции в развитии общеобразовательных услуг для людей пожилого возраста.

Материалы и методы

Методами исследования явились исследовательские методы индукции и дедукции, сравнения и обобщения теоретических, практических и статистических сведений, позволившие сопоставить

различные организационные формы обучения пожилых людей в Германии и России. Источниками нашего материала исследования послужили немецкие и российские научные работы и документальные источники, материалы современной сети Интернет. Методы интерпретации, синтеза и аналогии полученных данных, систематизации информации для определения закономерностей и отличительных характеристик дополнительного образования для пожилых людей в Германии и России позволили сделать обоснованные выводы.

Результаты

Университет третьего возраста как обособленное течение в дополнительной системе образования принял разносторонние формы в различных странах мира. В ходе исследования было выявлено, что в Германии существуют две основные модели учреждений: 1) интегративная модель, при которой молодые и пожилые студенты обучаются вместе, и 2) сегрегационная модель, когда обучение пожилых людей происходит отдельно и предполагает самостоятельное функционирование Университета третьего возраста [4].

Традиционной для Германии является интегративная модель, когда учреждение для пожилых людей входит в состав вуза. Вторая модель распространена в Великобритании, Новой Зеландии и Австралии. При этом обучение происходит по специально разработанным учебным программам [3].

Рассмотрим подробно формы и организацию дополнительного образования для пожилых людей в вузах Германии. Изучение научных источников по теме исследования позволяет нам констатировать, что система дополнительного и высшего образования в Германии, направленная на определенную возрастную группу – чаще всего встречающаяся форма обучения для людей пожилого возраста [4, 6, 7, 8, 13, 14]. Обучение пожилых людей предполагает общеобразовательную цель, поскольку пожилые в первую очередь хотят учиться для себя, в то время как внешне обусловленные профессиональные интересы отступают на второй план. Участники такого образования могут посещать вместе с обычными студентами регулярные учебные мероприятия вуза в

качестве слушателей (гостей). Обучение ведется по расписанию, в соответствии с программой. Интеграция пожилых людей в вуз, которая одновременно создает предпосылки для межпоколенческого обучения, является неотъемлемой частью этой формы обучения в Германии. Наряду с постоянными учебными мероприятиями распространяются также предложения со специфическими целями для пожилых людей. Если обучение слушателя не связано с окончанием определенной школы, то дополнительные образовательные услуги по подготовке пожилых людей к обучению в вузе должны облегчить доступ в университет людям, не имеющим аттестата об окончании школы, и поддержать пожилых людей в определении плана и формы обучения для них. В настоящее время, как отмечает исследователь М. Кайзер, обучение пожилых людей является важной и неотъемлемой частью работы каждого высшего учебного заведения в Германии [9, стр. 22].

Для организации образовательных услуг для пожилых людей в вузах Германии существует специально выделенный и обученный персонал, который осуществляет консультативную и сопроводительную (кураторскую) работу. Преимуществом кураторской работы является то, что пожилые люди могут сами определять тематику и содержание обучения в соответствии с собственными мотивами и интересами. В центре внимания такой формы обучения находятся сами участники или слушатели. Учитывая то, что отсутствуют четкий содержательный план и временные рамки, слушатели могут организовывать процесс обучения в соответствии со своими способностями и возможностями и находящимся в их распоряжении временем, а также выбрать мероприятия, проводимые вузом, применительно к собственным целям. Данный подход к обучению, как отметил немецкий исследователь О. Шеффер, способствовал появлению новых образовательных услуг: «...по мнению слушателей, в вузе появилась новая перспектива: в учебный процесс включили не только научные дисциплины профессионального образования, а также множество, независимых друг от друга, учебных мероприятий» [13, стр. 98].

Согласно имеющимся научным данным [4, 8, 10, 11, 12], общеобразовательные учебные услуги в Германии, как правило, имеют

традиционные формы и цели обучения. Отличие данной формы состоит в том, что для учебы составляются взаимосвязанные расписанием программы и ставятся соответствующие задачи, чтобы можно было осуществить систематическое, взаимосвязанное, поэтапное обучение. Специализированная и имеющая межпредметные связи учебная программа разрабатывается исходя из регулярных услуг вуза, и дополняется специальными мероприятиями и консультациями для целевых групп пожилых людей.

Как правило, в данной форме обучения имеется возможность получения сертификата об окончании одной из обучающих программ. Однако такие обучающие услуги не дают профессиональной квалификации, и требования в отдельных вузах, предлагающих академическое обучение, сильно варьируются. Общеобразовательная форма обучения отвечает интересам тех слушателей, которые хотят участвовать в традиционном систематическом поэтапном обучении.

Следует рассмотреть получение квалификации для добровольной деятельности в постпрофессиональный период. Квалификационная форма отличается от вышеописанных тем, что имеет своей целью дать потребителю определенную квалификацию для постпрофессиональной деятельности пожилых людей. В противоположность общеобразовательным услугам обучение происходит в связи с применением полученных знаний на практике. Как и общеобразовательное обучение, квалификационный тип обучения осуществляется в соответствии с расписанием, где учебное предложение составляется из регулярных мероприятий вуза и услуг, направленных на специфические группы. Дополнительно в таком обучении неотъемлемую составляющую учебного плана образуют практика и проектная работа, поэтому каждый семестр может быть принято только ограниченное количество участников обучения.

Квалификационные образовательные услуги чаще всего организуются для так называемых «молодых пожилых», которые после учебы хотят принимать активное участие в общественной деятельности, как отмечает М. Кайзер [9, стр. 23]. Также при такой форме обучения внутри вуза имеется специальная должность и человек, ее

занимающий, ответственен за планирование расписания, проведение сопровождающих мероприятий и консультаций для учащихся.

Квалификационные учебные услуги соответствуют потребностям небольшой группы пожилых взрослых, в то время как спрос на общеобразовательную программу обучения и регулярно предоставляемые обучающие мероприятия растет, что указывает, в свою очередь, на потребность в квалификационных услугах группы пожилых людей, находящихся в начале третьего возраста, то есть «молодых пожилых». Отсюда следует, что существующие программы обучения необходимо рассматривать не как конкурирующие, а как взаимодополняющие друг друга.

В рамках исследования было изучено обучение пожилых людей в качестве слушателей на стандартных программах учебных заведений Германии. Многие университеты в Германии в направлении развития обучения пожилых людей имеют программы «стандартного обучения слушателей», в рамках которого пожилые взрослые могут посещать регулярные учебные мероприятия вузов. Учреждения при этом могут работать, не разрабатывая специфические целевые образовательные услуги для консультативного обучения пожилых людей. В вузе не отводится соответствующая должность, необходимая для проведения данных работ. Организационную работу берут на себя другие подразделения. Ю. Айерданц замечает, что «для вуза эта форма работы по организации обучения пожилых людей связана с использованием меньшего количества персонала и финансовых затрат» [8, стр. 24]. Однако если в вузе нет специальных стандартов, позволяющих ввести обозначение «обучение сеньоров», то образовательные учреждения вынуждены «переименовывать» его в обычное «обучение слушателей», не разрабатывая при этом дополнительные, целевые для этой специфической группы образовательные услуги. С таким положением обоснованно не согласен Ю. Айерданц: «... переименованное обучение слушателей не соответствует правильному и полноценному обучению сеньоров (пожилых людей)» [8, стр. 44].

По мнению Ю. Айерданца, вузы, не имеющие стандартов для «обучения сеньоров», не могут заявлять, что предлагают услуги до-

полнительного образования пожилым людям, поскольку учреждения не соответствуют трем основным критериям дополнительного образования: «Вузы не могут предложить своим слушателям возможность участия в регулярных университетских мероприятиях, в которых обеспечивается связь исследования и обучения, а предлагают лишь разрозненные мероприятия, проводимые преподавателями вуза, а также они не могут дать возможность проведения длительного, систематического и взаимосвязанного обучения» [8, стр. 48].

Рост числа обучающихся пожилых людей демонстрирует интерес не только к обучению и исследовательской деятельности в процессе обучения, но и их влияние на образовательную политику. При этом замечает И. Кризам, речь идет преимущественно о пожилых учащихся в статусе слушателей. Большое количество пожилых людей оформлены в вузах как «регулярные» учащиеся [11, стр. 15]. Основой целью своей учебы такие слушатели видят жизненный и профессиональный опыт и привносят его в университетскую исследовательскую работу.

Изучение исследований немецких авторов в области обучения пожилых людей показывают, что до сих пор много информации посвящалось тем пожилым людям, которые посещали вузы в качестве слушателей [9; 10; 11]. Однако И. Кризам заостряет внимание на том, что есть необходимость разделить слушателей пожилого возраста на две группы: те, кто традиционно посещает вуз в качестве слушателей, и те, кто являются участниками специально предложенного обучения для пожилых [11, стр. 6]. Группа пожилых людей, которая зачислены в университет со всеми правами и обязанностями, также как и обычные студенты, получают стандартное образование и до сих пор еще не попадали в поле зрения ученых.

Несмотря на различные формы организации при отдельных вузах, все же есть общие черты, которые и определяют обучение в старости: как правило, пожилые люди принимают участие в регулярных учебных мероприятиях вуза в качестве слушателей и интегрированы в университет. Учебные услуги для пожилых отличаются от обычного обучения студентов тем, что наряду с регулярными мероприятиями существуют дополнительные специфические услу-

ги для пожилых учащихся: индивидуальное учебное консультирование, вводные и сопроводительные мероприятия, а также специальный перечень лекций для пожилых людей.

В рамках организации самопомощи как формы обучения пожилых людей приведем несколько примеров. П. Цеман приводит следующие демонстрационные примеры: социальный работник, который меняет работу с молодежью на помощь пожилым людям и в конечном итоге переходит к самоорганизованной форме помощи и представлению интересов людей пожилого возраста; ушедшая на пенсию продавщица книг, которая в организации самопомощи привлекает пожилых людей к чтению; уважаемый учитель, который основывает народный институт для пожилых людей и т.п. [14, стр. 204]. Также известны примеры работы экспертных служб сеньоров и консультативных организаций пожилых людей в поддержку молодых основателей и передача им опыта при формировании или открытии учреждений для пожилых [14, стр. 205].

Во подобных случаях профессиональная квалификация является только частью преобразованных способностей в организации самопомощи. Наряду с квалификационными способностями на первый план выступают предметные знания (специальность) и умения, а также коммуникативные и этические компетенции. «Учиться друг от друга», как говорит Ю. Деттбарн-Реггентин, на примерах и передаче знаний от члена к члену; этот процесс состоит в обмене опытом об индивидуальных проектах, в сообщении об успешных событиях и неудачах и двусторонней взаимоподдержке [7, стр. 165]. Образовательный процесс продолжается в поиске решений, принятии целей и оптимальном осуществлении общих содержательных интересов. Организационный процесс, т.е. участие пожилых людей в организации, планировании и разработке образовательных мероприятий, и индивидуальное развитие активно взаимодействуют в организации самопомощи и оба способствуют дальнейшему успешному обучению и переквалификации людей пожилого возраста.

Целью образовательных услуг в организации самопомощи является открытие новых перспектив и положительного влияния про-

долженного обучения пожилых людей. О. Шеффтер утверждает, что искусство педагогического вмешательства в самоуправляемых учебных контекстах состоит в том, что побуждение к познанию нового выступает в качестве потребности познавательного процесса [12]. Способность к чему-либо, выявленная в процессе обучения у пожилых людей при помощи специалистов и применяемая в условиях определенной обучающей ситуации, усиливает контроль самосознания и заставляет активно работать с целью реализации собственных потребностей и интересов организации в соответствии с общественными целями.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Опыт немецких университетов третьего возраста, обеспечивающих постепенный переход человека от предпенсионного периода к постпрофессиональному, реализацию возможностей и интересов людей, разнообразие форм работы, является ценным источником обогащения, углубления и расширения теории и практики образования пожилых людей, в том числе применительно к российской действительности.

Система университетов третьего возраста в Германии органично вписана как в общую систему образования, являясь практическим воплощением идеи образования в течение всей жизни человека, так и в социально-производственную структуру немецкого общества.

Традиционной организационной формой образовательного учреждения для людей третьего возраста является интеграционная модель заведения, органично вписанного в систему высшего учебного заведения с незначительными отличиями в организации для удобства пожилых студентов. Разнообразие выбора в получении квалификации, повышения профессиональных знаний или научно-исследовательского развития, а также приобретение квалификационных сертификатов, все это предоставляется вузами Германии для пожилых.

Тенденциями развития образования пожилых людей следует определить увеличение внимания к образованию людей третьего

возраста; стремление образовательной системы к разнообразию образовательных форм; усиление профессиональной составляющей, дающей возможность использовать профессиональный опыт сеньоров; повышение значимости самого пожилого человека в выборе своего дальнейшего образования.

Список литературы

1. Вербицкий А.А., Рыбакина Н.А. Методологические основы реализации новой образовательной парадигмы. М.: Педагогика, 2014, № 2. С. 3-14.
2. Вершловский С. Г. Непрерывное образование: историко-теоретический анализ феномена. СПб. : СПБАППО, 2008. 151 с.
3. Высоцкая И.В. Становление и развитие университета третьего возраста в Германии; автореф. дисс. канд. пед. наук ВГСПУ, Волгоград, 2015. 27 с. <http://vgpu.org/sites/default/files/disfiles/avto-vysockaya.pdf> [21.06.2020].
4. Высоцкая И.В. Становление и развитие университета третьего возраста в Германии; дисс. канд. пед. наук ВГСПУ Волгоград, 2015. http://vgpu.org/sites/default/files/disfiles/dissertations/dissertaciya_vysockaya_pdf.pdf [21.06.2020].
5. Йованович Т.Г., Егоров В.В. Структура и содержание образования в американских школах на рубеже XIX –XX веков// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 6 (68): в 2-х ч. Ч.1. С. 85-88.
6. Митина А.М. Дополнительное образование взрослых за рубежом: Концептуальное становление и развитие. М.: Наука, 2004. 304 с.
7. Dettbarn-Reggentin, J. Altenselbsthilfe als Bildungsstätte. In: Dettbarn-Reggentin, Jürgen & Heike Reggentin (Hrsg.): Neue Wege in der Bildung Älterer. Band 2: Praktische Modelle und Projekte. Freiburg i. B.: Lambertus 1992, 162-175.
8. Eierdanz, J. Seniorenstudium in der Bundesrepublik Deutschland. Situation und Probleme wissenschaftlicher Weiterbildung älterer Menschen an den Hochschulen. Hrsg. Vom Bundesminister für Bildung und Wis-

- senschaft. Bad Honnef: Bock (=Schriftenreihe Studien zu Bildung und Wissenschaft: 90), Bonn 1990, 111 s.
9. Kaiser, M. Bildung durch ein Studium im Alter: Auswirkung der Teilnahme an einem allgemeinbildenden wissenschaftlichen Weiterbildungsangebot auf ältere Studierende. – Münster; New York; München; Berlin: Waxmann, 1997, S. 22-23.
 10. Klingenberger, H. Handbuch Altenpädagogik. Aufgaben und Handlungsfelder der ganzheitlicher Geragogik.- Bad Heilbrunn: Klinkhard, 1996, 267 s.
 11. Krisam, I. Zum Studieren ist es nie zu spät: statistische Daten, Sozialkulturelle Basis, Motivation, Inhalte und Gestaltung eines ordentlichen Studiums im dritten Lebensmittel. Münster; New York: Waxmann, 2002, 368 s.
 12. Schäffter, O. Perspektiven selbstbestimmter Produktivität im nachberuflicher Leben, in: Zeman, Peter (Hg.): Selbsthilfe und Engagement im nachberuflichen Leben, Regensburg 1999, S. 217-249, i.E.
 13. Schäffter, O. Zwischen Volkshochschule und Universität – das Berliner Studienbegleitprogramm als Leitfaden für selbstorganisiertes Lernen von Gasthörer/innen In: Dettbarn-Reggentin, Jürgen; Reggentin, Heike (Hrsg.): Neue Wege in der Bildung der Älterer, Band 2: Praktische Modelle und Projekte. Freiburg i. Br. 1992: Lambertus, S. 90-101.
 14. Zeman, P. Lernen in Selbsthilfeorganisationen in: Becker, Susanne/Veelken, Ludger/ Vallraven, Klaus Peter (Hg.): Handbuch Altenbildung. Theorien und Konzepte für Gegenwart und Zukunft.- Opladen: Leske+Budrich, 2000, S. 202-207.

References

1. Verbitsky A.A., Rybakina N.A. *Metodologicheskie osnovy realizacii novoj obrazovatel'noj paradigmy* [Methodological foundations for the implementation of a new educational paradigm] *Pedagogika*, 2014, No. 2. Pp. 3-14.
2. Vershlovsky, S. G. *Nepřerывное образование: istoriko-teoreticheskij analiz fenomena* [Continuous education: historical and theoretical analysis of the phenomenon]. SPb., SPbAPPO , 2008. 151 p.

3. Vysotskaya I.V. *Stanovlenie i razvitie universiteta tret'ego vozrasta v Germanii* [Formation and development of the third age University in Germany]: Abstract of Diss. ... of Ph.D. in Pedagogy. Volgograd, 2015. 27 p. <http://vgpu.org/sites/default/files/disfiles/avto-vysockaya.pdf> [21.06.2020]
4. Vysotskaya I.V. *Stanovlenie i razvitie universiteta tret'ego vozrasta v Germanii* [Formation and development of the University of the third age in Germany]: Diss. ... of Ph.D. in Pedagogy. Volgograd, 2015. 224 p. http://vgpu.org/sites/default/files/disfiles/dissertations/dissertaciya_vysockaya_pdf [21.06.2020]
5. Yovanovich T.G., Egorov V.V. *Struktura i sodержanie obrazovaniya v amerikanskih shkolah na rubezhe XIX–XX vekov* [Structure and content of education in American schools at the turn of the XIX-XX centuries]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2016. No. 6 (68). Pp. 85-88.
6. Mitina A.M. *Dopolnitel'noe obrazovanie vzroslyh za rubezhom: Konceptual'noe stanovlenie i razvitie* [Additional adult education abroad: Conceptual formation and development]. M.: Nauka, 2004. 304 p.
7. Dettbarn-Reggentin, J. *Altenselbsthilfe als Bildungsstätte*. In: Dettbarn-Reggentin, Jürgen & Heike Reggentin (Hrsg.): *Neue Wege in der Bildung Älterer*. Band 2: *Praktische Modelle und Projekte*. Freiburg i. B.: Lambertus 1992, 162-175.
8. Eierdanz, J. *Seniorenstudium in der Bundesrepublik Deutschland. Situation und Probleme wissenschaftlicher Weiterbildung älterer Menschen an den Hochschulen*. Hrsg. Vom Bundesminister für Bildung und Wissenschaft. Bad Honnef: Bock (=Schriftenreihe Studien zu Bildung und Wissenschaft: 90), Bonn 1990, 111 s.
9. Kaiser, M. *Bildung durch ein Studium im Alter: Auswirkung der Teilnahme an einem allgemeinbildenden wissenschaftlichen Weiterbildungsangebot auf ältere Studierende*. – Münster; New York; München; Berlin: Waxmann, 1997, S. 22-23
10. Klingenberger, H. *Handbuch Altenpädagogik. Aufgaben und Handlungsfelder der ganzheitlicher Geragogik*.- Bad Heilbrunn: Klinkhard, 1996, 267 s.

11. Krisam, I. Zum Studieren ist es nie zu spät: statistische Daten, Soziokulturelle Basis, Motivation, Inhalte und Gestaltung eines ordentlichen Studiums im dritten Lebensmittel. Münster; New York: Waxmann, 2002, 368 s.
12. Schäffter, O. Perspektiven selbstbestimmter Produktivität im nachberuflicher Leben, in: Zeman, Peter (Hg.): Selbsthilfe und Engagement im nachberuflichen Leben, Regensburg 1999, S. 217-249, i.E.
13. Schäffter, O. Zwischen Volkshochschule und Universität – das Berliner Studienbegleitprogramm als Leitfaden für selbstorganisiertes Lernen von Gasthörer/innen In: Dettbarn-Reggentin, Jürgen; Reggentin, Heike (Hrsg.): Neue Wege in der Bildung der Älterer, Band 2: Praktische Modelle und Projekte. Freiburg i. Br. 1992: Lambertus, S. 90-101.
14. Zeman, P. Lernen in Selbsthilfeorganisationen in: Becker, Susanne/ Veelken, Ludger/ Vallraven, Klaus Peter (Hg.): Handbuch Altenbildung. Theorien und Konzepte für Gegenwart und Zukunft.- Opladen: Leske+Budrich, 2000, S. 202-207.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Высоцкая Инна Владимировна, доцент кафедры «Иностранные языки», кандидат педагогических наук
*Волгоградский государственный технический университет
пр. им. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005, Российская Федерация
niphertity@gmail.com*

Йованович Тамара Георгиевна, доцент кафедры «Иностранные языки», кандидат педагогических наук
*Волгоградский государственный технический университет
пр. им. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005, Российская Федерация
srdjan@live.ru*

Алексеевко Наталья Валерьевна, старший преподаватель кафедры «Иностранные языки»
*Волгоградский государственный технический университет
пр. им. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005, Российская Федерация
Natalyalekseenko@mail.ru*

Лазарева Ольга Вячеславовна, старший преподаватель кафедры
«Иностранные языки»
*Волгоградский государственный технический университет
пр. им. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005, Российская Феде-
рация*
olgalazareva@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Vysotskaya Inna Vladimirovna, Associate Professor, Department of
Foreign Languages, Ph.D. in Pedagogy
*Volgograd State Technical University
28, Lenin ave., Volgograd, 400005, Russian Federation
nipherty@gmail.com
ORCID: 0000-0003-3407-9047*

Yovanovich Tamara Georgievna, Associate Professor, Department of
Foreign Languages, Ph.D. in Pedagogy
*Volgograd State Technical University
28, Lenin ave., Volgograd, 400005, Russian Federation
srdjan@live.ru
ORCID: 0000-0001-7701-6607*

Alekseenko Natalya Valerevna, Senior Lecturer, Department of For-
eign Languages, Ph.D. in Pedagogy
*Volgograd State Technical University
28, Lenin ave., Volgograd, 400005, Russian Federation
Natalyalekseenko@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6060-6632*

Lasareva Olga Vjacheslavovna, Senior Lecturer, Department of For-
eign Languages, Ph.D. in Pedagogy
*Volgograd State Technical University
28, Lenin ave., Volgograd, 400005, Russian Federation
olgalazareva@mail.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-2-232-247

UDC 30.304.2

THE CONCEPT OF UNIVERSITY IN KNOWLEDGE SOCIETY

Voinova A.A.

Purpose. *The article traces the dynamics of the “evolution” of the idea of university over several centuries and analyzes the sociocultural transformations taking place with the university in the modern digital society.*

Methodology. *The basis of the research are methods of theoretical generalizations, methods of classification, comparative and systemic methods.*

Results. *The generalization of views on university made it possible to distinguish two stages in the dynamics of the sociocultural role of it as a social institution: the stage of cultural orientation of the idea of university education and the stage of professional orientation. The sociocultural foundations of the first stage were the understanding of university as a social institution, the main mission of which is the formation of ideological attitudes that would be focused on humanistic and universal principles of life. University, in this case, acts as a translator of culture, its attitudes and values. The stage of vocational orientation is characterized by the understanding of the university as a professional educational institution that does not form the worldview foundations of a person. The university is a communication platform, a network organization, providing educational services - knowledge free from any philosophical, moral and ideological burdens. At this stage, the university provides private utilitarian knowledge, does not lead to a common understanding and experience of the unity of knowledge. A new economic model of the university comes, based on the transfer of pragmatic, narrowly professional, in-demand knowledge, which is assigned the status of goods and services.*

Practical implications. *The results of the research can be applied in the field of socio-economic forecasting in the field of higher education.*

Keywords: *idea of a university; digital society; classical university; university mission; knowledge economy.*

ИДЕЯ УНИВЕРСИТЕТА В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Воинова А.А.

Цель. В статье прослежена динамика «эволюционирования» идеи университета на протяжении нескольких столетий его развития и проанализированы происходящие с университетом в современном цифровом обществе социокультурные трансформации.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования составляют методы теоретических обобщений, приемы классификации, компаративистский и системный методы.

Результаты. Обобщение взглядов на университет позволило выделить два этапа в динамике социокультурной роли университета как социального института: этап культурной ориентации идеи университетского образования и этап профессиональной ориентации идеи университета. Социокультурными основаниями первого этапа стало понимание университета как социального института, основной миссией которого становится формирование мировоззренческих установок, которые были бы ориентированы на гуманистические и общечеловеческие принципы бытия. Университет, в этом случае выступает в качестве транслятора культуры, ее установок и ценностей. Этап профессиональной ориентации характеризуется пониманием университета как профессионального образовательного учреждения, не формирующего мировоззренческие основания человека. Университет представляет собой коммуникативную площадку, сетевую организацию, предоставляя образовательные услуги – знания, свободные от каких-либо философских, моральных и идеологических нагрузок. Университет на данном этапе дает частные утилитарные знания, не приводит к общему пониманию и переживанию единства знания. Приходит новая экономическая модель университета, основанная на передаче прагматичных, узкопрофессиональных, востребованных знаний, которым присваивается статус товара и услуги.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере социально-экономического прогнозирования в области высшего образования.

Ключевые слова: идея университета; цифровое общество; классический университет; миссия университета; экономика знаний.

The sociocultural transformation of modern society, taking place through the processes of globalization, informatization, universal digitalization and virtual communications, is changing the traditional educational model in the higher education system. New socio-cultural conditions create the preconditions for a radical transformation of not only the content, but also the ideological orientation of education. The humanistic component of education is being leveled, which was based on the idea of a comprehensive disclosure and formation of the spirit of the individual, upbringing of a person [5]. This idea is being replaced by a new economic model of the university, based on the transfer of pragmatic, narrowly professional, in-demand knowledge, which is assigned the status of goods and services.

How is the university changing today, what is happening with its status in the modern world? Is the model of «education» that the university has been reproducing for a long time changing? The university as a leading social institution responsible for the production and reproduction of knowledge is changing in response to the socio-cultural challenges of a transforming society. In order to understand how the idea of the university has changed throughout its existence, it is necessary to trace the historical and cultural dynamics of its development as a social institution.

The formation of the university as an institution of socialization, based on a humanistic goal and orientation, took place in the context of the process of intellectual assimilation of sociocultural experience, and the principle of humanism as a universal basis for the educational paradigm of the university took the form of reflexive anthropocentrism [14, p. 11].

The history of the creation of the university dates back to the Middle Ages. The search for truth becomes the subject of the university's activity: at the heart of its development is the classical type of philosophical thinking, which implies the presence of two opposite categories - truth and opinion. The University, as an institution of intellectual socializa-

tion, took on the function of seeking truth and scientific knowledge, which would be focused on humanistic values and attitudes – on an integral Universe [14, p.18].

It is this orientation of the university towards the cognition of the categories of the universal, lawful and general that has become its characteristic feature. It is within the framework of the European tradition that the university, with its specific orientation towards educational universality, has developed as a leading social institution responsible for the transmission of knowledge. Through the university, universalization through the «containment» of the entire completeness of collective experience into the individual was the first turned into the main condition for the reproduction of culture and the existence of society [17]. Such a cultural attitude had the main goal of forming a person not as a narrow professional, but as a generalist who owns the main body of theoretical and practical knowledge and, due to this, is capable of retaining the entire completeness of collective experience in the course of its further build-up [14].

The main goal of creating a medieval university was education, which was understood as an erection to the models of knowledge. It was knowledge and its transmission that underlay the idea of the university. Having arisen through the unification of various groups of people cultivating knowledge, connected by common interests, the university saw as its goal the pursuit of truth, which would exactly correspond to reality.

However, only in modern times the university begins to be considered from the point of view of the «usefulness» of the social function that it carries in itself. It is this period that is considered to be the time of the formation of the classical university. The main prerequisite and foundation for its formation was the development of the classical type of scientific rationality, which laid the foundations of classical university education. The main characteristics of the model of classical university education include such as confidence in the presence of absolute and unchanging foundations of knowledge, understanding the process of cognition as an endless building on knowledge, the perception of each object of cognition as strictly outlined and not related to other objects and the consideration of truth as the basis of knowledge [17].

It was the classic type of scientific thinking that contributed to the formation of a general, universal picture of the world, which would obey the fundamental principles and laws of being, which also had one common foundation. Therefore, the university was entrenched with a stable view as a social institution, transmitting only true knowledge, cleared of subjective attitudes. The classical type of scientific rationality raised scientific knowledge to a special rank, a special way of organizing knowledge, which became the epistemological basis of classical university education.

Throughout the history of the development of the classical model of the university, the idea of transmitting true knowledge has been closely linked with the idea of transmitting cultural patterns. This relationship was most clearly reflected in the Humboldt model of the university. At the beginning of the nineteenth century, the Friedrich Wilhelm University was founded in Berlin, and it was on its basis that this university model was first implemented.

The following provisions were put forward as the fundamental criteria of the Humboldt model of the university [8]:

1. The view on higher education as a simple form of transferring pragmatic knowledge, which can be assessed only by its usefulness and practical application, was rejected.
2. Priority was given to both theoretical and empirical knowledge, as opposed to the prevalence of practical knowledge earlier.
3. The humanities direction in education was positioned as a necessary element of any university. Only the humanitarian component, according to Humboldt, could contribute to the development of a harmonious personality.

The Humboldt University model implied the mandatory autonomy of the university, which found expression in the freedom of teaching and learning. But the main distinguishing feature of this model is the integration of educational and research functions within the university. Thus, already in the 19th century, the university model proposed by Humboldt became the prototype of the model of the modern research university.

Humboldt saw a special mission for higher education, clearly distinguishing the university from other professional educational institutions.

In his opinion, only university graduates have a sufficiently developed, deep thinking, which could be called «innovative» today.

The vision of the university model was proposed in 1852 by the English cardinal John Henry Newman. In his work “The Idea of a University” he defined the university as self-valuable and autonomous from the church or the state. In his opinion, the idea of a university is to perform three main functions [12]:

- production of knowledge as an intellectual product;
- learning or reproduction of this knowledge;
- educational or spiritual impact on students. University education, according to J. Newman, must first of all be a way of transmitting and educating the spiritual through the transmission of intelligence.

The university should not only provide an increment and transfer of theoretical and empirical knowledge, but also form a holistic, universal, comprehensive picture of the world and a real view of the events in students. Newman considered the main disadvantage of narrowly professional higher educational institutions their too limited specialization, adherence to a narrow circle of principles and methods of scientific research. Only an interdisciplinary approach in the interrelation of sciences, in his opinion, is able to create a model of «holistic, true and universal» [15] knowledge.

Carl Jaspers sees the idea of a university as consonant with the model of a research university, in whose opinion researchers and students complement each other perfectly, pursuing a common goal – the search for objective knowledge. The university, as noted by Jaspers, is an important social institution, where «the identity of the era is cultivated» [19]. Its goal is the search for true knowledge that can only be discovered as a result of incessant scientific research.

Thus, the idea of the classical K. Jaspers University is based on the fact that it should be based not only on the leading achievements in the field of fundamental natural and engineering sciences, but also from the field of humanitarian knowledge. The views we have considered above on the idea of a university, its functions and missions performed in soci-

ety allow us to trace the specifics of the university as a cognitive social institution. First of all, the categories of knowledge and truth form the basis of classical university education, which have created a general idea of the so-called «idea of the university».

Naturally, the idea of a university is not formed by itself, its formation was facilitated by special sociocultural characteristics and patterns. In order to identify the main criteria of the classical model of the university, it is necessary to consider the sociocultural foundations of its activities, which had a significant impact on the development of the university.

The following provisions can be considered the main socio-cultural foundations of the development of a classical university [17]:

- The educational and research activities of the university are based on the principle of classical scientific rationality, which is based on the laws of logic, universal, universal and objective laws of nature and society.
- The university develops disciplinarity as the analytical foundation of classical science.
- The search for objective and absolute truth, self-valuable in itself, is a direct measurement of the educational and research activities of the university.
- The University is autonomous and independent, independently determines the criteria of true knowledge and transmits it to the society.
- The high level of basic research does not negate the interest in empirical research.
- Knowledge is viewed as an intrinsic value, as a spiritual and cultural category, and not only as a practical tool for professional use.
- Understanding of the idea of the university as the production and reproduction of not only established knowledge, but also cultural patterns.

Taking the principles of the organization of classical science as a basis, the classical university is interpreted through such categories as stability, stability, homogeneity, and non-dynamism.

Along with a positive assessment of these categories, which speak of the stability and immutability of such a social institution as a university,

we can say that such characteristics as stability and non-dynamism, in turn, rather indicate the «sluggishness» of the system to sociocultural changes. In addition, «non-developing» and «inflexible» become synonyms of «bureaucratic» as inherent in traditional university management [3].

The onset of the post-industrial state of the social order with its economic dominant and market relations raised the issue of the place and role of the university in the social structure. In the new economic conditions, when everything becomes a service and a commodity, the university can no longer exist autonomously and have its own special inviolable status of a separate «state within a state». The university, like any other social institution, now needs to meet the requirements of financial efficiency.

This idea was already outlined in his works by the American economist Thorstein Veblen at the beginning of the 20th century. It was in the ability to easily adapt and adapt to changing sociocultural conditions that Veblen saw the main meaning of higher education.

According to T. Veblen's theory, the university, as a social institution, responsive to any sociocultural changes, must necessarily be built into the existing socio-economic system and meet its requirements. Scientific and technological progress, active development of science, demand for practical narrow professional skills - all this created the preconditions for the gradual transformation of the university into a narrow professional higher educational institution, the main priority of which is mastering a narrow set of specialized practice-oriented knowledge and skills, and the formation of education and cultural values is reduced to no. The knowledge produced and reproduced at the university now began to act as a product and service, and scientific research – as a by-product of production activities [4].

Thus, since the twentieth century, the role and functions of the leading educational social institution have been rethought and transformed into the so-called «utilitarian» idea of the university.

Representatives of utilitarianism associated the development of the research potential of the university with the progress of scientific knowl-

edge and the subsequent introduction of research results into production processes [18]. From now on, the university began to be considered as an economic entity that is directly interwoven into the system of market relations. Classical education came to be seen as a wasteful and archaic property of the idle classes, which contains a complex of fantastic uselessness.

The original concept of understanding the idea of a university was put forward by the American researcher Abraham Flexner. In his works, he undertook a kind of attempt to re-comprehend the idea of the university, but already in the era of the formation of a post-industrial society.

Unlike other researchers who were concerned with understanding the role and place of the university in society, Flexner paid special attention to the social mission of the university. It was at the university that he saw that social force that would be able to solve serious social problems, find a way out of the critical situations that had developed in society and take responsibility for further social transformations. At the university, Flexner sees a reflection of his era and therefore gives him such a characteristic as «modern», explaining that the university always belongs to a certain time and is inside, but not outside the social structure of society at various stages of its development [20].

J. Ortega y Gasset paid particular attention to the consideration of the university as a special social institution. He, like previous researchers, turns his attention to the problem of transforming higher education into highly specialized education, which inevitably leads to the emergence of a huge number of «a kind of knowledgeable ignoramus». These «communicating ignoramuses» possess a certain set of professional skills, but do not possess the sum of ideas about the nature of phenomena, which allows us to call them «the mass inhabitant» [13].

The German philosopher Karl Jaspers holds a special place among the researchers involved in understanding the idea of the university. His ideas that the university should first of all be seen as a phenomenon of spiritual culture are consonant with the ideas of Ortega y Gasset. The most important influence of the university on the personality is educational and spiritual.

The idea of a university, according to Jaspers, should not have a national or state character, but should be expressed in «the search for the ideals of truth, freedom and justice in this unfree, unjust world» [19]. The social mission of the university as a leading cognitive social institution, according to Jaspers, should be to select the most capable and talented individuals. An educated person after graduation will be able to apply their deep knowledge to a wider range of activities than a narrow specialist can.

Summarizing all of the above, it is possible to trace the dynamics of the evolution of the idea of a university by analyzing the sociocultural transformations, due to which the university becomes a leading social institution responsible for the integration of education and science and the creation of new sociocultural forms. In our opinion, the evolution of the idea of a university contains an unchanging and stable core of ideas about it, which is expressed in understanding the educational value of the content of university knowledge, as well as the idea of an indirect or direct influence of the university on the development of society. Until modern times, the influence of the university on social development was considered insignificant. Only after, with the development of scientific knowledge and the active development of technology, the idea of the need for the reproduction of professional personnel by the university received recognition. At the same time, more and more calls were heard from social philosophers to warn universities against too narrow a specialization and the need to preserve cultural function.

Generalization of views on the university, its sociocultural foundations and functions made it possible to distinguish two stages in the dynamics of the sociocultural role of the university as a social institution: the stage of cultural orientation of the idea of university education and the stage of professional orientation of the idea of the university. The sociocultural foundations of the first stage were the understanding of the university as a social institution, the main mission of which is the formation of ideological attitudes, focused on humanistic and universal principles of being. The university, in this case, acts as a translator of culture, its attitudes and values.

The stage of vocational guidance is characterized by the understanding of the university as a professional educational institution that does not aim at influencing a person's worldview. The university is a communication platform, a network organization, providing educational «services» – knowledge free of any philosophical, moral and ideological burdens [16]. At this stage, the university provides private utilitarian knowledge.

Thus, there is a transformation of the traditional ideas of education: the leveling of the humanistic component, which was based on the idea of «comprehensive disclosure and formation of the spirit of the individual, education of a person». This idea is being replaced by a new economic model of the university, based on the transfer of pragmatic, narrowly professional, utilitarian knowledge that is assigned the status of goods and services [21].

We are dealing with ever growing technological processes that have an impact on almost all spheres of society. In the conditions of a technogenic civilization, not only high professional qualities of specialists, but also their humanitarian training are in demand. Because only the humanitarian, human component will make it possible to avoid excessive fetishization of various technical means created for life, and through their possession to solve problems caused by the inept use of technical means [6].

In modern conditions, the problem of a person's responsibility for the formation of his own personality becomes more urgent than ever: the place and role of a person is no longer determined by his prescribed status, but this status is formed and achieved by him independently, and it is directly related to the level of education received by the individual. Therefore, it is necessary to preserve the general cultural component at the university, without reducing higher education to the level of a highly specialized professional educational institution [9].

We believe that only the movement of the university towards the predominance of its cultural component in its idea is capable of creating a dialogue between engineering, technical, natural science and humanitarian cultures. The university should be a kind of cognitive space in which

the synthesis of natural and humanitarian knowledge takes place, which will allow to form a universal, universal type of thinking. Knowledge should not only provide the filling of the necessary professional competencies, but also be focused on moral and spiritual meanings, be the basis for building humanistic worldview principles aimed at overcoming technocratic thinking. The fundamental nature of university education should create the preconditions for the formation of project and predictive thinking among specialists [2, p. 23].

If education is interpreted as the disclosure of the human personality, his individuality and originality, then the principle of humanism, which defines a person as the highest value, should form the basis of the educational model of higher education. The university as a social institution, performing primarily a cognitive mission, needs to contribute to the implementation through the educational process of the axiological interpretation of the relationship between nature, man and society, which has the status of a necessary condition for the implementation of the cultural and humanistic function of university education.

Only such an approach will allow solving the problem of education and its responsibility to society. If the renewal of the education system, in fact, will allow achieving a correct understanding of issues of ethnic, religious, gender and social nature, then, obviously, in a knowledge-based society all social relations and institutions will change, most problems will be resolved, which seem insoluble within the framework of modern society [7].

References

1. Alekseeva I.Yu. Obshchestvo znaniy i gumanitarny'e tekhnologii [Knowledge society and humanitarian technologies]. *Koncepciya «obshchestva znaniya» v sovremennoj social'noj teorii: Sb. nauch. tr. Ser. Teoriya i istoriya sociologii* [The concept of “knowledge society” in modern social theory: Sat. scientific. tr. Ser. Theory and history of sociology] / ed. D.V. Efremenko. M.: RAN INION, 2010. P. 94-115.
2. Alekseeva I.Yu. *Chto takoe obshchestvo znaniy?* [What is a Knowledge Society?]. M: Kogito-Centr, 2009. 96 p.

3. Ashkerov A. *E`kspertokratiya. Upravlenie znaniyami: proizvodstvo i obrashhenie informacii v e`poxu ul`trakapitalizma* [Expertocracy. Knowledge management: production and circulation of information in the era of ultracapitalism]. M.: Evropa, 2013. 170 p.
4. Veblen T. *Teoriya prazdnogo klassa* [The theory of the Leisure Class]. M.: Progress, 1984. 506 p.
5. Gumbol` dt V. O vnutrennej i vneshnej organizacii vy`sshix nauchny`x zavedenij v Berline [Internal and external organization of higher scientific institutions in Berlin]. *Sovremennyy`e strategii kul`turologicheskix issledovanij* [Modern strategies of cultural studies]. M.: AST, 2000. P. 68-83.
6. Danielyan N.V. Usilenie roli «zhivogo znaniya» pri perexode k obshhestvu znaniy: proekt i real`nost` [Strengthening the role of «living knowledge» in the transition to a knowledge society: project and reality]. *Iy`sshee obrazovanie v Rossii*. 2017. № 3. P. 71-77.
7. Delokarov K.X. Yavlyaetsya li «obshhestvo, osnovannoe na znaniyax» novy`m tipom obshhestva? [Is the «knowledge society» a new type of society?]. *Koncepciya «obshhestva znaniya» v sovremennoj social`noj teorii: Sb. nauch. tr. Ser. Teoriya i istoriya sociologii* [The concept of “knowledge society” in modern social theory: Sat. scientific. tr. Ser. Theory and history of sociology] / ed. D.V. Efremenko. M.: RAN INION, 2010. P. 11-38.
8. Zaxarov I.V., Lyaxovich E.S. *Missiya universiteta v evropejskoj kul`ture* [University mission in European culture]. M.: Fond Novoe ty`syacheletie, 1994. 239 p.
9. Koval` T.I. Znanievoe obshhestvo [Knowledge Society]. *Vestnik Rossijskogo filosofskogo obshhestva*. 2013. № 1. P. 89-98.
10. Konstantinov G.N., Filonovich S.R. Universitety`, obshhestvo znaniya i paradoksy` obrazovaniya [Universities, the Knowledge Society and the Paradoxes of Education]. *Teoreticheskie i prikladny`e issledovaniya*. 2017. № 4. P. 106-126.
11. Lukov Val. A. Sociologiya studenchestva i stanovlenie normativno-cennostnoj orientacii studenta v svoem vuze [Sociology of Students and the Formation of a Normative-Value Orientation of a Student in University]. *Gorizonty` gumanitarnogo znaniya*. 2018. № 3. P. 30-20.

12. N'yumen Dzh. G. *Ideya universiteta* [The Idea of a University]. Minsk.: BGU, 2006. 208 p.
13. Ortega-i-Gasset X. *Missiya universiteta* [The mission of a University]. Mn.: BGU, 2005. 104 p.
14. Ry`bin V.A. *Universitet XXI veka: Antropologicheskie perspektivy` obrazovaniya i kul`tury`* [University of the XXI Century: Anthropological Perspectives of Education and Culture]. M.: Logos, 2012. 203 p.
15. Sapry`kin D.L. *Koncepciya obrazovaniya i nauki v «Idee universiteta» Dzh. N'yumana* [The concept of education and science in the «Idea of a University» by J. Newman]. *Istoriya nauki v filosofskom kontekste* [History of Science in a Philosophical Context]. SPb.: Aletejya, 2007. 71 p.
16. Stepanova S.N. *Transformaciya idei universiteta v e`volucioniruyushhem prostranstve* [Transformation of the idea of a university in an evolving space]: dis. kand. fil. nauk. Tomsk. 2011. 153 p.
17. Yampoľ'skaya L.I. *Konceptualizaciya klassicheskoy «idei universiteta» v neklassicheskom variante* [Conceptualization of the classical «idea of the university» in a non-classical version]. Tomsk: STT, 2014. 223 p.
18. Yarkova E. N. *Utilitarizm kak stimul samoorganizacii kul`tury` i obshhestva* [Utilitarianism as a stimulus for self-organization of culture and society]. *Obshhestvenny`e nauki i sovremennost`*. 2002. № 2. P. 88-101.
19. Yaspers K. *Ideya universiteta* [The Idea of a University]. Minsk: BGU, 2006. 159 p.
20. Flexner A. *Universities: American, English, German*. Oxford: Oxford University Press, 1930. 185 p.
21. Voinova A. *Third Generation University Mission: Challenges of Modern Society*. *Modern Studies of Social Issues*. 2017. № 4. P. 364-376

Список литературы

1. Алексеева И.Ю. *Общество знаний и гуманитарные технологии // Концепция «общества знания» в современной социальной теории: Сб. науч. тр. Сер. Теория и история социологии / Отв. ред. Д.В. Ефременко. М.: РАН ИНИОН, 2010. С. 94-115.*
2. Алексеева И.Ю. *Что такое общество знаний? М: Когито-Центр, 2009. 96 с.*

3. Ашкеров А. Экспертократия. Управление знаниями: производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма. М.: Европа, 2013. 170 с.
4. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 506 с.
5. Гумбольдт В. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Современные стратегии культурологических исследований. М.: АСТ, 2000. С. 68-83.
6. Даниелян Н.В. Усиление роли «живого знания» при переходе к обществу знаний: проект и реальность // Высшее образование в России. 2017. № 3. С. 71-77.
7. Делокаров К.Х. Является ли «общество, основанное на знаниях» новым типом общества? // Концепция «общества знания» в современной социальной теории: Сб. науч. тр. Сер. Теория и история социологии / Отв. ред. Д.В. Ефременко. М.: РАН ИНИОН, 2010. С. 11-38.
8. Захаров И.В., Ляхович Е.С. Миссия университета в европейской культуре. М.: Фонд Новое тысячелетие, 1994. 239 с.
9. Коваль Т.И. Знаниевое общество // Вестник Российского философского общества. 2013. № 1. С. 89-98.
10. Константинов Г.Н., Филонович С.Р. Университеты, общество знания и парадоксы образования // Теоретические и прикладные исследования. 2017. № 4. С. 106-126.
11. Луков Вал. А. Социология студенчества и становление нормативно-ценностной ориентации студента в своем вузе // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 3. С. 30-20.
12. Ньюмен Дж. Г. Идея университета. Минск.: БГУ, 2006. 208 с.
13. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. Мн.: БГУ, 2005. 104 с.
14. Рыбин В.А. Университет XXI века: Антропологические перспективы образования и культуры. М.: Логос, 2012. 203 с.
15. Сапрыкин Д.Л. Концепция образования и науки в «Идее университета» Дж. Ньюмана // История науки в философском контексте. СПб.: Алетейя, 2007. 71 с.
16. Степанова С.Н. Трансформация идеи университета в эволюционирующем пространстве: дис. канд. фил. наук. Томск. 2011. 153 с.

17. Ямпольская Л.И. Концептуализация классической «идеи университета» в неклассическом варианте. Томск: СГТТ, 2014. 223 с.
18. Яркова Е.Н. Утилитаризм как стимул самоорганизации культуры и общества // *Общественные науки и современность*. 2002. № 2. С. 88-101.
19. Ясперс К. Идея университета. Минск: БГУ, 2006. 159 с.
20. Flexner A. *Universities: American, English, German*. Oxford: Oxford University Press, 1930. 185 p.
21. Voinova A. *Third Generation University Mission: Challenges of Modern Society* // *Modern Studies of Social Issues*. 2017. № 4. P. 364-376

DATA ABOUT THE AUTHOR

Voinova Alena Aleksandrovna, Assistant Professor of the Department of Sociology and Humanities
Dubna State University
19, Universitetskaya Str., Dubna, Moscow Region, 141980, Russian Federation
parizhanka1@rambler.ru

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Воинова Алена Александровна, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук
Государственный университет «Дубна»
ул. Университетская, 19, г. Дубна, МО, 141980, Российская Федерация
parizhanka1@rambler.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-2-248-265

УДК 316.6

ДОВЕРИЕ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА НА ПРИМЕРЕ КОВИД-19

Гуриева С.Д., Клипова Н.В.

В кризисных ситуациях люди ведут себя по-разному. Различие в таких ситуациях обусловлены не только индивидуальными особенностями людей, но и культурными различиями в разных странах. Но особое место среди культурных различий занимает вопрос доверия.

Существуют разные определения доверия в зависимости от области знаний, но для этой статьи под доверием понимается личное отношение к другим. Ф. Фукуяма изучал вопросы доверия в культурно-историческом контексте и разработал модели появления доверия в разных странах.

В любой культуре доверие является важным компонентом. Э. Мейер считает, что именно культура является основополагающим аспектом в кросс-культурном взаимодействии людей, а не индивидуальные особенности личности. Э. Мейер для описания культурных различий в разных странах использует модель кросс-культурного взаимодействия, в котором одним из показателей является доверие.

Уровень доверия в обществе является одним из способов эффективного преодоления кризиса. Кризисная ситуация развивается и состоит из этапов от зарождения до затухания. На примере Ковид-19 в кризисных ситуациях одни и те же предпринимаемые меры правительствами разных стран могут иметь разные последствия. Но при наличии доверия эти меры могут быть наиболее эффективными.

Ключевые слова: доверие; культура; кризис; кросс-культурное взаимодействие; этапы кризиса; КОВИД-2019.

TRUST AS A WAY TO OVERCOME THE CRISIS ON THE EXAMPLE OF COVID-19

Gurieva S.D., Klipova N.V.

In a crisis situation people can behave differently. The difference in behavior in crisis situations is caused not only by individual characteristics of people, but also by cultural and national differences in various countries. But a special place among cultural differences is occupied by the issue of trust.

Depending on the field of knowledge different definitions of trust are used. In this article we understand trust as a subjective personal attitude to others. Fukuyama also studied trust issues in the cultural-historical context and developed trust models in different countries. Trust is an important component in any culture. E. Meyer says that culture is the fundamental aspect in the cross-cultural interaction of people, not the personal characteristics of the individual. E. Meyer to describe cultural differences in different countries uses a model of cross-cultural interaction, in which one of the criteria is trust.

The level of trust in the society is one of the ways to overcome the crisis effectively. The crisis situation develops and consists of stages from birth to attenuation. In the example of COVID-19 – in crisis situations the same measures taken by governments of different countries may have different consequences. But when there is trust, these measures can be most effective.

Keywords: *trust; culture; crisis; cross-cultural interaction; stages of the crisis; COVID-2019.*

Введение

Мировой кризис, вызванный вирусом КОВИД-19, относится к области здравоохранения, но имеет разрушительные последствия, как для экономики стран, так и для здоровья населения, в том числе психологического здоровья населения. Стратегия выхода из кризиса обеспечивается проведением мероприятий, связанных с борьбой по распространению вируса.

Одним из важных компонентов в вопросах связанных с эффективностью реализуемых властями ограничительных мер является доверие. Целью работы является определение роли доверия в преодолении кризиса на примере КОВИД-19. Задачами данной работы является определение: места доверия в культурных контекстах, культурных различий на примере выбранных стран; этапов прохождения кризиса на примере КОВИД-19.

Влияние культуры на поведение в условиях кризиса

В кризисных ситуациях люди по-разному могут вести себя, у каждого включаются свои защитные психологические механизмы и копинг-стратегии – кто-то мобилизуется, и тогда включаются все возможные индивидуальные человеческие способности и ресурсы, а кого-то такая ситуация ввергает в противоположное состояние – опускаются руки и люди плывут по течению. Различия в поведении в кризисных ситуациях обусловлены не только индивидуальными особенностями людей, но и культурно-национальными различиями в разных странах.

Особое место в кросс-культурной коммуникации занимает доверие. В зависимости от области знаний (философия, религия, юриспруденция, психология и т.п.) используются разные определения доверия. В данной статье под доверием мы понимаем субъективное личностное отношение к другим (Гуриева С.Д., Борисова М.М., 2016).

Важнейшим фактором развития того или иного процесса, характеристики и проявления общества является общий контекст его существования, включающий исторические, культурные, политические, экономические аспекты. Также Ф.Фукуяма изучал вопросы доверия в культурно-историческом контексте и разработал модели доверия в разных странах. Он наиболее научно и емко определил доверие как «возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и со вниманием относиться к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами.» (Ф.Фукуяма, 2008). Им были выделены американская, немецкая, японская и китайская модели появления доверия, которые опираются на культурно-исторические

особенности развития данных народов с учетом светских, религиозных, экономических и политических обычаев и взглядов.

Доверие – важный компонент в любой культуре и является базисом успеха в бизнесе (Гуриева С.Д., Борисова М.М., 2017). Для ведения интернационального бизнеса, бизнеса в различных культурах, следует помнить, что для установления доверия разные культуры используют разные средства.

Э. Мейер выделяет два типа культуры по степени доверчивости – культуру персик и культуру кокос. К культуре персик относится Америка – легкая и дружелюбная коммуникация, контакт устанавливается быстро, но узнать «истинное я» очень сложно, как будто есть невидимая грань, через которую сложно проникнуть внутрь, как косточка у персика. Россия и Восточная Европа – это культура-кокос. В самом начале коммуникации устанавливается барьер. Коммуникация строго по делу. И для того, чтобы узнать собеседника ближе, необходимо создать эмоциональную связь, как будто пробиться через кокосовую оболочку, расположить к себе собеседника, и тогда он станет намного дружелюбнее. Такая коммуникация основана на доверии, и она более прочная. Установление доверия занимает много времени, но зато оно долговечно.

Э. Мейер в своей книге «Карта культурных различий» говорит о том, что именно культура является основополагающим аспектом в кросс-культурном взаимодействии людей, а не индивидуальные особенности личности.

К. Гирц американский ученый антрополог и этнолог рассматривал культуру, как средство, при помощи которого люди «общаются, обеспечивают связь времен и развивают свои знания по поводу того, как следует относиться к жизни. Культура – это понятийное множество, в пределах которого человеческие существа интерпретируют свой опыт и направляют свои поступки».

Национальная культура создается человеком и передается из поколения к поколению. Культура – среда, в пределах которой люди взаимодействуют, познают себя и строят отношения с внешним миром. Конкретная культура есть выражение того, как общности

людей организовывались в течение многих лет, чтобы совместно эффективно решать возникающие перед ними проблемы.

Ф. Тронпенаарс в книге «Национально-культурные различия в контексте глобального бизнеса» описывает модель культуры, состоящую из трех слоев. Внешним слоем, которого являются продукты человеческой деятельности и артефакты, символизирующие глубинные, базовые ценности и предпосылки относительно бытия. К среднему слою относятся нормы и ценности общности людей. Где под нормой понимается совместное знание членами общности, что есть «хорошо», а что есть «плохо», а ценности формируют само определение, что «хорошо», а что «плохо». К сердцевине культуры относится смысл бытия. Смысл бытия – продукт коллективной мозговой деятельности общества, главной ценностью которой для людей является право на выживание. Все слои зависимы друг от друга и взаимно дополняют друг друга.

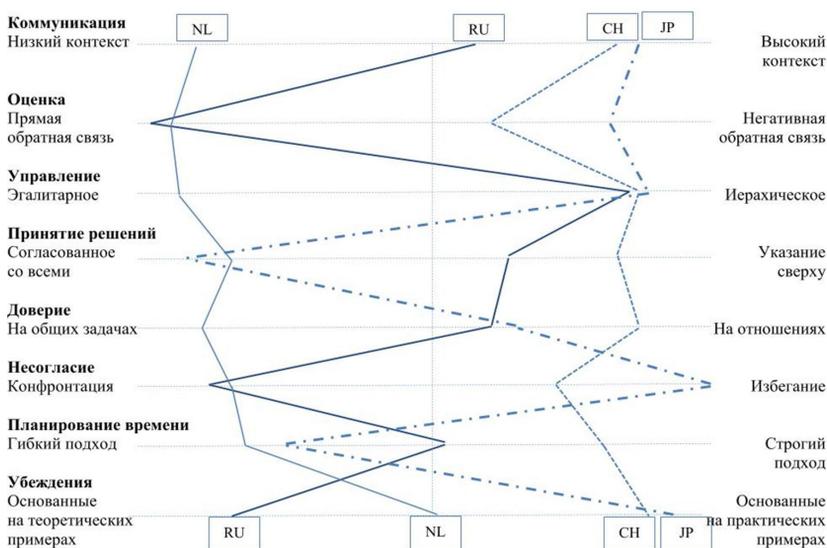

Рис. 1. Карта культурных различий на основе модели Э.Мейер

Каждый человек уникален, но для эффективного кросс-культурного взаимодействия необходимо знать и брать во внимание

особенности культурной модели человека. Для сравнительного анализа нескольких стран (Россия (RU), Китай (CN), Япония (JP), Нидерланды (NL)) используем модель кросс-культурного взаимодействия по Э. Мейер.

Как видно на рисунке 1, исходя из карты культурных различий, в российской и японской деловой культурах доверие основывается на отношениях. Э. Мейер выделяет шкалу «Доверие» и подразделяет ее на доверие, основанное на общих задачах, свойственное такой стране как Нидерланды; и доверие, основанное на отношениях, – России, Японии, Китаю. В первом случае деловые сделки осуществляются на основании официальной статистики, отзывов, оценки, во втором – чаще всего это личные контакты, персональные оценки.

Вместе с тем Япония, в отличие от России, относится к высококонтекстной культуре. Основной смысл передается намеками, в речи используются идиомы. Задача собеседника – внимательно слушать и слышать, улавливать то, что остается между строк, «слушать воздух». Это видно на шкале «Коммуникация», в которой выделяется культура с низким контекстом и культура с высоким контекстом. Культура с низким контекстом означает, что при коммуникации собеседник может воспринимать только то, что ему говорят, не ища информацию «между строк», таким образом, это четкая, прямолинейная коммуникация. Культуре с высоким контекстом наоборот свойственна передача информации посредством намеков. Вся основная информация остается недосказанной. Для взаимодействия с культурами высокого контекста основным «залогом успеха» является умение слушать, а также улавливать и понимать намеки. Вместе с тем необходимо помнить, что представители культур с высоким контекстом в диалоге будут «домысливать» и искать смысл между строк. Нидерланды – культура низкого контекста, Япония и Китай – культуры высокого контекста. Россия, согласно исследованию Э.Мейер, на шкале расположена посередине, таким образом можно сказать, что она является представителем среднего контекста.

Анализируя шкалу «Несогласие» следует отметить, что представители России готовы выражать свое несогласие. Это может

послужить триггером дискуссии. Конфронтации при несогласии для таких стран приемлема. Она относится к деловой сфере и не связана с личностью. Для Японии конфронтация недопустима. Они выбирают модель избегания. Профессиональная конфронтация будет оценена как личностная.

Важным аспектом в успешной кросс-культурной коммуникации, по мнению Э. Мейер, является знание различий в способах получения и принятия негативной обратной связи, которую отражает шкала «Оценка». Выделяется: прямая негативная обратная связь и косвенная негативная обратная связь. Прямая негативная обратная связь – яркими представителями являются Россия и Нидерланды, представляет собой конкретную, часто эмоциональную обратную связь, с использованием слов усиливающих, нагнетающих проблему. Такие приемы помогают акцентировать внимание на проблеме. Без этого представители таких культур могут не воспринять в серьез сказанное. Косвенная негативная обратная связь основана в основном на позитивной обратной связи, а негативные аспекты (ошибки, проблемы) будут скрыты и смягчены. Представителем такой культуры является Китай. Японская же культура имеет еще более сложную форму негативной обратной связи. Как правило, критика в данной культуре представляет собой полное отсутствие критики, то есть вы получите позитивную обратную связь, а про то, что нужно исправить вам просто не скажут. И отсутствие обратной связи по какому-либо вопросу означает, что данный вопрос требует доработки.

При этом в японской культуре спорные моменты в деловой коммуникации стараются обходить, так как конфуцианская этика предполагает, что мнение каждого члена команды является авторитетным и открытое несогласие с его мнением может быть трактовано как персональное неуважение. Полной противоположностью этому является Россия. В российской культуре для передачи обратной связи свойственно использование усиливающих негативную окраску слов, несогласие может перерасти в открытые бурные споры. В российской культуре «в споре рождается истина». В японской культуре можно лишь намекнуть, но не оспорить.

В тоже время, в Японии и России ярко-выраженная иерархическая структура подчинения и лидер в Японии обладает непоколебимым авторитетом, однако, в японской культуре решения принимаются в основном коллегиально и ответственность за это решение коллегиальная, а в российской культуре решение принимает и несет ответственность за него руководитель, что можно увидеть по уровню показателей данных стран на шкалах «Управление» и «Принятие решений».

Шкала «Управление» подразделяется на эгалитарную культуру управления и иерархическую. Эгалитарное управление свойственно Нидерландам. Оно подразумевает под собой минимальную дистанцию власти. Руководитель и подчиненный взаимодействуют на одном уровне. Иерархическую культуру управления придерживаются следующие страны: Япония, Китай, Россия. В этой модели управления четко структурированы уровни подчинения. Более того, пропустить уровень подчинения и дать указания более младшему сотруднику, минуя его руководителя, может быть косвенным признаком скорого увольнения этого руководителя, которого пропустили. Шкала «Принятие решений» показывает, что в Японии и Нидерландах решения принимаются коллегиально и при этом долго. В этой культуре принятия решения редко встретишь безоговорочно принятых единоличных решений и указаний. Однако такие решения менее гибки и в случае изменения ситуации потребуется много времени для изменения данного решения. В Китае и в России полностью противоположная культура принятия решений. Оно принимается руководителем и передается к выполнению без лишних обсуждений. Такие решения принимаются и меняются в случае необходимости быстро. Ответственность за это решение всегда индивидуальна.

Существенной разницей в культурах является способ убеждения: японская культура аргументирует свою позицию сначала озвучив свое решение, а уже потом обосновывает общими правилами, Россия же делает наоборот: сначала теоретическая база и ответ на вопрос «как пришли к такому решению» и уже в конце озвучива-

ется решение. Шкала «Убеждение» подразделяется на убеждения, основанные на теоретических примерах (от общего к частному) и убеждения, основанные на практических примерах. Убеждения, основанные на теоретических примерах (от общего к частному). Это свойственно России. В коммуникации представители данной культуры начнут аргументацию с «источков», с ответа на вопрос: Как были получены выводы? И только потом перейдут к выводам. Убеждения, основанные на практических примерах. Представителями данной границы шкалы являются Япония и Китай. Данным культурам свойственно начинать свое убеждение с конкретных действий, а потом уже обосновывать эти действия теорией. Эта шкала очень важна для кросс-культурной коммуникации и для эффективного взаимодействия разных культур.

Последнюю, восьмую, шкалу Э.Мейер выделяет шкалу «Планирование времени». Для Японии время является особой ценностью, и они строго придерживаются распланированного тайминга. Какое-либо внезапные изменения разбалансирует согласованный заранее день. Гибкость подхода ко времени свойственна стране, такой как Китай. Такая страна с легкостью меняет заранее запланированные планы. Ценностью в их культуре является гибкость подхода. Россия находится на этой шкале посередине. Не стоит забывать об относительности данной модели, так как, например, русская культура относительно японской более гибко относится ко времени, но, в тоже время, намного менее гибко по сравнению с китайской культурой. Таким образом, представителям китайской культуры для эффективной межкультурной коммуникации стоит быть более пунктуальными, а представителям иных культур следует быть более толерантными к задержкам со стороны представителей китайской культуры.

Доверие как эффективный способ преодоления кризиса (на примере КОВИД-19)

В каждом обществе, организации возможны появления кризисных ситуаций, затрагивающих разные аспекты функционирования

и существования целостности и стабильности. Каждая организация, независимо от ее размера и опыта ведения бизнеса, подвержена воздействию кризиса. Кризисная ситуация может восприниматься по-разному, от точки полного отрицания и непризнания, до активного погружения и стремления найти наиболее приемлемые способы ее разрешения. Не случайно слово «кризис» на китайском языке состоит из двух иероглифов, один из которых – опасность, а другой – благоприятная возможность (Минг-Джер Чен, 2004).

Основной элемент, способствующий решению или разрешению сложных кризисных ситуаций, доверие – честность, открытость и откровенность в отношении к другим людям. Доверие и эффективное руководство в стабильной ситуации позволяют обществу или компании нарастить такой ресурсный потенциал, который в ситуации кризиса, с наиболее высокой вероятностью, поможет выживанию, выходу из кризиса. Э. Деминг писал, что истинный показатель уровня доверия, положительная динамика доверия проявляется именно в кризисной ситуации, когда предоставляется лучшая возможность проявить обеим сторонам истинный уровень своего доверия (Деминг, 2007).

Затрагивая вопрос о причинах возникновения мировых, масштабных кризисов, выделяют четыре типа кризисов, которые имеют сокрушительные последствия и возникают по причине человеческого фактора (Fombrun, 2004). К ним могут быть отнесены такие как: «ошибки пилота» в выполнении рутинной, каждодневной работы; недостаточное внимание руководства к качеству продукта, товара, так называемый тип кризиса «некачественные исследования»; не является исключением «некачественное производство», ошибки в процессе производства; а также «некачественное руководство». Кризисы могут проявляться в разных формах, могут быть вызваны разными причинами, но каждый масштабный кризис может восприниматься как реальная угроза существованию и стабильности общества. Одним из самых ярких примеров проявления кризиса является ситуация с распространением вируса КОВИД-19.

Этапы прохождения кризиса на примере КОВИД-2019 представлены на рисунке 2.

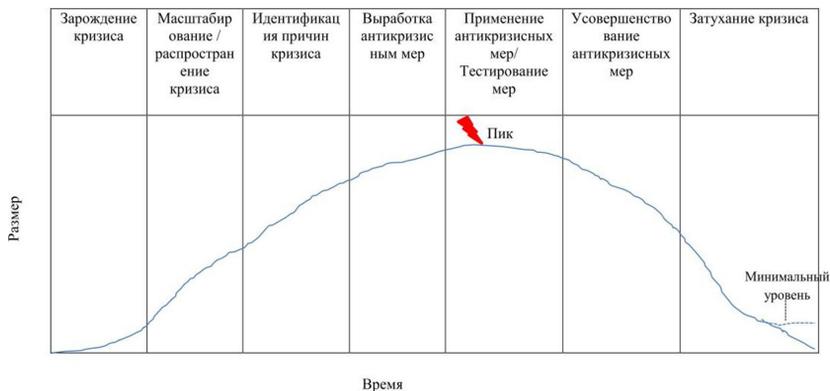

Рис. 2. Этапы прохождения кризиса на примере COVID-2019

«Зарождение кризиса» может произойти из-за несоблюдения мер безопасности, а также может носить случайный характер и не классифицироваться участниками как ситуация, которая потенциально может привести к кризису, тем более к глобальному кризису. Об угрозе или опасности осведомлен малый круг людей. Осведомленная группа людей старается обеспечить конфиденциальность информации об инциденте. Если участникам удастся на данном этапе локализовать проблему, то инцидент нейтрализуется, а в случае, если этого не происходит, то инцидент становится неуправляемым и переходит в стадию «Масштабирование/распространение кризиса». На данном этапе происходит экспорт вируса, появляется все большее количество зараженных людей, городов, стран. Появляется много публичной неофициальной информации. Следующим этапом является «Идентификация причин кризиса». Официальные ответственные органы власти предпринимают меры по поиску первопричины, источника случившегося инцидента. В это время продолжает увеличиваться число жертв. После определения причин происходит анализ ситуации, и начинают формироваться антикризисные меры. На этой стадии число жертв и география распространения продолжает увеличиваться. После определенного количества жертв и пораженной территории инцидент перерастает

в глобальный кризис. После того как антикризисные меры определены, они требуют незамедлительного внедрения, которое происходит на стадии «Применение антикризисных мер». На этом этапе кризис достигает своего пика, и в случае правильно принятых мер, траектория кризиса меняется на нисходящую. На этом и следующем этапах можно увидеть степень проявления доверия общества к власти. Готово ли общество прислушаться к рекомендованным мерам, или необходимо применить более жесткие ограничения зависит от уровня доверия. На основе результатов предпринятых мер вводятся дополнительные и усовершенствованные меры. В случае если принятые меры соблюдены обществом и являются эффективными, то следующим этапом прохождения кризиса является «Затухание кризиса» и вирус может уйти или может остаться в обществе на минимальном уровне, но уже под управляемым контролем.

Ситуация с КОВИД-19 подтолкнула правительства разных стран с разными культурами к принятию решительных ограничительных мер, мер которые бы учитывали как национальные интересы и цели, так и обеспечивали бы жизнь и здоровье граждан. С одной стороны, эти ограничительные меры одинаковые, такие как закрытие границ, введение чрезвычайного режима (в Японии) или режима самоизоляции (в России), тестирование, как на наличие инфекции, так и иммунитета к ней, социальная дистанция и/или ограничения передвижения, обязательное ношение масок и перчаток, контроль и мониторинг заболевших и отслеживание контактов, разработка эффективной вакцины. С другой стороны, эти меры, в том числе обусловленные культурными различиями, разные. Одни меры воспринимаются как адекватные, последовательные, систематически направленные на преодоление и регулирование процесса распространения эпидемии. Другие меры, воспринимаются неоднозначно, и, другими словами, как «бегство и уход» их не назовешь. Так, например, реакция в Туркменистане.

Реакция на пандемию в постсоветской республике – Туркменистане следующая: «Нужно сделать вид, что вируса нет» или «нужно его запретить». Правительство выбрало защитную реакцию – отри-

цание реальности. Слово «коронавирус» в Туркмении под строжайшим запретом. Журналистам, врачам, учителям и чиновникам под угрозой увольнения нельзя говорить о COVID-19. Официальные власти Туркмении стремятся показать, что даже в период экономического кризиса и пандемии остается островком стабильности и официального благополучия. Официальные факты таковы, что в республике нет ни одного случая заражения COVID-19. Какова ситуация в режиме реального времени, на данный момент остается без комментариев.¹

Так, например, правительство Японии ввело в стране режим ЧС, который не предусматривал жестких ограничений – предприятия, в т.ч. рестораны и парикмахерские продолжали работать, передвижение людей никак не ограничивались, тесты были сделаны лишь 0,2% населения. И, тем не менее, ежедневный прирост зараженных в Японии сокращался, а режим чрезвычайной ситуации составил 51 день. По японскому законодательству, власти могут только рекомендовать гражданам остаться дома, но не приказывать. Наказания за неповиновение не предусмотрено и рекомендации с высокой вероятностью будут соблюдаться из-за высокого уровня уважения и доверия к власти в стране и давления общественного мнения. Можно сказать, что именно высокий уровень доверия общества к власти повлиял на достижение положительной динамики при выходе из кризиса.

А, например, в России, и в частности Москве, использовался режим самоизоляции, который включал ограничение перемещения населения с использованием пропускного режима, деятельность предприятий была приостановлена (от ресторанов до парикмахерских) или часть сотрудников переведена на удаленную форму работы, ограничено проведение культурных и спортивных массовых мероприятий и прочие другие мероприятия. При этом за несоблюдение установленных ограничений применялись наказание в виде штрафов. При этом ежедневный прирост зараженных в Москве увеличивался в течение 2 месяцев. Российская модель регулирования

¹ <https://lenta.ru/articles/2020/05/26/turkm/>

распространения эпидемии характеризуется четкими и последовательными мерами (начиная с первых шагов, носящих рекомендательный характер, до полюса – введения жестких мер и санкций). Также следует заметить, что именно благодаря спланированным и последовательным действиям руководства нашей страны была разработана, апробирована вакцина, направленная на защиту от вируса.

Отличается и шведская модель реакции на кризис, вызванная распространением вируса. Как оказалось, то Швеция – единственная страна ЕС, которая не ввела карантинных мер. Все мероприятия, исходящие от представителей власти, носят рекомендательный характер, страна применила так называемую «технологии здравого смысла». Швеция обратилась к своим гражданам (попросила) практиковать социальное дистанцирование, в основном на добровольной основе. Шведские власти, с одной стороны, ввели некоторые ограничения, способствующие снизить масштабы заболевания, с другой стороны, избежали жесткого контроля, штрафов и полицейского контроля. При этом показатель уровня смертности сохранился на низком уровне по сравнению с другими странами, где использовались более жесткие ограничительные меры. При численности населения Швеции в 10,3 млн. человек составляет 5 530 человек, что составляет 0,05%. Можно предположить, что в шведском обществе существует высокий уровень доверия общества к представителям власти, благодаря чему, все, что носило рекомендательный характер, воспринималось гражданами как руководство к выполнению. Государство перенесло степень ответственности на сознательное поведение самих граждан.

Заключение

В кризисных ситуациях правительства разных стран принимают сложные решения и выбирают стратегию выхода из сложившейся ситуации. Страны, к которым кризис пришел позже, имели возможность выбирать стратегию борьбы с КОВИД-19 с учетом практического опыта других стран, которые ранее столкнулись с кризисом, а также накопленных учеными знаний по природе вируса. Казалось бы, рекоменду-

емые ограничительные меры достаточно однотипны, но их введение или своевременное их введение, а еще важнее их соблюдение дает разные результаты в разных странах. А в вышеупомянутых странах даже наоборот, их неприменение приводит к сопоставимым результатам. Эффективность предпринимаемых правительствами мер может быть оценена как в краткосрочном периоде, так и в долгосрочной перспективе. В долгосрочной перспективе мировому сообществу еще предстоит дать оценку, а в краткосрочном периоде результаты уже зафиксированы.

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

На примере рассмотренных стран, уровень доверия в обществе имеет существенное значение для достижения наилучшего эффекта предпринимаемых мер.

Правительству потребуется тем больше усилий и времени для достижения целей, чем ниже уровень доверия общества к власти.

В самых сложных, кризисных ситуациях, на примере распространения ковида-19, наиболее четко проявляются различные стратегии, направленные на преодоление и регулирование данного процесса, носящие культурную специфику.

Работа публикуется при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-013-00560 А

Список литературы

1. Гуриева С.Д., Борисова М.М. Социальные представления о доверии современной молодежи: кросскультурный анализ // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2016. № 12 (68). С. 138-150.
2. Гуриева С.Д., Борисова М.М. Формирование организационной модели доверия // Позитивная психология мышления: монография / Р.А. Березовская, М.М. Борисова, Л.В.Верещагина (и др.); под ред. Г.С. Никифорова. Москва: Проспект. 2017. 320 с. С. 89-108.
3. Деминг Э. Выход из кризиса: Новая парадигма управления людьми, системами и процессами / Эдвард Деминг; Пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.

4. Доброхотов Р.А. Проблемы доверия в мировой политике. Автореферат диссертации к-та политических наук: 23.00.04. М., 2010.
5. Зинченко В.П. Психология доверия. Самара: Издательство СИ-ОКПП, 2001. 104с.
6. Ильин Е.П. Психология доверия. СПб.: Питер, 2013г.
7. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М.: «Институт психологии РАН», 2008.
8. Мейер Э. Карта культурных различий. Как люди думают, руководят и добиваются целей в международной среде. Пер. с англ. 2018.
9. Минг-Джер Чен. Китайский бизнес изнутри: практическое пособие по выстраиванию деловых отношений с китайскими партнёрами./ Минг Джер Чен; пер. с англ. Н.Г. Печерицы. М.: Эксмо, 2009.
10. Скрипкина Т.П. Доверие как социально-психологическое явление [Эл. ресурс]: Дис. Д-ра психол. Наук: 19.00.05. М.: РГБ, 2003.
11. Скрипкина Т.П. Психология доверия, 2000.
12. Тромпенаарс Ф., Хампден-Тернер Ч. Национально-культурные различия в контексте глобального бизнеса/ Ф. Тромпенаарс и Ч. Хэмпден-Тернер; Пер. с англ. Е.П. Самсонов.Мн.: ООО «Попурри», 2004.
13. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ./ Ф.Фукуяма. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.
14. Fombrum Ch.J. Fame and fortune: how successful companies build winning reputation / by Ch. J. Fombrum and Cees B.M. van Riel. Person Education, Inc. Publishing as financial Times Hall. 2004.
15. Gambetta D. Can we trust in trust? // Trust: Making and Breaking Cooperative relations/ D. Gambetta (ed.). Oxford: Basil Blackwell, 1988, p. 213-237.

References

1. Gurieva S.D., Borisova M.M. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern studies of social problems]. 2016. No. 12 (68). P. 138-150.
2. Gurieva S.D., Borisova M.M., Vereshchagin L. V. et al. *Pozitivnaya psikhologiya myshleniya* [Positive psychology of thinking] monograph / ed. HS. Nikiforov. Moscow: Prospect. 2017. 320 p. P. 89-108.

3. Deming E. *Vykhod iz krizisa: Novaya paradigma upravleniya lyud'mi, sistemami i protsessami* [Out of the crisis: A new paradigm for managing people, systems and processes] / Edward Deming; Per. from English M.: Alpina Business Books, 2007.
4. Dobrokhotov R.A. *Problemy doveriya v mirovoy politike* [Trust issues in world politics]. Abstract of the dissertation of the candidate of political sciences: 23.00.04. M., 2010.
5. Zinchenko V.P. *Psikhologiya doveriya* [The psychology of trust]. Samara: Publishing house SIOKPP, 2001.104s.
6. Ilyin E.P. *Psikhologiya doveriya* [The psychology of trust]. SPb.: Peter, 2013.
7. Kupreychenko A.B. *Psikhologiya doveriya i nedoveriya* [The psychology of trust and distrust]. M.: "Institute of Psychology RAS", 2008.
8. Meyer E. *Karta kul'turnykh razlichiy. Kak lyudi dumayut, rukovodyat i dobivayutsya tseley v mezhdunarodnoy srede* [Map of cultural differences. How people think, lead and achieve goals in an international environment]. Per. from English 2018.
9. Ming-Jer Chen. *Kitayskiy biznes iznutri: prakticheskoe posobie po vystraivaniyu delovykh otnosheniy s kitayskimi partnerami* [Inside Chinese Business: A Practical Guide to Building Business Relations with Chinese Partners] / Ming Jer Chen; per. from English N.G. Peppers. M.: Eksmo, 2009.
10. Skripkina T.P. *Doverie kak sotsial'no-psikhologicheskoe yavlenie* [Trust as a socio-psychological phenomenon]: Dis. Dr. psychol. Sciences: 19.00.05. Moscow: RSL, 2003.
11. Skripkina T.P. *Psikhologiya doveriya* [The Psychology of Trust], 2000.
12. Trompenaars F., Hampden-Turner Ch. *Natsional'no-kul'turnye razlichiya v kontekste global'nogo biznesa* [National and cultural differences in the context of global business] / F. Trompenaars and Ch. Hampden-Turner; Per. from English E.P. Samsonov. Mn.: OOO "Potpurri", 2004.
13. Fukuyama F. *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust: social virtues and the path to prosperity]: Per. from English / F. Fukuyama. M.: OOO "Publishing house": ZAOONPP "Ermak", 2004.
14. Fombrum Ch.J. *Fame and fortune: how successful companies build winning reputation* / by Ch. J. Fombrum and Cees B.M. van Riel. Person Education, Inc. Publishing as financial Times Hall. 2004.

15. Gambetta D. Can we trust in trust? *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations* / D. Gambetta (ed.). Oxford: Basil Blackwell, 1988, p. 213-237.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Гуриева Светлана Дзахотовна, доктор психологических наук, профессор, МБА СШЭ, заведующая кафедрой социальной психологии

*Санкт-Петербургский государственный университет
набережная Макарова, 6, г. Санкт-Петербург, 199034, Рос-
сийская Федерация
gurievasv@gmail.com*

Клипова Наталья Владимировна, аспирант кафедры социальной психологии, МБА СБС

*Санкт-Петербургский государственный университет
набережная Макарова, 6, г. Санкт-Петербург, 199034, Рос-
сийская Федерация
nvklipova@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Gurieva Svetlana Dzakhotovna, PhD of Psychology, professor, MBA of SSE, Head of Social Psychology Department

*Saint Petersburg State University
6, nab. Makarova, Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation
gurievasv@gmail.com*

Klipova Natalia Vladimirovna, PhD program student, department of Social Psychology, MBA of CBS

*Saint Petersburg State University
6, nab. Makarova, Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation
nvklipova@ya*

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-2-266-278

УДК 140.8

СИНЕРГИЯ НЕЙРОНАУК И ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Козлова Т.А., Гончарук А.Г., Козлов Д.М.

Цель. Авторы статьи пытаются определить направления реализации потенциала философской антропологии для нейронаук, возможность качественного обновления нейронаук на базе этого потенциала. Новизна данного исследования заключается в том, что философская антропология, экстраполируя своё обновляющееся содержание на нейронауки, вербализирует проблемы, находящиеся на стыке данных научных направлений.

Метод или методология проведения работы. Методология данного исследования основана на анализе и обобщении научно-исследовательских работ зарубежных и отечественных ученых в области нейронаук, философии образования, теории обучения, философской антропологии, информационного и знаниевого развития современного общества. Методология исследования включает в себя герменевтический, системный, сравнительный методы. *Результаты.* Нейронауки и философская антропология имеют обширное научное поле: критерии интерпретации данных, возможности влияния нейронных сетей на наш выбор, взаимодействие разума и эмоций, проблема воли и ответственности, этические проблемы стимуляции мозга, психофармакология и проблема улучшения человека. Философская антропология оценивает с этико-аксиологических позиций направления деятельности нейронаук. Проблема непрерывного образования, дистанционного образования требует не только продуманной стратегии со стороны педагогики и философии образования, но и должна решаться сквозь призму индивидуальных (когнитивных и личностных) особенностей человека:

оценка его когнитивного стиля обучения, хронотипа, ценностей и убеждений.

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в сфере образования и социального проектирования.*

Ключевые слова: *нейронауки; человек; образование; философская антропология.*

SINERGIYA NEYRONAUK I FILOSOFSKOY ANTROPOLOGII: PROBLEMY I PERSPEKTIVY RAZVITIYA

Kozlova T.A., Goncharuk A.G., Kozlov D.M.

Purpose. *The authors of the article try to determine the directions of realization of the potential of philosophical anthropology for neuroscience, the possibility of qualitative renewal of neuroscience on the basis of this potential. The novelty of this research lies in the fact that philosophical anthropology, extrapolating its updated content to neuroscience, verbalizes problems that are at the intersection of these scientific directions.*

Methodology. *The methodology of this study is based on the analysis and generalization of scientific research works of foreign and domestic scientists in the field of neurosciences, philosophy of education, teaching theory, philosophical anthropology, information and knowledge development of modern society. The research methodology includes hermeneutic, systemic, comparative methods.*

Results. *Neurosciences and philosophical anthropology have a vast scientific field: data interpretation criteria, the possibility of neural networks influencing our choices, the interaction of mind and emotions, the problem of will and responsibility, ethical problems of brain stimulation, psychopharmacology and the problem of human improvement. Philosophical anthropology evaluates the directions of activity of neurosciences from the ethical and axiological positions. The problem of lifelong education, distance education requires not only a well-thought-out*

strategy on the part of pedagogy and philosophy of education, but must also be solved through the prism of individual (cognitive and personal) characteristics of a person: an assessment of his cognitive learning style, chronotype, values and beliefs.

Practical implications. *The research results can be applied in the field of education and social design.*

Keywords: *body; man; society; state; artifact; liberty; metaphysics of the body.*

Введение

Решение современных социальных проблем сопряжено с анализом установок сознания, когнитивных способностей человека, роли личности в происходящих цивилизационных изменениях. Все большее погружение образования в онлайн-формат, бесконечное потребление контента, проблема искусственного интеллекта – вот лишь небольшой перечень особенностей бытия современного человека. Изучение сущности данных вопросов находится на стыке философской антропологии, философии образования и нейронаук.

Актуальность данного исследования состоит в том, что проблемы и перспективы взаимодействия философской антропологии и нейронаук не разработаны в научной литературе. Качественно меняющееся бытие человека требует междисциплинарного осмысления проблемы. Нейронауки – активно развивающееся научное направление, пользующееся популярностью и претендующее на разрешение многих проблем: исследование когнитивных и метакогнитивных стратегий обучения, проблема соотношения процедурных и декларативных знаний. Философская антропология – наука, изучающая природу и бытие человека.

Объектом исследования в данной статье являются проблемы и перспективы совместного развития нейронаук и философской антропологии. Цель данной статьи определить направления реализации потенциала философской антропологии для нейронаук, возможность качественного обновления нейронаук на базе этого потенциала. Данная цель ставит перед нами следующие задачи:

проанализировать особенности развития нейронаук и философской антропологии в условиях современной культуры, вербализировать основные проблемы, находящиеся на стыке философской антропологии и нейронаук. Новизна данного исследования заключается в том, взаимодействие философской антропологии с нейронауками способствует взаиморазвитию обоих направлений. Многие современные проблемы: вытеснение гуманистического начала из всех сфер жизни, онлайн-обучение, мультикультурализм требуют совместного рассмотрения, учета достижений как философской антропологии, так и нейронаук.

Материалы и методы

Методология данного исследования основана на анализе и обобщении научно-исследовательских работ зарубежных и отечественных ученых в области нейронаук, философии образования, теории обучения, философской антропологии, информационного и знанеревого развития современного общества. Методология исследования включает в себя герменевтический, системный, сравнительный методы. Герменевтический метод стал основой для понимания мыслей философов, педагогов, исследователей в области нейронаук и философской антропологии. Системный метод помог проанализировать важность комплексного анализа человека со стороны тандема нейронаук и философской антропологии. Сравнительный метод позволил сформулировать совместные проблемы нейронаук и философской антропологии.

Результаты и обсуждение

В развитии философской антропологии выделяют два направления развития [2, с. 84]. Классическая философская антропология (традиционно к представителям данного направления относят М. Шелера, Х. Плеснера, А. Гелена) изучает природу человека с точки зрения категорий естественных наук. Представители классической философской антропологии акцентировали внимание на важности создания единой науки о человеке, отмечали, что такая

наука примет за базис данные частных наук: психологии, физиологии, биохимии, но при этом будет иметь философский характер.

Классическая философская антропология стремилась раскрыть главным образом биологические механизмы в человеке. Суть человеческого бытия здесь и сейчас, категория «действие» является основополагающей. Классическая философская антропология опирается на естественнонаучную методологию [2, с. 84]. Однако все представители данного направления отмечают важность феноменологического, диалектического, герменевтического подходов к изучению человека. Данный этап развития философской антропологии отвечал духу времени (начало XX века), объединял антропологические и педагогические идеи, стал основой для дальнейшего развития философской антропологии как самостоятельного научного направления.

Неклассическая философская антропология уверена в том, что сформулировать определение «что такое человек?», невозможно. Ведь определить, значит ограничить, потерять какой-то из важных смыслов. Бытие человека определяется не только его природой, но и языком, культурой, мышлением, творчеством. К представителям неклассической философской антропологии относят М. Фуко, Ж. Делеза, Ж. Дерриду, П. Слотердайку; из отечественных авторов – Ю.М. Бородай, Ф.И. Гиренка, Б.Ф. Поршнева, Э.В. Ильенкова. Неклассическая философская антропология сомневается в ранее обозначенных концепциях человека. Ф.И. Гиренок уверен, что мы живем в мире не извлечённых смыслов, поэтому человек может рассматриваться совершенно под неожиданным ракурсом, например, как грезящая самость (Ю.М. Бородай, Ф.И. Гиренок) или как вечный переход (С.А. Смирнов). Классики весьма робко отмечали возможность использования герменевтического, феноменологического, диалектического подходов. Представители неклассической философской антропологии делают акцент на перечисленных ранее подходах [5]. Философы не видят ценности в физиологическом исследовании мозга, разделении его на атомы, но уверены в синергетической связи сознания и информационного поля Вселенной.

Проблема сознания, подпитываемая веяниями трансгуманизма, сегодня становится одной из актуальных, дает толчок для развития нейронаук. Именно поэтому появляются исследователи – А. Дамасио, К. Малабу, Т. Метцингер, работающие на стыке нейронаук и философской антропологии. Изучение и анализ их концепций представляет собой перспективное направление для дальнейшего продолжения данного исследования.

В основе исследования А. Дамасио лежит его бесконечный интерес к природе человеческих аффектов – почему мы чувствуем, как мы используем эмоции для построения самости, почему наши намерения и чувства так часто противоречивы, как тело и ум сговариваются в зарождении эмоциональной реальности. Эмоциональные аффекты – это не арсенал несомненностей и решений, а торжество любознательности и напоминание о том, что разумные, осознанные предположения позволяют расширять территорию знания, перемещая границу познаваемого всё глубже в неизведанное. Работы А. Дамасио представляют интересный сплав методологий, попытку дать возможно новое направление развития философской антропологии, объединяющее подходы классической и неклассической философской антропологии.

Т. Метцингер утверждает, несмотря на достижения нейронауки последних двадцати лет большинство философов уверены в отсутствии возможности объяснить феномен сознания только когнитивными нейронауками. Некоторые философы уверены в существовании определенной загадки в мозгу человека. Достаточно ли у нейронаук ресурсов, чтобы разобраться с загадками возникновения субъективного сознания? Т. Метцингер отмечает, что сознание находится в мозге, но значительная часть актов познания (cognition) – все же нет. Самость человека, собственное «я», по мнению Т. Метцингера, – феноменальное свойство. Сознание – это саморегуляция в системе, оказавшейся слишком сложной для понимания самой себя. Возможно новые технологии захватят наш жизненный мир и повлияют на то, как мы рассматриваем себя, поскольку они напрямую меняют социальные взаимодействия. Почему же человечество

сопротивляется росту знания, связанному с искусственным интеллектом, искусственной жизнью? Почему так неоднозначны оценки исследователей, философов попыток «поправить» природу человека, сделать ее более совершенной? Научно-технический прогресс, ускоряющийся с каждым годом, заставляет нас осознать допустимые границы использования его плодов. И философская антропология пытается экстраполировать свое гуманистическое содержание в том числе и на нейронауки. Конечно, в современной социокультурной ситуации взгляд на духовный мир человека: нравственные ценности, установки мышления и особенности сознания интересно анализировать не только с философской стороны, но и учитывать достижения нейронаук. Именно поэтому, природа и сущность человека, рассматриваемая тандемом философской антропологии и нейронаук, выглядит более рельефной.

Итак, ключевые проблемы, которые лежат на пересечении философской антропологии и нейронаук. Во-первых, это определение сущности человека в современном социокультурном пространстве. С одной стороны, речь идет о нарастающем тяготении к нейроредукционизму, в рамках которого сущность и ценность человека все больше сводятся к продуктивности его мозга, измеряемой отдельными числовыми показателями [6]. Изучая психоэмоциональную сферу, ученые в области нейронаук приходят к выводу, что снимки мозга могут дать исчерпывающее представление о внутреннем мире человека. При этом самым опасным является оценка человека исключительно по когнитивным способностям, учет только физиологических процессов. Важно помнить, что человек – существо, имеющее не только биологическое, но и психологическое, духовно-космическое измерение [15]. Современная философская антропология, отмечая важность биологической природы человека, достижения нейронаук, делает точные акценты на включение анализа языка, культуры, творчества человека, поэтому анализ бытия человека становится более многогранным. Для того, что не допустить сведения человека к упрощенной схеме работы мозга, нужна философская антропология, подчеркивающая человеческое, слишком че-

ловеческое: творчество, жертвенность, любовь и другие категории исключительно человеческого бытия.

Вторая проблема, находящаяся на стыке нейронаук и философской антропологии, – это изменение качества образовательной среды. Всепроникающее дистанционное обучение, огромные объемы информации, сетевое взаимодействие, онлайн-курсы, возможность частой смены профессии меняют дизайн педагогической среды, перестраивают каналы восприятия информации. Появляются образовательные системы с обновляющимся контентом, чат-ботами и так далее. Коренным образом меняется роль учителя (в самом широком смысле этого слова). Стала возможной организация коллективной работы студенческой группы с использованием технологий сетевого взаимодействия и инструментов совместной работы в социальных медиа [6, с.78]. Безусловно, на уровне философской антропологии регулярно поднимаются вопросы постоянного обучения современного человека, формирования запросов на развитие, столкновения человека с ростом ускорения изменений. Интересен в этой связи взгляд и нейронаук, дающих конкретные рекомендации по особенностям переключения внимания во время онлайн-уроков, особенностях работы головного мозга с аудио-, видеоформатами.

Заключение

1. Нейронауки и философская антропология имеют обширное научное поле: критерии интерпретации данных, возможности влияния нейронных сетей на наш выбор, взаимодействие разума и эмоций, проблема воли и ответственности, этические проблемы стимуляции мозга, психофармакология и проблема улучшения человека.

2. Философская антропология оценивает с этико-аксиологических позиций направления деятельности нейронаук. Учет нейронауками достижений философской антропологии позволяет избежать дегуманистических тенденций во всех сферах жизни общества.

3. Проблема непрерывного образования, дистанционного образования требует не только продуманной стратегии со стороны нейронаук, но и должна решаться сквозь призму индивидуальных (когнитивных

и личностных) особенностей человека: оценка его когнитивного стиля обучения, мировоззренческих установок, ценностей и убеждений.

4. Взаимодействие философской антропологии и нейронаук способствует вербализации и поиску путей решения современных социальных проблем: дегуманизация, попытки совершенствования природы человека, онлайн-обучение и другие.

Список литературы

1. Владленова И.В. Образ человека будущего: социально-философские исследования // *Future Human Image*, 2014. № 2. С. 112-133.
2. Гиренок Ф.И. Смена перспектив в философии человека // *Человек. RU*. 2015. № 10. С. 83-92.
3. Зейналов Г.Г. Смешанная объективно-виртуальная реальность как технологическая платформа развития современного образования // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2019. № 10. С. 33-36.
4. Зейналов Г.Г. Деятельностный подход как парадигма современного образования // *Учебный эксперимент в образовании*. 2017. № 1 (81). С. 6-11.
5. Козлова Т.А. Классическая и неклассическая философская антропология: компаративистский анализ // *Вестник Мининского университета*. 2018. №1. URL: <http://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/764> (дата обращения: 19.03.2020).
6. Лазинина Е.В. Цифровая реальность в контексте процессов коммуникации и экзистенции человека // *Современные исследования социальных проблем*. 2019. № 11. с. 78-90.
7. Мальсагова М.Х. Предпосылки нейродидактического парадигмального сдвига в теории обучения // *Мир науки, культуры, образования*. 2020. № 2 (81). с. 264-266.
8. Моторина Л.Е. Человек как антропологическая целостность: методология исследования // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2018. Т. 8. № 4 (34). С. 44-49.
9. Ерохин А.К., Власенко А.А. Дилемма целей высшего образования в философском измерении. // *Современные исследования социальных проблем*. 2017. Том 9, № 4. с. 132-144.

10. Шуталева А. В., Циплакова Ю. В., Керимов А. А. Гуманизация образования в цифровую эпоху // *Перспективы науки и образования*. 2019. № 6 (42). С. 31-43.
11. Bystritskaya, E.V., Grigoryeva, E.L., Reutova, O.V., Sedov, I.A., Lebedkina, M.V. Mechanisms for social adaptation of first-graders to multi-ethnic schools. // *Perspektivy Nauki i Obrazovania*. 2020. № 43 (2), pp. 296-307. DOI: 10.32744/pse.2020.2.23
12. Gryaznova E.V., Lanskaya I.A., Kozlova T.A. Virtual reality as a category of pshychology within the information concept // *Perspectives of Science and Education*. 2020. № 2 (44). С. 308-316.
13. Bateson G., Donaldson R. E. *A Sacred Unity: Further Steps to an Ecology of Mind*. Harper Collins, 1991. 346 p.
14. Bateson G. *Mind and Nature: A Necessary Unity*. Hampton Press, 1979. 220 p.
15. Ivanova, N., Sorokina, T. Educational environment approach to preventing the growth of school students anxiety in the transition from primary to secondary school // *Elementary Education Online*. 2020. № 19 (1), pp. 333-342.
16. Malabou C. *What Should We Do with Our Brains?* New York: Fordham University Press: 2008. 96 p.
17. Tolsteneva, A.A., Gruzdeva, M.L., Katkova, O.V., Prokhorova, O.N., Lagunova, M.V. Organizational and Technical Conditions for the Implementation of Educational Programs of the University Using Open Online Courses of the National Platform for Open Education (2020) // *Lecture Notes in Networks and Systems* 73, с. 473-483
18. Vaganova O.I.; Lapshova A.V.; Kutepov M.M.; Tatarnitseva S.N.; Vezevitiu E.V. Technologies for organizing research activities of students at the university // *Amazonia Investiga*. Volume: 9. Issue: 25. Pages: 369-375. Published: JAN 2020.

References

1. Vladlenova I.V. *Future Human Image*, 2014. № 2. P. 112-133.
2. Girenok F.I. *Chelovek.RU*. 2015. № 10. P. 83-92.
3. Zeynalov G.G. *Alma mater (Vestnik vysshey shkoly)*. 2019. № 10. P. 33-36.

4. Zeynalov G.G. *Uchebnyy eksperiment v obrazovanii*. 2017. № 1 (81). P. 6-11.
5. Kozlova T.A. *Vestnik Mininskogo universiteta*. 2018. №1. URL: <http://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/764> (data obrashcheniya: 19.03.2020).
6. Lazinina E.V. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 2019. № 11. P. 78-90.
7. Mal'sagova M.Kh. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2020. № 2 (81). P. 264-266.
8. Motorina L.E. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 2018. V. 8. № 4 (34). P. 44-49.
9. Erokhin A.K., Vlasenko A.A. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 2017. V. 9, № 4. P. 132-144.
10. Shutaleva A. V., Tsiplakova Yu. V., Kerimov A. A. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 2019. № 6 (42). P. 31-43.
11. Bystritskaya, E.V., Grigoryeva, E.L., Reutova, O.V., Sedov, I.A., Lebedkina, M.V. Mechanisms for social adaptation of first-graders to multi-ethnic schools. *Perspektivy Nauki i Obrazovania*. 2020. № 43 (2), pp. 296-307. DOI: 10.32744/pse.2020.2.23
12. Gryaznova E.V., Lanskaya I.A., Kozlova T.A. Virtual reality as a category of psychology within the information concept. *Perspectives of Science and Education*. 2020. № 2 (44). S. 308-316.
13. Bateson G., Donaldson R. E. *A Sacred Unity: Further Steps to an Ecology of Mind*. Harper Collins, 1991. 346 p.
14. Bateson G. *Mind and Nature: A Necessary Unity*. Hampton Press, 1979. 220 p.
15. Ivanova, N., Sorokina, T. Educational environment approach to preventing the growth of school students anxiety in the transition from primary to secondary school. *Elementary Education Online*. 2020. № 19 (1), pp. 333-342.
16. Malabou C. *What Should We Do with Our Brains?* New York: Fordham University Press: 2008. 96 p.
17. Tolsteneva, A.A., Gruzdeva, M.L., Katkova, O.V., Prokhorova, O.N., Lagunova, M.V. Organizational and Technical Conditions for the Implementation of Educational Programs of the University Using Open

Online Courses of the National Platform for Open Education (2020).
Lecture Notes in Networks and Systems 73, s. 473-483.

18. Vaganova O.I.; Lapshova A.V.; Kutepov M.M.; Tatarnitseva S.N.; Veze-
tiu E.V. Technologies for organizing research activities of students at the
university. *Amazonia Investiga*. Volume: 9. Issue: 25. Pages: 369-375.
Published: JAN 2020.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Козлова Татьяна Александровна, преподаватель кафедры фило-
софии и теологии
*Нижегородский государственный педагогический универси-
тет им. К. Минина*
ул. Ульянова, 1, г. Н. Новгород, Нижегородская область,
603005, Российская Федерация
kozlova-ta@inbox.ru

Гончарук Алексей Геннадьевич, старший преподаватель кафедры
философии и теологии
*Нижегородский государственный педагогический универси-
тет им. К. Минина*
ул. Ульянова, 1, г. Н. Новгород, Нижегородская область,
603005, Российская Федерация
alexgon75@mail.ru

Козлов Дмитрий Михайлович, магистрант
*Нижегородский государственный педагогический универси-
тет им. К. Минина*
ул. Ульянова, 1, г. Н. Новгород, Нижегородская область,
603005, Российская Федерация
dimativator007@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Kozlova Tatyana Aleksandrovna, Lecturer, Department of Philosophy
and Theology

Nizhny Novgorod State Pedagogical University
1, Ulyanov Str., N. Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603005,
Russian Federation
kozlova-ta@inbox.ru
SPIN-code: 5193-2579
ResearcherID: V-5228-2018
ORCID: 0000-0001-8614-781X

Goncharuk Alexey Gennadevich, Senior Lecturer, Department of Philosophy and Theology
Nizhny Novgorod State Pedagogical University
1, Ulyanov Str., N. Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603005,
Russian Federation
alexgon75@mail.ru
SPIN-code: 7653-2535
ResearcherID: V-4241-2018
ORCID: 0000-0003-2825-9404
ScopusID: 57211808151

Kozlov Dmitry Mikhailovich, Undergraduate student
Nizhny Novgorod State Pedagogical University
1, Ulyanov Str., N. Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603005,
Russian Federation
dimativator007@yandex.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-2-279-301

УДК 3126.1

ГАБИТУСЫ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Подгорный Б.Б.

Цель. Представить авторскую методологию определения и разработанную расширенную классификацию габитусов российского населения.

Метод и методология проведения работы. Для определения габитусов автором разработан и применен подход, заключающийся в определении габитуса с помощью сочетания направленности действия (диспозиции) актора и его капиталов. Определение габитусов произведено в процессе качественного исследования в виде фокус-групп. В процессе проведения фокус-групп обсуждались различные микротемы, дальнейший анализ которых позволил определить к какому направлению действия относится тот или иной участник группы; определить наиболее эффективный и главный, по его мнению, капиталы, выявить габитусы, свойственные тому или иному сочетанию направленности действий и капиталов.

Результаты. В зависимости от сочетания направленности действия и капитала выделено 48 типов габитусов российского населения. Каждому габитусу дана расширенная характеристика.

Область применения результатов. Представленная классификация габитусов российского населения, наряду с объяснительной функцией, позволяет прогнозировать возможные действия акторов. Также появляется возможность разработки и применения мер, направленных на коррекцию возможных действий акторов, что является особо ценным в практическом применении результатов социологических исследований различной направленности.

Ключевые слова: габитусы; классификация габитусов; характеристики габитусов; эффективный капитал; главный капитал; прогнозирование действий акторов.

HABITUSES OF THE RUSSIAN POPULATION: METHODOLOGY AND CLASSIFICATION

Podgorny B.B.

Purpose. *To present the author's methodology for determining and developed an extended classification of the habitus of the Russian population.*

Method and methodology of the work. *To determine habitus, the author developed and applied an approach consisting in determining the habitus using a combination of the action (disposition) direction of the actor and his capitals. habitus were determined in the process of qualitative research in the form of focus groups. During the focus groups, various micro themes were discussed, further analysis of which made it possible to determine to which action' direction a particular group member belongs; to determine, in his opinion, the most effective and main capital, to identify the habituses inherent in a particular combination of direction of action and capital.*

Results. *Depending on the combination of action and capital direction, 48 types of habituses of the Russian population have been identified. Each habitus is given an extended characteristic.*

Scope of the results. *The presented classification of the habituses of the Russian population, along with an explanatory function, allows predicting the possible actions of actors. It also becomes possible to develop and apply measures aimed at correcting the possible actions of actors, which is especially valuable in the practical application of sociological research results of various orientations.*

Keywords: *habitus; classification of habituses; characteristics of habituses; effective capital; main capital; forecasting the actions of actors.*

Актуальность

Французский ученый П. Бурдьё, являясь одним из наиболее влиятельных социологов XX века, в 1979 году представил разработанную им теорию социального пространства [28], согласно которой

социальное пространство существует в виде социальных полей, чьи участники, обладая социальными капиталами, руководствуясь габитусами, выполняют действия, называемые практиками.

Необходимо отметить, что термин «габитус» использовался и до П. Бурдьё. Еще в 13 веке итальянский философ и теолог Фома Аквинский трактовал понятие «габитус» как устойчивое состояние, предрасположение, управляющее чувствами, желаниями, поведением [1, с. 4–14]. Основатель феноменологии немецкий философ Э. Гуссерль рассматривал габитус как «осадок совершенных в течение жизни актов естественного опытного к ней отношения» [8, с. 228]. Австрийский социолог А. Шюц употреблял понятие «габитус» как знание, которое «содержит конструкты, т.е. набор абстракций, обобщений, формализаций и идеализаций, соответствующих определенному уровню организации мышления» [23, с. 8]. Видный представитель исторической социологии Н. Элиас использовал понятие габитус как источник социального поведения. [24, с. 360]. Французский социолог М. Мосс рассматривал габитус как телесные привычки [13, с. 307–309].

Однако активное использование понятия «габитус» в социологии стало возможным именно благодаря П. Бурдьё. Ученый характеризовал габитусы как «системы долговременных и переносимых устройств, структурированные структуры, предрасположенные к функционированию в качестве структурирующих структур, то есть как принципы и организаторы практик и представлений» [29, с. 88].

В работах, представленных позже, Бурдьё определял габитус, как «систему приобретенных схем, функционирующих на практике как категории восприятия и оценивания или как принципы классификации и, одновременно, как организующие принципы действия» [3, с. 29].

Еще один принципиальный момент, на котором Бурдьё акцентирует внимание – габитус выражает один общий принцип, стиль, проявляющийся во всех практиках индивида [5, с. 105–106].

При этом, разработав всестороннее пояснение понятия «габитус», Бурдьё не дал разъяснений, касающихся понятной методологии определения габитусов. Например, в работе «Поле литературы»

[4] детально описаны первые два этапа исследования социальных полей, но далее ученый лишь декларативно рекомендует выполнение третьего этапа – определение характера габитуса основных акторов исследуемых полей.

Обзор литературы

Зарубежные и российские ученые уделяют внимание изучению габитусов, опираясь на теорию социального пространства Бурдьё или оспаривая ее выборочные положения. В настоящем обзоре мы остановимся на научных публикациях, авторами которых предложены конкретные методологические приемы определения габитусов и представлены конкретные результаты, полученные в процессе исследований.

Среди зарубежных ученых необходимо отметить работы соратника Бурдьё профессора Л. Вакана, уделившего большое внимание габитусу спортсменов-боксеров [36]. Вакан, применив метод кейс-стади, определил следующие свойства габитуса: это набор обретенных качеств; габитус работает ниже уровня сознания и дискурса; формирование установок габитуса зависит от социального положения и социальной траектории; социально сконструированные жизненные и когнитивные структуры, формирующие габитус, подвижны и передаваемы.

Норвежские исследователи В. Шаммас и С. Сандберг при разработке концепции «уличного поля» [35] показали, что действия акторов в уличном поле порождаются габитусом, представляющим седиментацию социальной истории и прошлого опыта, порождающие схемы восприятия, мысли и действия. Авторы, опираясь на существующие исследования в Великобритании [33] и Германии [30], для определения габитусов использовали качественный метод в виде интервью с участниками уличного поля и статистические данные Норвежского института исследований наркотиков и алкоголя.

Большое внимание определению габитусов уделено международной группой ученых, представивших в 2015 году результаты в коллективной научной монографии [31]. Авторы показали возможность использования габитуса в качестве инструмента для анализа особенностей различных сфер жизни и деятельности. Также необ-

ходимо обратить внимание на результаты совместной работы К. Коста, К. Берка и М. Мерфи [32], в которой габитус исследуется как способ существования.

Российскими учеными представлено значительное количество научных статей, касающихся габитуса. Однако, придерживаясь условий, заявленных нами в начале обзора, мы, сделав исключение для диспозиционной концепции В.А. Ядова, предложившего рассматривать габитус как диспозиционную структуру личности [25], далее приведем только публикации, содержащие конкретную методику определения и описание габитусов. Мы сгруппировали эти публикации по следующим признакам:

- исследования и публикации, касающиеся определения и характеристик целостного (общего) габитуса;
- научные публикации, представляющие выборочные аспекты целостного габитуса с приведением результатов исследования;
- научные публикации, в которых декларативно заявлены выборочные аспекты габитуса.

В первой группе публикаций важно отметить подход, предложенный Н.А. Шматко и Ю.Л. Качановым. Ученые указывают, что «габитус дает возможность агенту развивать практики, которые были приобретены в опыте как спонтанные, свободные и непредсказуемые, в то время как они представляют собой социальные формы, очерченные границами становления габитуса» [11, с. 96]. Измерение различных практик агента позволяет конструировать габитус как «структурный инвариант этих практик» [12, с. 32]. Единицей измерения авторы полагают использовать различие. Авторами в процессе исследования применялись качественные методы.

Значительный научный интерес вызывает концепция динамики национального менталитета, заявленная Н.С. Розовым, основу которой составляет философски разработанный типологический анализ габитусов российского населения. Ученый классифицировал габитусы, используя следующие показатели: отношение к государству, к власти, к ценностям, к Западу. Их сочетание позволило выделить пять типов габитусов: «аутсайдеры, ловкие аутсайдеры, честные государственники, недовольные и подвижники» [18, с. 72].

Л.Б. Четырова, анализируя вопрос об истоках и особенностях ментальности калмыков, исследовала их габитусы как категории восприятия и оценивания [22].

В.Н. Ярская-Смирнова описала габитус студентов с инвалидностью, как акторов поля высшего образования. Исследование проводилось с опорой на качественные интервью [26].

Также мы отнесли к первой группе результаты социологического изучения прекарного габитуса, представленных И.Н. Тартаковской, эмпирической базой которого являются 75 биографических интервью с респондентами, вовлеченными в прекарную занятость [21].

Вторая группа – публикации, в которых представлены лишь выборочные аспекты целостного габитуса.

Несомненный научный интерес в этой группе представляет определение коллективных габитусов на примере факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, выполненное под руководством И.Л. Сизовой. Исследователями сделан вывод, что «специфичный габитус факультета, выраженный в оценках студентов ФСН, характеризуется как размытый и недостаточно выраженный и в определенной степени противоречивый» [19, с. 88].

Е.В. Желнина, исследуя барьеры для использования инноваций населением, отмечает, что феномен габитуса населения наполнен следующими барьерами инноваций: «негативный пример или опыт; отсутствие информирования; оторванность от повседневности; недоработка инноваций» [9, с. 43].

Автор статьи в процессе своей научной деятельности определил характеристики габитусов различных групп акторов социального поля российского фондового рынка относительно их инвестиционной направленности [34] – частных инвесторов [14], профессиональных участников [15], других акторов.

Третья группа публикаций – работы, авторы которых представляют некоторые составляющие габитусов, однако не приводят результатов конкретных исследований.

Н.А. Иванова, рассматривая габитус как совокупность различных диспозиций, представляющих собой целостную систему, предложила научному сообществу понятие «научный габитус» [10].

Д.Н. Ядранский, анализируя социальные проблемы формирования практической готовности педагога, определил, что единственным действенным средством подготовки современного педагога является формирование габитуса учителя [27, с. 7].

Т.И. Глухова делает вывод, что инокультурный габитус населения должен «не только приспосабливаться к новому в культуре глобализирующегося мира, но и поддерживать то ценное, что есть в отечественной культуре» [6, с. 87].

В.Г. Громакова предлагает для оценивания действий социального актора, которые актуализируются в ситуациях, имеющих отношение к власти, использовать социально-политический габитус. В качестве методологического инструмента предлагается «концептуальная модель социально-политического габитуса как ментальной конструкции, включающей комплекс практических схем интерпретации, оценивания и действий» [7, с. 214]. Результаты практического применения предложенной модели пока не опубликованы.

Н.Б. Починок, описывая понятийный аппарат социологии потребления, указывает на существование «потребительского габитуса», понимая под этим некий «здравый смысл» актора, «через призму которого оцениваются условия его существования как члена определенной социальной страты» [20, с. 27].

Таким образом, сегодня многие ученые для определения габитусов тех или иных групп акторов социальных полей, применяя как качественные (кейс-стади, фокус-группы, интервью, анализ документов) так и количественные (анкетные опросы) методы, методологически все сводят к анализу существующих практик респондентов, на основании которого определяются их габитусы. Также происходит «усечение» наполненности содержания самого понятия «габитус», в результате чего актору или группам акторов присваиваются «отраслевые» габитусы, являющиеся лишь толикой или отдельным аспектом целостного габитуса или характеристиками отдельных диспозиций. При этом в научной литературе не существует, хотя бы на уровне стран, общепринятой классификации габитусов.

Мы поддерживаем мнение французской исследовательницы А. Боскетти, которая относит к обстоятельствам, препятствующим

распространению теории Бурдьё, необходимость долгой и кропотливой работы, требующей широкой компетенции [2]. Действительно, исследование габитусов – сложная и долгосрочная процедура, требующая разработки новых методологий.

Цель настоящей статьи – представить авторскую методологию определения и разработанную расширенную классификацию габитусов российского населения.

Теоретическую основу методологии определения габитусов российского населения составляют теория социального пространства П. Бурдьё и диспозиционная концепция В.А. Ядова [25].

Описание методологии

Мы предлагаем использовать подход, заключающийся в определении габитуса с помощью сочетания направленности действия (диспозиции) актора и его капиталов, что также дает возможность определить направленность существующих и будущих практик.

Бурдьё отмечал, что габитус стремится обеспечить собственное постоянство и защититься от изменений [5, с.118]. Это подтверждает и Ядов, отмечая что габитус представляет собой диспозиционную структуру личности; целостность, интегрирующую жизненный опыт субъекта [24, с. 359].

Таким образом, общая направленность действий актора, порождаемая его габитусом, является практически неизменной и относится ко всем его действиям.

Мы сгруппировали возможные действия акторов по шести наиболее типичным направлениям:

СОХРАНЕНИЕ – актер стремится к тому, чтобы сохранить текущий порядок вещей, сохранить распределение капиталов, выполнять привычные практики.

РАЗВИТИЕ – актер стремится улучшать текущие практики, использует достижения для оптимизации и обновления социальных процессов.

ВЛИЯНИЕ – актер стремится к тому, чтобы оказывать наибольшее влияние на проходящие социальные процессы так, чтобы по большей части исполнялись именно его решения.

УПРАВЛЕНИЕ – актер стремится к тому, чтобы принимать активное участие в управлении социальными процессами, т.е. направлять их по собственному усмотрению. Берет ответственность за решения на себя.

ИСПОЛНЕНИЕ – актер предпочитает исполнять чужие решения, так, чтобы не нести ответственности за возможные изменения или сохранение существующего положения вещей.

ДИСТАНЦИРОВАНИЕ – актер не принимает активного участия в социальных процессах, по большей части стремится не только к тому, чтобы самому не вносить изменений, но и не исполняет решений большинства.

Для выполнения указанных действий актер использует имеющиеся у него капиталы. Мы применили расширенную классификацию капиталов, предложенную В. Радаевым [17] и апробированную нами при проведении других исследований [16].

Это может быть один капитал или несколько из перечисленных ниже:

- экономический – любые экономические ресурсы;
- культурный – навыки и культурный уровень, полученный в процессе социализации;
- социальный – социальные связи и умение образовывать, создавать необходимые социальные связи;
- символический – признание от каких-то сообществ;
- человеческий – образование (включая дипломы, звания, титулы), опыт, знания как ресурс социально-экономического развития;
- административный – ресурс для управления другими видами капитала;
- политический – репутация и влияние, которое может оказывать актер благодаря имеющейся репутации;
- физический – здоровье и трудоспособность.

У каждого актора есть представление о наиболее эффективном капитале для реализации практик в рамках того направления действий, к которому он относится. Представление об эффективном капитале фактически является неизменным для конкретного актора,

так как оно сформировано в процессе формирования его габитуса. Однако также существует главный капитал, превышающий по своему удельному весу другие виды капиталов и используемый при реализации тех или иных практик. Актор стремится к тому, чтобы эффективный капитал был главным, однако это происходит не всегда.

При необходимости реализации тех или иных практик вступает в работу габитус или подсознательное понимание того, как нужно поступить в сложившейся ситуации и дальнейшее действие происходит (или может происходить) с использованием главного капитала.

Если в качестве главного капитала используется эффективный капитал, то действие актора будет комфортным. Если используется не эффективный, а другой преобладающий на данный момент капитал, являющийся главным, действие актора будет вынужденным. Актор может отказаться от реализации практик, если наблюдается сильный дисбаланс между наиболее эффективным и преобладающим на данный момент капиталом. Кроме того, это не может принести актору полного удовлетворения от своих действий.

Эмпирическая база

Определение габитусов произведено в процессе качественного исследования в виде 7 фокус-групп. Данные фокус-группы – запланированная часть реализации проекта «Российская цифровая экономика как социальное поле», одной из задач которого и ставилась разработка и апробация методики по определению габитусов российского населения, в том числе в рамках развития цифровой экономики. Три фокус-группы проводились очно, 4 фокус-группы проводились в режиме онлайн. Состав каждой фокус-группы – от 8 до 10 участников. Участники фокус групп 5, 6 и 7 подбирались на основе предварительного анкетирования с целью определить участников с необходимой направленностью действий.

В процессе проведения фокус-групп обсуждались различные микротемы, дальнейший анализ которых позволил определить, к какому направлению действия относится тот или иной участник группы; определить, по его мнению, наиболее эффективный и глав-

ный капиталы, выявить характеристики, свойственные тому или иному сочетанию направленности действий и капиталов.

Классификация габитусов.

В зависимости от сочетания направленности действия и капитала нами в процессе анализа материалов фокус-групп выделено 48 типов характеристик габитусов, из них – 24 определено по соотношению направленности действия и первого по значимости наиболее эффективного капитала, 14 – определено по соотношению направленности действия и второго по значимости эффективного капитала, 9 типов характеристик приняты априорно. Работа по подтверждению характеристик второй группы и априорных характеристик будет продолжаться с возможной коррекцией.

В качестве образца наименования габитусов мы использовали прием, примененный В. Розовым при выделении пяти типов габитусов, – дать каждому виду наименование, проецирующееся в сознании российского населения в определенный законченный образ. Далее представлены классификация габитусов (таблица 1) а также характеристики для каждого типа габитуса (таблицы 2–7).

Таблица 1.

Классификация габитусов российского населения в зависимости от направленности действий и капитала

Капиталы	Направленность действий					
	Сохранение	Развитие	Влияние	Управление	Исполнение	Дистанцирование
Экономический	Плановик	Коммерсант	Монополист	Менеджер	Наемник	Минималист
Культурный	Традиционалист	Новатор	Режиссер	Импresарио	Обыватель	Отшельник
Социальный	Хранитель	Общественник	Постановщик	Руководитель	Формалист	Аутсайдер
Символический	Привратник	Реформатор	Политик	Координатор	Идеалист	Нигилист
Человеческий	Архивариус	Исследователь	Учитель	Лидер	Службист	Скептик
Административный	Модератор	Практик	Администратор	Организатор	Бюрократ	Индифферент

Окончание табл. 1.

Политический	Консерватор	Реорганизатор	Дипломат	Управленец	Чиновник	Фрондер
Физический	Зожник	Трансгуманист	Наставник	Бригадир	Труженник	Нарцисс

*Таблица 2.***Габитусы и их характеристики для направления действия «Сохранение»**

Габитус	Характеристика
Плановик	Способен использовать экономические ресурсы по заранее определенному алгоритму. Особенность: при получении инновационных ресурсов также старается использовать их по старому алгоритму.
Традиционалист	Старается поддерживать и сохранять существующие культурные устои, увязывает зависимость социального благополучия от их сохранения.
Хранитель	Считает социальные связи и отношения самоценными, стремится к сохранению и поддержанию имеющихся связей.
Привратник	Сформированный в группе символический капитал выступает для актора источником стабильности. Если назревает процесс изменения предпочтений, считает это неправильным.
Архивариус	Актор стремится к сохранению сложившегося института знаний и опыта с тем, чтобы избежать социальных потрясений.
Модератор	Актору важно сложившееся распределение капиталов, считает важным следить за сохранением структуры.
Консерватор	Актор считает, что репутация и влияние – мало изменяющиеся категории, с которыми должно считаться общество, невзирая на любые происходящие перемены.
Зожник (за здоровый образ жизни)	Стремится к сохранению здоровья и трудоспособности привычными методами, пропагандирует здоровый образ жизни, выступает против роботизации и других современных улучшений человека.

*Таблица 3.***Габитусы и их характеристики для направления действия «Развитие»**

Габитус	Характеристика
Коммерсант	Направляет экономические ресурсы для развития в различных отраслях, стремится внедрять наиболее оптимальные и продвинутые технологии, методы, практики.
Новатор	Поддерживает как развитие традиционных культурных основ и уровня, так и их трансформацию. Способен объединять традиционную основу с инновациями так, чтобы в итоге получить рабочую модель.
Общественник	Считает социальные связи основой для любого процесса. Способен формировать, развивать, изменять и трансформировать социальные связи и отношения в любых условиях.
Реформатор	Использует символический капитал для развития других видов капитала, для совершенствования социальных процессов.

Окончание табл. 3.

Исследователь	Может придерживаться эволюционных или революционных идей, при этом способен открывать новые способы, пласты, источники знаний и опыта. Может выдвигать инновационные идеи.
Практик	Способен внедрять идеи развития в различных областях, с различными видами капитала.
Реорганизатор	Стремится к обновлению общественной формации, поиску наиболее эффективного пути развития общества.
Трансгуманист	Актор стремится к тому, чтобы применять все возможные достижения науки, медицины, др. для того, чтобы повышать здоровье и трудоспособность, внешний вид, данные. Пропагандирует идеи дополнения или замены человеческого труда роботизированным, искусственным.

Таблица 4.

Габитусы и их характеристики для направления действия «Влияние»

Габитус	Характеристика
Монополист	Использует экономические ресурсы для того, чтобы устанавливать собственные правила.
Режиссер	Навыки и культурный уровень направлены на распространение собственного мнения, видения. В конце концов становится лидером мнений, или стремится к этому.
Постановщик	Формирует социальные связи так, чтобы влиять на их развитие и направленность. Стремится к тому, чтобы создавать связи и отношения, отвечающие его интересам.
Политик	Способен сам превратить любой вид капитала в символический.
Учитель	Распространяет свое видение просвещения, идеалов и стандартов познания, образования. Задает направление для использования знаний и опыта.
Администратор	Оказывает заметное влияние на владельцев иных видов капитала, способен донести собственное мнение акторам с разными взглядами.
Дипломат	Репутация и влияние, которые способен оказывать актер, позволяют ему добиваться собственных целей во властных отношениях.
Наставник	Стремится донести свои убеждения и идеи до широкого круга людей. Предпочитает работать в условиях, в которых можно продемонстрировать собственные преимущества (например, спорт, активные виды отдыха, охрана и т.д.)

Таблица 5.

Габитусы и их характеристики для направления действия «Управление»

Габитус	Характеристика
Менеджер	Способен эффективно работать с любыми экономическими ресурсами так, чтобы реализовать поставленную цель (Развитие предприятия, покупка машины, строительство дома, выбор вклада, выгодного кредита)
Импресарио	Может задавать направление для культурного развития, определять наиболее приоритетные цели, которое общество будет реализовывать.

Окончание табл. 5.

Руководитель	Способен реализовать какую-либо цель независимо от того, какой капитал имеется в наличии.
Координатор	Способен управлять символическим капиталом для достижения приоритетных целей. Умеет выявлять самые выгодные стороны и аспекты символического капитала.
Лидер	Способен использовать источники опыта и знаний для управления социальными процессами, то есть задавать направление для человеческого капитала.
Организатор	Актор способен не только формировать, но и создавать, перестраивать социальные связи и отношения.
Управленец	Считает, что его репутационный ресурс позволяет управлять практически любыми процессами.
Бригадир	Предпочитает стоять во главе процессов, требующих определенных физических затрат и трудоспособности.

*Таблица 6.***Габитусы и их характеристики для направления действия «Исполнение»**

Габитус	Характеристика
Наемник	Выполняет поставленные задачи в рамках получения личной выгоды – сколько оплатили, столько и сделал.
Обыватель	Актор применяет навыки и культурный опыт для достижения поставленных целей. Это могут быть цели общества, большинства, руководства, лидера и т.д. Способен находить оптимальные пути выполнения поставленных задач.
Формалист	Актор поддерживает социальные связи и отношения в той мере, в которой необходимо для выполнения порученной работы. Может работать в коллективе или самостоятельно.
Идеалист	Актор, как правило, верит в идею лидера, поддерживает того, за кем следует.
Службист	Применяет опыт и знания для реализации чужих идей, направлений, целей.
Бюрократ	Актор предпочитает выполнять чужие указания, реализовывать план или идею, в которой уже распределены роли для участников-держателей других видов капитала.
Чиновник	Актор в большей степени обращает внимание на репутацию и влияние того, чьи поручения или идеи он выполняет. В некотором роде старается использовать чужое влияние для достижения своих целей.
Труженик	Актор предпочитает деятельность, связанную с затратами физического капитала, например, командные виды спорта, строительство, организация отдыха на природе и т.д.

*Таблица 7.***Габитусы и их характеристики для направления действия «Дистанцирование»**

Габитус	Характеристика
Минималист	Использует экономические ресурсы, не признавая их особой ценности, не стремится к тому, чтобы развивать или умножать экономический потенциал.
Отшельник	Не поддерживает идеи сохранения традиций, общественного уклада, культурные достижения рассматривает как сомнительные.
Аутсайдер	Формирует только необходимые социальные связи и отношения, не поддерживает текущие, не склонен к взаимной работе в отношениях.

Окончание табл. 7.

Нигилист	Не признает ценности символического капитала, к достижениям в социуме относится равнодушно.
Скептик	Опыт и знания не являются ценностью как таковой, к человеческому капиталу относится утилитарно.
Индифферент	Применяет имеющийся административный ресурс для достижения дистанцирования и отстраненности. Также предпочитает не выполнять требований со стороны иных акторов.
Фрондер	Не признает ценности репутации, как таковой. Считает, что оценивать что-либо можно только, исходя из категории «здесь и сейчас».
Нарцисс	Может стремиться к улучшению своего физического капитала. При этом будет руководствоваться исключительно собственным пониманием и взглядами.

Наименования и характеристики, приведенные в таблицах 2-7, относятся к общим габитусам населения. Для определения более конкретных характеристик в отношении конкретных действий (практик), необходимо проведение уточняющих фокус-групп. Это ни в коем случае не противоречит принципу целостности и единства габитуса, а лишь дает возможность конкретизации характеристик выявленных габитусов в отношении различных практик. По своей направленности конкретные характеристики всегда будут находиться в русле общих габитусов. Так, в рамках проведенных фокус-групп мы определили характеристики габитусов в отношении цифровой экономики.

В настоящее время под руководством автора статьи выполняется исследование населения одного из регионов России с целью определения частотных и качественных показателей, характеризующих общие и аспектные габитусы населения региона в отношении цифровой экономики. Использование полученных результатов позволит выработать и предложить необходимые практические меры по достижению необходимых показателей в части цифровизации региона.

Выводы

Предложенная и апробированная методология определения габитусов российского населения, основанная на сопоставлении направленности действий и используемых для этих действий капи-

талов, принадлежащих актерам, позволяет уйти от исследования практик, как основного существующего сегодня метода исследования габитусов – ведь изучение практик позволяет объяснить уже свершившиеся действия, но не дает возможности прогнозировать будущие действия. Представленная методология, наряду с объяснительной функцией, позволяет прогнозировать возможные действия актеров. Также появляется возможность разработки и применения мер, направленных на коррекцию возможных действий актеров, что является особо ценным в практическом применении результатов социологических исследований различной направленности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00228 «Российская цифровая экономика как социальное поле».

Список литературы

1. Аквинский Ф. Сумма теологии. Часть II-I. Вопросы 49-89. К.: Ника-Центр, 2008. 536 с. ISBN 978-966-521-476-2.
2. Боскетти А. Социология литературы и достижение подхода Пьера Бурдьё // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 5. С. 115–125.
3. Бурдьё П. Начала. Пер. с фр. Шматко Н.А. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с. ISBN 5-86942-006-7.
4. Бурдьё П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87.
5. Бурдьё П. Практический смысл. Спб.: Алетея, 2001г. 562 с. ISBN 5-89329-351-7
6. Глухова Т.И. Инокультурный габитус и мир ценностей русской культуры // Вестник Университета Российской академии образования. 2015. № 2. С. 104–107.
7. Громакова В.Г. Социально-политический габитус: структура и функции в интеграции общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 2. С. 214–219. DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-2-214-219.

8. Гуссерль Э. Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 464 с. ISBN 5-7333-0177-5.
9. Желнина Е.В. К вопросу о факторах сопротивления инновациям (по результатам социологического исследования) // Территория науки. 2017. № 6. С. 40–45.
10. Иванова Н.А. Наука как социальная практика и ее габитуальное основание. Автореферат дис. ... д-ра фил. наук. Томск. 2015. 48 с.
11. Качанов Ю. Л., Шматко Н. А. Как возможна социальная группа? (к проблеме реальности в социологии) // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 95–105.
12. Качанов Ю.Л., Шматко Н.А. Габитус вместо сознания: теория и эксперимент // Социология: 4М. 2000. № 12. С. 25–39.
13. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2011. 416 с. ISBN 978-5-98227-695-7.
14. Подгорный Б.Б. Габитус частных инвесторов российского фондового рынка // Экономічний часопис-XXI. 2016. № 7–8. С. 111–115. DOI: <https://doi.org/10.21003/ea.V160-22>.
15. Подгорный Б.Б. Профессиональные участники российского фондового рынка: габитус и практики // Современные исследования социальных проблем. 2017. № 6. С. 67–88. DOI: 10.12731/2218-7405-2017-6-67-88.
16. Подгорный Б.Б. Российский фондовый рынок как социальное поле. Курск: ЗАО Университетская книга, 2018. 327 с. ISBN 978-5-907049-71-0.
17. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. №4. С. 20–32.
18. Розов Н.С. Динамическая концепция менталитета и изменчивое разнообразие российских габитусов // Идеи и идеалы. 2010. №1. С. 60–79.
19. Сизова И.Л., Ермилова А.В., Хусяинов Т.М. «Габитус факультета» и социализация студентов классического университета (на примере факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского) // Вестник Нижегородского университета. Серия: Социальные науки. 2014. № 4(36). С. 84–89.

20. Социально-экономическое обоснование подходов к исследованию потребительского поведения в сфере услуг / Починок Н.Б., Виноградова М.В., Бабакаев С.В., Королева В.А. // Социальная политика и социология. 2016. Т. 15. № 1 (114). С. 24–34. DOI: 10.17922/2071-3665-2016-15-1-24-34.
21. Тартаковская И.Н., Ваньке А.В. Трудовые траектории precarious работников и формирование precarious habitus // Социологический журнал. 2019. № 2. С. 99–115. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.2.6388.
22. Четыррова Л. Б. Ментальность калмыков: истоки и причины изменений [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2017, № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/730> (дата обращения: 21.02.2020.). DOI: 10.25178/nit.2017.3.8.
23. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 1056 с. ISBN 5С8243С0513С7.
24. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 380 с. ISBN 5-94483-008-5.
25. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с. ISBN 978-5-906001-04-7.
26. Ярская-Смирнова В.Н., Зайцев Д.В. Габитус инвалидности в поле высшего образования // Журнал исследований социальной политики. 2017. № 4. С. 585–600. DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-4-585-600.
27. Ядранский Д.Н. Социальные проблемы формирования практической готовности педагога // XXVIII Ершовские чтения. Сборник научных статей. Изд. ИПИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ. 2018. С. 5–7.
28. Bourdieu P. *La Distinction. Critique sociale du jugement*. Paris: Les Editions de Minuit, 1979. 680 p. ISBN 2707302759.
29. Bourdieu P. *Le sens pratique*. Paris: Les Editions de Minuit, 1980. 479 p. ISBN 2-7073-0298-8.
30. Bucerius S. *Unwanted: Muslim Immigrants, Dignity, and Drug Dealing*. New York: Oxford University Press, 2014. 272 p. ISBN 0199856478.

31. Costa C., Murphy, M. (Eds.), *Bourdieu, Habitus and Social Research: The Art of Application*. Palgrave Macmillan, Houndmills, Basingstoke Hampshire. New York, 2015. 191 p. ISBN 978-1-137-49692-8.
32. Costa C., Burk C., Murphy M. Capturing habitus: theory, method and reflexivity // *International Journal of Research & Method in Education*. 2018, January. Pp. 1–32. DOI: 10.1080/1743727X.2017.1420771.
33. Fraser A. Street habitus: Gangs, territorialism and social change in Glasgow // *Journal of Youth Studies*. 2013. №16 (8), pp. 970–985. DOI: 10.1080/13676261.2013.793791.
34. Podgorny B. The Russian stock market as a social space: a theoretical basis. *Economic Annals-XXI*. 2017. № 3–4, pp. 20–24. DOI: <https://doi.org/10.21003/ea.V164-04>.
35. Shammas V., Sandberg S. Habitus, capital, and conflict: Bringing Bourdieusian field theory to criminology // *Criminology & Criminal Justice*. 2015. № 16 (2), pp. 1-19. DOI: 10.1177/1748895815603774.
36. Wacquant L. Habitus as Topic and Tool: Reflections on Becoming a Prizefighter // *Qualitative Research in Psychology*. 2011. № 8, pp. 81–92. DOI: 10.1080/14780887.2010.544176.

References

1. Akvinskiy F. *Summa teologii. Chast' II-I. Voprosy 49-89* [Sum of theology. Part II-I. Questions 49-89]. K.: Nika-Center, 2008. 536 p.
2. Bosketti A. Sociologija literatury i dostizhenie podhoda P'era Burd'e [Sociology of Literature and the Achievement of Pierre Bourdieu's Approach]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Zhurnal of Sociology and Social Anthropology]. 2004. No. 5, pp. 115–125.
3. Burd'e P. *Nachala*. [Beginning]. M.: Socio-Logos, 1994. 288 p.
4. Burd'e P. *Pole literatury* [Field of literature]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. 2000. No. 45, pp. 22–87.
5. Burd'e P. *Prakticheskij smysl* [Practical meaning]. Spb.: Aletejya, 2001. 562 p.
6. Glukhova T.I. Inokul'turnyy gabitus i mir tsennostey russkoy kul'tury [Inocultural habit and the world of values of Russian culture]. *Vestnik Universiteta Rossiyskoy akademii obrazovaniya* [Bulletin of the University of the Education Russian Academy]. 2015. No. 2, pp. 104–107.

7. Gromakova V.G. Sotsial'no-politicheskiy gabitus: struktura i funktsii v integratsii obshchestva [Socio-political habitus: structure and functions in the integration of society]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski* [State and municipal administration. Scientific notes]. 2019. No. 2, pp. 214–219. DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-2-214-219.
8. Gusserl' E. *Izbrannye raboty* [Selected works]. M.: Publishing House «The Future Territory», 2005. 464 p.
9. Zhelnina E.V. K voprosu o faktorakh soprotivleniya innovatsiyam (po re-zul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya) [To the question of factors of resistance to innovation (based on the results of a sociological study)]. *Territoriya nauki* [Territory of science]. 2017. No. 6, pp. 40–45.
10. Ivanova N.A. *Nauka kak sotsial'naya praktika i ee gabitual'noe osnovanie* [Science as a social practice and its habitual basis]: autoref. dis. ... Doc. Fil. Tomsk, 2015. 48 p.
11. Kachanov Yu. L., Shmatko N. A. Kak vozmozhna sotsial'naya gruppa? (k probleme real'nosti v sotsiologii) [How is a social group possible? (to the problem of reality in sociology)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 1996. No. 12, pp. 95–105.
12. Kachanov Yu.L., Shmatko N.A. Gabitus vmesto soznaniya: teoriya i eksperiment [Habitus instead of consciousness: theory and experiment]. *Socziologiya: 4M* [Sociology: 4M]. 2000. No. 12, pp. 25–39.
13. Moss M. *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noy antropologii* [Society. Exchange. Personality. Proceedings of social anthropology]. M.: KDU, 2011. 416 p.
14. Podgornyy B.B. Gabitus chastnykh investorov rossijskogo fondovogo rynka [Habitus of private investors of the Russian stock market]. *Ekonomichnij chasopis-XXI* [Economic Annals-XXI]. 2016. No. 7–8, pp. 111–115. DOI: <https://doi.org/10.21003/ea.V160-22>.
15. Podgornyy B.B. Professional'nye uchastniki rossijskogo fondovogo rynka: gabitus i praktiki [Professional participants of the Russian stock market: habitus and practice]. *Sovremennye issledovaniya social'nykh problem* [Modern studies of social problems]. 2017. No. 6, pp. 67–88. DOI: 10.12731 / 2218-7405-2017-6-67-88.

16. Podgornyj B.B. *Rossijskij fondovyy rynek kak social'noe pole* [The Russian stock market as a social field]. Kursk: University Book, 2018. 327 p.
17. Radaev V.V. Ponjatie kapitala, formy kapitalov i ih konvertacija [The concept of capital, the form of capital and their conversion]. *Jekonomicheskaja sociologija* [Economic Sociology]. 2002. No. 4, pp. 20–32.
18. Rozov N.S. Dinamicheskaja koncepcija mentaliteta i izmenchivoe raznoobrazie rossijskikh gabitusov [The dynamic concept of mentality and the volatile variety of Russian habitus]. *Idei i idealy* [Ideas and ideals]. 2010. No. 1, pp. 60–79.
19. Sizova I.L., Ermilova A.V., Husjainov T.M. «Gabitus fakul'teta» i socializacija studentov klassicheskogo universiteta (na primere fakul'teta social'nyh nauk Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo) [«Habitus of the faculty» and the socialization of a classical university students (using the example of social sciences faculty of N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta. Serija: Social'nye nauki* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University. Series: Social Sciences]. 2014. No. 4, pp. 84–89.
20. Pochinok N.B., Vinogradova M.V., Babakaev S.V., Koroleva V.A. Social'no-jekonomicheskoe obosnovanie podhodov k issledovaniju potrebitel'skogo povedenija v sfere uslug [Socio-economic substantiation of approaches to the study of consumer behavior in the service sector]. *Social'naja politika i sociologija* [Social Policy and Sociology]. 2016. No. 1(114), pp. 24–34. DOI: 10.17922 / 2071-3665-2016-15-1-24-34.
21. Tartakovskaja I.N., Van'ke A.V. Trudovye traektorii prekarnyh rabotnikov i formirovanie prekarnogo gabitusa [Labor paths of precarious workers and the formation of precarious habitus]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. 2019. No. 2, pp. 99–115. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.2.6388.
22. Chetyrova L. B. Mental'nost' kalmykov: istoki i prichiny izmenenij [The mentality of Kalmyks: the sources and causes of changes]. *Novye issledovanija Tuvy* [New studies of Tuva]. 2017. No. 3. <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/730> (accessed: 02.21.2020.). DOI: 10.2517/nit.2017.3.8.

23. Shjuc A. *Izbrannoe: Mir, svetjashhijsja smyslom* [Favorites: A world shining with meaning]. M.: Russian political encyclopedia, 2004. 1056 p.
24. Jelias N. *O processe civilizacii. Sociogeneticheskie i psihogeneticheskie issledovanija. T. 2* [On the process of civilization. Sociogenetic and psychogenetic studies. V. 2]. M.; St. Petersburg: University Book, 2001. 380 p.
25. Jadov V.A. *Samoreguljacija i prognozirovanie social'nogo povedenija lichnosti: Dispozicionnaja koncepcija. 2-e rasshirennoe izd.* [Self-regulation and forecasting of social behavior of an individual: a dispositional concept. 2nd extended ed.]. M.: TsSPiM, 2013. 376 p.
26. Jarskaja-Smirnova V.N., Zajcev D.V. *Gabitus invalidnosti v pole vysshego obrazovanija* [Habitus of disability in the field of higher education]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki*. [Journal of Social Policy Studies]. 2017. No. 4, pp. 585–600. DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-4-585-600.
27. Jadranskij D.N. *Social'nye problemy formirovanija prakticheskoj gotovnosti pedagoga* [Social problems of the formation of the teacher's practical readiness]. *XXVIII Ershovskie chtenija. Sbornik nauchnyh statej*. [XXVIII Ershov readings. Collection of scientific articles]. Tyumen, 2018. P. 5–7.
28. Bourdieu P. *La Distinction. Critique sociale du jugement*. Paris: Les Editions de Minuit, 1979. 680 p.
29. Bourdieu P. *Le sens pratique*. Paris: Les Editions de Minuit, 1980. 479 p.
30. Bucerus S. *Unwanted: Muslim Immigrants, Dignity, and Drug Dealing*. New York: Oxford University Press, 2014. 272 p.
31. Costa C., Murphy, M. (Eds.), *Bourdieu, Habitus and Social Research: The Art of Application*. Palgrave Macmillan, Houndmills, Basingstoke Hampshire. New York, 2015. 191 p.
32. Costa C., Burk C., Murphy M. *Capturing habitus: theory, method and reflexivity*. *International Journal of Research & Method in Education*. 2018, January. Pp. 1–32. DOI: 10.1080/1743727X.2017.1420771.
33. Fraser A. *Street habitus: Gangs, territorialism and social change in Glasgow*. *Journal of Youth Studies*. 2013. No. 16 (8), pp. 970–985. DOI: 10.1080/13676261.2013.793791.

34. Podgorny B. The Russian stock market as a social space: a theoretical basis. *Economic Annals-XXI*. 2017. No. 3–4, pp. 20–24. DOI: <https://doi.org/10.21003/ea.V164-04>.
35. Shammass V., Sandberg S. Habitus, capital, and conflict: Bringing Bourdieusian field theory to criminology. *Criminology & Criminal Justice*. 2015. No. 16 (2), pp. 1–19. DOI: 10.1177/1748895815603774.
36. Wacquant L. Habitus as Topic and Tool: Reflections on Becoming a Prizefighter. *Qualitative Research in Psychology*. 2011. No. 8, pp. 81–92. DOI: 10.1080/14780887.2010.544176.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Подгорный Борис Борисович, доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социологии
Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, 94, г. Курск, 305040, Российская Федерация
b.podgorny46@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Podgorny Boris Borisovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor of Philosophy and Sociology Department
South-Western State University
94, 50 years of October Str., 305040, Kursk, Russian Federation
b.podgorny46@gmail.com
SPIN-code: 9090-2602
ORCID: 0000-0002-2972-3603
Scopus Author ID: 56179962200

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-2-302-317

УДК 1; 374;304.2

КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ СИСТЕМЫ ЦИФРОВОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

Грязнова Е.В., Треушников И.А., Гончарук А.Г.

Затяжной кризис в образовательной системе в нашей стране связан с общей экономической ситуацией, сопровождаемый постоянными социальными преобразованиями. Первый и серьезный стресс система высшего образования как социальный феномен получила в процессе информатизации. В результате возникли серьезные противоречия между традиционными и информационными элементами данной системы. Педагогический конфликт – одно из базовых противоречий современного общества. Исследования конфликтов в системе цифрового образования ведутся в различных сферах научного знания и пока имеют разрозненный характер. Для разработки комплексных мер по предупреждению развития конфликтности в образовании необходима систематизация возможных причин данного вида конфликтов. Предметом исследования является выявление и систематизация причин педагогического конфликта в современном социуме в условиях цифровизации системы высшего образования в России. В качестве методологии исследования использовался метод аналитического обзора, сравнения, обобщения, деятельностный подход, принципы диалектики. Основными выводами проведенного исследования является предположение о том, что даже при частичном переходе высшего образования в цифровой формат возрастает степень конфликтности между основными элементами не только педагогической деятельности, но и между сферами общественной жизни. Цифровое образование, являясь базовым элементом цифровой экономики, повышает общий уровень конфликтности в социуме. Педагогический конфликт в цифровом образовании сегодня пока еще мало изучен и требует систем-

ных исследований в сфере психолого-педагогических, философских и социальных наук. Необходима разработка типологии педагогического конфликта в цифровом образовании, изучение новых моделей педагогического взаимодействия и проведение серьезных и масштабных социологических исследований данного вида конфликтов.

Ключевые слова: цифровизация образования; цифровая экономика; цифровая образовательная среда; информационная культура.

THE CONFLICT POTENTIAL OF THE DIGITAL SYSTEM OF HIGHER EDUCATION IN RUSSIA

Gryaznova E.V., Treushnikov I.A., Goncharuk A.G.

The prolonged crisis in the educational system in our country is associated with the General economic situation, accompanied by constant social transformations. The first and serious stress the higher education system as a social phenomenon received in the process of Informatization. As a result, there were serious contradictions between the traditional and informational elements of this system. Pedagogical conflict is one of the basic contradictions of modern society. Research on conflicts in the digital education system is conducted in various fields of scientific knowledge and is still fragmented. To develop comprehensive measures to prevent the development of conflict in education, it is necessary to systematize the possible causes of this type of conflict. The subject of the research is to identify and systematize the causes of pedagogical conflict in modern society in the context of digitalization of the higher education system in Russia. The method of analytical review, comparison, generalization, activity approach, and principles of dialectics were used as the research methodology. The main conclusions of the study are the assumption that even with the partial transition of higher education to digital format, the degree of conflict between the main elements of not only pedagogical activity, but also between the spheres of public life increases. Digital education, as a basic element of the digital economy, increases the overall level of conflict in society. The pedagogical

conflict in digital education is still poorly understood and requires systematic research in the field of psychological, pedagogical, philosophical and social Sciences. It is necessary to develop a typology of pedagogical conflict in digital education, study new models of pedagogical interaction, and conduct serious and large-scale sociological research of this type of conflict.

Keywords: *digitalization of education; digital economy; digital educational environment; information culture.*

Введение

Сегодня проблемами социального конфликта занимаются философы, психологи, социологи, педагоги, политологи и представители многих других сфер научного знания [11, 23, 31, 34]. Одной из основных причин возникновения конфликтов считается конфликт интересов конфликтующих сторон [1, 33, 36]. При определении разновидностей конфликтов в социальной системе одним из распространенных вариантов, которые можно встретить в научной литературе – это выделение двух типов конфликтов: социальный конфликт и конфликт внутри личностный [2, 34]. Социальный конфликт возникает в результате разногласий между социальными субъектами в социальных отношениях, а внутри личностный в результате расхождений между личностными убеждениями и интересами индивида и общественными нормами, правилами и ценностями. «КОНФЛИКТ – столкновение противоположных интересов, взглядов; способ разрешения противоречий в отношениях людей, протекающий в двух взаимосвязанных формах: скрытых и открытых действиях сторон, как на индивидуальном, так и на групповом уровне. В основе К. – объективное расхождение целей и интересов, ценностей и идентичностей» [10, с. 30].

Анализ научной социологической и философской литературы в определении сущности социальных конфликтов показал, что в основном авторы отталкиваются от аналогичных энциклопедических определений социальных конфликтов [8, 29]. В педагогических исследованиях проблем конфликтов чаще всего авторы также берут

за основу понятие социального и межличностного конфликта [4, 7, 19]. Социальный конфликт является основой конфликтогенности в обществе в силу того, что речь идет о социальных отношениях, к которым относятся и педагогические отношения.

Таким образом, анализ литературы, посвященной изучению проблем педагогических конфликтов, показал, что данный вид конфликтов исследуется достаточно серьезно. Однако изучение этого явления в условиях цифровизации высшего образования находится на начальном этапе и работ в этом направлении в педагогических, социальных и философских исследованиях недостаточно [24, 27].

Материалы и методы исследования

В ходе исследования был проведен аналитический обзор отечественной и зарубежной литературы в сфере социальных, педагогических и философских наук, посвященной проблемам цифровизации высшего образования. Полученный материал был обобщен и систематизирован на основе деятельностного подхода и принципов диалектики.

Результаты исследования и их обсуждение

В научных работах, посвященных делению педагогических конфликтов на виды, авторы выделяют следующие типы конфликтов в вузе: «... по уровню проявления (ректорат, профессорско-преподавательский коллектив, учебная группа студентов); по системе взаимодействия (преподаватель-преподаватель, студент-преподаватель, студент-студент); по субъектам (внутриличностные, межличностные, между личностью и группой, межгрупповые); по предмету (противоречия ожиданий, интересов, ценностей); по форме проявления (внешние действия, скрытые от наблюдателя психические процессы)» [5, с. 12]. В данном случае виды конфликтов определяются на основе структурных элементов конфликта как социального феномена. В определениях сущности самого педагогического конфликта чаще всего авторы делают акценты на противоречиях, возникающих между элементами структуры конфликта как субъект-субъектного отношения [14, с. 64].

В качестве причин педагогических конфликтов чаще всего указывается несоответствие ожидаемого отношения преподавателя к студентам с реальным отношением, возникающим в педагогическом взаимодействии. Второй причиной педагогических конфликтов исследователи называют «нелогичное (непонятное)» изложение материала. Достаточно распространенной причиной конфликтов между субъектами педагогической деятельности, по мнению студентов, оказывается необъективная оценка знаний студентов со стороны преподавателя. По мнению преподавателей, причинами конфликтов является поведение студентов, не соответствующее общепринятым в педагогических отношениях нормам и правилам. В особую категорию причин конфликтов можно выделить такое правонарушение как попытка дачи взяток. Все опрошенные преподаватели назвали ее началом развития конфликтных ситуаций [12].

Исследование причин педагогических конфликтов между педагогами и руководством представлено в работе В.В. Сизовой и А.Е. Шабановой [26]. По результатам опросов и анкетирования авторы отмечают, что руководители учебных заведений в качестве основной причины конфликтов между руководством и представителями педагогического коллектива называют: «... “неоднозначно определённые обязанности”, различное восприятие ситуаций и наличие конфликтных личностей, наименьший же отклик получил пункт, затрагивающий профессиональные умения и навыки» [26, с. 92].

Особое место среди конфликтов в высших учебных заведениях занимают межличностные конфликты преподавателей. Как отмечают В.А. Кручини и Е.М. Федотова: «По нашим данным, 61 % преподавателей подвержены конфликтам в межличностных отношениях, 29% конфликтуют со студентами и лишь 9% с руководством вуза» [13, с. 26].

Достаточно часто в научной педагогической литературе авторы уделяют внимание такому виду конфликтов как ценностно-мотивационный конфликт [21, 28]. Дисбаланс между желанием иметь результат и мотивацией для его достижения не редкое состояние для преподавателей высшей школы: «... с усилением мотивации

профессиональной деятельности увеличивается вероятность возникновения ценностно-мотивационного конфликта» [28, с. 133].

Все чаще в литературе появляются работы, в которых авторы пишут о том, что в условиях цифровизации системы образования в конфликтных ситуациях оказываются цели, средства и результаты, которыми пользуются участники педагогической деятельности. Часть педагогов сумела перестроиться и перейти на новые стандарты и технологии, а часть продолжает работать в традиционном формате [3, с. 48].

Цифровизация образования как процесс технически и организационно еще более сложный, чем информатизация, усиливает конфликтогенность на институциональном уровне. Исследователи отмечают, что коммерциализация высшего образования в России приводит к усилению конфликтов между структурами в управлении образованием, между органами управления различных уровней в системе образования и экономике в целом, между прописанными условиями труда в нормативных документах и реально создаваемыми условиями труда преподавателей и студентов на местах. В результате перехода к западным моделям цифрового образования происходит рассогласование между формой и содержанием модернизированной системы образования, когда форму обновили, а содержание остается прежним [6].

Цифровизация образования требует еще более высокой подготовки и систематической переподготовки преподавателей высшей школы. Высшая школа испытывает дефицит высококвалифицированных кадров [9, 18, 24]. Цифровизация образования требует построения и внедрения новой модели образования, предусматривающей иной тип социальных отношений между субъектами педагогического процесса [20]. Она предусматривает интенсификацию педагогических отношений в цифровой среде вуза. Речь идет о новой парадигме педагогических отношений [15–17].

В предполагаемой новой модели меняется статус преподавателя и роль обучающегося, прежде всего [27, 31]. Современный педагог высшей школы уже в меньшей степени является носителем знания,

а выступает в роли проводника в информационных образовательных системах. Роль студента меняется кардинально. Современных студентов не привлекают традиционные лекции, все чаще они выбирают самостоятельный маршрут в овладении теоретическим материалом. Теперь он зависит от квалификации тьюторской деятельности педагога. Возможность роста конфликтности остается, но принимает иной характер. Кроме того, в условиях развития информационной культуры и все большего погружения современной молодежи в информационное социокультурное пространство меняется мировоззрение современного студента, его сознание приобретает черты клипового мышления. Клиповость сознания вступает в противоречие с требованиями к качеству образования, с теми квалификационными требованиями, которые сформулированы в образовательных стандартах последнего поколения.

В ряде публикаций авторы отмечают непродуманность в нормативной базе, обеспечивающей внедрение цифровой среды в образование мер по организации труда субъектов педагогической деятельности, по безопасности здоровья, информационной безопасности, защиты интеллектуальной собственности, вопросам правового регулирования педагогических отношений и т.п. [22].

Заключение

Таким образом систематизировать причины педагогических конфликтов можно, взяв за основу структуру педагогического конфликта в цифровом образовании как субъект-субъектного отношения. Так, как основная причина возрастания конфликтности в обществе возникает на основе противоречия между традиционной системой образования и цифровой, то при систематизации следует учесть и этот момент. Тогда можно выстроить систему противоречивых отношений между субъектом цифрового и традиционного образования, между объектами разных систем образования, средстами, средой, условиями, результатами и т.д. К ним добавляются и противоречия между разнородными элементами каждой из систем, например, между субъектом цифрового образования и сред-

ствами традиционного образования и т.д. Каждый вид педагогического конфликта можно рассматривать в отношении к элементам определенной сферы общества. Например, экономическая сфера, представленная как совокупность экономических потребностей, способностей, деятельности, институтов и отношений, даст целый спектр причин педагогических конфликтов: между потребностями экономики и способностями субъекта педагогической деятельности, ее объектами, средствами, условиями и т.д.

Изучать причины возрастания конфликтности цифрового образования можно по направлениям, задаваемым основными сферами общественной жизни, которые являются социальными заказчиками для педагогической сферы. Тогда мы получим целый спектр педагогических конфликтов, например, экономические, управленческие, научные и т.п.

Можно выделить два основных уровня педагогических конфликтов в цифровом образовании:

1 уровень между элементами традиционной и цифровой педагогической сферы

2 уровень между элементами цифровой педагогической сферы и элементами сфер общественной жизни

Проведенное исследование роли педагогического конфликта в росте конфликтности социума в условиях цифровизации высшего образования показало, что данный вид конфликта занимает одну из ведущих позиций. Уровень развития цифровых технологий в образовании меняет модель педагогических отношений. Следовательно, должна измениться и модель педагогического конфликта. Причем изменения происходят в два этапа. На первом этапе наблюдается трансформация основных элементов конфликта как субъект-субъектных отношений. Конфликтность в системе высшего образования повышается из-за возникновения новых форм конфликтных отношений, возникающих между старыми и новыми элементами системы, включая и субъекты педагогической деятельности. На втором этапе должны измениться сами отношения между элементами педагогического конфликта, что приведет и к смене его модели в целом.

Педагогический конфликт является системным феноменом и затрагивает практически все сферы общественной жизни: экономическую, научную, управленческую, педагогическую и т.д. Готовя кадры для всех отраслей экономики, система образования оказывается источником социальных конфликтов всех типов и видов. Цифровизация высшего образования на современном этапе своего развития в нашей стране обладает высокой степенью конфликтогенности. По мере ее дальнейшего развития количество видов конфликтов, требующих разрешения, будет только возрастать. Причем увеличиваться будет и степень неопределенности их разрешения. Поэтому изучение природы и типологии данного вида конфликта, его места и роли в системе общественных отношений является актуальнейшей задачей современного философского и социального знания.

Список литературы

1. Алавердов А.Р., Громова Н.В. Научно-педагогические работники и административно-управленческий персонал: конфликт интересов или конструктивное взаимодействие? // Высшее образование в России. 2017. № 3. С. 5-16.
2. Анцупов А. Я. Конфликтология. М.: Эксмо, 2009. 512 с.
3. Артамонова М.В. Конфликты и трансформация высшего образования России // Инновации в гражданской авиации. 2018. Т. 3. № 3. С. 42-48.
4. Беккулова А.Д., Жетписова А.Б. Педагогический конфликт, его виды, причины, факторы в высших учебных заведениях // Актуальные научные исследования в современном мире. 2019. № 10-5 (54). С. 24-29.
5. Бугакова Н.Ю., Великанова Л.П., Лурье И.Г. Специфика конфликтов в учебно-воспитательном процессе высшей школы // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2018. № 3 (45). С. 12-17.
6. Быданов В.Е., Табурчак П.П. Институциональный конфликт менеджмента современной высшей школы в России // Конфликтология. 2016. № 4. С. 304-322.

7. Гаджикурбанова Г.М. Управление педагогическим конфликтом // Вестник Социально-педагогического института. 2016. № 1 (17). С. 51-55.
8. Гнетова Л.В., Карпова М.А., Чихутова А.Д. Конфликт интересов, происхождение и определение понятия // NovaUm.Ru. 2018. № 16. С. 355-356.
9. Горобцова Л.П., Цыганков И.С. Проблемы и перспективы образования в условиях цифровой экономики // Вестник факультета управления СПбГЭУ. 2018. № 3-1. С. 284-289.
10. Дмитриев А. В. Конфликтология : терминологический словарь. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : СПбГУП, 2013. 80 с.
11. Ежова В.А. Социология конфликта в системе социологического знания // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2019. № 11. С. 26-28.
12. Замалетдинова Л.Р., Фахретдинова А.Б. Конфликт интересов в педагогической среде высшего учебного заведения // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1. С. 260-262.
13. Кручинин В.А., Федотова Е.М. Межличностные конфликты преподавателей высшей школы // Гуманизация образования. 2015. № 6. С. 26-30.
14. Кулакова Т.В. Педагогический конфликт в высшей школе как объект изучения // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2018. № 1 (18). С. 63-66.
15. Малушко Е.Ю., Лизунков В.Г. Система электронного образования как инструмент повышения конкурентоспособности специалиста в условиях цифровой экономики // Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8. № 2 (31). С. 3.
16. Марей А. Цифровизация как изменение парадигмы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bcg.com/ru-ru/about/bcg-review/digitalization.aspx>
17. Никулина Т.В., Стариченко Е.Б. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России . 2018. № 8. С. 107-113.
18. Новикова Е.С., Сигарев А.В. Образование в цифровую эпоху: возможности и угрозы для экономики // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 6-1. С. 171-179.

19. Осначев А.А. Понятие «конфликта» в современной научно-педагогической литературе // Специфика педагогического образования в регионах России. 2019. № 1 (12). С. 12-13.
20. Паспорт приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» <http://static.government.ru/media/files/8SiLmMBgJAN89vZbUUtmuF5lZYfTvOAG.pdf>
21. Полякова И.П. Роль ценностей в процессе мотивации. Липецк: ЛГТУ, 2004. 169 с
22. Привалов Н.Г., Привалова С.Г. Анализ рисков в цифровом образовании: достоинства и недостатки его реализации // Цифровая экономика и сквозные технологии: теория и практика/Под ред. А. В. Бабкина. Санкт-Петербург, 2019. С. 594-620.
23. Пробин П.С. О проблемах современной модели цифрового образования // Мир педагогики и психологии. 2019. № 2 (31). С. 30-38.
24. Сакулина И.А. Философия управления конфликтом // Философия и наука. 2017. № 16. С. 137-142.
25. Сергеева М.Г., Симонова Н.М. Цифровая образовательная среда как фактор эффективности педагогического менеджмента в процессе разрешения конфликтов в образовательной организации // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 67-3. С. 176-179.
26. Сизова В.В., Шабанова А.Е. Причины конфликтов и методы управления конфликтами в педагогических коллективах // Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2018. Выпуск 3. С. 91-95.
27. Строков А.А. Цифровизация образования: проблемы и перспективы // Вестник Мининского университета. 2020. №2(31). DOI: 10.26795/2307-1281-2020-8-2-15
28. Сульчинская Э.Э. Виды и свойства ценностно-мотивационного конфликта преподавателей высшей школы // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2016. Т. 5. № 5А. С. 127-137.
29. Терентьева В.И., Пехтина А. Цифровой взрыв. Конфликт между задачами жизненной и бизнес средами // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. 2018. № 28. С. 13.

30. Фоменков А.И. Социальный конфликт: генезис понятия, эволюция идей, типология // Гуманитарный научный вестник. 2018. № 6. С. 8-22.
31. Gryaznova E.V., Treushnikov I.A., Maltseva S.M. Disturbing trends in the Russian education system: The analysis of scientists and teachers opinions // *Perspektivy Nauki i Obrazovaniya*, Vol. 38, №2, pp. 47–57, 2019.
32. Horváth S. Between Conflict and Consensus: Why Democracy Needs Conflicts and Why Communities Should Delimit Their Intensity. 2018. *Zeitschrift für Kritische Sozialtheorie Und Philosophie* 5 (2):264-281.
33. Mayes C. After Conflicts of Interest: From Procedural Short-Cut to Ethico-Political Debate. 2020. *Journal of Bioethical Inquiry* 17 (2):245-255.
34. Neesham C. & Dibben M. Class Conflict and Social Order in Smith and Marx: The Relevance of Social Philosophy to Business Management. 2016. *Philosophy of Management* 15 (2):121-133.
35. Spurrett D. Does Intragenomic Conflict Predict Intrapersonal Conflict? 2016. *Biology and Philosophy*. 31 (3):313-333.
36. Villarán A. Conflicts of Interest: A Moral Analysis. 2020. *Business and Professional Ethics Journal* 39 (1):121-142.

References

1. Alaverdov A.R., Gromova N.V. *Vysshye obrazovanie v Rossii*. 2017. № 3. P. 5-16.
2. Antsupov A. Ya. *Konfliktologiya* [Conflictology]. M.: Eksmo, 2009. 512 p.
3. Artamonova M.V. *Innovatsii v grazhdanskoj aviatsii*. 2018. V. 3. № 3. P. 42-48.
4. Bekkulova A.D., Zhetpisova A.B. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire*. 2019. № 10-5 (54). P. 24-29.
5. Bugakova N.Yu., Velikanova L.P., Lur'e I.G. *Izvestiya Baltijskoj gosudarstvennoj akademii rybopromyslovogo flota: psikhologo-pedagogicheskie nauki*. 2018. № 3 (45). P. 12-17.
6. Bydanov V.E., Taburchak P.P. *Konfliktologiya*. 2016. № 4. P. 304-322.
7. Gadzhikurbanova G.M. *Vestnik Sotsial'no-pedagogicheskogo instituta*. 2016. № 1 (17). P. 51-55.
8. Gnetova L.V., Karpova M.A., Chikhutova A.D. *NovaUm.Ru*. 2018. № 16. P. 355-356.

9. Gorobtsova L.P., Tsygankov I.S. *Vestnik fakul'teta upravleniya SPbGEU*. 2018. № 3-1. P. 284-289.
10. Dmitriev A. V. *Konfliktologiya : terminologicheskii slovar'* [Conflictology: a terminological dictionary]. 2-e izd., ispr. idop. SPb. : SPbGUP, 2013. 80 p.
11. Ezhova V.A. *Sotsiologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo*. 2019. № 11. P. 26-28.
12. Zamaletdinova L.R., Fakhretdinova A.B. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. 2016. № 1. P. 260-262.
13. Kruchinin V.A., Fedotova E.M. *Gumanizatsiya obrazovaniya*. 2015. № 6. P. 26-30.
14. Kulakova T.V. *Aktual'nye problemy sovremennosti: nauka i obshchestvo*. 2018. № 1 (18). P. 63-66.
15. Malushko E. Yu., Lizunkov V.G. *Vestnik Mininskogo universiteta*. 2020. V. 8. № 2 (31). P. 3.
16. Marey A. *Tsifrovizatsiya kak izmenenie paradigmy* [Digitization as a paradigm change]. <https://www.bcg.com/ru-ru/about/bcg-review/digitalization.aspx>
17. Nikulina T.V., Starichenko E.B. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 2018. № 8. P. 107-113.
18. Novikova E.S., Sigarev A.V. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*. 2019. V. 9. № 6-1. P. 171-179.
19. Osnachev A.A. *Spetsifika pedagogicheskogo obrazovaniya v regionakh Rossii*. 2019. № 1 (12). P. 12-13.
20. Passport of the priority project "Modern digital educational environment in the Russian Federation". <http://static.government.ru/media/files/8SiLmMBgjAN89vZbUUtmuF5lZYfTvOAG.pdf>
21. Polyakova I.P. *Rol' tsennostey v protsesse motivatsii* [The role of values in the process of motivation]. Lipetsk: LGTU, 2004. 169 p.
22. Privalov N.G., Privalova S.G. *Tsifrovaya ekonomika i skvoznye tekhnologii: teoriya i praktika* [Digital economy and end-to-end technologies: theory and practice] / ed. A. V. Babkin. Sankt-Peterburg, 2019. S. 594-620.
23. Probin P.S. *Mir pedagogiki i psikhologii*. 2019. № 2 (31). P. 30-38.
24. Sakulina I.A. *Filosofiya i nauka*. 2017. № 16. P. 137-142.

25. Sergeeva M.G., Simonova N.M. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 2020. № 67-3. S. 176-179.
26. Sizova V.V., Shabanova A.E. *Vestnik TvGTU. Seriya «Nauki ob obshchestve i gumanitarnye nauki»*. 2018. Issue 3. P. 91-95.
27. Stokov A.A. *Vestnik Mininskogo universiteta*. 2020. №2(31). DOI: 10.26795/2307-1281-2020-8-2-15
28. Sul'chinskaya E.E. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*. 2016. V. 5. № 5A. P. 127-137.
29. Terent'eva V.I., Pekhtina A. *Vestnik Vostochno-Sibirskoy Otkrytoy Akademii*. 2018. № 28. P. 13.
30. Fomenkov A.I. *Gumanitarnyy nauchnyy vestnik*. 2018. № 6. P. 8-22.
31. Gryaznova E.V., Treushnikov I.A., Maltseva S.M. Disturbing trends in the Russian education system: The analysis of scientists and teachers opinions. *Perspektivy Nauki i Obrazovania*, Vol. 38, №2, pp. 47–57, 2019.
32. Horváth S. Between Conflict and Consensus: Why Democracy Needs Conflicts and Why Communities Should Delimit Their Intensity. 2018. *Zeitschrift für Kritische Sozialtheorie Und Philosophie* 5 (2):264-281.
33. Mayes C. After Conflicts of Interest: From Procedural Short-Cut to Ethico-Political Debate. 2020. *Journal of Bioethical Inquiry* 17 (2):245-255.
34. Neesham C. & Dibben M. Class Conflict and Social Order in Smith and Marx: The Relevance of Social Philosophy to Business Management. 2016. *Philosophy of Management* 15 (2):121-133.
35. Spurrett D. Does Intragenomic Conflict Predict Intrapersonal Conflict? 2016. *Biology and Philosophy*. 31 (3):313-333.
36. Villarán A. Conflicts of Interest: A Moral Analysis. 2020. *Business and Professional Ethics Journal* 39 (1):121-142.

ДАНИЕ ОБ АВТОРАХ

Грязнова Елена Владимировна, профессор кафедры философии и теологии, доктор философских наук
Нижегородский педагогический университет им. К. Минина
ул. Ульянова, 1, г. Нижний Новгород, 603005, Российская Федерация
egik37@yandex.ru

Треушников Илья Анатольевич, доктор философских наук, начальник кафедры философии, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Нижегородская академия МВД России; Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Нижний Новгород
Анкудиновское шоссе, 3, г. Нижний Новгород, 603144, Российская Федерация; пр. Гагарина, 17А, г. Нижний Новгород, 603022, Российская Федерация
treushnikovilya@mail.ru

Гончарук Алексей Геннадьевич, к.ф.н., ст. преподаватель кафедры философии и теологии
Нижегородский педагогический университет им. К. Минина ул. Ульянова, 1, г. Нижний Новгород, 603005, Российская Федерация
aleksgon75@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Gryaznova Elena Vladimirovna, Doctor of Philosophy of the Department of Philosophy and Theology
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University
1, Ulyanov str., Nizhny Novgorod, 603005, Russian Federation
egik37@yandex.ru
SPIN: 9134-1861
ResearcherID: V-5351-2018
ORCID: 0000-0003-3093-2602
Scopus Author ID: 57205748389

Treushnikov Ilya Anatolyevich, Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines
Academy of the Ministry of Internal Affairs Nizhny Novgorod; Russian State University of Justice Privolzhsky branch, Nizhny Novgorod

3, Ankudinovskoe shosse, 3, Nizhny Novgorod, 603144, Russian Federation; 17A, Gagarina Ave., Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation

treushnikovilya@mail.ru

SPIN: 1529-4681

ResearcherID: C-4537-2013

ORCID: 0000-0003-3506-9078

Scopus Author ID: 57209575342

Goncharuk Aleksey Gennadievich, Candidate for Philosophical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Philosophy and Theology
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University
1, Ulyanov str., Nizhny Novgorod, 603005, Russian Federation
aleksgon75@gmail.com

SPIN: 7653-2535

ORCID: 0000-0003-2825-9404

Scopus Author ID: 57211808151

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-2-318-336

УДК 304.2

«ТЕКУЧАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ» КАК СИМВОЛ ВЕРЫ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Неронова М.Ю., Неронов А.В.

В статье производится критический анализ социологической концепции современного общества, представленной в работе З. Баумана «Текучая современность» и формулируется альтернативный подход к пониманию современного общества как «социокультурной мозаичности».

Цель: *показать недостаточную обоснованность теоретической позиции З. Баумана на фоне современных социальных процессов и предложить альтернативную точку зрения на данную проблему.*

Метод и методология проведения работы: *применялся феноменологический метод и аксиологический подход.*

Результаты: *была предложена альтернативная концепция «социокультурной мозаичности», позволяющая объяснить сложные процессы, происходящие в современном обществе и необъяснимые с позиции З. Баумана.*

Область применения результатов: *Полученные результаты могут быть применены при изучении современных общественных и культурных процессов.*

Ключевые слова: *«текучая современность»; постиндустриальное общество; культурные различия; картина мира; идентичность, эзотерика, новые религиозные движения.*

«LIQUID MODERNITY» AS A SYMBOL OF FAITH IN POST-INDUSTRIAL SOCIETY

Neronova M. Yu., Neronov A. V.

The article provides a critical analysis of the sociological concept of modern society presented in Z. Bauman's work «Liquid modernity» and

formulates an alternative approach to understanding modern society as a «sociocultural mosaic».

Purpose: *to show the insufficient validity of the theoretical position of Z. Bauman against the background of modern social processes and to offer an alternative point of view on this problem.*

Methodology: *the phenomenological method and axiological approach were used.*

Results: *an alternative concept of “sociocultural mosaic” was proposed, which allows us to explain the complex processes taking place in modern society, which are inexplicable from the position of Z. Bauman.*

Practical implications: *The results obtained can be applied to the study of modern social and cultural processes.*

Keywords: *«liquid modernity»; postindustrial society; cultural difference; world view; identity, esotericism, new religious movements.*

В своей знаменитой книге известный социолог Зигмунд Бауман, которого часто именуют главным социологом постмодерна, назвал состояние современного общества «текучей современностью» и выдвинул оригинальную концепцию объяснения удивительной устойчивости современного социума при наличии высокой степени либерализма и невиданной ранее свободе личности. Такому состоянию общества, согласно Бауману, предшествовала эпоха «полного разжижения» всех оснований прежнего общества. Он описывает ее так: «... известная фраза «плавление твердых тел», введена в обращение полтора столетия назад авторами «Коммунистического манифеста», она относилась к трактовке, данной самоуверенным и неудержимым духом современности обществу, которое он нашел для себя слишком застойным и слишком сопротивляющимся изменениям и новым формам, соответствующим его целям, – поскольку общество застыло в своем привычном образе действия. Если этот дух был «современным», то он являлся действительно таковым постольку, поскольку предполагал, что действительность должна освободиться от «мертвящих объятий» своей собственной истории, - и это достигалось лишь путем «плавления твердых тел» (то есть

по определению растворением того, что продолжает существовать определенный период времени и не собирается изменяться или обладает иммунитетом к его течению). Это стремление, в свою очередь, вызывало «профанацию священного»: развенчание прошлого и отречение от него, и прежде всего от «традиций», а именно того, что осталось от прошлого в настоящем; что требовало разрушения защитной брони, выкованной из верований и зависимостей, которые позволяли твердым телам сопротивляться «разжижению» [1, с. 9].

Затем, согласно Бауману, наступает новый порядок с куда более жесткими основаниями, чем прежде, поскольку определяющей силой стала экономика:

«...теперь «базис» социальной жизни придал всем другим сферам жизни статус «надстройки», а именно продукта «базиса», единственная функция которого – обеспечивать его беспрепятственную и непрерывную работу. Плавка твердых тел привела к прогрессивному освобождению экономики от традиционных связей с политическим, этическими и культурными условиями. Это привело к выделению нового порядка, определенного, прежде всего в экономических терминах. Этот новый порядок должен был быть «более твердым», чем та система, которую он заменил, потому что в отличие от нее он был защищен от проблем неэкономического характера. Большинство политических или моральных средств, способных изменить или преобразовать новый порядок, было уничтожено...» [1, с. 10].

И далее следует парадоксальное объяснение поразительной устойчивости нового порядка:

«Жесткость порядка – результат свободы человеческой личности. Эта жесткость является общим продуктом «освобождения тормозов»: прекращения регулирования, либерализации, придания гибкости, увеличения подвижности, снятия ограничений с рынков финансов, недвижимости и рабочей силы, ослабления налогового бремени и т. д.» [1, с. 10].

Сразу же оговоримся, что вера в подобную устойчивость постиндустриального общества была заметно поколеблена кризисом 2008

года, но наиболее мощный удар идея незыблемости нового порядка, основанного на примате экономики над прочими явлениями и ценностями общества, испытывает, начиная с 2020 года, когда глобальный экономический кризис совпал с пандемией коронавируса, что привело к масштабному политическому кризису всей прежней системы мироустройства. Экономика утратила свою «всеобщую диктаторскую силу» и стала частью политики отдельных государств. Однако указанная выше «постиндустриальная вера» была настолько сильна и так широко распространена, что выходила за грань какой-либо обоснованной теории. В рамках этой веры писали многие видные исследователи, например, П. Лукман, Т. Бергер, А. Шюц и другие. По сути, не существовало никакой теории «несокрушимости» либерально-капиталистического порядка, была именно вера в его незыблемость без каких-либо серьезных доказательств. И так появился «морок новой эпохи», а З. Бауман создал социологический образ этого морока, прибегая для выразительности к метафоре с «разжижением» старых порядков и созданием безличного экономического порядка, которому безоговорочно покорны люди, утратившие все прежние смыслы и ценности кроме экономических и витальных.

Но так ли устроен современный мир? Действительно ли все прежние ценности подверглись «плавлению» вплоть до полного исчезновения в тотальности нового либерально-экономического порядка?

Согласно Бауману, идентичность современного человека представлена, в основном, как идентичность потребителя в условиях либерального общества и всеохватного рынка товаров и услуг:

«Мир, полный возможностей, похож на стол, уставленный аппетитными блюдами, слишком многочисленными, чтобы самые прожорливые едоки могли надеяться попробовать каждое. Едоками являются потребители, и самая неприятная и раздражающая проблема для них – потребность в установлении приоритетов: необходимость отказываться от некоторых неисследованных вариантов и оставлять их таковыми. Отчаяние потребителей исходит из избы-

лия, а не из недостатка вариантов выбора. «Использовал ли я свои средства на сто процентов?» – вот наиболее навязчивый, вызывающий бессонницу вопрос потребителя» [1, с. 70–71].

Попробуем подробнее рассмотреть проблему современной идентичности, учитывая, что именно в идентичности людей обнаруживаются также их мировоззрение, ценности и мотивы.

Проблемы идентичности и кризиса идентичности стали интересовать науку еще начиная с работ Э. Эриксона, который среди своих предшественников выделял У. Джеймса, З. Фрейда, Ч. Дарвина и К. Маркса. Одним из первых, кто предложил разделять понятия групповая (коллективная) и индивидуальная (персональная), идентичность, был З. Фрейд [8]. Фрейд предположил, что человек сам по себе и человек, включенный в групповые взаимодействия, осознает и полагает себя по-разному и, если индивидуальное поведение в большей степени определяется «эго», то групповое поведение определяется целым рядом факторов, среди которых большое значение имеют культурные факторы – такие, как мифология, религиозные доктрины, общепринятые ритуалы, система общезначимых моделей поведения и т.д. Посредством таких идентичностей человек воспринимает, упорядочивает и осмысливает окружающую действительность и самого себя.

Известно также, что и Д.Г. Мид [5] рассматривал человеческое «я» двояко: как «Me» и «Self», где первое (Me) предполагает ту часть личности, которая вовлечена во все множество внешних отношений с другими людьми (социокультурных отношений), а вторая (Self) рассматривалась им как отношение человека к себе самому в виде внутреннего процесса саморефлексии. В итоге получается, что и с точки зрения социальной психологии Д.Г. Мида в человеке есть то, что можно условно назвать «коллективным я» и то, что подходит под определение «индивидуального я», «персонального я», или персональной идентичности. Таким образом, идентичность человека может быть как коллективной, так и персональной. Коллективная идентичность характеризует степень и характер вовлеченности человека в социальные отношения, а персональная связана с особен-

ностями самосознания личности, учитывая ценности и смыслы, то есть, экзистенциальный план. Понятно, что для успешной социализации личности необходима определенная гармония между одной и другой формами идентичности.

Проблема идентичности человека в современном мире есть, одновременно, проблема, как отдельной личности, так и общества в целом. Со стороны общества это необходимость добиваться успешной социализации личности каждого из своих членов. С другой стороны, как утверждал еще Ж.П. Сартр, в современном обществе каждая личность несет ответственность за существование. Но так было не всегда.

В Европе средних веков ответственность отдельных людей за собственное существование была почти не актуальна. Роль семьи, церкви, государства и традиционных норм была определяющей в ходе социализации и люди, как правило, не могли выйти за границы заданных им со стороны агентов социализации запретов, ценностей и смыслов. Тогда было легко проводить дихотомическое деление на «праведников» и «грешников», отделяя «нормальных» людей от «ведьм», «еретиков», «преступников» и прочих «нелюдей». Подобное положение легко объясняется завершенностью картины мира в средние века, когда все «предельные вопросы» имели ответы со ссылкой на авторитет бога.

Мировоззрение играет важнейшую роль при социализации личности. А основой мировоззрения выступает картина мира. Если картина мира содержит в себе неразрешенные вопросы, то это, в свою очередь, создает принципиальную возможность появления неустойчивой идентичности человека, склонного к сомнениям и неуверенности в области ценностей и смыслов. Согласно Ю.В. Осокину [6], картина мира представляет собой основу мировосприятия, опираясь на которую человек действует в мире. Она объединяет все известные человеку образы и понятия в единый общий глобальный образ, где содержится все, с чем человек сталкивается в жизни. Картина мира предлагает человеку для интерпретации любой ситуации комплекс исходных принципов, представлений и допущений.

ний о мире, которые касаются стратегии и действия в конкретной ситуации. Эти фундаментальные допущения могут не осознаваться человеком, но они служат критериями для определения смысла и оценки того, с чем он сталкивается.

Картина мира (или образ мира) представляется своеобразным «идеальным культурным ландшафтом», внутри которого размещаются прочие элементы культуры, включая и шкалу ценностей (определенный набор ценностей), которая характерна только для некой определенной картины мира. Кажется вполне очевидным, что картина мира, словно «родная земля», может удерживать только особый набор «родных» культурных ценностей, но она же решительно отвергнет те ценности, которые ей чужды. Так, например, пантеистическое вольномыслие Джордано Бруно в его время воспринималось не иначе, как еретическая антиценность внутри картины мира, построенной на основах догматического христианского теоцентризма. Мир в сознании людей был только один, и он был сотворен единым богом, церковь проповедовала только одно, но зато истинное учение, основанное на Слове Божьем. В таком Универсуме все прочие идеи, которые пробуют угрожать цельной картине мира, а значит и другим его ценностям: Богу, Вере и всему традиционному жизненному укладу, предстают как еретические. Обратим внимание, что и сама картина мира представляет собой культурную ценность, причем – базовую ценность.

Если картина мира меняется, то меняется и вся культурная парадигма с ее смыслами и ценностями. Так, например, в картине мира эпохи Просвещения, где великие астрономические и физические (а еще раньше – географические) открытия радикально преобразили строение вселенной и вытеснили из мировоззрения, утратившие свою убедительность религиозные представления о миропорядке, в новом мировоззрении нашлось законное место не только ценностям свободного рационального познания, но и невозможным ранее атеистическим идеям. И это понятно. Раз мир вовсе не покоится на трех китах, раз земля шарообразна и, вдобавок, вращается вокруг солнца, раз природа открывает свои тайны науке, раз были правы

тот же Бруно, Коперник и Галилей, то почему бы, не поставить под сомнение церковь и религию? Ведь они не только ошибаются, но и препятствуют распространению ценностей Просвещения, включающих в себя единство духа науки и принципов гуманизма, от слияния которых тогда рождалась новая светская культура, несущая в себе светлую идею всестороннего исторического прогресса всего человечества. Так, в конце концов, восторжествовала научная картина мира, тесно объединенная с идеологией проекта модерна, основанной на вере в прогресс человечества. К середине XIX века научная картина мира стала основой для мировоззрения, поскольку задавала логику обыденной действительности и даже смыслы практической жизнедеятельности людей. Бог все больше рационализировался, постепенно сливаясь со сферой человеческого разума. Эта тенденция была наиболее ярко выражена в классической немецкой философии.

Проект модерна привел к слиянию бога с человечеством, и потому возникла только одна базовая оппозиция: между обществом и природой. С одной стороны, это разум и культура, а с другой – неразумная природная стихия. Впрочем, эта оппозиционная человечеству стихия вначале вполне успешно перестраивалась (окультурировалась) в согласии с законами физики, химии, биологии и прочих естественных наук, выражающихся в математических формулах и потому природа заранее обрекалась на поражение перед всемогуществом разума. Сама мораль представлялась людям того времени воплощением разума и разумной культуры, которая противостояла природному несовершенству и объединяла людей на всеобщем пути к счастью и прогрессу. Логика здесь простая и понятная: есть «мы разумные», есть «неразумная природа» и первое должно взять второе под контроль. Как ноосфера – биосферу у В.И. Вернадского. Нет больше «служителей сатаны», поскольку все люди есть одно целое в рамках разумного человечества, а если и происходят некие отклонения от морали и нравственности, то это что-то вроде болезни и потому даже преступники заслуживают свою долю снисхождения, как и сумасшедшие.

Таким образом, идентичность человека Нового времени складывалась через оппозицию культуры как общечеловеческой системы идей и ценностей, и природы, которая приходила к людям в виде ураганов, землетрясений, штормов, болезней, опасных диких зверей и так далее. Даже отклонения от нормы поведения людей трактовалась как следствие низкой культуры, то есть, как неразумие, дающее возможность природному хаосу вторгнуться в культурный космос. Но тогда еще существовала вера в то, что все проблемы, встающие перед человечеством, принципиально разрешимы и обязательно будут преодолены в будущем благодаря достижениям человеческого разума. Представление о базовой оппозиции «человек – природа» в культуре модерна выражалось в новой научной картине мира.

Вместе с тем, модернистскую картину мира нельзя назвать научной в строгом смысле этого слова. Значительное влияние на создание подобной картины мира оказала идеология светского гуманизма, которая требовала от науки поистине сверхъестественных прорывов, что позволило бы осуществить повсеместный прогресс в технической, культурной и социальной областях. Социализм-утопизм, марксизм и даже, в какой-то мере, научная фантастика представляли собой что-то вроде «текстов священных писаний», где наука нередко должна была играть роль чуть ли не творящего чуда бога. При этом наука обязана была следовать исключительно целям прогрессивного культурного развития человечества, хотя само научное познание изначально не предполагает в себе ничего иного кроме исследования избранных ею объектов. Но наука как форма познания исходно не содержит в себе опоры на мораль. Когда же она соединяется с производством и становится прикладной наукой, то и в этом случае, как показывает практика, она остается свободной от любых привносимых в нее моральных идей и гуманистических ожиданий.

Здесь следует отметить, что картина мира, помимо своей «объективно-описательной» стороны, обладает стороной «субъективно-ценностной». Обе стороны составляют единое мировоззрение, но

«субъективная составляющая» предстает как идеология, которая может меняться при сохранении своего базиса, то есть, картины мира.

Так, конфликт между религией как ценностью и новой идеологией проекта модерна начал нарастать именно тогда, когда научная картина мира полностью победила во всех цивилизованных странах, что в мягкой форме выразилось в компромиссе между обыденной жизнью, полной сует и труда, и воскресным посещением церкви. Практическая жизнь основывалась на науке и рассудке, а мораль – на авторитете Писания. Однако в отдельных случаях конфликт между старым и новым в мировоззрении выразился и в радикальных формах решительного раскола. Так, в XIX веке появляются первые крупные НРД (новые религиозные движения), прежде всего такие, как Свидетели Иеговы и Церковь Мормона. Новые религиозные культы полностью отделились от общества и стали сами задавать нормы, ценности и смыслы для своих членов. В XX веке рост НРД продолжился в еще больших масштабах. Это была волевая попытка вернуться к религиозной форме жизни. Многие новые религиозные культы высказывали недовольство общепринятой религией как «утратившей бога и веру» и потому их явление следует рассматривать как усилие в сторону религиозного ренессанса.

Вместе с тем, научная картина мира все равно осталась доминирующей в описании внешней реальности. И церковь, и новые религиозные движения в своих современных трактовках мироздания были уже не в состоянии обойтись без соответствующих координат, заданных наукой. Однако, верующие, в отличие от атеистов настаивают на обязательном бытии бога, наличие которого позволяет видеть мир, с одной стороны, в плоскости научного рационализма, а, с другой – под определенным углом зрения, который позволяет выбирать религиозно обоснованные ценности и смыслы.

Следующая коррекция мировоззрения произошла в 50-х – 60-х годах XX века, в ходе возрастания интереса к эзотерике и в связи с пресловутым «бунтом молодежи 60-х», поднявшим, помимо прочего, ценности индивидуальной свободы и включившим в опыт западной культуры массовое употребление наркотиков, восточные

духовные практики и феномен сексуальной революции. Так возникает массовая настройка на картину мира, в которой царит не наука с её «технократизмом», не устаревшая и консервативная религия, а дающая личную свободу эзотерика, основу которой составляют магия и мистические восточные практики. В этом случае научная картина мира пострадала даже больше, чем при «религиозном ренессансе». Ведь магия или йога могут делать то, что для науки невозможно. К научным описаниям реальности были добавлены магические элементы в форме «астрального плана», «ментального плана» и много иного, что лежит за пределами науки. Но и тут нашлись соответствующие ссылки на науку. Например, ту же магию стали привязывать к парадоксам квантовой физики.

К этому времени проект модерна окончательно утратил свою актуальность, и в постмодернистской реальности научная парадигма перестала ориентироваться на гуманистическую идеологию, приобретя статус атеистической формы мировоззрения, где научный прогресс рассматривается под углом зрения «заземленной прагматики».

Таким образом, к концу XX века мировоззрение оказалось разбито, как минимум, на три основные вида: научно-атеистическое, религиозное и эзотерическое. При этом в религиозном и эзотерическом можно найти массу «подвидов», ориентированных на то, или иное учение и соответствующие им практики. Здесь можно констатировать, что на базе научной картины мира, в определенной мере, возродились мировоззрения прошлых эпох развития культуры: религиозно-мистической парадигмы, характерной для средневековья с его монотеистическими религиями, а также магики-мифологической парадигмы, характерной для древнего мира с его политеизмом. Основу описания окружающей объективной реальности во всех этих видах мировоззрения составляет научная картина мира, но ценности и смыслы задаются исходя из символа веры, который включен в мирописание в статусе главной скрепы, без которой все прочее лишено каких бы то ни было основ.

Кстати, начиная с 60-х годов XX века, усиливается личная ответственность каждого человека за его существование, поскольку,

вместе с возрастанием значимости либеральных ценностей закрепляется идея свободы выбора для каждого человека, в том числе и свобода выбора ценностей и смыслов жизни. Семья и школа уже не определяют социализируемых субъектов в жесткой консервативной форме. Никто больше не настаивает на единственной картине мира для мировоззрения и человек может делать свой выбор в рамках его указанных трех видов.

В результате возник феномен «неустойчивой» или «незавершенной» идентичности. Если человек выбирает сам, то возникает проблема недостаточной легитимации данного выбора. Если нет подтверждения личного выбора со стороны общества, то личный выбор никогда не бывает достаточно основательным для самого человека. И это происходило в рамках начавшейся эпохи всеобщего сомнения во всем, ведущая в сторону мультикультуральности, толерантности, индивидуальной свободы, с обязательным признанием прав меньшинств на тот или иной выбор мыслей, ценностей и действий. Неустойчивое мировоззрение с варибельным набором ценностно-смысловых скреп породило множество неустойчивых идентичностей, сосуществующих друг с другом. У всех этих людей одна картина мира, одна история, одна география, одно на всех небо, описанное астрономией, но при этом для одних это мир, организованный по законам природы, для других – над всем этим стоит высшая божественная воля, а для третьих – этот же самый мир таит в себе невидимые, но могучие магические силы. Что же касается ценностей, то понятно, что сторонники веры бытие бога предпочтут консервативную систему морали, в то время как выбор атеистов или эзотериков может быть куда более разнообразным и даже свободным от «этических оков». То есть, на почве одной картины мира сошлись во взаимном неприятии все три исторические формы духовности: политеистическая магия, монотеистическая религиозность и научный атеизм.

Совершенно очевидно, что перед нами возникает совсем другой мир. Это не мир «тотальной текучести» с торжеством рыночного потребительства при полной аннигиляции всех прошлых ценно-

стей. Скорее, это реальность «мозаики миров», где при единстве объективной стороны мироописания существует огромное разнообразие ценностных трактовок общей для всех картины мира. При этом такие особенные трактовки предполагают различное отношение к миру вплоть до мотивов и действий. Так, например, в рамках многих НРД совершенно отсутствует направленность субъектов на потребление или свободный выбор проявления личности. Там все определяется требованиями доктрин и массовой дисциплиной членов организаций. То, что крупные новые религиозные движения обладают немалыми материальными средствами, говорит лишь о том, что их руководство отдает себе отчет в необходимости приспособления к миру, где очень важную роль играет экономический фактор, но правда заключается в том, что НРД не принадлежат этому миру. Они живут замкнуто от внешней реальности и мотивируются своими религиозными ценностями. Так они решают проблему кризиса идентичности в обеих её формах – коллективной и персональной.

Можно сказать, что при анализе современного общества эти объединения исследователи нередко игнорируют. Да, в экономическом и политическом планах НРД не выступают в качестве заметной силы, однако людей, вовлеченных в их ряды значительно больше, чем, кажется на первый взгляд. Есть такие НРД, которые объединяют в своих рядах миллионы адептов. Таковы, к примеру, Свидетели Иеговы, Церковь Объединения, Церковь Мормона, Церковь саентологии и другие. Многие из них являются крупными международными организациями. Но есть еще и сотни более мелких НРД, учет членов которых затруднен в силу разных обстоятельств. Понятно, что идентичности членов новых религиозных объединений построены в согласии с их символами веры, которые во многом не совпадают с «общепринятыми ценностями».

Теперь коснемся идентичности приверженцев эзотерики в рамках движения «Новая Эра», о котором сказано в связи с событиями 60-х. Эти люди объединяются в кружки единомышленников, ориентированные на то или иное эзотерическое учение. Как и пред-

ставители НРД современные эзотерики решают проблему кризиса, прежде всего, персональной идентичности, связанной со смыслами и ценностями.

Как писал в свое время Розин [7, с. 164–177], те, кто создают эзотерические учения («гении эзотеризма»), как правило, не просто думают об этом, но и живут в согласии со своими творениями. Классическими примерами могут служить Ауробиндо Гхош и Карлос Кастанеда. Эти люди не просто писали книги, но и жили в мирах, созданных на страницах этих книг. Ауробиндо Гхош активно занимался своей интегральной йогой, проводил над собой разнообразные эксперименты и был далек от жизни простого обывателя. То же и с Кастанедой, который, следуя одному из правил «нагвализма» относительно «стирания личной истории» сознательно скрывал от других свою биографию, выставляя напоказ, вымышленные воспоминания и проводил жизнь в странствиях по земле и невероятных шаманских путешествиях в неких «запредельных мирах».

Для современной эзотерики характерно наличие синкретизма. При создании эзотерической картины мира используются отдельные части самых разных учений в их свободном и даже причудливом сочетании. Так, например, Е.П. Блаватская, Р. Штайнер, Г. Гурджиев, Д. Андреев и ряд других знаменитых «эзотерических гуру» весьма вольно «жонглируют» в своем творчестве идеями христианства, буддизма, индуизма, различными научными теориями, идеями, взятыми из герметического знания и так далее. Э. Леви, Папюс, А. Кроули и им подобные соединяют герметизм, каббалистику, ту же науку, астрологию, у Карлоса Кастанеды [4] мы находим соединение шаманизма с элементами квантовой физики, интерпретативной социологии и многого другого, а создатель движения ДЭИР Д. Верещагин [3] использует не только энергоинформационную концепцию, но также магию, психологию и физиологию человека.

Пользуясь отдельными частями разных учений и теорий, современные эзотерики собирают из них цельные картины мира, в которых органично помещаются все необходимые им смыслы и ценности. Они даже сам постмодернистский беспорядок умело ис-

пользуют для создания своих порядков, внутри которых собирается и их собственная субъективная целостность. Одновременно обретается личный смысл жизни и преодолевается абсурд индивидуального существования. Здесь мы наблюдаем соединение творческого искусства и магии, без утраты научной картины мира с её «коррекцией» в сторону прибавления каких либо новых возможностей или даже новых параллельных миров, что также не противоречит принципам современной науки, особенно в области квантовой физики.

Важнейшим следствием подобного культурного конструирования становится достижение личной свободы в предельном для человека смысле, как свободы вне общества. П. Бергер [2, с. 18] говорил о подобной свободе как свободе через отстранение от социума, когда человек по большей мере только делает вид, что живет смыслами и ценностями общества, а на деле он движется по какому-то своему пути.

Иногда эзотерический путь существует и не в столь радикальной форме как у А. Гхоша, К. Кастанеды или Г. Гурджиева, которые решительно порывали с обыденной жизнью ради реализации себя в построенной ими же альтернативной картине мира. Например, Д.Р. Толкиен не просто написал сказочный роман о борьбе сил света и тьмы вокруг кольца всевластия, но построил целый воображаемый мир Средиземья, где живут не только люди, но также гномы, эльфы, тролли, маги и многие другие необычные существа. Писатель создал подробную карту альтернативного мира, изобрел язык эльфов с использованием рунического написания, разработал историю Средиземья, так что вышла не только современная сказка для взрослых, но и полноценная и самодостаточная семиотическая система. В результате возник эффект реального мира. Неудивительно, что этим миром так заинтересовались поклонники ролевых игр. Погружаясь в мир Средиземья, можно легко уйти от проблем обыденной действительности, обретая себя в лице одного из героев.

Таким образом, в эзотерике персональная культурная идентичность так же, как и индивидуальный смысл жизни достигается через конструирование картины мира, причем это сконструированное «я» дает возможность сложиться цельности незавершенной в про-

цессе социализации личности. Приведенные выше рассуждения раскрывают проблему выхода из кризиса персональной культурной идентичности с позиций феноменологического и семиотического подходов к интерпретации культуры. Однако на эту же проблему можно взглянуть и с позиций аксиологии, тем более что именно сфера ценностных ориентаций и предпочтений является одной из важнейших основ всякой культуры.

При этом мотивация адептов эзотеризма также не совпадает с ценностями и смыслами «текучего мира» Баумана. Современные эзотерики не стремятся к карьерному росту, или к обретению богатств. Потребление не их стиль жизни. Их смысл жизни совпадает с их увлеченностью тем или иным направлением «магической духовности». По своему социальному выбору большинство из таких людей относятся к дауншифтерам, которым надо не так уж много. Только то, что позволит им продолжать свои увлечения, решающие проблему кризиса их идентичности. И они также выпадают за грань текущего мира потребления.

А ведь мы даже не коснулись людей, сохранивших приверженность традиционной религии, которых также миллионы. Речь не о тех, кто лишь номинально принадлежит к христианству, исламу или буддизму, а о тех, которые реально вовлечены в жизнь своих религий и на практике следуют ценностям и нормам, заложенным в соответствующих доктринах. Но и они кажутся незаметными на фоне «панэкономического морока», как будто превратились в невидимок.

Есть также и сторонники консервативных устоев общества, не принадлежащих к религии или эзотеризму. И таких немало. Это люди, которые выбирают устойчивые социально-культурные ценности семьи, сильного государства, строгого государственного порядка и так далее. Имеется значительное число людей, ориентирующихся на самобытные традиции своего национального сообщества, и в этом случае речь может идти даже об идеологии национализма, которая в корне противоречит «либеральному экономизму».

Таким образом, торжество тотальности «текучего мира», ориентированного исключительно на либерально-экономическую опору, оказывается очередной фикцией. Во-первых, сохранилось национальное

различие между странами, что предполагает различие национальных менталитетов, основанных на традиционных культурных ценностях и смыслах, что, во многом, не позволило состояться однополярному миру в рамках глобализации. Во-вторых, как уже было сказано выше, на базе научной картины мира воссоздались все прежние формы мировоззрений, характерные для прошлых эпох развития человечества. И эти формы также являются актами культуротворчества, не позволяющими построить «вавилонскую башню» чисто социально-экономического общества, с его стремлением к универсализации витальных смыслов жизни людей. В-третьих, даже в рамках атеистической картины мира есть немало приверженцев классической демократии с её установками на сильное государство, примат закона и социальный порядок. Но самое главное состоит в том, что «текущий миропорядок» предполагает секвестр человека до безликого представителя массы, что является грубым насилием по отношению к человеческому духу, а вовсе не проявлением пресловутой свободы личности. Как показывает история, такое насилие никогда не приводило к длительному успеху его сторонников.

Список литературы

1. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
2. Бергер П. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М.: Аспект Пресс, 1996.
3. Верещагин Д., Титов К. Полный учебный курс школы навыков ДЭИР. I и II ступени. М.: Невский проспект, 2010.
4. Кастанеда К. Сила безмолвия. М.: София, 2008.
5. Мид, Дж. Г. Избранное: Сб. переводов. М., РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии, 2009.
6. Осокин Ю.В. Современная культурология в энциклопедических статьях. М.: Комкнига, 2007.
7. Розин В.М. Эзотерический мир // Общественные науки и современность. 1992. №4. С. 164-177.
8. Freud, S. An Outline of Psychoanalysis. N.Y.: Norton & Company, 1989.

References

1. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'* [Fluid modernity]. SPb.: Peter, 2008.
2. Berger P. *Priglasenie v sotsiologiyu. Gumanisticheskaya perspektiva* [Invitation to sociology. Humanistic perspective]. M.: Aspect Press, 1996.
3. Vereshchagin D., Titov K. *Polnyy uchebnyy kurs shkoly navykov DEIR. I i II stupeni* [Complete training course of the school of skills DEIR. I and II stages]. Moscow: Nevsky Prospect, 2010.
4. Castaneda K. *Sila bezmolviya* [The power of silence]. M.: Sofia, 2008.
5. Mead, J. G. *Izbrannoe: Sb. Perevodov* [Selected: Sat. translations]. M., RAS. INION. Center for social. scientific-inform. research. Dept. sociology and social. psychology, 2009.
6. Osokin Yu.V. *Sovremennaya kul'turologiya v entsiklopedicheskikh stat'yakh* [Contemporary cultural studies in encyclopedic articles]. M.: Komkniga, 2007.
7. Rozin V.M. *Ezotericheskiy mir* [Esoteric world]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. 1992. No. 4. Pp. 164-177.
8. Freud, S. *An Outline of Psychoanalysis*. N.Y: Norton & Company, 1989.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Неронова Марина Юрьевна, кандидат философских наук
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации ул. Профессора Попова, 14А, Санкт-Петербург, 197022, Российская Федерация
marina.neronova@pharminnotech.com

Неронов Александр Владимирович, кандидат культурологии
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации

*ул. Профессора Попова, 14А, Санкт-Петербург, 197022, Рос-
сийская Федерация
neronov58@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Neronova Marina Yurievna, Candidate of Philosophical Sciences
*Saint Petersburg State Chemical Pharmaceutical University
14A, Prof. Popov Str., St. Petersburg, 197022, Russian Federation
marina.neronova@pharminnotech.com*

Neronov Alexander Vladimirovich, candidate of cultural studies
*Saint Petersburg State Chemical Pharmaceutical University
14A, Prof. Popov Str., St. Petersburg, 197022, Russian Federation
neronov58@mail.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-2-337-349

УДК 130.2

РЕЛИГИОЗНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИНДУИЗМА: АНАЛОГИИ И ОСОБЕННОСТИ

Соболев Ю.В.

В статье рассматриваются основные представления и базовые понятия индуистской эстетики. Проблемная область обнаруживает себя в вопросе восприятия европейской культурой эстетики индуизма. Исходя из историко-культурного положения эстетического знания, каким оно представлено в европейской традиции, показаны основные тенденции и подходы к феномену эстетического, где основное место занимает эпоха немецкой классической философии – «колыбель» эстетической науки (А. Баумгартен, И. Кант). Подчёркнутая неоднородность эстетического знания есть свидетельство его проблемного статуса в европейском историко-философском дискурсе, а вместе с тем, именно оно даёт возможность видения на этом фоне гармоничного места эстетики в индуистской культуре. Главным образом, это связано с особенностями религиозно-мировоззренческих систем. В статье проводится аналогия и различие между теоретическими и ритуальными представлениями и практиками в христианстве и индуизме. В частности, в качестве общего места называется значение «пороговых» людей – лиминалиев в духовной жизни общества. В числе же особых отличий называется «естественная встроенность» эстетики в религиозную систему Индии, в то время как в европейской эстетике религиозный мир лишь одна из сфер эстетического. Так, на ряде понятий, при помощи метода компаративистской текстовой аналитики, опираясь на ведущих отечественных востоковедов и зарубежных исследователей (В. Шохин, Д. Зильберман, Е. Торчинов, Р. Генон, Н. Гупта), показывается тождественность религиозно-эстетических представлений в индуизме, а также возможность взаимно-

го «культурного перевода» таких основных понятий как «эстетика» и «эстетическое», «раса» и «бхава». В заключительной части статьи обобщаются специфические черты индуистской эстетики, уточняются понятия, подводятся итоги.

Ключевые слова: эстетика; эстетическое; эстетизм; индуизм; религиозная культура; раса; бхава; тапас; экстаз.

THE RELIGIOUS AND AESTHETIC CONCEPTS OF HINDUISM: SIMILARITIES AND PECULIARITIES

Sobolev Y.V.

The article deals with the main concepts and basic concepts of Hindu aesthetics. The problem area reveals itself in the question of European culture's perception of Hindu aesthetics. Proceeding from the historical and cultural position of aesthetic knowledge as it is presented in the European tradition, the main tendencies and approaches to the phenomenon of aesthetic knowledge are shown, where the main place is occupied by the epoch of German classical philosophy – “cradle” of aesthetic science (A. Baumgarten, I. Kant). The underlined heterogeneity of aesthetic knowledge is the evidence of its problematic status in the European historical-philosophical discourse, and at the same time it gives the possibility to see against this background the harmonious place of aesthetics in the Hindu culture. Mainly it concerns the peculiarities of religious and worldview systems. The text provides an analogy and distinction between theoretical and ritual notions and practices in Christianity and Hinduism. In particular, as a common place is called the meaning of “threshold” people - liminalities in the spiritual life of society. Among the radical differences is the “natural embedding” of aesthetics in the religious system of India, while in European aesthetics the religious world is only one of the spheres of aesthetics. Thus, a number of notions, with reference to leading Russian orientalists and foreign researchers (V. Shokhin, D. Zilberman, E. Torchinov, R. Genon, N. Gupta), show the identity of religious and aesthetic concepts in Hinduism,

as well as the possibility of mutual “cultural translation” of such basic concepts as “aesthetics” and “aesthetic”, “rasa” and “bhava”. In the final part of the article, using the method of comparative text analytics, the specific features of Hindu aesthetics are identified, the concepts are specified and summed up.

Keywords: *aesthetics; aesthetic; estezis; Hinduism; religious culture; rasa; bhava; tapas; ecstasy.*

Введение

Для корректного вхождения в мир индуисткой эстетики следует сделать предварительное пояснение, а именно – прояснить статус эстетического знания в культуре Старого Света, ибо без аналогий и «перевода» индуистских эстетических категорий на язык европейской философии, сложно воспроизвести образ этого феномена восточной традиции.

История эстетики, точнее её первые фиксации и осмысление эстетического в европейской культуре берут своё начало в античной Греции в трудах Платона и Аристотеля. Со временем выделяются и получают оформление две основные стороны эстетической проблематики, о чём удачно выразился французский философ Ж. Рансьер: «В общем и целом его (*эстетического знания*, – курсив наш. Ю.С.) генеалогия восходит к сочинению Баумгартена, опубликованному под этим названием в 1750 году, и к «Критике способности суждения» Канта. /.../ «Критика способности суждения» не знает «эстетики» как теории. Она знает только прилагательное «эстетическое», которым обозначается тип суждения, а не область предметов» [7, с. 13].

Таким образом, можно обозначить одну сторону (позиция А. Баумгартена) – «*область чувственного познания*, того ясного, но все же смутного познания, которое противостоит ясному и четкому познанию логики», «сфера эстетического» (В. Бычков) *эстетизис*; и другая (позиция И. Канта) – «тип суждения», «особая форма *бытия-сознания*» (В. Бычков), «способ мышления» (Ж. Рансьер), *эстетическое*. Налицествует и третья сторона – представление эсте-

тики как «специфической конфигурации художественной мысли» (Ж. Рансьер); её можно назвать «позицией Гегеля», так как в попытке преодолеть предшествующие эстетические противоречия, именно Г.Ф.В. Гегель предложил эту модель, ставшую замыкающим звеном в философско-историческом развитии программы Баумгартена.

Итак, эстетика (греч. *Aisthesis* – чувство), по словам основоположника дисциплины А. Баумгартена, есть наука о чувственном познании, где предметом является эстетическое (эстезис). По определению А. Лосева, «эстетическое есть выражение той или иной предметности, данной как самодовлеющая созерцательная ценность» [5, с. 391]. Но всё же: что понимается под предметом эстетики – «чувственностью», «чувственным познанием»? Под эстезисом (чувственностью) Баумгартен понимает область отличную от доступной рассудочному (рациональному) познанию. Если говорить точнее, речь идёт о предметной области, опознаваемой, схватываемой и переживаемой человеком *эмоционально-чувственно*. Придерживается подобной точки зрения и отечественный исследователь И. Нарский, ссылаясь на позицию немецкого философа: «Чувственность оказывается у Баумгартена не только преддверием рациональности, она уже обладает многими свойствами, аналогичными свойствам последней. Он признает, например, существование «чувственного суждения», а в § 427 своей «Эстетики» вводит понятие «эстетико-логической истины» [6, с. 40]. В этом свете, довольно устойчивое в философском и психологическом обиходе словосочетание «эстетические чувства» видится не вполне неудачным; в качестве альтернативы предлагается определение – *эстетические состояния*.

Состояние проблемы

Особое место эстетического, а также способ его представления и понимания мы находим за пределами европейского мира – в индуистской традиции. «Особое», потому что нельзя сказать о явном эксплицитном уровне индуистской эстетики. И в то же время будет неверным утверждение, что эстетика этой культуры имеет лишь им-

плицитное развитие, так как общая черта всех эстетических «мест» здесь – «естественная» встроенность в религиозный контекст. Условно обозначим этот тип эстетики как *эксплицитно-имплицитный*.

Осмысление индийской культуры невозможно вне религиозного контекста, который раскрывает и поясняет всевозможные детерминанты, как фундаментальные, так и малозаметные: «Индийские философские системы не только конституируют этот мир, но конституируются им, иначе – объективируются сами, достигая той степени культурной автономии и очевидности, которая и дает им статус культурного артефакта [3, с. 88]. Всё это позволило сохранить в телесе индийской культуры «слепок» с интеллектуального достояния предыдущих поколений: совокупному методу философской деятельности, – грандиозному социальному проекту, – случилось естественно «материализоваться», воплотившись в «живых» духовных практиках.

Кроме того, важно учесть при анализе эстетического содержания древних религиозных систем, что гуманитарная археология предполагает обращение исследователя, прежде всего, к текстовым источникам, и, учитывая «срок давности» архаических форм религиозности (а вместе с ними и эстетических тропосов), они, как правило, либо уже возведены в степень *священных* текстов и растворены в них, либо преданы забвению, и догадываться о них можно лишь в режиме реконструкции общей картины эпохи на основе «фактов индийской философии чисто кумулятивного характера» (В. Шохин).

Точка зрения

Таким образом, исследователь имеет дело со сложившимся *структурным ритуалом* (коммунитарной формой ритуала по В. Тёрнеру), в котором эстетическое представлено дескриптивно, как фактическая *данность*, воспринимаемая верующим современником в качестве одной из многочисленных и неотъемлемых граней сакрального (ибо выхолащивание эстетического компонента при переводе с языка мистического опыта на язык теории неизбежно). Поэтому обращение к такой *коммунитарной* («не разъединенной»)

форме ритуала не только целесообразно, но и необходимо в вопросе поиска эстетической идентичности: «Как там, в диалектике, недостаточность системы обнаруживается действительным испытанием ее «умным» опытом, так и тут, в области эстетики, о несовершенстве или совершенстве произведения можно убедиться лишь опытом» [11, с. 254]. Или как выразился Р. Генон, размышляя об ориентальной специфике, что сакральное («священное знание») невозможно вульгаризировать, так как «оно подлинно «инициативно», и оно глубоко отлично по всем его модальностям от «профанического» образования, относительно ценности которого западные люди особенно оболещаются» [2, с. 26].

Иными словами, трансляция священного знания (как теории), на самом деле, неотделима от духовного праксиса (опыта), ведь только так и возможен подлинно религиозный дискурс, где священный текст сверен с персональным опытом, и уточнён опытом духовного наставника (гуру, старца, священника). Поэтому религиозно-духовный путь может быть выражен и транслирован среди лиминалиев («пороговых людей» по В. Тернеру), в той форме и в тех вербальных или не вербальных проявлениях, которые могут быть верно поняты, расшифрованы лишь носителями этого сакрального языка и опыта (что ярко проявлено в аскетических практиках лиминалиев) [8, с. 199]. Находим правоту востоковеда Е. Торчинова в его суждении о том, что «адепт той или иной «высокой» психотехнической традиции, приводящей к глубинным трансперсональным переживаниям, будет описывать и интерпретировать их в привычной для него знаковой системе» [10, с. 76]. Таким образом, эстетические тропосы, вплетённые в ткань религиозной культуры нуждаются не только в вычлениении, но и в дешифровке, в соответствии с пониманием аутентичного значения древнего ритуала.

Древнеиндийский эстетический идеал был неразрывно связан с идеалом религиозным (недаром ведийское *kavi* («мудрец», «поэт») в точности соответствует значению *kavya* – «жрец»). Отечественный философ Д. Зильберман отмечает: «хотя в Индии и были накоплены обширные знания по политологии, экономике, практике управления

и т.п., но не было таких наук в современном смысле. Их не было не потому, что индийцы «не догадывались» об их возможности, но потому, что они были доподлинно уверены в их теоретической невозможности» [4, с. 386]. А индийский культуролог Н. Гупта поясняет: «Развитие эстетики не было стимулировано философией, это была не философская эстетика, которая сформировала конкретный идейный концепт, скорее это было живое появление яркой эстетической традиции в народной среде, которая, соответственно, придала облик и философии» [13, с. 3]¹. У другого автора находим: «Основной принцип индийской эстетики можно сформулировать в наиболее обобщенном виде как поклонение красоте, идентифицированное с поклонением божественному началу, «поскольку красота – это ничто иное как божество. /.../ Осознать все прекрасное, чудесное, священное, что составляет жизнь как часть божественного начала – значит быть прекрасным, правдивым и счастливым» [9, с. 205]. Как можно увидеть, эстетика как проявление божественного начала была обобщающим мета-условием религиозной мысли, искусства, философии.

Политеистичный и пантеистичный характер индуизма отказывает красоте в исключительной привилегии искусства или природы, указывая на её всеохватность. отождествление красоты с божественностью логично предполагает стремление познания красоты с целью познания истины. По мысли средневекового философа Бхатта Наяки (X в.), эстетическая реакция должна рассматриваться как особого рода переживание, связанное с религиозным созерцанием. В этой связи индуистская эстетическая мысль принципиально не различает эстетических переживаний, побуждённых красотой или религиозным чувством радости: «Целью как духовного, так и эстетического опыта является достижение блаженства (*ananda*, *rasa*). Любое эстетическое переживание или удовольствие временно, ценность его состоит в том, что оно сродни высшему блаженству (*ananda*), ведущему к освобождению» [1, с. 206].

¹ Gupta N. A Student's Handbook of Indian Aesthetics. Cambridge Scholars Publishing, 2017. 133 p. P.3.

Следует признать, что предмет эстетики и религиозного ведизма видится *идентичным*: преклонение перед прекрасным тождественно поклонению божественному началу; красота бытийствует как манифестация (проявление сакрального в мире) божества. Все проявления прекрасного имеют один источник – божественную природу, а значит и искусство мыслится древними индусами как один из видов священнодействия. «С точки зрения индийской эстетики, наука, философия и искусства – суть искусства, которые представляют Абсолют в чувственном виде таким способом, в котором Абсолют только и может быть доступен субъекту» [13, с. 6]. Не ограничивая себя мистико-религиозными рамками, индуистская эстетика, предлагает само божество, как его мыслит традиционный индуизм – Брахму (Brahman), понимать и переживать как эмоцию, а всякую эмоцию как божественное проявление в человеке. И поскольку категориальный аппарат индийской эстетики оперирует собственной терминологией, обратимся к ней.

Фундаментальными категориями индийской эстетики выступают понятия *раса* и *бхава*. *Раса* (rāsa – «сок растений», «вкус», «выжимка», «смак») – не только центральное в индийской эстетике, но и одно из важнейших в теологическом учении кришнаитского бхакти. В узком смысле *раса* понимается как особого рода переживание (настроение), обусловленное процессом восприятия произведения искусства, и является результатом приобщения зрителя к миру произведения (главным образом, к чувствам действующих в нем героев). Некоторые исследователи усматривают в этом идентичность древнегреческому катарсису. Поводом для такого рода суждений является известный эстетический трактат «отца индийского театра» Бхараты-муни (III-IV вв.) «Натьяшаstra» (Nāṭyaśāstra) (настоящую работу не случайно сравнивают с «Поэтикой» Аристотеля), в котором анализируется и классифицируется природа человеческих эмоций, и определяется их место в драматическом действе: любовь, смех, печаль, гнев, мужество, страх, отвращение, удивление. В широком смысле, *раса* есть опытно переживаемое эстетическое чувство, которое не ограничивается исключительно сценическими

актами и сферой искусства в целом. По мнению мыслителя Бходжа, автора «Шрингара Пракашан» (XI в.), этой, общей для всех расой, является «шрингара» – любовь, как основной принцип действия жизненных сил, переживаемый эстетически. Это «эстетическое наслаждение приравнивается к высшему блаженству мистического экстаза», пишет, ссылаясь на Абхинавагупту отечественный культуролог и эстетик Е. Шапинская [12, с. 117].

Бхава (bhāva – «диспозиции сознания», «базовые чувства»: «эмоции», «темперамент» и т.п.) – термин, обозначающий как состояние сознания индивида вообще, так и эстетические состояния в частности. Понятие бхава – довольно ёмкое и используется в разных традициях по-разному; может означать состояние, природу, темперамент, характер отношений, эмоции, чувства, настроения, бытие, существование, становление, любовь. Так, например, в тантре и йоге под бхавой понимают характер или состояние эмоционального отношения к Богу. В качестве рабочей формулы нами предлагается следующее: *бхава есть эстетическое бытие в ходе его становления*. Проводя аналогию с понятийным аппаратом европейской эстетики, понятия раса и бхава близки по своему значению понятиям *эстетическое* и *эстезис*: первое – источник; второе – способность индивида к чувственно-эмоциональному восприятию и ощущениям.

Соответственно, соотношение бхавы и расы выглядят таким образом: раса возникает у человека посредством переживания бхавы, которую являет/открывает божество человеку (посредством творчества). Это подтверждает следующий фрагмент «Натьяшастры»: «Что же, раса порождает бхава или, напротив, бхава порождает раса? Некоторые по этому поводу думают, что они порождаются от их соединения. Это не так. Почему? Потому что бхава вызывают раса, а не раса вызывают бхава. /.../ Так же бхава и раса взаимно помогают проявиться друг другу» [1, с. 57].

Так, например, в системе йоги (в широком смысле йога – любая духовная практика) можно выделить *три вида бхавы* – *пашу-бхава* (состояние-характер животного), *вира-бхава* (состояние-характер

героя) и *дивья-бхава* (божественный характер). В зависимости от этого могут отличаться виды ритуальных практик и предписаний: в йоге широко применяется бхава в значении «состояния души или ума», «характера восприятия», «эмоционального состояния». Когда говорят об «открытии» бхавы, как правило подразумевается возникновение состояния особого чувства к Божеству или гуру. Также общим эстетическим «местом» между всевозможными йогическими секвенциями справедливо считать опыт *тапасы* (букв. – «жар», «тепло»). Под тапасом часто понимают аскезу в целом, однако, более ни в одной культуре идеология «магического жара» не приобрела такого значения, как в Индии. Именно в учении о тапасе достигается максимальная близость аскезы и ритуала (основное условие лиминальности), проявляющееся, главным образом, в интенсивности практики (индийских аскетов обычно так и называют – тапасами). В западной культуре аналогом тапаса, можно назвать аскетический опыт ревнителей-подвижников, находящий проявление в своей наивысшей точке – экстазисе (в индуистской практике таким пиковым состоянием принято считать *самадхи*).

Подытоживая вышеизложенное, скажем, что усмотрение аналогии понятий и значений эстетического опыта с основными эстетическими категориями европейской традиции вполне допустимо. Однако, находя это сравнение уместным, следует учитывать историко-религиозный контекст культур.

Выводы

Обобщая, выделим следующие положения:

– Индуистский тип эстетики имеет *эксплицитно-имплицитный* характер, так как он неотделим от фундаментального религиозного контекста – сложившегося *структурного ритуала*;

– Эстетическое в индуистской культуре есть проявление божественного начала в мире; эстетика здесь мыслится в качестве обобщающего мета-условия религиозной мысли, искусства и философии;

– Фундаментальными категориями индийской эстетики выступают понятия *раса* и *бхава*: *раса* – особого рода переживание, обу-

словленное процессом восприятия, идентичное древнегреческому катарсису; *Бхава* – эстетическое бытие в ходе его становления;

– Понятия *раса* и *бхава* близки по своему значению понятиям европейской эстетики *эстетическое* и *эстезис*: первое – источник эстетического переживания; второе – процесс чувственного восприятия и способности индивида к чувственно-эмоциональному восприятию и ощущениям;

– Общим эстетическим «местом» индуйстской религиозно-аскетической традиции является опыт *тапаса (самадхи)*; в западной культуре аналогом тапаса можно считать – *экстазис*.

Список литературы

1. Бхарата Натъяшастра. Перевод фрагментов с санскрита И.Д. Серебрякова по изданию: Столепестковый лотос: Антология древнеиндийской литературы. Пер. с санскрита и древнетамильского. Сост., вступит, статья И.Д. Серебрякова. М., Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. 415 с.
2. Генон Р. Человек и его осуществление согласно Веданте. 2004. 256 с.
3. Зильберман Д. К пониманию культурной традиции. М., РОСПЭН, 2015. 623 с.
4. Зильберман Д.Б. Генезис значения в философии индуизма. М., Изд. Едиториал УРСС, 1998. 448 с.
5. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. В 2 кн. Кн.1. Харьков: Фолио; М.: ООО АСТ, 2000. 832 с.
6. Нарский И.С. Философско-эстетические идеи А. Баумгартена как один из стимулов теоретического развития Канта // Кантовский сборник. Вып. 10. – Калининград, 1985. С. 40-51.
7. Рансьер Ж. Эстетическое бессознательное / Сост., пер. с франц. и послесл. В.Е. Лапицкого. СПб., Москва: Machina, 2004. 128 с.
8. Соболев Ю.В. Лиминальные формы ритуала: от религиозного сознания к религиозному опыту // Современные исследования социальных проблем, Том 11, № 2, 2019. С. 192- 211.
9. Современные концепции эстетического воспитания (теория и практика) / отв. ред. Н.И. Киященко. М., ИФРАН, 1998. 302 с.

10. Торчинов Е.А. Религии мира. Опыт запредельного. СПб., Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. 384 с.
11. Флоренский П. Соч. в четырех томах, т. 1. М., «Мысль», 1994. 797 с.
12. Шапинская Е.Н. Эстетика красоты и любви в культуре Индии // Ориентиры... Вып. 1. М.: ИФ РАН, 2001. С113-127. С. 117.
13. Gupta N. A Student's Handbook of Indian Aesthetics. Cambridge Scholars Publishing, 2017. 133 p.

References

1. Bharata Natashastra. *Perevod fragmentov s sanskrita* [Translation of fragments from Sanskrit by I.D. Serebryakov from the edition: Petalled lotus: Anthology of Ancient Indian literature. Per. from Sanskrit and Ancient Temple. Composition, will enter, article by I.D. Serebryakov]. Moscow, Publishing firm "Eastern Literature" RAS, 1996. 415 p.
2. Genon R. *Chelovek i ego osushchestvlenie soglasno Vedante* [Man and his implementation according to Vedante]. Moscow, 2004. 256 p.
3. Zilberman D. *K ponimaniyu kul'turnoj tradicii* [To understanding of cultural tradition]. Moscow, ROSPEN, 2015. 623 p.
4. Zilberman D.B. *Genezis znacheniya v filosofii induizma* [Genesis of meanings in the philosophy of Hinduism]. Moscow, Uniditorial URSS, 1998. 448 p.
5. Losev A.F. *Istoriya antichnoj estetiki* [History of Ancient Aesthetics. Results of millennial development. In 2 cf. Book 1]. Kharkov: Folio; Moscow: OOO AST, 2000. 832 p.
6. Narskiy I.S. *Filosofsko-esteticheskie idei A. Baumgartena kak odin iz stimulov teoreticheskogo razvitiya Kanta* [Philosophical and Aesthetic Ideas of A. Baumgarten as One of the Stimulus of Theoretical Development of Kant]. *Kantovskiy sbornik* [Kantovsky Collection]. Issue 10. Kaliningrad. 1985, pp. 40-51.
7. Ranciere J. *Esteticheskoe bessoznatel'noe* [Aesthetic unconscious / Sost, per franc. and post. V.E. Lapitsky]. St. Petersburg, Moscow: Machina, 2004. 128 p.
8. Sobolev Yu.V. *Liminal'nye formy rituala: ot religioznogo soznaniya k religioznomu opytu* [Liminal forms of ritual: from religious conscious-

- ness to religious experience]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern studies of social problems], Vol. 11, № 2, 2019, pp. 192-211.
9. *Sovremennye koncepcii esteticheskogo vospitaniya (teoriya i praktika)* [Modern Concepts of Aesthetic Education (Theory and Practice) / ed. by N.I. Kiyashchenko]. Moscow, IFRAN, 1998. 302 p.
 10. Torchinov E.A. *Religii mira. Opyt zapredel'nogo* [Religions of the world. Experience of the beyond]. St. Petersburg, Center for "Petersburg Oriental Studies", 1998. 384 p.
 11. Florensky P. *Sochineniya v chetyrekh tomah* [Works in four volumes, vol. 1]. Moscow, "Thought", 1994. 797 p.
 12. Shapinskaya E.N. Aesthetics of Beauty and Love in Indian Culture // *Orientyry...* E.N. Shapinskaya E.N. Estetika krasoty i lyubvi v kul'ture Indii [Aesthetics of Beauty and Love in Indian Culture]. *Orientyry...* Issue 1. M.: IF RAN, 2001. Pp. 113-127.
 13. Gupta N. *A Student's Handbook of Indian Aesthetics*. Cambridge Scholars Publishing, 2017. 133 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Соболев Юрий Викторович, доцент кафедры философии и социальных наук, кандидат философских наук, доцент
Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва
просп. имени газеты Красноярский Рабочий, 31, г. Красноярск, Красноярский край, 660025, Российская Федерация
ysob@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Sobolev Yuri Victorovich, Associate Professor of Philosophy and social sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
31, Krasnoyarskiy Rabochiy, Krasnoyarsk, 660025, Russian Federation
ysob@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-2-350-362

УДК 1(378)

**ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ:
ПОПЫТКА ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ***Колесова О.В.*

В статье произведено философское осмысление использования информационных технологий в образовательной среде. Показана актуальность проблемы для современной культуры и общества. Поставлена цель: выявление положительных и отрицательных тенденций, возникших в условиях онлайн-образования. Методологической основой исследования является герменевтический подход и общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция). Результатами исследования стали следующие позиции. Произведён анализ проблемы в контексте общенаучного дискурса. Показана дискуссионность анализируемой проблемы специалистами различных гуманитарных областей. Для анализа продуктивности дистанционного обучения выделены критерии: адаптация, развитие, мотивация. Показана амбивалентность проявления всех выделенных позиций. Неоднозначность продуктивности дистанционного обучения и проблем формирования личности в нём подтверждены опытом весеннего семестра обучения 2020 года. Даны результаты опроса студентов по поводу дистанционного опыта, полученного ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Выводы содержат указание на вынужденный характер замены традиционного обучения онлайн-форматом и допустимость его применения как дополнительной возможности.

Ключевые слова: *информационные технологии; дистанционное обучение; онлайн-формат; информационная среда; цифровизация.*

**DISTANCE EDUCATION: THE ATTEMPT
OF PHILOSOPHICAL PERCEPTION***Kolesova O.V.*

In the article there has been performed the philosophical perception of using information technologies in the educational sphere. There has been

depicted the actuality of the problem for modern culture and society. The author has set the goal to identify positive and negative tendencies which appeared in the conditions of distance education. The methodological basis of the research is hermeneutics approach and general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction). The results of the research are the following points. There has been conducted the analysis of the problem in general discourse context. There has been demonstrated the debatability of the analysed problem by the specialists of different social studies. There have been outlined criteria to analyse the productivity of distance education which are adaptation, development and motivation. The author has shown the ambivalence in the manifestation of all the outlined positions. The ambiguity of the distance education productivity and personality forming problems is confirmed by the experience of the spring term 2020. There have been provided the data from the survey among students concerning distance education experience gained by Institute of International Relations and World History of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. The results point out the enforced character of substituting conventional education with online format and its applicability as an extra opportunity.

Keywords: *information technologies; distance education; online format; information environment; digitalization.*

Введение

Одной из самых значимых тем для осмысления в современной культуре и обществе является проблема осуществления информационных технологий и связанных с ними трансформаций, затрагивающих все уровни жизни и сферы деятельности человека. Ситуация, обусловленная COVID-19, показала, что информационные технологии позволили найти новые форматы функционирования во многих областях деятельности людей и, в частности, в сфере образования. Полученный первый опыт дистанционного обучения требует осмысления, анализа и расстановки приоритетов для дальнейшего применения в процессе образования.

Целью данной статьи является философское осмысление полученного опыта онлайн-образования, выявление проблем, возникших в его осуществлении.

В круг авторов, работы которых посвящены проблемам информационного общества, сформировавших теоретическую основу статьи, вошли: Быданов В.Е., Исаченко Н.Н., Карпова И.П., Касавина Н.А., Кастельс М., Кудинов Д.Н., Опарина Н.М., Осипенко У.Ю., Павловская О.А., Сахаров А.Д., Симонова П.В., Тоффлер Эл., Heersmink R., Spahn A.

Информационная база представлена отчётом, составленным по итогам дистанционного обучения в Институте международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н. И. Лобачевского.

Материалы и методы исследования

Методологическая основа данной статьи опирается на герменевтический подход и представлена общенаучными методами (анализ, синтез, индукция, дедукция).

Результаты исследования

Анализ литературы по проблемам, связанным с использованием информационных технологий в образовательной среде показал, что в процессе формирования информационной цивилизации – информационализма, в определении одного из крупнейших социологов современности М. Кастельса [6, с. 39], происходит и создание соответствующей парадигмы. Её определяющая характеристика выражена как развитие. Особая роль в новых условиях принадлежит знающему, информированному человеку. В связи с этим рационализм становится основным мировоззренческим принципом и выводит на передний план сферу науки и образования [11].

Более того, сбывается пророчество Эл. Тоффлера, прогнозировавшего уже в 80-е годы прошлого века перенесение основных функций производства и образования в дома, оснащённые компьютерами [13].

Уже с конца 50-х годов XX века производились попытки применить информационные технологии в образовании. Но их успешное воплощение стало возможно благодаря появлению соответствующей технической базы и программного обеспечения [4]. Сегодня реальностью является участие в учебном процессе автоматизиро-

ванных систем обучения и диагностика качества знаний специалистов [3; 7; 9]. Необходимо заметить, что применение в обучении и повышении квалификации автоматизированных обучающих систем описано в современной литературе с позиций достоинств и преимуществ [7].

Из всей палитры проблем, связанных с осмыслением дистанционного обучения и «цифровизации», как таковой, хотелось бы остановиться на некоторых итогах, к которым подвигают результаты весеннего опыта дистанционного формата в ВУЗах. Необходимо заметить, что наиболее острыми стали вопросы адаптации, развития и мотивации в онлайн-процессе.

Опыт показал, что практически все проблемы имеют амбивалентный (двойственный) характер [5, с. 135, 18]. Оценивая адаптацию к новому формату взаимодействия, необходимо выделить возникшую возможность индивидуального темпа обучения, доступность материалов обучения, возможность их повторного просмотра, привычную обстановку обучения, гибкий график учебного процесса, технологичность процесса обучения, возможность совмещения работы и учёбы. Таким образом, свершилось предсказание А.Д. Сахарова о создании всемирной информационной системы, делающей доступным для каждого содержание любой книги, когда-либо и где-либо опубликованной [12]. Все выявленные преимущества позволяют предположить, что у современного поколения молодежи больше возможностей в осуществлении права выбора, свободы распределения собственного времени. Создается ощущение, что «дисциплинарная» власть, описанная М. Фуко [14] и выраженная как планомерное и методичное форматирование человека по определённому образцу во всех сферах деятельности, себя исчерпала.

«Минусами» удалённого обучения видятся его сложность, неприспособленность условий, увеличение нагрузки, ограниченность «прямого» контакта преподавателя и обучающихся. Если первая позиция имеет технический характер, то две последующие напрямую затрагивают эмоциональную сферу личности. Увеличение нагрузки

приводит к необходимости в прямом смысле экономить ресурсы и выбирать шаблонные решения, не оставляет места для свободы творчества. Отсутствие прямого контакта чревато обеднением социального опыта, исключением влияния личности преподавателя, его харизмы на молодое поколение. Это ситуация, исключаящая эмпатию (сопереживание) и, как следствие желание подражать, следовать примеру преподавателя в его увлеченности предметом, проблемой, наконец его жизненной позиции. Таким образом, из обучения уходит функция трансляции культурного опыта, поддерживаемая непосредственным общением, а с ней – этические и эстетические ценности, которые привносятся в процесс обучения также преподавателем.

С точки зрения развития, позитивным видится включение обучающихся в мировое информационное пространство, расширение спектра обучения благодаря тому, что появились специальные образовательные платформы (Coursera, Edx, Открытый университет, Xuetang X, «Национальная платформа открытого образования», Универсариум и т. п.), объединение преимуществ формального и неформального образования. Возникают новые навыки жизненных и познавательных ориентировок [15]. Выражаются надежды на комплексную социальную политику, способную сгладить негативные проявления информатизации, направляющую возможности Интернет-пространства для обогащения и развития социокультурной реальности [16]. Здесь мы снова можем говорить о больших свободах, предоставляемых онлайн-обучением.

Как несомненное достоинство нового формата обучения оценивается использование в мыслительных операциях новых семиотических средств. Надежды связываются с расширением диапазона средств мышления и воображения благодаря семиотическим средствам компьютерных информационных технологий [10, 3].

В то же время, можно отметить такие отрицательные стороны процесса как снижение общего кругозора обучающихся, снижение способности анализировать и синтезировать материал, отсутствие формирования практических навыков на должном уровне. Полу-

чается, что происходит снижение и интеллектуального уровня (о его развитии состоянии свидетельствует его операционная способность), и утрата полноценных практических навыков.

Наиболее сложной проблемой в онлайн-обучении является мотивация обучающегося. С одной стороны, включиться в дистанционное обучение подвигают возникшие технические ресурсы, многообразие форм, индивидуальные графики обучения, общение внутри профессионального сообщества в предметной области, доступ к образованию для лиц с ограниченными возможностями. С другой стороны, исследование Гарвардского университета и Массачусетского технологического института, проведенное в 2012–2016 годах показало, что вероятность того, что, записавшись на курс, слушатель откроет хотя бы первый онлайн-урок составляет только 54%, вероятность освоения курса до середины – 16,6%, вероятность освоения курса целиком – 7,7% [1].

Проблема самомотивации отмечается как наиболее серьезная для дистанционного формата обучения. Преподаватель, реагируя на проблему мотивации, начинает подавать материал, выстраивая его с позиций доминирования визуального материала над смысловым, организуя в игровом ключе, но не всегда содержательная сторона при этом сохраняется без ущерба. В дистанционном формате обучения наиболее распространённой формой контроля является тест. Стандартизация и унификация ответов стала универсальной для точных, естественных, социальных и гуманитарных дисциплин. Такое упрощение связано с техническим удобством теста в онлайн-обучении. Но гуманитарные дисциплины предполагают творческие решения, для них необходим индивидуальный подход. Решая проблемы рационально и, как кажется на первый взгляд, эффективно, мы теряем больше, чем приобретаем. Правы учёные, высказавшие в обращении к президенту Российской Федерации В.В. Путину свои опасения особой увлечённостью онлайн-форматом [8]. Одна из позиций, нуждающихся в осмыслении, заключается в том, что чрезмерная «цифровизация» ведёт к понижению интуиции в определённом смысле. Проблема стандартизации, унификации мышления,

отсутствия включенности эмоциональной сферы находит выражение в исследованиях как отечественных, так и зарубежных авторов [2, 17]. Человек не исчерпывается только рациональной частью своей сущности. Чем полнее его эмоциональная жизнь, тем лучше развивается его интеллект, тем выше его творческие возможности. Онлайн-формат существенно ограничивает задействованность иррационального выражения человеческой сущности.

Приведённые положения, на наш взгляд, находят подтверждение в составленном по итогам дистанционного обучения отчёте об особенностях и последствиях дистанционного обучения в Институте международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

В опросе, проведённом в период с 6 по 20 июня 2020 года в онлайн-формате на базе Google Формы, приняли участие 239 студентов бакалавриата и магистратуры ИМОМИ. Опрос проводился на основе добровольного и анонимного участия.

Общее число респондентов составило 239 человек: наибольшее количество прошедших опрос представляют 1, 3 и 4 курсы, а также 2 год магистратуры. Опрос включал три блока: особенности адаптации студентов к условиям дистанционного образования; основные инструменты и платформы взаимодействия студентов с преподавателями и университетом; преимущества и недостатки данной формы взаимодействия, которые обучающиеся выявили для себя в процессе обучения.

Мы взяли для анализа те позиции в опросе, которые имеют отношение к исследуемым нами проблемам для их иллюстрации конкретными примерами.

На вопрос об адаптации к новым условиям дистанционного обучения 51% опрошиваемых ответили «хорошо», 18% выбрали вариант «отлично» и 23.4% «удовлетворительно». Стоит отметить, что всего 7.5% отметили уровень своей адаптации к дистанционному обучению как «плохой».

В то же время вопросы об удобстве обучения в дистанционном формате и уровне мотивации к обучению в такой форме дали более

интересную информацию к размышлению. Так, мнения студентов разделились относительно удобства: 27.6% ответили «да, но сложно», 26.4% – «да, удобно», 25.1% – «нет, очень трудно», 13% затруднились с ответом. Таким образом, более 52% отметили сложность обучения в дистанционном формате.

При этом около половины (46.4%) респондентов отметили уменьшение уровня мотивации к обучению в дистанционном формате, а для 39.7% респондентов уровень мотивации не изменился. Лишь менее 10% отметили возросший уровень мотивации.

На вопрос об уровне удовлетворённости процессом обучения в дистанционном формате получены, по большей части, негативные ответы: почти 55% опрошенных ответили «скорее нет» или «нет»; около 42% ответили «скорее да» и «да». При этом ответивших абсолютно утвердительно менее 10%.

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет блок вопросов, посвящённый преимуществам и недостаткам дистанционного обучения, а также тем трудностям, с которыми столкнулись студенты.

Одним из главных недостатков является увеличение учебной нагрузки. Этот фактор отметили чуть менее 67% респондентов.

Из положительных моментов дистанционного обучения респонденты отметили следующие:

- Индивидуальный темп обучения – 123 ответа.
- Возможность скачать материалы лекций – 94 ответа.
- Возможность повторного просмотра видеозаписей – 85 ответов.
- Использование современных технологий – 80 ответов.

В качестве преимуществ дистанционного формата наиболее часто отмечают:

- Комфортную и привычную обстановку обучения – 130 ответов.
- Гибкость учебного процесса – 115 ответов.
- Возможность совмещения работы и учёбы – 76 ответов.
- Технологичность процесса обучения – 60 ответов.

В то же время 46 ответивших не нашли преимуществ в дистанционном формате обучения.

Заключение

В ходе нашего исследования было выявлено, что проблема осуществления дистанционного образования является дискуссионной. Обсуждение идёт на различных уровнях и присутствует как в научных, так и в образовательных дискурсах (речь, вписанная в коммуникативную ситуацию). Система образования и общество в целом находится в состоянии поиска наиболее эффективных и приемлемых форматов для онлайн-образования. Дистанционный формат обучения показал, что такой способ воспринимается как возможное решение проблемы в условиях крайней необходимости. Как преподаватели, так и студенты восприняли дистанционное обучение как вынужденную меру. Ожидания, связанные с учебным процессом, заключаются в желании вернуться к традиционному обучению, предполагающему очное, живое взаимодействие с преподавателями и другими обучающимися.

Выявленные преимущества онлайн-обучения отражают технические аспекты дистанционного взаимодействия. Определенную угрозу несут снижение значимости эмоциональной составляющей психики человека и отсутствие непосредственного социального контакта.

Информация о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Список литературы

1. Гарвард и МТИ выложили результаты исследования онлайн-обучения <http://dev.newtonew.com/web/garvard-i-mti-vylozhili-rezultaty-issledovaniya-onlajn-obuchenija> (дата обращения: 10.09.20).
2. Исаченко Н. Н. Отчуждение как социальный феномен современного общества // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 5 (415). Философские науки. Вып. 48. С. 66-70.
3. Искусственный интеллект: междисциплинарный подход / под ред. Д. И. Дубровского и В. А. Лекторского. М.: ИИнтелЛЛ, 2006. 448 с.

4. Карпова И.П. История и перспективы развития автоматизированных обучающих систем // Компьютеры в учебном процессе. 2002. № 9. С. 89-95.
5. Касавина Н.А. Человек и техника: амбивалентность электронной культуры // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 4. С. 129-142.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
7. Кудинов Д.Н. Перспективы разработки автоматизированных обучающих систем // Современные проблемы науки и образования. 2008. № 6. С. 46-50.
8. Обращение к президенту Российской Федерации В. В. Путину. URL: <http://www.петрани.рф/новости/1441-вестник-петровской-академии-№-1-2-54-2019.html> (дата обращения: 10.09.20).
9. Опарина Н.М. Проблемы оптимизации и эффективности подготовки специалистов с использованием автоматизированных систем обучения // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2005. № 12. 5 т. С. 301-311.
10. Осипенко У.Ю., Быданов В.Е. Информатизация образования: достоинство и обратная сторона // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе, 2017, № 1(15) С. 12-23. URL: <http://www.fikio.ru> (дата обращения: 05.09.20).
11. Павловская О.А. Моральный фактор в условиях перехода к информационному обществу. // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе 2020, № 1(27) С. 12-23. URL: <http://fikio.ru/?p=3877> (дата обращения: 05.09.20).
12. Сахаров А.Д. Мир через полвека. 1974. URL: http://www.sakharov-archive.ru/Raboty/Rabot_31.html (дата обращения: 05.09.20).
13. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО “Издательство АСТ”, 2002. 776 с.
14. Фуко М. История сексуальности. Воля к знанию. URL: http://yakov.works/libr_min/21_f/uk/o_44.htm (дата обращения: 05.09.20).
15. Heersmink R. “The Internet, Cognitive Enhancement, and The Values of Cognition”, *Minds and Mashines*, 2016, vol. 26, no. 4, pp. 389-407.
16. Heersmink R. A Virtue Epistemology of the Internet: Search Engines, Intellectual Virtues and Education // *Social Epistemology*. 2018. Vol. 32. No. 1. P. 1-12.

17. Spahn A. Can Technology make us happy? Ethics, Spectator's happiness and the value of achievement // *Well-Being in Contemporary Society*. J.H. Søraker and others (ed.). N. Y., 2015. P. 93-113.
18. Young K.S. Internet Addiction: The Emergence of A New Clinical Disorder // *CyberPsychology and Behavior*. 1998. Vol. 1. No. 3. P. 237-244.

References

1. *Garvardi MTI vylozhili rezul'taty issledovaniya onlayn-obucheniya* [Harvard and MIT uploaded the results of the research]. <http://dev.newtonew.com/web/garvard-i-mti-vylozhili-rezultaty-issledovaniya-onlayn-obucheniya> (accessed 10 September 2020).
2. Isachenko N.N. Otchuzhdenie kak sotsial'nyy fenomen sovremennogo obshchestva [Alienation as a phenomenon of modern society]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvenno gouniversiteta. Filosofskie nauki*, no 5 (2018): 66-70.
3. *Iskusstvennyy intellekt: mezhdistsiplinarnyy podkhod* [Artificial intelligence: interdisciplinary approach]. Edited by D.I. Dubrovskiy and V.A. Lektorskiy. Moscow: IIntelL, 2006. 448 p.
4. Karpova I.P. Istoriya i perspektivy razvitiya avtomatizirovannykh obuchayushchikh sistem [The history and perspectives of development of automatized teaching systems]. *Komp'yutery v obrazovatel'nom protsesse*, no. 9 (2002): 89-95.
5. Kasavina N.A. Chelovek i tekhnika: ambivalentnost' elektronnoy kul'tury [Human and technique; ambivalence of electronic culture]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, vol. 55, no 4 (2018): 129-142.
6. Kastel's M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The information epoch: economy, society and culture]. Moscow: GU VShE, 2000. 608 p.
7. Kudinov D.N. Perspektivy razrabotki avtomatizirovannykh obuchayushchikh sistem [The perspectives of developing automatized teaching systems]. *Sovremennye problem nauki i obrazovaniya*, no 6 (2008): 46-50.
8. *Obrashchenie k prezidentu Rossiyskoy Federatsii V. V. Putinu* [The address to the President of the Russian Federation V. Putin]. <http://www.петрпани>.

- рф/новости/1441-вестник-петровской-академии-№-1-2-54-2019.html (accessed 10 September 2020).
9. Oparina N.M. Problemy optimizatsii i effektivnosti podgotovki spetsialistov s ispol'zovaniem avtomatizirovannykh system obucheniya [The problems of optimization and effectiveness of preparing specialists with the use of automatized teaching systems]. *Izvestiya RGPUim. A. I. Gertsena*, vol. 5, no 12 (2005): 301-311.
 10. Osipenko U.Yu., Bydanov V.E. Informatizatsiya obrazovaniya: dostoinstvo i obratnaya storona [The informatisation of education: advantage and downside]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obshchestve*, no 1 (2017): 12-23. <http://www.fikio.ru> (accessed 5 September 2020).
 11. Pavlovskaya O.A. Moral'nyy faktor v usloviyakh perekhoda k informatsionnomu obshchestvu [Moral factor in the conditions of transfer to information society]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obshchestve*, no 1 (2020): 12-23. <http://fikio.ru/?p=3877> (accessed 10 September 2020).
 12. Sakharov A.D. *Mir cherez polveka* [The world in half a century]. 1974. Available at: http://www.sakharov-archive.ru/Raboty/Rabot_31.html (accessed 10 September 2020).
 13. Toffler Je. *Tret'ya volna* [The third wave]. Moscow: OOO "Izdatel'stvo ACT", 2002. 776 p.
 14. Fuko M. Istorija seksual'nosti. Volja k znaniyu. [History of sexuality. The will to knowledge]. http://yakov.works/libr_min/21_f/uk/o_44.htm (accessed 5 September 2020).
 15. Heersmink R. The Internet, cognitive enhancement, and the values of Cognition. *Minds and Mashines*, vol. 26, no 4 (2016): 389- 407.
 16. Heersmink R. A virtue epistemology of the Internet: search engines, Intellectual Virtues and Education. *Social Epistemology*, vol 32, no 1(2018): 1-12.
 17. Spahn A. *Can Technology make us happy? Ethics, Spectator's happiness and the value of achievement. Well-Being in Contemporary Society*. NewYork, 2015. pp. 93-113.
 18. Young K.S. Internet Addiction: The emergence of a new clinical disorder. *CyberPsychology and Behavior*, vol. 1, no 3 (1998): 237-244.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Колесова Ольга Валентиновна, доцент кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях, доктор философских наук, доцент

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (национальный исследовательский университет)
ул. Ульянова, 2, Нижний Новгород, 603155, Российская Федерация*

kolesovaov@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kolesova Olga Valentinovna, Ph.D., Associate Professor

*Nizhny Novgorod State University of N. I. Lobachevsky National
Researching University*

2, Ulyanov str., Nizhny Novgorod, 603005, Russian Federation

kolesovaoa@yandex.ru

SPIN-code: 1594-0545

ORCID: 0000-0001-6274-2323

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

**DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES**

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ТЕКСТ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ В ФИЛОСОФСКИХ УЧЕНИЯХ XX ВЕКА Полякова Т.А., Устюгов С.Н.	14
ПРОБЛЕМА ТЕЛЕСНОСТИ: ОТ МИФОЛОГЕМЫ К ФИЛОСОФЕМЕ Зенец Н.Г., Лобова Т.Г., Чалдышкина М.В.	26
МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ: ПРОБЛЕМА САМОДОСТАТОЧНОСТИ Свобода Н.Ф., Доронина О.А., Ионова И.В.	45
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО СТАТУСА РОССИИ Вшивцева Л.Н., Муликова Н.А.	56
ОЦЕНКА ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ФАКТОРОВ РИСКА МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В УСЛОВИЯХ ЭПИДЕМИЙ И ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ Соколов В.М., Стовба А.В.	68
ФЕНОМЕН ЭСКАПИЗМА В РЕКЛАМНОМ ТУРИСТИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ Меньшикова Е.Е.	84
ТЕОРЕТИЗИРОВАНИЯ О ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ К СОЦИАЛЬНЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ Ядранский Д.Н., Чумак Е.В.	112

РЕАЛИЗАЦИЯ ЗАДАЧ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ (ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЛИЧНОГО ОПЫТА) Маслодудова Н.В.	127
ОБЩЕСТВО РИСКА В ЭПОХУ НАРАСТАЮЩЕЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ Гриценко Г.Д.	143
ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ ФЕНОМЕНА ТЕХНОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА Пелевин С.И.	159
ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ УСТАНОВКИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА Прокофьева Г.П., Прокофьев А.А.	168
ДИНАМИКА МАССОВОГО СОЗНАНИЯ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ Козлова Ю.В., Савченко И.А., Горохова А.М.	182
КОНЦЕПТ МИФОЛОГЕМЫ ИСТОРИИ В РАКУРСЕ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ГНОСЕОЛОГИИ Н. ГАРТМАНА Степанов А.Г., Ефремов О.Е., Степанова С.Е.	204
УНИВЕРСИТЕТ ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В ГЕРМАНИИ Высоцкая И.В., Йованович Т.Г., Алексеенко Н.В., Лазарева О.В.	217
ИДЕЯ УНИВЕРСИТЕТА В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ Воннова А.А.	232
ДОВЕРИЕ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА НА ПРИМЕРЕ КОВИД-19 Гуриева С.Д., Клипова Н.В.	248

СИНЕРГИЯ НЕЙРОНАУК И ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ Козлова Т.А., Гончарук А.Г., Козлов Д.М.	266
ГАБИТУСЫ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ Подгорный Б.Б.	279
КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ СИСТЕМЫ ЦИФРОВОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ Грязнова Е.В., Треушников И.А., Гончарук А.Г.	302
«ТЕКУЧАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ» КАК СИМВОЛ ВЕРЫ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ Неронова М.Ю., Неронов А.В.	318
РЕЛИГИОЗНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИНДУИЗМА: АНАЛОГИИ И ОСОБЕННОСТИ Соболев Ю.В.	337
ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПОПЫТКА ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ Колесова О.В.	350
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	363

CONTENTS

PHILOSOPHICAL STUDIES

TEXT AS A PHENOMENON OF CULTURE IN THE PHILOSOPHICAL
TEACHINGS OF THE TWENTIETH CENTURY

Polyakova T.A., Ustyugov S.N. 14

THE PROBLEM OF EMBODIMENT:
FROM MYTHOLOGEMA TO PHILOSOPHEME

Zenets N.G., Lobova T.G., Chaldyshkina M.V. 26

MASS CONSCIOUSNESS: THE PROBLEM OF SELF-SUFFICIENCY

Svoboda N.F., Doronina O.A., Ionova I.V. 45

GEOPOLITICAL DIMENSION OF RUSSIAN CIVILIZATION

Vshivtseva L.N., Mulikova N.A. 56

ASSESSMENT OF BEHAVIOURAL RISK FACTORS OF HEALTH
WORKERS IN EPIDEMICS AND EXTREME SITUATIONS

Sokolov V.M., Stovba A.V. 68

THE PHENOMENON OF ESCAPISM IN ADVERTISING
TOURIST NARRATIVE

Menshikova E.E. 84

THEORIZING ABOUT THE PROCESS OF ADAPTATION
TO SOCIAL CHANGE

Jadranskii D.N., Chumak E.V. 112

REALIZING THE TASKS OF HUMANITIES EDUCATION IN
THE CONTEXT OF REMOTE TEACHING (PHILOSOPHICAL
CONCEPTUALIZATION OF PERSONAL EXPERIENCE)

Maslodudova N.V. 127

RISK SOCIETY IN AN ERA OF INCREASING UNCERTAINTY: AN ANTHROPOLOGICAL DIMENSION Gritsenko G.D.	143
PECULIARITIES OF SOCIAL-PHILOSOPHICAL REFLECTION OF THE PHENOMENON OF TECHNOLOGY IN THE CONDITIONS OF INFORMATIZATION OF A POST-INDUSTRIAL SOCIETY Pelevin S.I.	159
CONSUMER ATTITUDES OF MODERN SOCIETY Prokofeva G.P., Prokofev A.A.	168
DYNAMICS OF MASS CONSCIOUSNESS DURING THE PANDEMIC Kozlova Yu.V., Savchenko I.A., Gorokhova A.M.	182
THE CONCEPT OF THE MYTHOLOGEME OF HISTORY IN THE PERSPECTIVE OF N. HARTMAN'S ONTOLOGICAL GNOSEOLOGY Stepanov A.G., Efremov O.E., Stepanova S.E.	204
THIRD AGE UNIVERSITY IN THE SYSTEM OF ELDER PEOPLE'S EDUCATION IN GERMANY Vysotskaya I.V., Yovanovich T.G., Alekseenko N.V., Lazareva O.V.	217
THE CONCEPT OF UNIVERSITY IN KNOWLEDGE SOCIETY Voinova A.A.	232
TRUST AS A WAY TO OVERCOME THE CRISIS ON THE EXAMPLE OF COVID-19 Gurieva S.D., Klipova N.V.	248
SINERGIYA NEYRONAUK I FILOSOFSKOY ANTROPOLOGII: PROBLEMY I PERSPEKTIVY RAZVITIYA Kozlova T.A., Goncharuk A.G., Kozlov D.M.	266

HABITUSES OF THE RUSSIAN POPULATION: METHODOLOGY AND CLASSIFICATION Podgorny B.B.	279
THE CONFLICT POTENTIAL OF THE DIGITAL SYSTEM OF HIGHER EDUCATION IN RUSSIA Gryaznova E.V., Treushnikov I.A., Goncharuk A.G.	302
«LIQUID MODERNITY» AS A SYMBOL OF FAITH IN POST-INDUSTRIAL SOCIETY Neronova M.Yu., Neronov A.V.	318
THE RELIGIOUS AND AESTHETIC CONCEPTS OF HINDUISM: SIMILARITIES AND PECULIARITIES Sobolev Y.V.	337
DISTANCE EDUCATION: THE ATTEMPT OF PHILOSOPHICAL PERCEPTION Kolesova O.V.	350
RULES FOR AUTHORS	363

Подписано в печать 30.10.2020. Дата выхода в свет 30.10.2020. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 26,64. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP122/020. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.